

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

(КАТКОВЪ и К^о.)

1864.

Дозволено цензурою, 1-го мая, 1864 года.

I.

Мы остановились въ Лондонѣ, въ одномъ изъ двухъ только извѣстныхъ тогда трактировъ и заѣзжихъ домовъ, изъ коихъ другой, Демутовъ, принадлежащій къ малому числу древностей столѣтняго Петербурга, одинъ еще не тронуть съ мѣста и не перестроенъ.

Большой живости не было замѣтно: городъ только черезъ десять лѣтъ началъ такъ быстро наполняться жителями, тогда еще населеніемъ онъ не былъ столь богатъ; обычай же проводить лѣто на дачахъ въ два года между всѣми классами уже распространился; съ нихъ не успѣли еще переѣхать, и Петербургъ казался пустъ. Но если по наружности не было замѣтно большаго движенія, то въ правительственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ была тогда большая дѣятельность, ибо 8 сентября изданъ достопамятный указъ объ учрежденіи министерствъ.

Дворъ находился тогда въ Гатчинѣ, и потому-то мы не нашли ни генераль-прокурора Беклешова, къ которому братъ имѣлъ порученіе отъ отца, ни вице-канцлера князя Куракина, къ которому я ходилъ являться. По странному стеченію обстоятельствъ, пріѣздъ мой былъ вторично какъ будто сигналомъ удаленія для Беклешова: меня же другой разъ встрѣтили въ Петербургѣ обманутыя надежды.

Съ учрежденіемъ министерствъ измѣнялся весь прежній ходъ дѣлъ въ государствѣ и устанавливался совершенно новый. Упрямство ли или дальновидность стариковъ заставляла ихъ всѣми силами противиться опаснымъ, по мнѣнію ихъ, перемѣ-

намъ; на нихъ смотрѣли какъ на людей, правда, опытныхъ, но искусныхъ только въ практикѣ, безъ единой государственной, созидательной мысли. Всѣ они поспорили и покорились необходимости, одинъ Беклешовъ вышелъ въ отставку. Князя Куракина уволили отъ управленія иностранною коллегіей съ званіемъ канцлера російскихъ орденовъ, что почиталось тогда въ гражданской службѣ самымъ высшимъ мѣстомъ. *

.....
.....
.....
.....

Чтобъ объяснить происхожденіе новыхъ мѣръ, необходимо будетъ кратко и рѣзко изобразить новыя лица, которыя выступаютъ на сцену.

Всѣхъ старѣе, если не лѣтами, то чиномъ, былъ графъ Кочубей, родной племянникъ умершаго канцлера князя Безбородки, который ничего не пощадивъ на его воспитаніе, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправилъ его въ лондонскую миссію, къ искусному дипломату, посланнику нашему графу Воронцову, на выучку. Оттуда прямо, чрезъ нѣсколько лѣтъ, нашелъ онъ средство, съ чиномъ камергера, перевести его самого посланникомъ въ Константинополь. До смерти своей сохранивъ при Павлѣ неограниченный кредитъ, онъ сначала вызвалъ его оттуда членомъ иностранной коллегіи, а потомъ, въ короткое время, успѣлъ доставить ему графское достоинство и званіе вице-канцлера. Одинъ, безъ дяди, Кочубей долго не могъ оставаться и, какъ многіе другіе, былъ сосланъ въ деревню.

Въ 1862 году ему было не съ большимъ тридцать лѣтъ. Онъ пренебрегъ обыкновенными ничтожными занятіями дипломатовъ, по большей части сплетнями хорошаго тона, и хотѣлъ посвятить себя внутреннему преобразованію государства. Передъ соотечественниками было ему чѣмъ блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента, права его членовъ, прочиталъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ Крыловой басни, собирался учить звѣрей вить гнѣзда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующій взглядъ, надменная учтивость—были блестящія завѣсы, за кои искусно пряталъ онъ свои недо-

---

* Тогда еще не было государственнаго совѣта и его предсѣдателя.

статки, и имя государственнаго челоуѣка принадлежало ему, когда еще ничѣмъ онъ его не заслужилъ.

Другой участникъ въ важномъ предпріятіи былъ тайный, непримиримый врагъ Россіи, слишкомъ извѣстный потому, измѣнникъ Чарторыйскій. Изступленнымъ патриотизмомъ его мать заслужила отъ Поляковъ названіе *матки ойчизны*: въ объятіяхъ этой матки, польской Юдиен, русскій Олофернъ нашъ, князь Репнинъ, не потерялъ, однакоже, головы, и ойчизну ея, когда былъ посломъ въ Варшавѣ, заставлялъ трепетать передъ собою. Князь Адамъ былъ плодомъ всѣмъ извѣстнаго сего чудовищнаго союза: съ малолѣтства напитанный чувствами жесточайшей ненависти къ истинному своему отечеству, онъ посвященъ былъ его же служенію. Нѣсколько времени находился онъ адъютантомъ при Александрѣ Павловичѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола. . . . . При его воцареніи вызванъ онъ былъ изъ Рима, гдѣ находился посланникомъ нашимъ при сардинскомъ королѣ, который, лишившись Пьемонта, не очень спѣшилъ отправиться въ Сардинію. Чтобы сойдтись съ другими любимцами царя, надобно было ему притвориться англоманомъ, что ему не большаго стоило. Кромѣ зла, не могъ онъ желать Россіи, и участіе его въ замышляемомъ ея преобразованіи по крайней мѣрѣ показываетъ въ немъ много ума.

Третій участникъ былъ двадцатидевятилѣтній Павелъ Строгоновъ, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича, извѣстнаго покровителя художествъ и музъ. . . . .

Весьма еще не старый морякъ Чичаговъ былъ тогда уже контръ-адмираломъ; онъ сямъ обязанъ былъ не собственнымъ заслугамъ, а славѣ отца, одержавшаго надъ Шведами знаменитую морскую побѣду. . . . . Онъ также въ душѣ былъ Англичанинъ, въ Англіи учился мореплаванію и женатъ былъ на Англичанкѣ.

Всѣхъ старѣе лѣтами и конечно всѣхъ выше умомъ былъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ. . . . .

Во время пребыванія за границей Англія совершенно обворожила его. . . . . Отчизну портгера и зля, гдѣ не родится, а льется мадера и портвейнъ, гдѣ опрятность и роскошь у самыхъ грубыхъ наслажденій, отнимають

все, что есть в них отвратительнаго, сію землю въ тайнѣ сердца избралъ онъ своимъ отечествомъ. Онъ числился въ арміи подполковникомъ и оставилъ службу вслѣдъ за смертію Екатерины: при Александрѣ, который прежде его зналъ, сдѣланъ онъ былъ тотчасъ камергеромъ и етатсъ-секретаремъ. Молодой царь видѣлъ въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга, паче всѣхъ другихъ полюбилъ его и помѣстилъ у себя во дворцѣ. Его друзья держались имъ болѣе всего и чрезъ его посредство только могли дѣйствовать на государя.

Со времянь Петра Великаго, судьба велить Россіи покорствовать которому - нибудь изъ государствъ или народовъ европейскихъ и поклоняться ему какъ идолу. Чтобъ угодить Петру, надобно было сдѣлаться Голландцемъ; Германія владычествовала надъ нами при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ появился Лашетарди и начались соблазны Франціи; они умножились и усилились страстію Екатерины Второй къ французской литературѣ и дружбою ея съ философами восемнадцатаго вѣка. Петръ III хотѣлъ сдѣлать насъ Пруссаками; въ первые годы Александрова царствованія, Англія была нашею патроншей.

Изъ-за пентархіи, мною описанной, какъ будто скрываясь, выглядывалъ Сперанскій. Сіе имя въ первый разъ еще является въ сихъ запискахъ. Человѣкъ сей быстро возникъ изъ ничтожества: сынъ сельскаго священника, возросшій подъ свѣцію олтарей, онъ воспитывался сперва во Владимірской семинаріи и учился потомъ въ Александроневской духовной академіи.

Случайно онъ былъ перенесенъ на сцену мірской жизни.

Меньшой братъ князя Куракина, Алексѣй Борисовичъ, хотѣлъ единственнаго сына своего воспитаніемъ приготовить къ занятію со временемъ одного изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ и для того просилъ митрополита Гавріила выбрать ему наставника изъ студентовъ или магистровъ духовной академіи: онъ прислалъ ему двухъ, изъ коихъ предпочтенъ Сперанскій *. Въ сей новой сферѣ угождалъ онъ отцу, вра-

* Оба братья Куракины любили показывать пышность. За двумя сту-

вился матери, баловалъ сына и очищалъ себѣ дорогу къ будущимъ успѣхамъ. Онъ причисленъ къ экспедиціи казначейства, кою управлялъ князь Куракинъ; когда же сей послѣдній при Павлѣ сдѣланъ генераль-прокуроромъ и пробылъ имъ два года, то можно себѣ представить, какъ побѣждалъ онъ по ступенямъ почестей. При трехъ преемникахъ Куракина, князѣ Лопухинѣ, Беклешовѣ и Обольяниновѣ былъ онъ также дѣятельно употребленъ и награжденъ, но не имѣлъ главнаго вліянія на дѣла.

Фортуны его сдѣлалъ графъ Паленъ. Находясь въ канцеляріи генераль-прокурорской, онъ въ то же время былъ правителемъ канцеляріи какой-то комиссіи, о снабженіи резиденціи припасами, кою Паленъ былъ президентомъ, по званію военнаго губернатора. Имъ былъ онъ представленъ молодому императору, который сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ. . . . .

Сперанскій предложилъ искусное перо свое пяти молодымъ преобразователямъ, и принимая видъ какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно, одинъ составлялъ проектъ учрежденія министерствъ. Тутъ увидѣлъ онъ всю пустоту претензій людей, почитавшихъ себя государственными. . . . .

Опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей онъ презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи на гражданскомъ поприщѣ равныхъ себѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ пріучился ставить себя выше всѣхъ.

Въ высокихъ, блестящихъ качествахъ ума, никто, даже его враги, ему никогда не отказывали. . . . Онъ могъ бы оказать чрезвычайныя услуги государству и пользоваться чистою славой. Онъ былъ еще молодъ, спѣшилъ блеснуть и въ торопяхъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ списать точь-въ-точь учрежденіе министерствъ, коимъ французская директорія надѣялась побольше людей привязать къ своему существованію, со всѣмъ преувеличеннымъ его содержаніемъ, со

дентами послана была дугомъ великолѣпная четверомѣстная карета съ гербами и ливрейными лакеями: неопытный въ дѣлахъ свѣта Сперанскій, говорятъ, до того изумился, что бросился становиться на запятки и рѣшился сѣсть въ нее, посѣдуя только примѣру своего товарища, болѣе смѣлаго.

всѣмъ излишествомъ должностей. Въ немъ признали творца, точно также какъ предки наши, не знавшіе Корнеля и Расина, дивились изобрѣтательности Сумарокова и Княжвина.

Хотя онъ (пусть простятъ мнѣ сіе простонародное выраженіе) и корчилъ иностранца, но въ немъ замѣтна была отличительная черта истинно-русскаго человѣка: онъ не зналъ мести, не умѣлъ ненавидѣть, но за то никто изъ его соотечественниковъ, даже самъ Потемкинъ, такъ глубоко не умѣлъ все презирать, съ тою только разницею, что онъ умѣлъ дѣлать сіе не примѣтно. Я полагаю, что это происходило отъ совершеннаго равнодушія ко всему, кромѣ самого себя и своихъ твореній.

Когда показался онъ на нашемъ горизонтѣ, никто его не понималъ, всѣ любили, ласкали его, дивились ему, даже гордились имъ, для всѣхъ былъ онъ надежда - Сперанскій. Только въ послѣдствіи, когда воспарилъ онъ гораздо выше, и заключился въ самомъ тѣсномъ кругу, когда онъ окружилъ себя какою-то таинственною, непроницаемою атмосферой, тогда только открылось поле для догадокъ и невыгодныхъ объ немъ толковъ.

Онъ имѣлъ лицо весьма пріятное и близку молочнаго цвѣта; голубые взоры его ни на что не устремлялись, никогда не блуждали, никогда не потуплялись, но медленно поворачиваясь въ сторону, какъ будто избѣгали встрѣчи съ другими взорами; голосъ его былъ тихъ и нѣсколько протяженъ, улыбка принужденно ласковая. Въ одѣяніи, въ образѣ жизни старался онъ прилаживаться къ господствовавшему вкусу: къ счастью его, былъ онъ женатъ на дѣвицѣ Стивенсѣ, дочери бывшей англійской гувернантки въ домѣ графини Шуваловой; онъ ея лишился, но сохранилъ много изъ навыковъ ея земли. Напримѣръ, тогда уже завтракалъ онъ въ одиннадцать часовъ, и завтракъ его состоялъ изъ крѣпкаго чая, хлѣба съ масломъ, тонкихъ ломтей встчины и вареныхъ яицъ. Онъ не зналъ по-англійски; умѣлъ однакоже говорить маленькой дочери своей *my dear, my pretty child, my sweet girl*. Лѣтомъ думалъ онъ ѣздить верхомъ, едва держась на клячѣ съ отрубленнымъ хвостомъ. Вотъ единственно смѣшная его сторона, которую неохотно я представилъ; мнѣ не хотѣлось бы ничего въ немъ видѣть

смѣшнаго, а одно удивляющее, ужасающее. Впрочемъ, можетъ-быть, и это было притворство, а не претензія.

Не возможно было вдругъ разрушить старое, вѣковое зданіе; надобно было напередъ вывести новыя стѣны. Три министерства, иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, дѣйствительно, всегда существовали подъ названіемъ государственныхъ коллегій: съ другими коллегіями ихъ смѣшивать не должно. Президенты трехъ коллегій были фельд-маршальскаго чина и ходили прямо съ докладомъ къ царю: члены же ихъ, иногда втораго класса, никогда менѣ четвертаго, управляли экспедиціями (нынѣшними департаментами), на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія коллегіи не имѣли ни одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты, обыкновенно тайные совѣтники, часто и выше, посылали доклады ихъ чрезъ статсъ-секретарей, дѣйствовали, однакоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генераль-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же коллегіи оставаясь пока въ прежнемъ составѣ и съ прежними названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ.

Слово министерство было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе какъ по одному. Только въ послѣдствіи съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ превратились иныя въ канцеляріи, а подвѣдомственныя министрамъ коллегіи образовались въ департаменты. Иные читатели полюбозытствуютъ можетъ-быть знать составъ перваго министерства въ Россіи.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ назначенъ былъ престарѣлый графъ, Александръ Романовичъ Воронцовъ. Послѣдняя должность, которую занималъ онъ при Екатеринѣ, было мѣсто президента коммерцъ-коллегіи.

Товарищемъ его назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Президенты военной и адмиралтействъ-коллегій, фельд-маршалы, графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Иванъ Логиновичъ Голенщевъ-Кутузовъ уволены отъ упрядняе-

мыхъ должностей, а вице-президенты сихъ коллегій, Вязмитиновъ и Мордвиновъ, назначены министрами. Покорность къ преобладающей власти была девизомъ старика Сергѣя Кузьмича. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долговременною безпорочною службой, единственно попалъ онъ наконецъ въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, не согласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка поставленнаго на высшую степень. Ни англійскаго, ни какого другаго иностраннаго, въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго русскаго боярина. . . . .

Извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, живымъ воображеніемъ и притязаніями на добродушіе, Николай Семеновичъ Мордвиновъ болѣе нежели когда кипѣлъ въ это время проектами. Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Цицерономъ, Катономъ и Сенекой. Политическій сей мечтатель съ превыспренними идеями, съ ложными понятіями о Россіи и ея пользахъ, долженъ былъ естественнымъ образомъ сойтись въ мысляхъ съ молодыми законодателями. Къ тому же и онъ былъ женатъ на Англичанкѣ Кобле, говорилъ и жилъ совершенно по-англійски. Но не болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ онъ морскимъ министромъ. . . . .

и долженъ былъ оставить мѣсто товарищу своему Чичагову. Державинъ, гений и дитя, поэтъ и пророкъ, какъ Давидъ, видя на тронѣ воспѣтаго имъ при рожденіи порфиророднаго отрока, увлекался сладчайшими мечтами, Все что происходило въ глазахъ его слюшкѣмъ отзывалось поэзіей, чтобъ ему не нравиться, и онъ съ благодарностію принялъ званіе министра юстиціи и все что уцѣлѣло отъ генераль-прокурорской должности. Годъ спустя послѣ учрежденія министерствъ, Новосильцевъ имѣлъ скромность не отвергнуть названія товарища министра юстиціи.

Вышеописанные мною графъ Кочубей и графъ Строгоновъ сдѣлались: первый министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній его товарищемъ.

Столь благосклонный къ отцу моему, графъ Румянцевъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегіи, съ званіемъ министра,

еще до учрежденія министерствъ. Въ новомъ порядкѣ другой переменны для него не послѣдовало, кромѣ умноженія власти и правъ. Съ нимъ началось и прекратилось министерство коммерціи.

Между новыми министрами, наконецъ, встрѣчается лицо, сохранившее физіономію прежнихъ временъ. Необходимость заставила молодежь приобщить графа Васильева къ своимъ предпріятіямъ; а онъ, не въ силахъ будучи остановить потока, рѣшился, по крайней мѣрѣ, пустивъ огромную ладью свою по его теченію, стараться, сколько возможно, спастись ее отъ бурь. Финансовая наука была не столь трудна и многосложна, какъ нынѣ; однакоже, кромѣ его, некому было часть сію поручить. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и малыхъ чиновъ всегда прилежно занимался ею, и хотя въ званіи государственнаго казначея и подчиненъ былъ генераль-прокурору, но дѣйствовалъ почти независимо. Въ немъ была вся скромность великихъ, истинныхъ достоинствъ; онъ былъ въ отношеніи къ Мордвинову, какъ мудрецъ къ софисту. Простота его жизни была не притязаніе на оригинальность, не слѣдствіе расчетовъ, а умѣренности желаній и давнишнихъ привычекъ. Будучи происхожденія не знатнаго, едва ли дворянскаго, онъ не ослаблялся счастіемъ, никогда не забывался среди успѣховъ. Самъ Сперанскій разказывалъ при мнѣ, какъ даже онъ былъ тронутъ патриархальностію, которою все дышало въ его домѣ. . . . .

Человѣкъ, который нѣкогда красотою столько же славился, какъ и умомъ..... который, самъ не зная опасы, видѣлъ множество переменъ при дворѣ Екатерины и, безъ всякихъ для себя неприятностей, осторожно и спокойно прошелъ года царствованія Павла, при Александрѣ принимаетъ участіе въ новообразуемомъ министерствѣ. Графъ Завадовскій, украинская умная голова, когда-то любимый секретарь Румянцева-Задунайскаго, всегда умѣлъ пользоваться жизнію и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только зналъ по-латыни, а въдъ это ученость: кому же приличнѣе его поручить министерство просвѣщенія. Правда, его было весьма мало, но сначала нужно было только извѣстное имя, подъ которымъ Сперанскій брался распространить его. Товарищемъ къ сему министру назначенъ Михайло Никитичъ Муравьевъ, мужъ ученый, краткій и добросердечный, умный и пріятный пи-

сатель, одинъ изъ наставниковъ императора, къ сожалѣнiю не довольно пылкiй и твердый, чтобы содѣлаться однимъ изъ довѣренныхъ его совѣтниковъ. Онъ вездѣ и во всемъ видѣлъ добро и столь же страстно любилъ его, какъ и искренно въ него вѣровалъ.

.....
.....

II.

Узнавъ о великихъ перемѣнахъ, кои занимали весь городъ, въ недоумѣнiи что мнѣ дѣлать, я пошелъ отыскивать архивскаго своего знакомаго, князя Козловскаго, служившаго въ канцелярiи князя Куракина. Имѣя весьма скудное состоянiе, онъ на его иждивенiи жилъ въ самомъ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома. Къ удивленiю моему нашелъ я его въ десятомъ часу по утру на постелѣ, хотя здороваго; онъ дружески протянулъ мнѣ руку, но воскликнулъ: какъ ты здѣсь? зачѣмъ ты прiѣхалъ? Я сказалъ ему причину и прiѣзда моего, и посвѣщенiя, сказалъ, что пришелъ къ нему развѣдать о всемъ пообстоятельнѣе и требовать его добрыхъ совѣтовъ. Онъ заговорилъ со мною непонятнымъ для меня тогда языкомъ петербургскихъ гостиныхъ, я увидѣлъ, что онъ попалъ въ большой свѣтъ, имѣя только и бредить, и внѣ его все кажется ему ничтожнымъ. Легкомысленный толстакъ очень равнодушно говорилъ о перемѣнѣ послѣдовавшей съ его начальникомъ, какъ-будто она не должна была имѣть никакого влiянiя на его участь; онъ оставался въ томъ же кругу, не переставалъ ѣздить въ тѣ же общества. Изъ вздора, который онъ мнѣ наговорилъ, могъ я заключить только одно, что зная мой нравъ, мои привычки, судя по моимъ манерамъ, онъ предсказывалъ мнѣ, что никогда не буду блистать въ петербургскомъ свѣтѣ, и что лучше было бы оставаться въ Москвѣ. Дѣло шло совсѣмъ не о томъ, и я вышелъ отъ него очень не доволенъ. По крайней мѣрѣ взялся онъ предупредить обо мнѣ Куракина и сказалъ время, въ которое онъ принимаетъ. Все это было совершенно не нужно, но почему мнѣ было это знать?

Бывшiй вице-канцлеръ принялъ меня по обыкновенiю своему чрезвычайно ласково, спросилъ о родителяхъ, о службѣ

ни слова, и пригласилъ на другой день на вечеръ. Дѣйстви-
тельно, вотъ все, что онъ могъ для меня сдѣлать, а я по не-
вѣдѣнію моему полагалъ, что найду случай просить его о ре-
комендаціи, чего при всѣхъ сдѣлать не осмѣлился. Въмѣсто
того очутился я въ ярко освѣщенныхъ гостиныхъ, наполнен-
ныхъ мушкетерами и дамами самаго высшаго круга, мнѣ вовсе не-
знакомыми: князь сидѣлъ за бостономъ и называлъ меня тѣмъ,
кои близко его находились. Козловскій подошелъ ко мнѣ съ
видомъ половину-дружескимъ, половину-покровительствен-
нымъ, поговорилъ немного и пожалъ руку, какъ будто поздрав-
ляя съ первымъ успѣхомъ, который можетъ-быть, онъ же и
приготовилъ. Мнѣ отъ того было нелегче, я прижался въ
уголъ. . . . . Тѣ, кои отъ самолюбія
застѣнчивы, поймутъ, какъ мучителенъ для меня былъ этотъ
вечеръ. Черезъ нѣсколько дней князь Куракинъ уѣхалъ въ
Москву.

Итакъ мнѣ ничего не оставалось какъ потащиться въ
коллегію и представиться оберъ-секретарю ея, Ильѣ Карло-
вичу Вестману, человѣку очень пріятному, совсѣмъ не похо-
жому на Бантыша и Малиновскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что
по возможности будутъ занимать меня и пригласилъ, а не
приказалъ, явиться въ коллегію въ такой-то день, въ кото-
рый она осчастливлена будетъ посвѣщеніемъ канцлера графа
Воронцова, товарища его и другихъ ея членовъ: сіи послѣд-
ніе, исключая столь важныхъ случаевъ, не знали какъ отво-
рятся въ нее двери.

Въ это утро, обыкновенно почти пустыя, чертоги колле-
гіи наполнились чиновниками. Можно было ужаснуться со-
бравшагося полчища. Прежніе барьеры при Александрѣ
были сняты, число опредѣляемыхъ безъ жалованья ничѣмъ
не было ограничено, мода влекла къ сему роду службы, и
добрый князь Куракинъ не любилъ никому отказывать.
Исключая дежурства, весь этотъ народъ не зналъ никакой
другой службы; самолюбіе у многихъ ограничивалось же-
ланіемъ схватить даромъ чина два, три. Тутъ въ одинъ разъ
увидѣлъ я всю праздную петербургскую молодежь; тутъ же
съ удовольствіемъ встрѣтилъ я и возобновилъ знакомство
съ архивскими товарищами, Колычевымъ и Ефимовичемъ
въ первые дни пребыванія въ столицѣ, всякую знакомую
встрѣчу можно почитать находкой.

Я слѣдовалъ общему примѣру, бывалъ какъ можно рѣже въ коллегіи, гдѣ мнѣ нечего было дѣлать и не съ кѣмъ слова молвить. Не имѣя штабъ-офицерскаго чина, я не былъ въ числѣ дежурныхъ, а только дневальныхъ, и въ этомъ званіи долженъ былъ чрезъ каждыя двѣ, три недѣли ночевать въ коллегіи, во ожиданіи будто бы курьеровъ изъ-за границы, которые пріѣзжали прямо въ канцелярію министра. Къ концу октября пришла графу Воронцову счастливая идея: онъ велѣлъ раздѣлить между молодыми чиновниками, показывающими нѣкоторую способность, дѣла Петербургскаго архива, и подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Топоркова, дипломата стариннаго покроя, заставить ихъ дѣлать выписки, чтобы по нимъ судить о знаніи и талантахъ каждаго. Мнѣ досталась на долю сношенія Россіи съ Венеціанскою республикой. Труда своего я не успѣлъ окончить, ибо скоро потомъ оставилъ коллегію, и потому не знаю, какъ бы онъ былъ принятъ, но теперь смѣло могу ручаться, что онъ никуда не годился.

Сколь ни молодъ я былъ, но въ первую зиму пребыванія моего въ Петербургѣ могъ я увидѣть, что въ немъ только двѣ дороги—общество и служба, выводятъ молодыхъ людей изъ безвѣстности, въ коей погрязаютъ изъ нихъ девять десятыхъ. Самые успѣхи въ русской литературѣ, коею такъ мало тогда занимались, если они не были чрезвычайные, не могли спасти отъ забвенія.

Высокое общество не совсѣмъ похоже было на нынѣшнее. Оно было не столько еще снимокъ съ прежняго парижскаго, сколько кѣнія съ вѣнскаго. Тамъ венгерскіе магнаты, на собственномъ содержаніи имѣющіе войска, тамъ нѣмецкіе князья, изъ коихъ многіе пользуются правами присвоенными владѣтельнымъ государямъ, имперскіе графы, фамиліи коихъ обладаютъ нѣсколькими майоратами, польскіе, богемскіе и италіянскіе роды, соединяющіе древность происхожденія съ огромными богатствами. Изъ нихъ составилаь плотная масса, совершенно отдѣленная отъ другихъ сословій, заимствующая часть блеска своего отъ императора и его двора, но самостоятельная. Казалось, подражаніе тутъ дѣло невозможное, однакоже оно отчасти удалось: мы гдѣ что подмѣтимъ, то хотя на время, а уже вѣрно искусно переймемъ.

Богатыя фортуны не были еще раздѣлены между потом-

ками, не были еще въ раздробь промотаны. Онѣ принадлежали по большей части людямъ, коимъ титуль и высокій чинъ давали, хотя иногда новую, но настоящую знатность. Камергерство четвертаго класса и камеръ-юнкерство пятаго сыновьямъ ихъ, однимъ въ двадцать пять, другимъ въ восемнадцать лѣтъ, открывали рано дорогу къ почестямъ. Унизительная, убійственная обязанность переписывать въ канцеляріяхъ бумаги для нихъ не существовала. Предшественники Екатерины, какъ и она сама, какъ и сынъ ея, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддержать блескъ даруемаго ему титула, но даже разливать его на своихъ потомковъ. . . . .

Къ чести сего общества, коего и понынѣ сохранилось еще нѣсколько образчиковъ, должно сказать, что оно отличалось чрезвычайною учтивостію, то-есть ласковою, ни мало не церемонною, строго соблюдаемою, взаимною внимательностію. Холодная же учтивость, безъ малѣйшаго вида пренебреженія, служила ему защитой отъ вторженій въ его собранія такихъ людей, коихъ почитало оно того недостойными. Бѣда только въ томъ, что французскій языкъ былъ также первымъ его условіемъ и сдѣлалъ его доступнымъ людямъ, коихъ не слѣдовало бы въ немъ видѣть, всякаго рода иностранцамъ, аферистамъ, даже актерамъ.

Тогдашній дворъ сему обществу служилъ также прекраснымъ образцомъ. Имъ правила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, примѣръ всѣхъ семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей, жена сильная, о коей гласитъ Святое Писаніе, въ преклонныхъ лѣтахъ еще блиставшая величественною красотой, пышность истинно царскую умѣвшая сочетать съ бережливостію истинно народолюбивою. Въ тихомъ величіи скромно стояла близъ нея Елисавета Алексѣевна. . . . .

Въ гостиныхъ лучшаго общества также царствовала величайшая пристойность: ни слѣшкомъ возвысить голоса, ни безъ пощады злословить тамъ не было позволено. Такіе вечера не могли быть чрезвычайно веселы, и на нихъ иному не разъ приходилось украдкою зѣвнуть, но въ нихъ искали не столько удовольствія, сколько чести быть принятымъ. . . . .

Иногда прихоть старой дамы, ея покровительство, иногда докучливость и наглость искателя, въ него и тогда открывали входъ; но эти случаи были рѣдки, и оно почти все составлено было изъ людей въ немъ родившихся, выросшихъ и такъ сказать въ день крестинъ своихъ получившихъ отъ него приглашеніе. Новое лицо, неизвѣстное имя человѣка самаго образованнаго, всегда сначала вооружали противъ него. Люди среднихъ лѣтъ, незнакомые съ уставами сего общества, менѣе другихъ могли надѣяться въ него вступить, но они впрочемъ мало о томъ и заботились. Молодость была счастливѣе: тамъ гдѣ нравственность не послѣднее дѣло, робость юноши принимается за добрый знакъ, и всѣ стараются поощрить его.

Принадлежать къ сему обществу было верхомъ желаній моего тщеславія. Въ средствахъ къ тому, казалось, не было недостатка. Отецъ мой готовъ былъ прислать мнѣ письма, которыя открыли бы мнѣ двери двухъ или трехъ знатныхъ домовъ, съ хозяевами коихъ былъ онъ хорошо знакомъ. Было другое средство еще вѣрнѣйшее: князь Теодоръ Голицынъ, съ которымъ провелъ я годъ въ деревнѣ отца его, одаренный изящнымъ тактомъ, былъ однимъ изъ корифеевъ общества; безъ всякой дружбы онъ меня очень любилъ; ему казалось, что нѣкоторою образованностію обязанъ я ему, и онъ мнѣ предложилъ вездѣ меня представить. Но тутъ-то и было первое затрудненіе; просить объ опредѣленіи въ службу, о мѣстѣ, о какомъ-нибудь тяжёломъ дѣлѣ мнѣ никогда не казалось унижительнымъ, а мысль испрашивать, какъ милости, дозволенія къ кому-нибудь ѣздить, меня всегда пугала. Я всегда дождался приглашеній, и почти всегда дожидаясь ихъ тщетно: неразчетливѣе, глупѣе моего самолюбія, признаюсь, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ.

Къ тому же, слова Козловскаго и вечеръ у князя Куракина сильно на меня подѣйствовали, лишили меня всей бодрости. Главное же, неодолимое препятствіе было въ пустотѣ моего кармана: надобно было вдвое, втрое болѣе того, что давали мнѣ родители, чтобы сколько-нибудь съ пристойностію показываться въ большомъ свѣтѣ. А между тѣмъ, къ несчастію, будучи съ малыхъ лѣтъ въ сообществѣ съ ровестниками, которыхъ фортуна гораздо лучше меня надѣлила, я имѣлъ ихъ вкусы, ихъ наклонности, и думалъ, что имѣю равныя съ ними права. Безразсудный! Я долженъ былъ

знать, что я сын почтеннаго, но весьма не богатаго отца, и что, подобно ему, одними трудами только возможно мнѣ прокладывать себѣ дорогу: еслибъ я могъ забыть о томъ, то его мудрые совѣты каждую почту письменно мнѣ о томъ напоминали. Но какого толку спрашивать у молодаго человѣка, едва вышедшаго изъ отрочества?

Нѣкоторое время былъ я какъ сынъ раззорившагося и недавно умершаго богатаго вельможи. Успѣхи въ свѣтѣ, столь легко приобретаемые моими товарищами, молодыми знакомыми, подобные ихъ разказы о томъ меня терзали, но, Богъ свидѣтель, не завистию, а неизъяснимымъ, отчаяннымъ уныніемъ. Сколько разъ на чердакѣ, или почти въ подвалѣ, въ уединенной кельѣ моей, при тускломъ свѣтѣ одной сальной свѣчи, сравнивалъ я участь ихъ съ моею; въ эту минуту, когда дурная погода не позволяла мнѣ даже прогуляться, „они“, думалъ я, „въ позлащенныхъ салонахъ танцуютъ, любезничаютъ съ дамами“. Я не имѣлъ даже утѣшенія нынѣшней безвѣстной молодежи—либеральныхъ идей; я все уважалъ, что другіе уважали, и не умѣлъ еще, какъ нынѣ, становиться на дыбы противъ общаго мнѣнія. О, какъ тяжело мнѣ бывало! Долго, долго не переставалъ я видѣть въ себѣ какое-то отверженное, падшее существо.

Такого рода несчастія могутъ быть только у насъ въ Россіи, гдѣ нѣтъ настоящей аристократіи и гдѣ, между ею и другими состояніями, не проведена рѣзкая черта, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ земляхъ. Въ мое время подобныхъ мнѣ было вѣрно очень мало; я, по крайней мѣрѣ, никому не смѣлъ говорить о моихъ страданіяхъ; меня бы осмѣяли. Теперь же, когда кругъ такъ-называемаго большаго свѣта до невѣроятія расширился, когда доступъ къ нему сдѣлался такъ свободенъ и законы его стали такъ снисходительны, не принадлежать къ нему гораздо унижительнѣе, чѣмъ прежде, и предполагаетъ уже или совершенную нищету или самое дурное поведеніе. Число требующихъ въ немъ права гражданства должно быть неумовѣрно, а какъ нѣтъ возможности всѣхъ удовлетворить, то и досада тѣхъ, коимъ не удалось добиться столь ничтожнаго преимущества, должна быть также достаточно велика.

Мнимо-несчастное положеніе мое было, однакоже, весьма благоприятно для пріобрѣтенія и умноженія познаній: я мало воспользовался имъ, и это новое прегрѣшеніе въ числѣ тѣхъ,

въ коихъ, какъ духовному отцу, долженъ я каяться читателю. Всѣ надежды свои возлагалъ я на службу, а она, какъ увидимъ, что-то долго мнѣ не давалась. Мнѣ иногда ужасно подумать, сколько времени, и самаго драгоценнаго, погубилъ я понапрасну. Я готовъ винить самого себя, но обстоятельства, въ которыхъ я находился, еще гораздо болѣе.

Старшій братъ мой, умный провинціалъ, отличающійся непринужденною вѣжливостію, отличный и въ поведеніи армейскій офицеръ, по исключительности, по взыскательности тогдашняго петербургскаго общества, долженъ былъ казаться въ немъ страннымъ. Онъ это зналъ, и имѣлъ благородное уміе не только не искать его, но и, сколь возможно, его чуждаться. Дѣло удивительное! Въ отношеніи къ обществу, онъ дѣлымъ поколѣніемъ казался старше отца своего. Даже второстепенныя общества Петербурга были не по немъ, онъ и ихъ убѣгалъ. Онъ полагалъ, что меньшей братъ его обреченъ быть жертвой бонтона и всѣхъ его прихотей, а меньшей братъ его былъ совсѣмъ отъ того не прочь: ему не доставало только путеводителя и денегъ на дорогу. Еще гораздо болѣе имѣлъ братъ мой отвращенія отъ собраній людей развратныхъ: попойки, оргіи, въ то время столь обыкновенныя, казались ему нестерпимы. Гдѣ же собирались умные люди безъ умничанья, какихъ бы лѣтъ они ни были, съ свѣдѣніями, которыя они любили сообщать въ разговорахъ, тамъ, гдѣ были пріятныя, скромныя женщины, безъ лишнихъ вычуръ моды, тамъ только былъ онъ въ своемъ элементѣ. Домашнее житіе наше съ симъ братомъ было совершенно согласное: въ упрекахъ, кои рѣдко я заслуживалъ, а еще рѣже позволялъ онъ себѣ, всегда щадилъ онъ мое самолюбіе. Когда замѣчалъ во мнѣ маленькую грусть, спѣшилъ развеселить меня и, сколько позволяли наши скудныя средства, старался доставлять мнѣ всѣ возможныя, безвинныя удовольствія, то покупкой книжки, то билетомъ въ театръ, а иногда и обѣдомъ послаще. Разница съ другимъ братомъ была совершенная; правда, со времени его владычества прошло почти три года, я сдѣлался старше и былъ уже въ службѣ.

Братъ мой свелъ знакомство съ однимъ весьма извѣстнымъ въ свое время откупщикомъ Василиемъ Алексѣевичемъ Злобинымъ, или, лучше сказать, тотъ самъ нашелъ его. Онъ держалъ винный откупъ во всей Пензенской губерніи и слѣдственно приглашенія его были не совсѣмъ безкорыстны:

Счастіе, умъ и смѣлость сего простаго мѣщанина Саратовской губерніи, города Волжска, способствовали ему сдѣлаться въ своемъ родѣ знаменитымъ: онъ самъ разчитывалъ, что имѣеть барыша по тысячѣ рублей въ день, сумма въ тогдашнее время необъятная. Старикъ Злобинъ былъ типъ нашихъ православныхъ мужичковъ, то-есть человѣкъ и добрый, и хитрый; онъ сохранилъ и поступь, и рѣчи, и поговорки своего первобытнаго состоянія, однимъ словомъ все, даже одежду и бороду. Этимъ самымъ отличился онъ отъ братіи своей, откупщиковъ и, какъ говорится нынѣ, создалъ себѣ позицію въ свѣтѣ. Никогда не хотѣлъ онъ чиновъ, когда всѣ за ними гонялись, и довольствовался званіемъ именитаго гражданина; золотыя медали на шеѣ давались тогда купцамъ еще гораздо рѣже, чѣмъ кресты чиновникамъ, ихъ-то онъ и желалъ, и одинъ только (полно, не первый ли) получилъ таковую съ алмазами; въ богатомъ русскомъ кафтанѣ своемъ онъ не оставлялъ, по большимъ праздникамъ, всегда являться во дворцѣ, и не было въ Петербургѣ ни одного человѣка, который бы не зналъ его. Съ боярами, съ случайными людьми употреблялъ онъ необыкновенную уловку: съ видомъ простодушнымъ, откровеннымъ, въ смѣлыхъ будто выраженіяхъ, умѣлъ онъ всегда льстить ихъ самолюбію, часто угаживалъ ихъ у себя, и заставлялъ думать, что онъ съ ними на приятельской, самой короткой ногѣ. Чтобы поддержать сіе мнѣніе, брался онъ за всѣхъ хлопотать и многочисленнымъ клиентамъ своимъ, когда выпрашивалъ, когда вымалывалъ, когда вымучивалъ милости, по большей части, не весьма важныя. Великое достоинство брадатаго Мецената состояло въ томъ, что съ молящими его о помощи обходился онъ дружески ласково, совсѣмъ не покровительственно, что въ купцѣ было бы несносно: вообще и тогда богатству кланялись, но только съ условіемъ, чтобъ и оно откланивалось. Такимъ образомъ, задабривая всѣхъ, ставилъ онъ вездѣ себѣ подпоры и распространялъ о себѣ славу, которая, возвращаясь къ своему началу, возвышала его въ глазахъ тѣхъ самыхъ, коимъ ею былъ онъ обязанъ.

Въ немъ было видно и чувство: полжизни проведя въ Петербургѣ, онъ себя и другихъ хотѣлъ увѣрить, что остается въ немъ только для приведенія дѣлъ своихъ къ окончанію; и, дѣйствительно, ни дома, ни дачи не хотѣлъ въ немъ купить. Построенныя имъ заочно каменные палаты въ Волжскѣ,

разведенные безъ него сады, безпрестанно украшали оны, посылая ежегодно разныя драгоценности изъ столицы, гдѣ жилъ оны какъ на ночлегѣ. При имени родины его, въ которой надѣялся провести остатокъ жизни, навертывались у него иногда слезы.

Однакоже, ночлегъ его былъ нанятый трехъ-этажный домъ, который хотѣлъ оны также сколько-нибудь поукрасить: кто-то купилъ ему картинъ, мебели и бронзовыхъ вещей и всѣмъ этимъ безъ вкуса и порядка завѣшалъ стѣны, загордилъ комнаты. Но лучшимъ украшеніемъ сего дома была молоденькая его невѣстка, жена единственнаго его сына. Она была меньшая сестра умершей жены Сперанскаго, и нѣсколько времени жила у него вмѣстѣ съ матерью, Англичанкою Стивенсъ, при оставшейся ему малолѣтней дочери. Тамъ увидѣлъ ее молодой Злобинъ, не совсѣмъ похожій на отца своего, съ большою образованностію, только не свѣтскою, съ плохимъ здоровьемъ, лицомъ печальнымъ и нравомъ угрюмымъ. Оны плѣнился дѣвочкою живою, избалованною, почти бѣшеною, и Сперанскій, для коего такое родство было тогда находкой . . . . скоро этимъ дѣломъ поладилъ. . . . Старикъ не воспротивился сему браку, суеты петербургской жизни изгладили въ немъ слѣды старовѣрства, въ коемъ оны родился, какъ кажется, ослабили въ немъ самое православіе; къ тому же и свойство съ Сперанскимъ, восходящимъ солнцемъ, должно было радовать такого рода человекъ. Но едва прошло шесть мѣсяцевъ, какъ молодые супруги, по совершенному несогласію въ нравахъ, увидѣли невозможность дальнѣйшаго сожитія; желая временною разлукой ихъ примирить, ближніе ихъ выдумали госпожу Стивенсъ съ дочерью и внучкой, подъ предлогомъ какой-то болѣзни, отправить къ Балдонскимъ водамъ: за границу тогда было не такъ легко. Они медлили возвращеніемъ, ибо сынъ Злобина, не въ состояніи уже будучи скрывать злобы своей къ Сперанскому, рѣшительно объявилъ, что оставить отчій домъ; что дѣйствительно и сдѣлалъ оны, лишь только узнавъ, что оны въ позднее осеннее время предприняли обратный путь. Оны бросилъ службу и ускакалъ въ Волжскъ управлять дѣлами отца.

Болѣе года еще сохраняли надежду сблизить супруговъ, и присутствіе женскаго пола въ домѣ Злобина дѣлало его болѣе пристойнымъ, умножало его пріятности. Въ это время братъ мой сталъ туда ѣздить; отъ него узнавъ обо мнѣ, женщины

просили его привезти меня съ собою. Прошло нѣсколько дней, и я расположился тамъ какъ дома. Гувернантка, очень долго жившая въ знатномъ домѣ, имѣла аристократическій тонъ, для меня весьма привлекательный: дочь ея, о воспитаніи коей она не имѣла времени много заботиться, была другимъ образомъ привлекательна своею молодостію, не столь красивымъ, сколь пріятнымъ лицомъ и живостію, которую изобразить трудно. Около нихъ собирался маленькій кругъ, состоящій изъ Сперанскаго и самыхъ короткихъ его пріятелей. Народъ дѣловой, оберъ-секретари и секретари сенатскіе, откупщики, которые толковали только о барышахъ, и даже молодые офицеры, которые приходили попить и поѣсть, а поговорить умѣли только о парадѣ и мундирныхъ формахъ, не могли быть очень пріятны симъ дамамъ и держались отъ нихъ поодаль.

Явное предпочтеніе, оказанное мнѣ передъ сими людьми, сначала только польстило моему самолюбію. Братъ мой, будучи самъ еще молодъ, но гораздо болѣе меня опытенъ, первый замѣтилъ, что тутъ не одно простое предпочтеніе, а нѣчто болѣе нѣжное и пылкое. . . . . Что сказать мнѣ болѣе? въ столь отдаленномъ времени мнѣ кажется говорю я не о себѣ, а совсѣмъ о другомъ человѣкѣ, и потому не краснѣя могу признаться, что онъ былъ любимъ и что самъ былъ болѣе чѣмъ не равнодушенъ. . . . . Надъ нашимъ добрымъ согласіемъ, маленькими ссорами, потомъ примиреніями всѣ еще смѣялись и смотрѣли на то какъ на ребячество.

. . . . .
. . . . .
. . . . .

Въ кабинетѣ Сперанскаго, въ его гостиной, въ его обществѣ, въ это самое время зародилось совсѣмъ новое сословіе, дотолѣ не извѣстное, которое, безпрестанно умножаясь можно сказать, какъ свѣткой покрываетъ нынѣ всю Россію, — сословіе бюрократовъ. Всѣ высшія мѣста президентовъ и вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ, оберъ-прокуроровъ береглись для дворянъ, въ военной или гражданской службѣ или и при дворѣ показывающихъ способности и знанія: не законъ или правило какое, а обычай, какой-то предразсудокъ рѣдко подпускалъ къ нимъ людей другихъ состояній, для коихъ мѣста совѣтниковъ въ губерніяхъ, оберъ-секретарей, или членовъ коллегій были мѣстою, достиженіемъ

костей удовлетворялось честолюбіе ихъ послѣ долговременной службы. Однакоже между ими тѣ, которые одарены были умомъ государственнымъ, имѣли всѣ средства его выказывать и скоро были отличаемы отъ другихъ, которые были только нужными, просто дѣловыми людьми. Для первыхъ всюду была открыта дорога, на ихъ возвышеніе смотрѣло дворянство безъ зависти, охотно подчинялось имъ, и они сами, дорожа пріобрѣтенными правами, дѣлались новыми и отъ того еще болѣе усердными членами благороднаго сословія. Въ послѣднихъ ограниченность ихъ горизонта удерживала стремленіе къ почестямъ; но необходимое для безостановочнаго теченія дѣлъ, полезное ихъ трудолюбіе должно же было чѣмъ-нибудь вознаграждаться? Изъ дневнаго пропитанія своего что могли отдѣлять они для успокоенія своей старости? Беззаконныя, обычаемъ если не освящаемыя, то извиняемыя средства, оставались единственнымъ ихъ утѣшеніемъ. За то отъ мірскихъ крупъ какъ смиренно собирали они свое малое благосостояніе! повторяя, что всякое давленіе благо, они дѣйствительно довольствовались немногимъ. Тамъ, гдѣ не было адвокатовъ, судьи и секретари должны были нѣкоторымъ образомъ заступать ихъ мѣсто, и тайное чувство справедливости не допускало помѣщиковъ роптать противъ такого рода поборовъ, обыкновенно весьма умеренныхъ. Они никакъ не думали смѣситься, съ просителями были ласковы, вѣжливы, дары ихъ принимали съ благодарностію; не дѣлая изъ нихъ никакого употребленія, они сохраняли ихъ до окончанія процесса и въ случаѣ его потери возвращали ихъ проигравшему. Къ нимъ приступали смѣло и они дѣйствовали довольно откровенно *. Ихъ образъ жизни, предметы ихъ разговоровъ, странность нарядовъ ихъ женъ и дочерей, всегда запоздалыхъ въ модѣ, отдѣляли ихъ даже въ провинціи отъ другихъ обществъ, приближая ихъ однакоже болѣе къ купеческому. Ихъ все-таки клеймили названіемъ подъячихъ, прежде ненавистнымъ, тогда унижительнымъ. Это было не совсѣмъ несправедливо, ибо въ нихъ можно было видѣть потомковъ или преемниковъ тѣхъ безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ, ненасытныхъ вампировъ, коихъ

---

* Все это знаю я не по преданіямъ, ни по опыту, ибо никогда никому ничего не давалъ, и ни отъ кого ничего не получалъ. Не нужно было большаго любопытства, чтобы проникнуть въ сіи тайны, всѣмъ открытыя.

Капнисть такъ вѣрно изобразилъ въ комедіи своей *Ябедъ*, конечно болѣе по воспоминаніямъ чѣмъ по примѣрамъ, которые имѣлъ передъ глазами. Вѣкъ Екатерины преобразилъ ихъ въ піявокъ, высасывающихъ лишнюю кровь, и тѣмъ составилось второе поколѣніе сего сословія.

Нельзя винить Сперанскаго въ умыслѣ, умноживъ ихъ силу, дать имъ болѣе средствъ воровать; его намѣренія конечно были чище, возвышеннѣе. Какъ всѣ честолюбивые люди, любилъ онъ власть болѣе чѣмъ деньги, и состояніе, совсѣмъ не огромное, которое оставилъ онъ дочери, имѣло (нѣтъ въ томъ сомнѣнія) источникомъ разчетливости его и испрашиваемыя большія пособія у царей. . . . . Желая облагородить гражданскую службу, Сперанскій думалъ сдѣлать сіе посредствомъ просвѣщенія: по нуждѣ въ добромъ согласіи съ закоренѣлыми въ лихоимствѣ умными людьми, Г., П. и другими, онъ въ то же время хотѣлъ въ иныхъ правилахъ воспитывать новое поколѣніе чиновниковъ, которое мысленно составлялъ онъ изъ людей неизвѣстнаго происхожденія. Но на нихъ дѣйствовать могъ онъ не самъ, а чрезъ пріятелей своихъ, подчиненныхъ и сотрудниковъ. . . . . кои вмѣстѣ съ европейскимъ образованіемъ проповѣдывали и европейскую безнравственность.

Канцеляріи министерствъ должны были сдѣлаться нормами и разсадниками для присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ. И дѣйствительно, молодые люди, преимущественно воспитанники духовныхъ академій или студенты единственнаго Московскаго университета, принесли въ нихъ сначала всѣ мечты юности о благѣ, объ общей пользѣ. Строгости военной службы при Павлѣ заставили недорослей изъ дворянъ искать спасенія въ штатской, а запрещеніе вступать въ нее еще болѣе ихъ къ тому возбудило: но по прежнимъ предразсудкамъ всѣ почти кинулись въ иностранную коллегію; тутъ вдругъ при учрежденіи министерствъ явилась мода въ нихъ изъ нея переходить. Казалось, все способствовало возвышенію въ мнѣніи свѣта презираемаго до толѣ званія канцелярскихъ чиновниковъ: особенно же приличное содержаніе, которое дано было бѣднымъ, малочиннымъ людямъ и которое давало имъ средства чисто одѣваться и въ свободное отъ службы время доставлять себѣ позволительныя, не раззорительныя, не грубыя удовольствія.

Такимъ образомъ для нашего сословія начался третій

періодъ. Нѣсколько лѣтъ все шло какъ нельзя лучше, и тѣ, которые вѣрують въ усовершенствованіе рода человѣческаго, должны были на то смотрѣть съ удовольствіемъ. Столь прекрасныя начала стали мало-по-малу измѣняться. . . . . Когда въ 1807 году курсъ на звонкую монету сталъ вдругъ упадать, и служащіе начали получать только червертую долю противъ прежняго, тогда бѣдность сдѣлалась вновь предлогомъ и извиненіемъ ихъ жадности. Либерализмъ и невѣріе развратили ихъ умы и сердца, и цитаты изъ Священнаго Писанія, коими прежніе подьячіе любили приправлять свои разговоры, замѣнились въ устахъ ихъ изреченіями философовъ восемнадцатаго вѣка и революціонныхъ ораторовъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія, съ умноженіемъ роскоши, усовершенствовалось и искусство неправеднымъ образомъ добывать деньги: далѣе нынѣшняго оно, кажется, идти не можетъ.

Записавшись, я нарушаю порядокъ принятый мною для повѣствованія и нечувствительно перехожу въ настоящее время. Для избѣжанія сего довольствуюсь изображеніемъ бюрократическаго типа, какимъ я зналъ его лѣтъ двадцать тому назадъ. Бюрократъ, коль скоро получить мѣсто сколько-нибудь видное, думаетъ быть министромъ. Онъ дѣлается гордъ, въ обращеніи холоденъ, и въ то же время словоохотливъ, но только съ тѣми, которые въ молчаніи по цѣлымъ часамъ готовы его слушать. Онъ одѣтъ щегольски, имѣетъ хорошаго повара, жену модницу и фортепіано въ гостиной; живетъ же не очень открыто, принимая только тѣхъ, кто въ немъ имѣетъ нужду или въ комъ онъ имѣетъ нужду. Онъ знаетъ иностранныя языки и имѣетъ столько начитанности, чтобы съ видомъ ученыхъ разсуждать о предметахъ, которые менѣе всего его занимаютъ; о дѣлахъ службы въ обществѣ говорить мало, на то есть кабинетъ и департаментъ. Государственная польза, польза человѣчества никогда не приходили ему въ голову, онъ не унижить себя даже упоминать объ нихъ и въ ихъ ревнителяхъ видитъ ребяческое слабоуміе. Кромѣ страсти властвовать и наживаться, онъ не имѣетъ ни слабостей, ни пороковъ, но любитъ и поощряетъ ихъ въ другихъ, ибо уважать ему несносно, презирать усладительно. Какъ бы ни мало было занимаемое имъ мѣсто, онъ заставляетъ просителей дожидаться въ передней, обходится съ ними свысока, и даже беретъ взятки, какъ будто

сбираетъ дань съ побѣжденныхъ. Состраданія онъ никогда не зналъ, ничего священнаго въ мѣрѣ для него не было: это былъ просвѣщенный, и для большой дороги не довольно смѣлый грабитель. Я представилъ здѣсь одинъ образецъ совершенства бюрократическаго; не всѣ могутъ съ нимъ равняться, но болѣе или менѣе къ нему приближаются.

Судьба ко мнѣ жестокая и вмѣстѣ милосердая, во дни самой первой молодости, ввергнула меня въ сію пучину, и потомъ всю жизнь мою, какъ Аретузу, провела чистою струей сквозь оксань низкихъ пороковъ, съ тѣмъ чтобы къ истоку дней моихъ сберечь мнѣ, смѣшанныя съ горестными, сладчайшія воспоминанія.

Вниманіе ко мнѣ Сперанскаго . . . . брату моему подало мысль, что подъ его руководствомъ и начальствомъ откроется для меня самое блестящее поприще. Едва ли не самъ онъ это предложилъ, я хорошенько не помню, такъ это все ладилось, клеилось само собою. Министерство внутреннихъ дѣлъ, коего Сперанскій былъ настоящій создатель, тогда только что начало образоваться. Оно состояло первоначально изъ одного департамента раздѣленнаго на три экспедиціи: государственнаго хозяйства, что нынѣ хозяйственный департаментъ, государственнаго благоустройства, въ послѣдствіи департаментъ полиціи исполнительной и медицинскую. Управляющимъ первою изъ нихъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ Таблицъ, послѣдней Баронъ Кампенгаузенъ, а вторую взялъ самъ Сперанскій. Въ мои лѣта, съ малымъ моимъ смысломъ и знаніемъ, какое мѣсто можно мнѣ было дать если не писца? Годъ, два переписывая бумаги, неужели я не довольно бы могъ познаться съ дѣлами, чтобы самому не въ состояніи быть занятымъ редакціей? Я уже сказалъ, что съ величайшимъ смиреніемъ готовъ былъ жертвовать покоемъ и самолюбіемъ, въ надеждѣ далеко подвинуться на избранномъ для меня пути: но лучшія намѣренія мои остались тщетны. При второй экспедиціи положено было учредить статистическое отдѣленіе, составивъ его, подъ управленіемъ ученаго Вирста, изъ десяти образованныхъ молодыхъ людей, въ число коихъ долженъ былъ и я попасть. Вѣрно тогда въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи едва ли было десять человѣкъ, которые знали что такое статистика, которые слышали объ этой наукѣ и къ числу ихъ уже конечно я не принадлежалъ. Когда

мнѣ сказали о томъ, я со всею самонадѣянностію невѣжества подумалъ: что за нужда! увижу такъ и узнаю.

Тутъ представилось одно обстоятельство, повидимому весьма благоприятное для моей службы, но которое въ послѣдствіи чрезвычайно ей повредило. Не было еще тогда постановленія, чтобы чинъ получаемый при отставкѣ снимался при поступленіи вновь на службу. Кто-то посоветовалъ намъ при переходѣ изъ иностранной коллегіи въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ симъ воспользоваться, и въ январѣ 1803 года при увольненіи произведенъ я коллежскимъ ассесоромъ. Я очень обрадовался случаю, какъ говорилось, даромъ схватить чинъ, и какой же чинъ? Штабъ-офицерскій, высокоблагородный, который равнялъ меня съ братьями, семь и восемь лѣтъ меня старше. Родные мои также обрадовались, но не отецъ, который съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ во всѣхъ дѣлахъ, симъ огорчился и бранилъ насъ за то. И дѣйствительно возвышеніе безъ заслугъ, какъ опытъ то жестоко мнѣ доказалъ, обращается въ постоянное препятствіе къ полученію мѣстъ и можетъ только быть полезно богатымъ и знатымъ людямъ.

Что потомъ со мною случилось, того уже вѣрно никогда ни съ кѣмъ не бывало: мистификація, которая болѣе двухъ лѣтъ продолжалась. Мнѣ объявилъ Сперанскій, что я могу почитать себя причисленнымъ къ департаменту, что онъ далъ о томъ приказаніе, но что ходить въ него мнѣ нѣтъ никакой надобности, ибо ближе шести мѣсяцевъ статистическое отдѣленіе образоваться не можетъ. Не знаю, хотѣлъ ли онъ меня обманывать, или онъ пренебрегалъ формами, или по множеству важныхъ дѣлъ забылъ о томъ, какъ бы то ни было, я ему повѣрилъ и два года былъ въ отставкѣ, когда всѣ и я самъ себя считалъ въ службѣ. Что всего страннѣе, я лѣтомъ началъ ходить въ экспедицію, кое-чѣмъ занимался тамъ, какъ увидать далѣе, и никто не сыскался, кто бы предупредилъ меня, что я дурачусь.

Въ увѣренности, что онъ устроилъ будущую судьбу мою, братъ мой полагалъ что ему ничего не остается болѣе дѣлать какъ возвратиться въ Пензу. Онъ нанялъ мнѣ квартиру, приказалъ купить на толкучемъ рынкѣ и поставить въ ней не весьма дорогую, не весьма прочную и не весьма красивую мебель, оставилъ мнѣ небольшое количество денегъ, небольшой запасъ дровъ и не безъ грусти расстался со мною около половины февраля.

III.

Съ самаго основанія своего, Петербургъ, главное звено пристегнувшее Россію къ Европѣ, представлялъ Вавилонское столпотвореніе, являлъ въ себѣ ужасное смѣшеніе языковъ, обычаевъ и нарядовъ. Но могущество народа, коего послушнымъ усиліямъ былъ онъ обязанъ своимъ вынужденнымъ, почти противуестественнымъ существованіемъ, болѣе всего въ немъ выказывалось; русскій духъ не переставалъ въ немъ преобладать. Въ наружной архитектурѣ домовъ своихъ, какъ и во внутреннемъ ихъ украшеніи, богатые знатные люди старались подражать отелямъ Сень-Жерменскаго предмѣстія, но все это было гораздо въ большемъ размѣрѣ, какъ сама Россія. Заморскія вина подавались за столомъ, но въ небольшомъ еще количествѣ и для отборныхъ лишь гостей, а наливки, медъ и квасъ обременяли еще сіи столы. Французскія блюда почитались какъ бы необходимымъ церемоніаломъ званыхъ обѣдовъ, а русскія кушанья, пироги, студени, ботвиньи, оставались привычною, любимою пищею. По примѣру Москвы, въ извѣстные храмовые праздники, лучшее общество не гнушалось еще, въ длинныхъ рядахъ экипажей, являться на такъ-называемыхъ гуляньяхъ; оживляемое какимъ-то сочувствіемъ, оно съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ смотрѣло на народныя увеселенія. Въ образѣ жизни самихъ царедворцевъ и вельможъ, а тѣмъ паче чиновниковъ и купчества, даже въ Петербургѣ, все еще отзывалось русскою стариною. При Петрѣ Великомъ Европа начала учить насъ, при Аннѣ Ивановнѣ она насъ мучила, но царствованіе Александра есть эпоха совершеннаго нашего ей покоренія.

Я не хвалю и не порицаю, а только разказываю. Начало рѣшительнаго перехода отъ прежней русской жизни къ европеизму, было для меня чрезвычайно полезно. Все еще гнушались площадною, уличною, трактирною жизнію; особенно молодымъ людямъ благородно рожденнымъ и воспитаннымъ она ставилась въ преступленіе. Обѣдать за свои деньги въ рестораціяхъ едва ли не почиталось развратомъ, а обѣдать даромъ у дядюшекъ, у тетюшекъ,

даже у пріятелей родительскихъ или ихъ коротко знакомыхъ было обязанностію *. Съ другой стороны, для приличія дотолѣ необходимо было имѣть экипажъ; даже на пріѣзжающихъ въ дрожкахъ смотрѣли не такъ-то привѣтливо, и тотъ который на чердакѣ своемъ не имѣлъ иногда чашки чаю, часто развѣзжалъ въ каретѣ. При Александрѣ вдругъ пѣшеходство вошло въ моду, самъ царь подавалъ тому примѣръ. Всѣ стали гоняться за какою-то простотой, ордена и звѣзды спрятались, и штатскіе мундиры можно было встрѣтить только во дворцѣ. Нельзя себѣ представить какое было ребячество въ этомъ мнимомъ англійскомъ свободолюбіи. Но для меня, сказалъ я, все это вмѣстѣ было весьма выгодно. Я могъ безъ угрызенія совѣсти ходить пѣшкомъ обѣдать къ знакомымъ, а какъ таковыхъ домовъ набралось у меня болѣе десяти, то посѣщая каждый изъ нихъ недѣли въ двѣ не болѣе одного раза, ни въ которомъ нельзя было почитать меня нахлѣбникомъ; такимъ образомъ сберегались и тощій мой карманъ, и только что прозябающая моя репутація.

На моемъ мѣстѣ всякій другой могъ бы почитать себя счастливымъ: самая первая молодость, цвѣтущее здоровье, совершенная независимость и удовлетвореніе всѣхъ первыхъ потребностей жизни! Въ семнадцать лѣтъ чего же болѣе для наслажденій? Я уже сознался въ грѣхѣ своемъ, меня мучило самолюбіе; но сколько припомню, ничто не должно было его тревожить. Со мною обходились, можетъ-быть, лучше чѣмъ я того заслуживалъ, меня отличали отъ десятковъ молодыхъ людей, подобно мнѣ ничѣмъ не замѣчательныхъ. Многіе находили, что я пригожъ и что неловкость въ манерахъ замѣняется во мнѣ смѣтливостію и живостію ума, пристойностію и занимательностію разговоровъ. Я повторяю чужое, а не свое; самъ же каюсь въ глупости и неблагодарности своей; я брезгалъ обществомъ и почтенными домами, въ кои былъ вхожъ, потому только что они не принадлежали къ самому высшему кругу.

Во время перваго пребыванія моего въ Петербургѣ ввелъ я читателя въ два дома: полуаристократическій голландскій

---

* Я увѣренъ, что между Русскими, въ Петербургѣ живущими, и теперь не менѣе хлѣбосольства чѣмъ прежде: но тогда хотѣли только кормить и сами быть сыты; ни большихъ прихотей у хозяевъ, ни взыскательности у гостей не было. Теперь же всюдневный открытый для всѣхъ знакомыхъ столъ не въ состояніи имѣть первые богачи.

Демидова и французскій, нѣсколько обрусѣвшій, Лабата. Въ обоихъ ту зиму давались балы, и собиралось почти одво и то же общество; разница была въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ болѣе сіяло звѣздъ и чаще повторялось слово превосходительство, а въ послѣднемъ изобиловали маркизы, виконты и шевадье, все старые эмигранты, которые однакоже баламъ предпочитали обѣды.

Между ними были большіе чудаки: напримѣръ, одинъ лионскій каноникъ, графъ Монфоконъ, одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій во Франціи, который никогда не говорилъ о религіи, всякій день бывалъ въ театрѣ, былъ весьма безграмотенъ, но въ литературныхъ спорахъ иногда доходилъ до изступленія, когда не хотѣли согласиться съ его мнѣніемъ, особливо когда трагика Кребийльона не хотѣли признавать первымъ писателемъ въ мірѣ. Другой, нѣкто Шевалье де-Ламоттъ былъ ростомъ очень малъ, щедушенъ, чрезвычайно кость, лицо имѣлъ самое отвратительное и на довольно большомъ пространствѣ жестоко поражалъ всякое чувствительное обоняніе, а между тѣмъ увѣрялъ, что ко вступленію въ отборный полкъ, въ которомъ до революціи служилъ онъ капитаномъ, первыми условіями были молодечество и красота. Какъ духовное, такъ и свѣтское лицо, какъ священникъ, такъ и кавалеръ, оба они торговали тогда винами, выписываемыми изъ Бордо.

Молодыхъ эмигрантовъ, служившихъ тогда у насъ въ гвардіи, съ которыми я тутъ познакомился, можно было почитать цвѣтомъ Франціи. Сіи школьвики несчастія были скромны, вѣжливы, приличны, хорошо учились и во всѣхъ сужденіяхъ, исключая о революціи своей, были или основательны, или остроумны. Въ нихъ было нѣчто дѣйствиительно-религіозно-мужественное; видно было, что они хотѣли осуществить собою тотъ идеалъ совершенства древнихъ рыцарей, который представляли романы, но который исторія такъ жестоко заставляетъ исчезать. Тутъ былъ сень-При, славный послѣ русскій генералъ, который въ нашихъ рядахъ палъ при Реймсѣ. Брогию, также убитый въ войнѣ нашей съ Французами, Дамасъ бывшій при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ. Лагардъ, при немъ же посланникомъ въ Гишпаніи. Еще были другіе, между коими одинъ только Растиньякъ былъ вѣтренъ, болтливъ и заносчивъ.

Старые грѣшники, съ поношенными ленточками и поломан-

ными крестиками Св. Лудовика были смѣшны, слѣдственно забавны. Молодые люди были [достойны уваженія, любезны и привлекательны. Одни меня тѣшили, и я ихъ за то любилъ, другіе казались мнѣ неподражаемымъ примѣромъ, и я ихъ сердечно уважалъ. Все это рождало во мнѣ пристрастіе, которое прежде имѣлъ я ко всему французскому. Въ это же время началъ я упитываться злостію противъ Бонапарта, офицериска, который нѣ дерзалъ еще тогда возсѣсть на престолѣ великаго Лудовика Четырнадцатаго, но уже шелъ къ нему большими шагами.

О другихъ домахъ, съ коими въ это время я случайно познакомился, не стоить много говорить; не потому чтобъ я позволялъ себѣ пренебрегать ихъ хозяевами, но отъ того что они не имѣли никакого вліянія ни на службу мою, ни на образъ моихъ мыслей: одинъ только требуетъ исключенія. Въ предшествовавшее лѣто, проведенное мною въ Москвѣ, Теодоръ Александровичъ Голубцовъ былъ въ Пензѣ, для покупки большаго имѣнія Пыркина. Тамъ познакомился онъ съ моимъ отцомъ, то-есть полюбилъ его и сталъ уважать, то-есть онъ самъ былъ умный и почтенный человѣкъ. Онъ съ меньшимъ братомъ Иваномъ Александровичемъ были родные племянники графа Васильева, подъ начальствомъ и руководствомъ коего они начали службу при князѣ Вяземскомъ: канцелярія генераль-прокурора сего была разсадникомъ полезныхъ для государства людей. Оба они были тайными совѣтниками и управляли экспедиціями казначейства; когда въ сентябрѣ 1802 года меньшой умеръ, старшій, по случаю назначенія графа Васильева министромъ финансовъ, сдѣланъ государственнымъ казначеемъ на его мѣсто, но подъ его же начальствомъ. Немногосложность тогдашней финансовой науки дѣлала изъ него самаго искуснаго человѣка по сей части, и общее мнѣніе предназначало его преемникомъ дяди, какъ сіе въ послѣдствіи и случилось.

Отъ отца имѣлъ я къ нему письмо, которое непременно долженъ былъ ему отдать, чего мнѣ не весьма хотѣлось. У него все было по-министерски; передняя въ которой дожидались, чиновники, которые ходили докладывать о приходящихъ: все это меня нѣсколько смущало. Но когда вышелъ хилый, желтый, опрятный этотъ человѣкъ, привѣтствовалъ меня добродушною улыбкой, и оботелся такъ ласково, какъ никто изъ должностныхъ въ Пѣтербургѣ людей,

то кажется я согласился бы и часто его навѣщать. Къ несчастію, я ему очень полюбился; онъ нашелъ меня столь образованнымъ, что служба въ подвѣдомственной ему части казалась ему для меня неприличною; и когда узналъ что я попалъ подъ крылѣ генія Сперанскаго, то поздравилъ меня съ тѣмъ, и хотѣлъ его просить за меня какъ за роднаго. . . . У себя онъ не охотно принималъ, исключая самыхъ короткихъ, и едва ли случилось мнѣ три раза въ жизни у него обѣдать. Чтобы меня чаще видѣть, сказалъ онъ мнѣ, желалъ бы онъ познакомить меня съ овдовѣвшею своею невѣсткой, но она тогда была въ самомъ глубокомъ траурѣ.

Но сіе сдѣлалось безъ него. Спустя нѣсколько времени, къ неутѣшной вдовѣ Голубцовой изъ Пензенской деревни пріѣхали родители ея, Огаревы, поселились у нея и сдѣлались хозяевами ея дома. О Богданѣ Ильичѣ упомянулъ уже я въ самомъ началѣ сихъ записокъ: какъ задушевный другъ моего отца, потребовалъ онъ меня къ себѣ и объявилъ, что если у нихъ я буду иначе какъ у себя дома, то онъ будетъ на меня жаловаться. Когда вспомнишь старину и начнешь объ ней безпристрастно судить, то право только о потерѣ эдакихъ людей въ ней пожалѣешь.

Съ Марьей Богдановной Голубцовой жилъ единственный братъ ея, Платонъ Богдановичъ Огаревъ, человекъ чрезвычайно добродушный. . . . Онъ предложилъ мнѣ свою дружбу, и хотя былъ меня гораздо старѣе, я охотно принялъ ее, умѣя цѣнить качества сердца. Въ слѣдующее лѣто, когда всѣ родные его уѣхали въ деревню, воспользовался я другимъ его предложеніемъ, жить у него на квартирѣ, и долженъ сознаться что не одна пріязнь къ нему, но и нужда заставила меня на сіе согласиться.

Фамилія Голубцовыхъ, по близкому родству съ графомъ Васильевымъ, женатымъ на княжнѣ Урусовой, родственницѣ княгини Вяземской, вдовѣ генераль-прокурора, была въ свойствѣ и съ сею послѣдней. Въ домѣ этой княгини, которая одну дочь выдала за неаполитанскаго посланника Дюкаде-Серра Каприола, а другую за датскаго Розенкранца, собирався весь дипломатическій корпусъ, слѣдственно и высшій кругъ Петербурга. И потому-то отблески его часто мелькали и у Марьи Богдановны, и еслибъ она умѣла быть столь же

любезна какъ и добра, то гостиную свою сдѣлала бѣ одною изъ самыхъ пріятныхъ въ столицѣ.

Въ большой связи съ Голубцовыми, былъ сенаторъ Петръ Ивановичъ Новосильцевъ, также старинный другъ моего отца, о которомъ также упомянулъ я въ началѣ сихъ записокъ и къ которому также я долженъ былъ явиться. Сначала меня пугала жена его, Катерина Александровна; ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца: когда первый страхъ во мнѣ прошелъ, я сдѣлался у нея въ домѣ какъ свой. Съ старшимъ сыномъ ихъ, моимъ ровесникомъ Александромъ Петровичемъ, я очень сошелся, чтобы не сказать подружился. . . . .

Одно семейство, которое встрѣчалъ я вездѣ, съ нѣкоторыми членами коего былъ знакомъ и о житьѣ коего я такъ слышалъ, какъ будто самъ бывалъ у него въ домѣ, было тогда весьма примѣчательно. Теперь въ Петербургѣ едва ли кто знаетъ, что такое были Арбены, а тогда бывало лишь названіе Асафа Ивелича и Марѳы Ивановну, знакомые и не знакомые люди всѣхъ состояній, всякій знаетъ о комъ идетъ рѣчь. Сии супруги прославились своими странностями, а смертію своею нѣсколько времени оставили въ обществѣ пустоту. Честный и добрый старикъ былъ служакой при Екатеринѣ, когда ихъ было такъ мало, и отъ того долго командовалъ при ней Измайловскимъ полкомъ: манеры его нѣсколько отзывались фронтомъ и отъ того должны были казаться странными въ гостиныхъ. При Павлѣ онъ оставилъ службу съ честію и миромъ, съ пенсіей и мундиромъ; даже при отставкѣ получилъ чинъ полнаго генерала и остался на житьѣ въ Петербургѣ. Въ Марѳѣ же Ивановнѣ смѣшнымъ казалось то, что наперекоръ природѣ, она хотѣла оставаться молодою въ шестьдесятъ лѣтъ и для того все у себя красила и перекрашивала: и все это для того только, чтобы лучше понравиться мужу, съ которымъ они жили, какъ голубки. Ихъ домъ, собственный, на Малой Морской, былъ единственное мѣсто, гдѣ самый высшій петербургскій кругъ встрѣчался съ второстепеннымъ и даже съ третьекласснымъ обществомъ. Во извиненіе себѣ знатные говорили, что ѣздить посмѣяться, а еслибы сказали правду, то для того чтобы повеселиться. Говорять, дѣйствительно, радушіе было старинное, гостепріимство тогдашнее московское. Всякій вечеръ что хозяева не на званомъ балѣ, у нихъ самихъ

незванный балъ: найдетъ молодежь, домъ набьется биткомъ, все засмѣется, все запляшетъ; правда, говорятъ, зажгутся сальныя свѣчи, для прохлады разнесется квась; уже ничего прихотливаго не спрашивай въ угощеніи, но за то веселіе, самое живое веселіе, которое, право, лучше одной роскоши, замѣнившей его въ настоящее время. Однакоже, и съ такимъ житьемъ, когда принимаешь у себя весь городъ, небольшому состоянію трудно то выдержать и, кажется, Арбенева не оставили много средствъ жить также весело своему семейству, которое съ тѣхъ поръ удалилось въ провинцію. Какъ ни говори, но чтобъ умѣть постоянно собирать у себя разнородныя общества, необходима въ хозяинѣ или хозяйкѣ особливая приманчивость.

Въ домахъ, гдѣ видѣлъ я сію странную и почтенную чету, у Лабатовыхъ, у тогдашней красавицы Воеводской, которая давала балы, вездѣ играла она самую важную роль: ей принадлежало первое мѣсто на канане, рука хозяевъ къ столу и лучшіе куски за ужиномъ. Тотъ кругъ, гдѣ на вечерахъ предсѣдательствовала сія чета, былъ довольно обширенъ; къ нему принадлежалъ и домъ Танѣевыхъ, о коемъ послѣ буду говорить, и домъ Морелли де-Розетти, отставнаго полковника, французскаго музыканта, который принялъ италіянское прозваніе, прибавивъ къ нему своевольно графскій титулъ, вышелъ при Потемкинѣ въ чины и женился на достаточной вдовѣ генерала Байкова, и еще многіе другіе. У меня иногда спрашивали, какъ умѣлъ я сдѣлать, чтобы не попасть къ Арбеновымъ, на чтò я отвѣчалъ, что никогда и ни къ кому не любилъ напрашиваться.

Теперь нѣсколько словъ о тогдашнихъ нарядахъ мужскихъ и женскихъ. Мода, которой престоль въ Парижѣ и которая, повидимому, такъ своенравно властвуетъ надъ людьми, сама въ свою очередь слѣпо повинуется господствующему мнѣнію въ отчизнѣ своей, Франціи, и служить, такъ сказать, ему выраженіемъ. При Лудовикѣ XIV, когда онъ Францію поставилъ съ собою на ходули, необъятныя парики покрывали головы, люди какъ бы росли на высокихъ каблукахъ, и огромныя банты съ длинными, какъ полотенца изъ кружева, висящими концами, прикрѣплялись къ галстукамъ; женщины топули въ обширныхъ вертюгаденахъ, съ тяжелыми накладками, съ фижмами и шлейфами; вездѣ было преувеличеніе, все топорщилось, гигантствовало, фанфаронило. При Лудо-

викъ XV, когда забавы и амуры смѣнили славу, платья начали коротѣть и суживаться, парики понижаться и наконецъ исчезать, ихъ замѣнили чопорные тупеи, головы осѣнились голубиными крылышками, ailes de pigeon. При несчастномъ Лудовикѣ XVI, когда философизмъ и американская война заставили мечтать о свободѣ, Франція отъ свободной сосѣдки своей Англiи перенесла къ себѣ фракы, панталоны и круглая шляпы; на женщинахъ появились шпензеры. Вспыхнула революція, престоль и церковь пошатнулись и рухнули, всѣ прежнія власти ниспровергнуты, сама мода нѣкоторое время потеряла свое могущество, ничего не умѣла изобрѣтать, кромѣ красныхъ колпаковъ и безштанства, и террористы должны были въ одеждѣ придерживаться старины, причесываться и пудриться. Но новые Бруты и Тимолеоны захотѣли наконецъ возстановить у себя образцовую для нихъ древность, пудра брошена съ презрѣніемъ, головы завились а-ла-Титюсъ и а-ла-Каракалла, и еслибы республика не скоро началадохнуть въ рукахъ Бонапарте, то показались бы тоги, сандалии и латиклавы; что касается до женщинъ, то всѣ онѣ хотѣли казаться древними статуями, съ пьедестала сошедшими: которая одѣлась Корнелией, которая Аспазіей. Итакъ Французы одѣваются какъ думаютъ; но зачѣмъ же другимъ надѣяться, особливо же нашей отдаленной Россіи, не понимая значенія ихъ нарядовъ, безмысленно подражать имъ; носить на себѣ ихъ бредни, и такъ сказать ихъ ливрею? Какъ бы то ни было, но костюмы, коихъ память одно ваяніе сохранило на берегахъ Егейскаго моря и Тибра, возобновлены на Сентъ и переняты на Невѣ. Еслибы не мундиръ и не фракы, то на балы можно было бы тогда глядѣть какъ на древніе барельефы и на этрусскія вазы. И право было не дурно: на молодыхъ женщинахъ и дѣвцахъ все было такъ чисто, просто и свѣжо; собранныя въ видѣ діадемы волосы такъ украшали ихъ молодое чело. Не страшась ужасовъ зимы,* онѣ были въ полупрозрачныхъ платьяхъ, кои плотно обхватывали гибкій станъ и вѣрно обрисовывали предестныя формы: по истинѣ казалось, что легкокрылая Психея порхаетъ на паркетѣ. Но каково же было пошлымъ и дороднымъ женщинамъ?

* Многія сдѣлались тогда жертвами несогласія климата съ одеждой. Между прочимъ предестная княгиня Тюфякина погибла въ двѣтъ лѣтъ и красоты.

Имъ не такъ выгодно было выказывать формы; ну что жь, и они также изъ русскихъ Матренъ перешли въ римскія матроны.

Послѣ расхищенія гардемѣбля, по увезеніи эмигрантами всѣхъ легковѣсныхъ драгоценностей, кажется, не оставалось во Франціи ни одного камушка. Фортуны раздробились, сравнялись; новыя, кони война и торговля потомъ такъ быстро создали, не успѣли еще составиться, — женщины, вмѣсто алмазовъ, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, ихъ мужьями и родственниками награбленными въ Италиі. Намъ и тутъ надобно было подражать. Бриллианты, конми наши дамы были такъ богаты, всѣ попрятаны и представлены для ношенія купчихамъ. За неимовѣрную цѣну стали доставать рѣзные камни, оправлять золотомъ и вставлять въ браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнѣе.

О мужскомъ платьѣ говорить много нечего. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, умы портныхъ и франтовъ вертятся около вѣчныхъ, несносныхъ, кургузыхъ и непристойныхъ фракковъ: то подымется, то опустится лифъ или воротникъ, рукава сдѣлаются то уже, то шире, то длиннѣе, то короче. Никакъ не могутъ дойти, чтобы чѣмъ-нибудь болѣе живописнымъ замѣнить сей неблагообразный костюмъ.

Вообще мода не что иное какъ вкусъ, дурной или хорошей, который по временамъ мѣняется, какъ и все на свѣтѣ. Слѣдственно какъ о вкусахъ, такъ и о модахъ судить мудро: невозможно съ математическою точностію опредѣлить въ чемъ красота, въ чемъ безобразіе. Напримѣръ, я слышалъ прежде, что все то гдѣ простота, правильность линий и округлостей, все что легко, не обременено лишними украшениями, — все это ближе къ природѣ, и въ этомъ только состоитъ изящество: я то же думалъ и думаю нынѣ. Теперь же говорятъ, что сама природа пестра, прихотлива, вычурна, не знаетъ симметріи и иногда прекрасна въ самыхъ ужасахъ своихъ. И это правда; я не спорю и не соглашаюсь, но вѣроятно по привычкѣ все прежнее мнѣ лучше нравится.

Въ области моды и вкуса, какъ угодно, находится и домашнее убранство или меблировка: и по этой части законы предписывалъ намъ Парижъ. Штофныя обои въ позолоченныхъ рамахъ были изорваны, истреблены разъяренною его чернію, да и мирнымъ его мѣщанамъ были противны, ибо напоминали имъ отели ненавистной для нихъ аристократіи.

Когда они поразились, повысились въ должностяхъ, то захотѣли жилища свои украсить богатою простотою, и для того, вмѣсто позолоты, стали во всемъ употреблять красное дерево съ бронзой, то-есть съ накладною латунью, что было довольно гадко; ткани же шелковыя и бумажныя замѣнили сафьянами разныхъ цвѣтовъ, и криолиной, вытканною изъ лошадиной гривы.* Прежде простѣнки покрывались огромными трюмо съ позолотою кругомъ, съ мраморными консолями снизу, а сверху съ хорошенькими картинками, представляющими обыкновенно идилліи, писанными рукою Буше или въ его родѣ. Они также свои зеркала стали обдѣлывать въ красное дерево съ мѣдными бляхами и вмѣсто картинокъ вставляли надъ ними овальныя стекла, съ подложеннымъ кускомъ синей бумаги. * Шелковыя занавѣси также изгнаны модою, а дѣлались изъ коленкора или другой холщевой матеріи съ накладкою прорѣзнаго казимира, по большей части краснаго, съ такого же цвѣта бахрамою и кистями. Эта мода вошла къ намъ въ концѣ 1800 года и продолжалась до 1804 или 1805 годовъ. . . . .

Консульское правленіе рѣшительно возстановило во Франціи общество и его пристойныя увеселенія: тогда родился и вкусъ, болѣе тонкій, менѣе мѣщанскій, и выказался въ убранствѣ комнатъ. Все дѣлалось а л'антикъ: отрытіе Помпеи и Геркуланума чрезвычайно тому способствовало. Парижане мало заботились о Ліонѣ и его мануфактурахъ, но правителю Франціи надобно было поощрить ихъ: и шелковыя ткани опять явились, но уже попржнему не натягивались на стѣнахъ, а щеголевато драпировались вокругъ ихъ и вокругъ колоннъ, въ иныхъ мѣстахъ ихъ замѣняющихъ. Вездѣ показались алебастровыя вазы, съ изсѣченными мѣологическими изображеніями, курительницы и столики въ видѣ треножниковъ, курульскія кресла, длинныя кушетки, гдѣ руки опирались на орловъ, грифоновъ или сфинксовъ. Позолоченное или крашеное и лакированное дерево давно уже забыто, гадкая латунь тоже брошена, а красное дерево, вошедшее во всеобщее употребленіе, начало украшаться вызолоченными бронзовыми фигурами, прекрасной отработки, лирами, головками: медузиными, львиными и даже бараными. Все это пришло къ намъ не ранѣе 1805 года, и по моему, въ

---

* Ихъ можно и понынѣ еще найдти въ старыхъ мебельныхъ лавкахъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ трактирахъ, куда ходятъ люди простаго званія.

этомъ родѣ ничего лучше придумать невозможно. Могли ли жители окрестностей Везувія вообразить себѣ, что черезъ полторы тысячи лѣтъ изъ ихъ могилъ весь житейскій ихъ бытъ вдругъ перейдетъ въ гиперборейскія страны? Одно было въ этомъ нѣсколько смѣшно: всѣ тѣ вещи, кои у древнихъ были для обыкновеннаго, домашняго употребленія, у Французовъ и у насъ служили однимъ украшеніемъ; напримѣръ, вазы не сохраняли у насъ никакихъ жидкостей, треножники не курились, и лампы въ древнемъ вкусѣ съ своими длинными носиками, никогда не зажигались.

Теперь отъ внутренняго убранства перейдемъ къ наружному, то-есть къ архитектурѣ: въ ней также воскресъ вкусъ римской и греческой древности. Когда у персидскаго посла въ 1815 году спросили, нравится ли ему Петербургъ? онъ отвѣчалъ, что сей! только-что вновь строящійся городъ будетъ нѣкогда чудесенъ. Это скорѣе можно было сказать въ началѣ царствованія императора Александра, а еще скорѣе въ нынѣшніе годы. Тогда въ одно время начинались конногвардейскій манежъ и всѣ, по разнымъ частямъ города разсѣянные, великолѣпныя гвардейскія казармы, и огромная биржевая зала, одѣтая въ колонны, съ пристанью и набережными вокругъ нея, и быстро поднимался Казанскій соборъ съ своею рошею изъ колоннъ, и уже примѣтно передраживалъ церковь Св. Петра въ Римѣ, обывательскіе же трехъ и четырехъ-этажные каменные дома на всѣхъ улицахъ росли не по днямъ, а по часамъ. Въ то же время чистили и дѣлали судоходною рѣчку Прятку, бока Мойки выкладывали камнемъ и перегибали черезъ нее чугунные мосты, по Невскому проспекту и на Васильевскомъ островѣ протягивали бульвары и, наконецъ, отъ самой подошвы перестраивали заново старое, кирпичное, съ землянымъ валомъ, адмиралтейство. Такъ какъ государь единственнымъ, любимымъ своимъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ избралъ небольшой Каменно-Островскій дворецъ, то вдругъ прервалось угрюмое молчаніе окрестъ-лежащихъ острововъ. Вездѣ на нихъ застучали топоръ и молотъ, и засвиствала пила; болота ихъ осушились и поросли дачами. Можно себѣ представить, какая строительная дѣятельность была тогда во всемъ Петербургѣ.

Четыре архитектора были тогда извѣстны; двое Русскихъ: Захаровъ и Воронихинъ, Италіянецъ Гваренги и Французъ

Томонъ. Первый изъ нихъ, по части зодчества, въ художественной нашей исторіи стоитъ пониже поэта въ архитектурѣ, Баженова, и наравнѣ съ Старовымъ и Кокориновымъ. Надобно было его искусство, чтобы растянутому фасаду адмиралтейства дать тотъ красивый видъ, ту правильность и гармонию, которыми мы понынѣ любуемся. Другой же, Воронихинъ, былъ крѣпостной графа Строгонова, президента Академіи и мецената художествъ: а какъ въ старину баре, даже и знатные, отдавали мальчиковъ въ ученье, не справляясь съ ихъ склонностями, то, вѣроятно, и Воронихинъ, природою назначенный къ сапожному ремеслу, ученіемъ попалъ въ зодчіе. Онъ построилъ Казанскій соборъ и ничего не могъ сдѣлать, какъ самымъ сквернымъ почеркомъ переписать намъ Микель Анджело. Старикъ Гваренги часто ходилъ пѣшкомъ и всякъ зналъ его, ибо онъ былъ замѣчательнъ по огромной синеватой луковицѣ, которую природа вмѣсто носа приклеила къ его лицу: этотъ человѣкъ соединялъ все, и знаніе, и вкусъ, и его твореніями болѣе всего красится Петербургъ: къ сожалѣнію, въ это время, кажется, его ни на что не употребляли. Мусю Томонъ или Томасъ де-Томонъ, какъ онъ подписывался и печатался, былъ человѣкъ не безъ таланта, какъ то доказывается построенною имъ биржею. Онъ также былъ извѣстенъ какъ бѣшеный роялистъ и пламенный католикъ; земляки его средняго состоянія, составлявшіе религіозно-легитимистскую партію, которая такъ безкорыстно стояла за тронъ и церковь, говорятъ, всѣ у него собирались.

Былъ еще одинъ Французъ архитекторъ, который, конечно, гораздо былъ выше другихъ товарищей своихъ въ искусствѣ, которые съ тѣхъ поръ къ намъ изъ Франціи пожаловали. Это Камеронъ, построившій царскосельскую колоннаду, который тогда былъ живъ, здоровъ и находился въ Петербургѣ. Непонятно, какъ имѣя въ своемъ распоряженіи Гваренги и Камерона, можно было что-нибудь великое поручить Воронихину? Тутъ бы національность въ сторону; съ такими людьми народная слава скорѣе теряетъ чѣмъ выигрываетъ.

Безо всякаго дѣла, какъ настоящій фланеръ, часто посѣщала я публичныя работы, которыя мнѣ какъ будто были приказаны. Какъ это занимало меня, дивило, восхищало! И возможно ли перемѣниться такъ въ чувствахъ! Нынѣ безъ

сердечной горести, безъ глубокаго унынія не могу я видѣть какъ громоздятся у насъ дворцы и храмы. Всякій разъ, что взгляну я на нихъ, невольно вспомню, что крытый соломой Римъ покорилъ вселенную, а когда воздымались въ немъ Юлией, Нероновы бани и Адриановъ мавзолей, то начали появляться варвары и отхватывать отдаленныя его провинціи; вспомню, что среди развалинь сего самаго Рима возникла папская власть, которая распространилась по всему христіанству, а когда соорудился Ватиканъ и храмъ апостола Петра сталъ возноситься на удивленіе всего просвѣщеннаго христіанскаго міра, бѣльшая его половина оторвана отъ него Лютеромъ и Кальвиномъ, вспомню, что построеніе Альямбры незадолго предшествовало покоренію Гренады, и съ того времени какъ поднялся Эскуріаль, начался постепенный упадокъ Испаніи; вспомню также, что Святая Софія, ипподромъ и Влажернскій дворецъ созидались почти въ виду непріятельскихъ становъ. Наконецъ, спросту у себя, на чью славу простояли вѣка египетскія пирамиды, когда попеременно они дѣлались добычею Камбиза, Александра Великаго, Юлія Кесаря, Омара, Наполеона, и что нынѣ, подъ именемъ Мегмента-Али, неизвѣстно кто владычествуетъ надъ ними, Турки, Французы или Англичане? Нѣтъ, роскошь, расточительность не есть величіе, и огромныя зданія изящной архитектуры часто однѣ только великолѣпныя занавѣси, закрывающія народную нищету.

IV.

Въ отдаленномъ времени, о коемъ пишу, нельзя вдругъ припомнить всѣхъ замѣчательныхъ и пріятныхъ знакомствъ, которые въ это время я сдѣлалъ. Я было и забылъ одного почтеннаго человѣка, за непосѣщеніе коего получилъ я отъ отца выговоръ и строгое приказаніе къ нему явиться. Это былъ Голландецъ Сухтеленъ, мужъ ученый, кроткій и добродѣтельный, который при Павлѣ на мѣсто Шардона начальствовалъ въ кievской крѣпости надъ инженерами: тутъ составила у нихъ съ отцомъ моимъ дружба, которую одна смерть только прекратила. При Александрѣ былъ онъ его любимцемъ, генераль-инженеромъ и генераль-квартирмейстеромъ, управляя обѣими частями почти независимо отъ военнаго

министерства, и помѣщался въ великолѣпныхъ покояхъ оставленнаго Михайловскаго замка. Въ длинномъ ряду воспоминаній, кои такъ тревожатъ, утомляютъ душу, встрѣчаются изрѣдка такія, на коихъ она отдыхаетъ, сладостно успокаивается; въ числѣ ихъ находится у меня и Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, котораго едва ли я чувствую себя достойнымъ изобразить. Онъ былъ росту небольшого, нѣсколько сутуловатъ, имѣлъ лицо чистое, нѣжное, на которомъ еще въ старости игралъ румянецъ, и голосъ, коему небольшой недостатокъ въ произношеніи (вмѣсто *и* говорилъ онъ всегда *с*) придавалъ еще болѣе пріятности: съ кипящимъ любовію къ добру сердцемъ, при неутомимой дѣятельности, наружность его сохраняла спокойствіе, почти неподвижное, озаряемое легкою улыбкой. Этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скромнень, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Страсть къ учености была въ немъ тихій, неугасаемый жаръ, его жизнь, его отрада, кою готовъ онъ былъ дѣлиться со всѣми, кто болѣе или менѣе поклонялся свѣтильнику наукъ. Тотъ, кто, казалось, не обидѣлъ бы мухи, въ полѣ былъ неустрашимый воинъ, и всевѣдущій сей, въ обществѣ невѣждъ, былъ ласковъ, привѣтливъ, не давая подозрѣвать о своемъ знаніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы, философія, богословія равно ему были знакомы; въ художествахъ былъ онъ вѣрный и искусный судья; но какъ успѣвалъ онъ копить сокровище своего знанія, когда половина дня поглощаема у него была занятіями по службѣ,—это суцая загадка.

Разъ въ недѣлю долженъ былъ я у него обѣдать и, наконецъ, удостоился быть въ его кабинетѣ-библіотекѣ, который заслуживаетъ быть описаннымъ. Можно представить себѣ мое изумленіе, когда вошелъ я въ бывшую тронную залу императора Павла: она была въ два свѣта, на великолѣпно расписанномъ плафонѣ изображенъ былъ Юпитеръ громовержецъ и весь его Олимпъ, подъ вызолоченнымъ карнизомъ видны были гербы всѣхъ княжествъ россійскихъ, мѣсто гдѣ былъ тронъ было замѣтно по сохранившимся надъ нимъ рѣзнымъ фигурамъ, и огромное зеркало въ 12 или 13 аршинъ вышины было въ числѣ забытыхъ или оставленныхъ украшеній. Но стѣны чертога были голы, даже не покрыты краскою; вдоль оныхъ до половины ихъ вышины тѣсно поставлены были выкрашенные простаго дерева шкапы безъ сте-

коль и занавѣсокъ. А между тѣмъ ихъ полки поддерживали драгоцѣнности, коимъ могъ позавидовать всякій библіофиль; кажется одни Эльзевиры были безъ счету. На серединѣ залы стояли, одинъ за другимъ, престрашные столы съ ящиками до полу, которые въ нѣдрахъ своихъ хранили другія сокровища, рѣдкія рукописи, собранія встамповъ и медалей, а сверху были обременены не разставленными еще фолиантами. . . . . Какая противоположность! тамъ, гдѣ еще недавно съ трепетомъ проходили царедворцы, тамъ ежедневно по цѣлымъ часамъ блаженствовалъ мужъ добра и науки.

Онъ былъ настоящій библіоманъ. Это такого рода роскошь, на удовлетвореніе коей болѣе всего потребны время и рачетливость. Генералъ Сухтеленъ, не бѣдный и не богатый, всю жизнь свою употреблялъ половину доходовъ на покупку книгъ и по смерти своей наслѣдникамъ своимъ оставилъ такую библіотеку, которую прибрѣла казна, ибо ни одинъ частный человѣкъ не въ состояніи былъ купить ее.

Въ обществѣ его, обыкновенно составленномъ изъ знаменитыхъ путешественниковъ, художниковъ и ученыхъ, могъ я тогда быть только слушателемъ. Однакоже всегда быть лицомъ безъ рѣчей могло бы мнѣ наконецъ наскучить: отъ сей опасности былъ я огражденъ разговорами дочери его Марьи Петровны, фрейлины, весьма остроумной, оригинальной дѣвицы, чрезвычайно смѣшливой и немного насмѣшливой. Еще занимательнѣе былъ для меня братъ ея, Павелъ Петровичъ, молоденькій мальчикъ, въ офицерскомъ мундирѣ квартирмейстерской части, живой, веселый, добрый, умный, но который приглядѣвшись ко всему что имѣетъ истинное достоинство, какъ будто не зналъ ему тогда цѣны и пѣвнялся единственно блескомъ гвардейскихъ мундировъ, двора и свѣта. Онъ не долго вздыхалъ о Кавалергардскомъ полку, годъ или полтора, съ покровительствомъ такого отца, ему не слишкомъ трудно было въ него перейти. . . . .

Мой Сухтеленъ сначала со мною поднималъ носъ, но онъ такъ не ловко чванился, такъ мило пришепетывалъ, что я не могъ на него такъ долго сердиться, и онъ самъ наконецъ почувствовалъ какъ это смѣшно. Когда съ лѣтами прошло его легкомысліе, остались однѣ его прекрасныя, благородныя свойства; онъ былъ полезенъ какъ воинъ и какъ гражданинъ, стоялъ уже на высокой степени, начи-

налъ Россіи замѣнять отца, какъ внезапная смерть похитила его у обоихъ и пережившій его старецъ осужденъ былъ нѣсколько лѣтъ оплакивать его потерю.

Изъ всѣхъ юношей-ровесниковъ, чаще всѣхъ видѣлъ я тогда Блудова, товарища моего по службѣ въ Московскомъ архивѣ. Ни въ образѣ воспитанія, ни въ характерѣ, ни въ привычкахъ, ни въ склонностяхъ, ни въ чемъ у насъ ничего не было общаго; мы отправили съ столь различныхъ точекъ, что казалось никогда сойдтись не можемъ. Единственный сынъ нѣжной, умной, попечительной и хворой матери, коей былъ онъ и единственною отрадой и упованіемъ, онъ никогда еще не разлучался съ нею, выросъ, такъ сказать, въ теплицѣ ея заботливости, въ тѣсномъ кругу людей ею избранныхъ. Я въ Кіевѣ получилъ, можно сказать, площадное воспитаніе; гостиная моихъ родителей была волшебный фонарь, гдѣ безпрестанно однѣ проѣзжія фигуры смѣняли другія, былъ потомъ въ публичномъ заведеніи, жилъ по чужимъ домамъ и изѣздилъ уже почти половину Россіи. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наше положеніе въ Петербургѣ было сходно; наше одиночество, самолюбіе, которое не допускало насъ искательствомъ пріобрѣтать полезныя знакомства, все это насъ сблизило.

Еще и донинѣ благодарю я Провидѣніе, пославшее мнѣ наставника, едва вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ. Съ самаго рожденія видѣлъ я въ отцѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей: по они стояли такъ высоко передо мною, что я не смѣлъ надѣяться до нихъ когда-либо возвыситься; въ отчаяніи, въ пренебреженіи къ самому себѣ, я почиталъ себя добычей, обреченною пороку. Еслибы былъ я тогда въ частыхъ сношеніяхъ съ угрюмымъ педагогомъ, который бы ежедневно проповѣдывалъ мнѣ о моихъ обязанностяхъ, то еще бы болѣе утвердился въ семъ мнѣніи. Но мнѣ предстала нравственность въ самомъ миломъ видѣ: тотъ, котораго годъ или два назадъ зналъ я умненькимъ шалуномъ, ничего не утративъ изъ веселонравія своего, живости, остроумія, словомъ и дѣломъ строго повиновался всѣмъ уставамъ чести и добродѣтели.

.....
Душа его, спозаранку, получила удивительную способность быстро воспламеняться отъ малѣйшаго при-

косновенія всего изящнаго въ нравственномъ мірѣ. Непорочная любовь, съ ея чистѣйшими, нѣжнѣйшими восторгами, и дружба весьма немногимъ прежде, нынѣ же почти никому непонятная, и вѣра, съ ея тихими неземными наслажденіями, и честь со всею строгостію ея законовъ, и патриотизмъ со всею возвышенностію чувствъ имъ возбуждаемыхъ, обхватили и проникли сію почти отроческую душу. Все въ ней сдѣлалось поэзія, и страсть къ ея произведеніямъ была главнѣйшею въ первой молодости Блудова. Можетъ-быть она отвлекла его отъ другихъ занятій, въ мнѣніи свѣта, болѣе полезныхъ; но она очаровала его юность, расцвѣтила воображеніе и спасла его сердце отъ жестокаго эгоизма, къ которому, грѣха таить нечего, оно имѣло наклонность. Время не могло истребить счастливыхъ впечатлѣній сею первою эпохою жизни оставленныхъ, ихъ не могло совершенно подавить бремя государственныхъ дѣлъ, и не остыли они отъ холода лѣтъ и высшаго общества, въ которомъ живетъ онъ. . . . .

Не надобно забыть, что восемнадцатый вѣкъ едва только кончился въ то время, о которомъ пишу. Въ то время невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ просвѣщенія, и цѣломудріе юноши казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія; итакъ Блудову предстояла борьба не только съ самимъ собою, но и съ мнѣніемъ большинства людей. Онъ не хвастался своими чувствами, но и не скрывалъ ихъ; все это въ молодомъ мальчикѣ не показываетъ ли и силу характера, и силу убѣжденія? Правда, на мерзости людскія смотрѣлъ онъ не совсѣмъ по-христіански, не съ братскимъ соболѣзнованіемъ, не только съ гордостію и презрѣніемъ, но и съ постоянною досадою, и эпиграммы, коими языкъ и перо его были вооружены какъ иглами, съ обоихъ такъ и сыпались. И ненависть глупцовъ уже почтила его въ первые годы пребыванія его въ Петербургѣ; особенно не влюбили его молодые люди, много и скверно болтавшіе по-французски; они уже дали ему названія и мешана, и костика.

Всего болѣе нравъ его выказывался въ бесѣдахъ съ молодыми друзьями. Приучивъ себя къ какому-то первенству между ними, онъ часто какъ будто требовалъ исполненія воли своей и постомъ, какъ бы опомнясь, переходилъ къ неожиданной уступчивости. Глядя со стороны, нельзя было рѣши-

тельно сказать, тиранъ ли онъ друзей своихъ, или ихъ жертва? Это объясню я двумя словами: онъ властвовалъ надъ ними умомъ и покорялся имъ сердцемъ.

Этого человѣка искалъ я, вмѣстѣ и страшился. Трусости сей я не красѣю и нынѣ готовъ ею похвалиться; я боялся его какъ совѣсти своей. Въ одномъ чувствовалъ я превосходство свое передъ нимъ; мнѣ жаль было видѣть, какъ, при умѣ его, могъ онъ съ такимъ участіемъ, иногда съ восхищеніемъ говорить о русской словесности; мнѣ казалось, что между высокопарно-скучнымъ церковнымъ и стихотворнымъ языкомъ нашимъ и языкомъ простонародія неизмѣримое пространство, на срединѣ коего, какъ едва примѣтная точка, стоялъ Карамзинъ. Какой тутъ быть прозѣ, какимъ стихамъ, думалъ я, и стоить ли о томъ говорить? За то въ мысляхъ о Франціи и энтузіазмъ къ ней были мы совершенно согласны; въ этомъ онъ былъ мой оракулъ, а Лагарпъ его законодатель; и тутъ являлось его правовѣріе: роялизмъ былъ его политическою, а классики литературною вѣрой.

Кажется, болѣе всего соединяла насъ въ это время страсть къ французской сценѣ, которая во мнѣ доходила до безумія. Мнѣ случалось не допивать, не доѣдать, случалось довольствоваться людскими щами и кашей, чтобы послѣдній мѣдный рубль нести въ театръ; тамъ была вся услада, все утѣшеніе моей жизни; тамъ былъ я увѣренъ встрѣтить Блудова, и мы оба во всемъ смыслѣ могли называться пилястрами партера, какъ говорятъ Французы.

И вотъ тутъ-то примусь я описывать со всею подробностію (читай меня, или не читай) любопытнѣйшее занятіе праздной моей молодости. Я говорилъ уже о петербургскомъ театрѣ при Павлѣ Первомъ, когда я только что прозрѣлъ его. . . . . Прошелъ траурный годъ, въ продолженіе коего придворные актеры не могли являться на сценѣ, и о театрѣ, до котораго императоръ Александръ никогда не былъ большой охотникъ, какъ будто позабыли. Но когда весной 1802 года онъ опять былъ открытъ, среди всеобщаго стрепленія къ веселостямъ, тогда всѣ почувствовали необходимость его въ столичномъ городѣ; для самого государя, тогда еще совершенно молодаго публичныя увеселенія имѣли еще нѣкоторую заманчивость. Каменный или боль-

шой театр, воздвигнутый въ Коломнѣ при Екатеринѣ, велѣно архитектору Томону перестроить заново и съ большею противъ прежняго роскошью; а покамѣстъ, дабы не прерывать представленій, отысканъ деревянный или малый театр, никому неизвѣстный, построенный великодушнымъ княземъ Потемкинымъ на дворѣ принадлежавшаго ему Аничковского дворца. Самъ директоръ императорскихъ театровъ, оберъ-камергеръ Нарышкинъ, отправился въ примиренный съ нами Парижъ и навербовалъ тамъ два или три комплекта артистовъ всякаго рода. Все наѣхало, все поспѣло въ послѣдніе мѣсяцы сего 802 года, первые пребыванія моего въ Петербургѣ. Перестроенный большой театръ открытъ 30 ноября, меня чуть не задавили при входѣ, и я все-таки въ него не попалъ. Нѣсколько дней спустя было воскресеніе французской оперы, то-есть первый дебютъ знаменитой у насъ Филисъ.

Незабвенная Филисъ! какими я блаженными минутами ей обязанъ! девять лѣтъ сряду восхищала она меня. Но не подумайте, читатель, чтобъ я въ нее хотя сколько-нибудь былъ влюбленъ; это было не возможно, вопервыхъ, потому что я никогда вблизи ея не видывалъ, и потому, вовторыхъ, что на самой сценѣ, несмотря на оптической обманъ, она мнѣ казалась болѣе дурна чѣмъ хороша собою. Она была уроженка изъ Бордо и 24 лѣтъ когда къ намъ пріѣхала. Всѣмъ извѣстно, что подъ жаркимъ, южнымъ небомъ все сладчайшее, плоды и женщины, зрѣеть гораздо ранѣе чѣмъ у насъ, и несмотря на молодые свои годы, моя Филисъ казалась едва ли не перезрѣлою. У нея же былъ длинный носъ и смуглое лицо, чего я терпѣть не могу. Но все что только можетъ замѣнить свѣжесть и красоту, все въ ней находилось; все было плѣнительно, очаровательно, и взглядъ ея и поступь, и игра, и голосъ когда она имъ говорила, и умѣнье владѣть имъ когда она пѣла, и умѣнье наряжаться со вкусомъ. Никто не влюблялся въ нее какъ женщину, всѣ обожали какъ пѣвицу и актрису. Въ Парижѣ прелести ея цѣнились выше чѣмъ у насъ, онѣ произвели страсть и гоненія брата Бонапарте, Иеронима. Видно что власть семейства перваго консула была очень велика, ибо свободѣ Андрію, мужа или любовника Филисъ, угрожала опасность, и они, едѣлавъ условія съ Нарышкинымъ, тайно бѣжали въ Россію.

Этотъ Андріе былъ только что молодецъ собою: его приняли какъ тенора, но мудрено было сказать какой у него голосъ. Я бы назвалъ его безыменнымъ голосомъ. Онъ воображалъ что поеть, когда кричитъ подъ музыку, и играетъ, когда яростно размахиваетъ руками. За благомъ послѣдовала куча золь, которыя принуждены мы были выносить. Скоро привалило все семейство Фились, отецъ, мать, два брата и сестра. Сія послѣдняя одна могла почитаться сносною; ее звали madame Vertin; она была моложе, лучше старшей сестры, имѣла огромный голосъ, но пѣть была не мастерица.

Это еще не все: за госпожою Бертенъ послѣдовалъ тайный или скорѣе явный другъ ея сердца, молодой, обвѣнчанный отъ революціи французскій дворянчикъ. Увѣряли, что онъ какой-то графъ де-Мондохъ; что за дѣло до этого, мы знали и видѣли его на сценѣ подъ принятымъ имъ именемъ Сень-Леона; игралъ онъ очень плохо, но голосъ и лицо имѣлъ хорошенькіе.

Отъ прежней, при Павлѣ выписанной труппы, оставалось четыре лица: теноръ Буржуа, вторая пѣвица Монготье, шутиха Леруа, и бассъ Шатофоръ. У Буржуа было дѣйствительно какое-то мѣщанское неуклюжество, голосъ чистый, вѣрный, но метода прескверная, старинная французская. Г-жа Монготье довольно изрядно пѣла, но употребляла во зло дозволеніе, которое имѣли тогда пѣвицы, быть безобразными, не умѣть ни ходить, ни говорить, ни одѣваться. Старуха Леруа дерзала иногда браться за серіозныя роли, но даже и въ нихъ умѣла быть неблагопристойною; голосъ же ее былъ изломанный и старѣе ее лѣтъ и ролей; Шатофоръ ниже посредственности. На этой четверкѣ вывѣжала только дирекція протекшимъ лѣтомъ, чтобы давать кой-какія оперетки: иногда, когда число дѣйствующихъ лицъ того требовало, заимствовалась она изъ комической труппы крикунами и визгуньями. По пріѣздѣ Фились, еще долго она одна только скрашивала собою всѣ оперы.

Въ продолженіи 1803 года не проходило почти недѣли, чтобы не было на французскомъ театрѣ дебюта и одной или двухъ новыхъ піесъ. Въ аристократическомъ обществѣ, между нашими боярами, были Французы и Француженки разныхъ временъ и возрастовъ. По ихъ требованію, въ угожденіе имъ

начали отыскивать всё современныя имъ музыкальныя произведенія, и стали восходить до Монсиньи и Рамо: къ счастью, современниковъ Дулли никого уже не было. Глукъ и Пиччини мирно встрѣтились у насъ на одной сценѣ, пропѣтые одними и тѣми же артистами, и одни и тѣ же зрители, не давая одному передъ другимъ преимущества, обоимъ съ одинаковымъ равнодушіемъ рукоплескали. Только для немногихъ *Ифигенія, Орфей и Эдипъ въ Колонѣ* воскрешали бывшее; когда хоромъ запѣли *Achille vera votre éroux* не одинъ старикъ затрепеталъ отъ восторга; когда Андриё, играя Блонделя въ *Рихардъ Львиномъ Сердцѣ* несноснымъ голосомъ своимъ затянулъ, *O Richard, o mon roi*, одна престарѣлая княгиня, пораженная воспоминаніями. въ дѣлѣ своей зарыдала. Для нашего же поколѣнія, Гретри казался уже ветхъ, и неистощимый Галейракъ былъ часто несносенъ. Но что я говорю о нашемъ поколѣніи! поминками о Филисѣ не похожъ ли я на тѣхъ, о коихъ сейчасъ говорилъ? Съ тою однакоже разницею, что музыка, отъ коей въ молодости былъ я внѣ себя, является мнѣ нынѣ изрѣдка и противъ воли моей какъ старая, давно забытая любовница, вся въ сѣдинахъ и морщинахъ.

Этотъ 803 годъ познакомилъ меня со всѣми тогдашними композиторами; я узналъ Николо, и Бертоня, и Крейцера. Видно былъ во мнѣ врожденный вкусъ, ибо ревъ и стонъ большихъ французскихъ оперъ съ ихъ речитативами казался мнѣ нестерпимъ; но этотъ вкусъ еще не образовался, и одна только легонькая французская музыка новыхъ комическихъ оперъ пришла къ мнѣ по уху. Напримѣръ, *Меюль* мнѣе другихъ, а *Херубини* и вовсе мнѣ не нравился. Моимъ кумиромъ былъ въ то время *Боіельдіё*, и привезенный тогда имъ самимъ въ Петербургъ *Калифъ Багдадскій*, котораго едва можно почтить названіемъ водевиля, казался мнѣ чудомъ изъ чудесъ.

Французская комическая труппа была гораздо выше оперной. Какъ въ сей послѣдней, подобно Филисѣ, никто въ ней отдѣльно не блисталъ; за то она составлена была изъ артистовъ почти равнаго, вообще превосходнаго достоинства; въ ней я нашелъ прежнюю *Вальвиль*, игравшую главныя роли, большихъ кокетокъ. Въ искусствѣ своемъ, сколько припомню, должна была она уступить только двѣцѣ *Марсъ*,

цѣлые полвѣка бывшей гордостію и наслажденіемъ Парижанъ; но высокій ея талантъ никакъ не могъ примирить меня съ ея наружностію; одни снисходительные люди называли ее дурною; она была отвратительна. Первыя мужескія роли выполнялъ Ларошъ, уже не молодой, не стройный и не благообразный; всѣ эти недостатки исчезали передъ жаромъ, съ которымъ онъ игралъ, передъ благородствомъ съ какимъ онъ говорилъ и читалъ стихи. Для первыхъ молодыхъ ролей, мужескихъ и женскихъ, была не весьма молодая чета Сенклеровъ; но оба они, мужъ и жена, прекрасно знали свое дѣло. Въ серьезныхъ амплуа, нѣсколько времени еще показывали почтенныя развалины Оффрена, пока пріѣздъ жирнаго Деглиньи не далъ возможности ихъ болѣе не тревожить. Толщина сего послѣдняго, внезапно замѣнившая сухощаваго Оффрена, не выгодно къ нему всѣхъ расположила; онъ же, разгорячившись, иногда отъ нея задыхался. Скоро однакоже оцѣнили истинный его талантъ и узнали въ немъ, даже на сценѣ, безъ личнаго съ нимъ знакомства, почтеннаго человека, сильно чувствующаго всю красоту часто проповѣдуемой имъ морали. Въ томъ что Французы называютъ *gôles à manteau*, былъ изумителенъ, неподобенъ старикъ Дюкроаси. Что за веселость въ игрѣ! что за вспышки во гнѣвѣ! и потомъ что за добродушіе! И какъ почтенно былъ онъ забавенъ! Чтобы говорить какъ Французы, онъ какъ бы нарочно былъ выстроенъ для своихъ ролей, и никто болѣе его такъ искренно не былъ любимъ публикой. Лакейскія роли должны обыкновенно принадлежать высокимъ комикамъ; у насъ тогда были они во владѣніи Фрожера, извѣстнаго фарсера Нарышкинскаго дома; тогда не многіе знали и чувствовали, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и какъ онъ былъ удивительно смѣшонъ, то при всякомъ появленіи его раздавался всеобщій, громкій хохотъ; его очень любили; въ Парижѣ едва ли бы онъ годился въ гримасѣ. Субретокъ выполняла дочь его, къ счастью не долго: скоро пріѣхала чудо-актриса Туссея. Вотъ тутъ было искусство неподражаемое; въ этомъ ничего подобнаго ей съ тѣхъ поръ я не видывалъ; среди отличныхъ собратій своихъ въ комедіи она была почти то же что Филисъ въ оперѣ. Какъ оконечности сходятся, такъ и она вышла замужъ за одного изъ двухъ братьевъ Мезьеровъ, двухъ многолѣтнихъ подтычекъ нашего театра,

которыхъ любители бостона, модной тогда игры, называли *grande* и *petite misère*.

Я не стану говорить о другихъ весьма хорошихъ и даже превосходныхъ комическихъ и трагическихъ актерахъ, явившихся къ намъ въ послѣдующіе сему годы: о Дюранъ, о Веделъ, Менвиеллъ, Каланъ и Гранвиллъ. Мнѣ интересна, мнѣ болѣе памятна одна только эта эпоха моей сценичаноіи, и всею этою статьей о театрѣ, признаюсь, потѣшаю себя, а не читателя.

Французскіе спектакли въ Парижа почитаются его жителями, и не безъ причины, провинціальными. Актеры, въ ихъ труппахъ, поневолѣ должны быть, какъ Метръ-Жакъ въ *Скупомъ* Мольера, попеременно кучера и повара; одинъ и тотъ же человѣкъ играетъ въ комедіи, въ трагедіи и пожалуй въ водевилѣ. При Екатеринѣ трагедія шла особнякомъ, но когда послѣ кончины ея, прославленная при ней мадамъ Гюсъ, послѣдовала за удаленнымъ сожителемъ своимъ графомъ М., Флоридоръ, ученикъ Лекена, уѣхалъ изъ Россіи, и остался одинъ только Офренъ, то начали играть трагедію актеры изъ выписанной тогда комической труппы, та же Вальвиль и тѣ же Ларошъ и Сенклеръ, и какъ кажется не весьма удачно. Въ началѣ 803 года, одинъ красивый молодецъ, подъ именемъ г-жи Ксавье, выступилъ на сцену въ роли Федры; въ немъ было много женскаго, на примѣръ, ни одна актриса не умѣла такъ ловко и съ такимъ необыкновеннымъ вкусомъ одѣваться. Шутки въ сторону, сія красавица, хотя и гигантка, важно выступала, говорила чисто и рѣчисто, ломала *Семирамиду*, ломалась въ *Герміонъ*, но не имѣла ни малѣйшаго понятія о драматическомъ искусствѣ, а если можно, еще менѣе о стихотворномъ; вытягивала стихи, сжимала ихъ, иногда пропускала и вставляла цѣлыя полуступиці. А нѣсколько лѣтъ владѣла, однакоже, скипетромъ, пока не явилась царица истинно законная и не столкнула сію самозванку: тогда, какъ мастерица наряжаться, она познала истинное свое призваніе и на накопленные деньги открыла модную лавку, въ которой, кажется, еще и понынѣ торгуетъ.

Въ выборѣ піесъ были тогда очень строги. Какъ главнѣйшіе зрители, такъ и главнѣйшіе актеры были напитаны чистымъ классицизмомъ. Когда переиграли всего Корнея и Расина, Вольтера и Кребийльона, тогда только Леміеръ и Дю-

беллоа начали изрѣдка прокрадываться на сцену. Съ комедіей тоже, когда постоицился нѣсколько Мольеръ, Ренаръ, Дегушъ и Мариво, тогда желая угодить любви петербургской публики къ новизнамъ принялись за Коленъ Дарлевиля, Пикара и Дюваля: года два-три спустя и второстепенные авторы начали показываться. Но долго, очень долго не знали у насъ на французскомъ театрѣ такъ-называемыхъ мѣщанскихъ или слезныхъ драмъ.

Водевилы, эта помѣсь комедіи съ оперой, были въ этомъ году появленіемъ совершенно новымъ. Съ ними познакомили насъ прихоти Филисъ, которая выбирала тѣ гдѣ представлялись выгодныя роли. Всего увидѣли мы ихъ пять или шесть, изъ коихъ примѣчательны были только *Фаншоны* и *Любовники Протеи*.

Съ французскимъ театромъ почти неразрывно связаны балеты; они чисто французскія произведенія. Ихъ составлялъ тогда и потомъ блисталъ въ нихъ примѣчательный Дидело съ женою своею. О танцовальномъ ея достоинствѣ, которое всѣ превозносили, я судить не могу, не будучи охотникомъ; но не долго тѣшила она взоры, скоро умерла, и ея мѣсто дома и на сценѣ заступила новая мадамъ Дидело, бывшая Роза Колнетъ, о которой уже я говорилъ. Увѣряли, что нашимъ молодымъ русскимъ танцовщикамъ и танцовщицамъ, по томъ и кровью доставалось плясовое искусство: Дидело всегда вооруженный престрашнымъ арапникомъ, посредствомъ его (какъ нѣкогда Пото со мною) давалъ имъ уроки. Другой танцовщикъ назывался Дютакъ, и про него кто-то сказалъ, что онъ Нетакъ. Тогда было не то что нынѣ, давали почти одни серіозные балеты, плясовыя трагедіи, *Медея* и *Язонъ*, *Апеллесъ* и *Калпасна*, *Пирамъ* и *Тизбе*, которые казались еще скучнѣе нынѣшнихъ.

Придворнымъ и обществу, какъ ребятамъ, всего хотѣлось; все еще имъ мало было забавъ. Прежняя италіанская труппа была распущена, имъ захотѣлось новой, а какъ императоръ не былъ охотникъ до музыки, какъ уже сказалъ я, то безъ всякаго казеннаго участія дозволилъ ее только выписать, и вмѣсто всякой другой помощи, велѣлъ отдать ей даромъ, по открытіи Большаго театра, малый Анничковскій. Антрепренеру Казасса посчастливилось сманить славные таланты, но не удалось приобрѣсть выгодъ отъ своего предпріятія; онъ едва

не сдѣлался банкротомъ, и тогда уже убѣдили государя бѣдную труппу взять подъ свое покровительство и назвать придворною. А если эта труппа не умѣла сдѣлать Петербургъ музыкальнѣе, то видно никогда ему такимъ не быть. Было такихъ два тенора, Пасква и Ронкони, какихъ мнѣ кажется дотолѣ слыхомъ не слыхано было. Несмотря на искусное свое пѣніе, примадонна Каневасси была имъ не въ мѣру; черезъ нѣсколько времени надобно было опять призвать старую Маджіорлетти, съ ея сильнымъ, молодымъ и очаровательнымъ голосомъ, и тогда дѣло пошло иначе. Давно ли мы здѣсь видѣли стараго буффа Замбони и любовались имъ? Можно себѣ представить, какъ онъ тогда въ молодости пѣлъ и игралъ. Что за красоточка была у него жена, вторая донна! Она была такъ хороша собою, что о ея миломъ, чистомъ, звонкомъ, приятномъ, искусномъ голоскѣ почти не говорили; онъ какъ будто былъ данъ въ придачу къ красотѣ. Преимущественно играли они тогда музыку Чимароза, Паэзіело, Назолини, Фіорованти. Какъ изученіе италіянскихъ оперъ требуетъ болѣе времени чѣмъ водевилей, то частымъ повтореніемъ своимъ они скоро надѣли, и въ 806 году совсѣмъ прекратилось ихъ здѣсь существованіе.

Не знаю какъ другимъ молодымъ людямъ, но мнѣ случилось быть въ нѣмецкомъ и въ русскомъ театрѣ, какъ въ балаганахъ о Святой, то-есть очень рѣдко. Я винился знакомымъ что видѣлъ три нѣмецкія оперы; именно: *Волшебную Флейту*, Моцарта, Вѣнскую народную *Донауейбхенз* и весьма забавный фарсъ, *die Schwestern aus Prag*: и надо мной готовы были смѣяться. Наша новорожденная драматическая литература стояла въ глазахъ нашихъ все-таки выше нѣмецкой, она была по крайней мѣрѣ блѣдная копія французской, которая обществомъ почиталась тогда первѣйшею въ мірѣ. Играли, однакоже, нѣмецкія комедіи и трагедіи передъ нѣмецкою публикой, которая въ Петербургѣ всегда бываетъ многочисленна, и которая тогда бредила Шиллеровыми *Разбойниками* и *Донъ-Карлосомъ*. Въ это время (да полно, не такъ ли и нынѣ) на нѣмецкомъ языкѣ все серьезное казалось мнѣ нестерпимымъ, все пристойно-веселое скучнымъ, все нѣжное отвратительнымъ; нравились мнѣ одни только фарсы. Вотъ отчего остались у меня въ памяти только два искусные забавника, Штейнбергъ и Линденштейнъ, да еще одна молоденькая пѣвица, Демоазель Брюкъ совсѣмъ не

забавная, но примѣчательная по огромному голосу своему, не скажу пріятному, и по нѣмедкой постоянности, съ какою слушали ее въ однѣхъ роляхъ болѣе тридцати лѣтъ и съ какою она занимала ихъ.

Русскій театръ, въ первые два-три года Александрова царствованія, оставался еще россійскимъ театромъ, созданнымъ Сумароковымъ, и почти не подвигался впередъ. Не задолго до пріѣзда моего, представленіе одной новой піесы, *Лиза*, или *Торжество благодарности*, весьма ничтожной и давно забытой, было важнымъ происшествіемъ и возбудило не только вниманіе, но и удивленіе публики, и авторъ г. Ильинъ удостоился чести совершенно новой, дотошъ у насъ не слышанной: его вызвали на сцену. Ободренный симъ примѣромъ, другой, столь же неизвѣстный авторъ, г. Федоровъ, слѣдующею весной вывелъ свою драму, другую Лизу, взятую изъ *Бѣдной Лизы* Карамзина, но имѣлъ успѣхъ уже посредственный. Недолго жалкіе сіи люди одни владѣли русскою сценою, пока не явились сперва Крыловъ, а вскорѣ потомъ и Шаховской и продлили цѣпь русскихъ комиковъ, прерванную смертію Княжнина и фонъ-Визина и молчаніемъ Капниста. Крыловъ, съ которымъ я тогда рѣдко и довольно сухо встрѣчался, пересталъ уже жить по добрымъ людямъ и испытывалъ силы свои въ разныхъ литературныхъ родахъ; каждый бы ему дался, и тому служить доказательствомъ двѣ написанныя имъ въ это время комедіи: *Урокъ дочкамъ* и *Модная лавка*. Но чтобы на этомъ поприщѣ достигнуть возможнаго совершенства, не доставало ему одного—прилежанія. Басни избралъ онъ не потому, чтобы почиталъ ихъ единственною стезею, могущею вести его къ извѣстности и славѣ, а потому что находилъ ее удобнѣйшею, легчайшею... и прибыльнѣйшею. * О Шаховскомъ, съ которымъ я послѣ такъ коротко былъ знакомъ, о его слабостяхъ и достоинствахъ, нахожу что здѣсь еще не мѣсто говорить.

Что сказать о лицедѣяхъ нашихъ того времени? Начнемъ съ трагическихъ, съ Яковлева и Каратыгиной. Первому искусство ничего не дало, природа все: мужественное лицо, высокій стройный станъ, органъ звучный и громкій, но

* На вопросъ одного умершаго нынѣ поэта, который спрашивалъ его: отчего онъ басни предпочелъ другимъ стихотвореніямъ, онъ отвѣчалъ: „Этотъ родъ повятея каждому; его читаютъ и слуги, и дѣти... ну, и скоро рвутъ.“

всѣми дарами ея не умѣлъ онъ воспользоваться: я не виню его. Говорять, что у Дмитревскаго не было образцовъ: напрасно, онъ видѣлъ ихъ за границей и по нимъ образовалъ природный даръ свой, весьма необыкновенный. Когда онъ воротился и показался на сценѣ, въ Петербургѣ не было ни одного иностраннаго театра, и онъ имѣлъ судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его видѣли. Яковлевъ игралъ передъ многочисленною толпою, въ которой самая малая часть принадлежала къ среднему состоянію, остальное было ближе къ простонародью, даже къ черни. Какъ актеру не искать рукоплесканій? и какъ желая нравиться такой публикѣ не исказить свой талантъ? А какъ въ этомъ родѣ посредственности быть не можетъ, то Яковлевъ былъ мало сказать что плохъ, онъ былъ скверенъ. Отъ неистовыхъ криковъ и частаго употребленія водки голосъ его осипъ, и онъ свирѣпствовалъ истинно каррикатурно. Подруга его на сценѣ, госпожа Каратыгина, жена плохаго актера, игравшаго молодыхъ людей въ комедіи, была довольно красива, но играла не хорошо, все всхлипывала, и не глаза, а горло казалось у нея вѣчно исполненнымъ слезъ.

Кто знаетъ? нынѣ, можетъ-быть, ими бы восхищались; такъ мнѣнія и вкусы перемѣнились. Трагедій было мало, всѣ прежнія Майковскія, Николевскія и даже нѣкоторыя Сумароковскія брошены, а объ Озеровѣ еще не было слышно; играли покажѣсть плохо переведенныя, чудовищныя нѣмецкія драмы, и ими обуревался и имъ хлопалъ площадной партеръ.

Въ мірѣ былъ когда-то народъ, у котораго чувство изящнаго проникло во всѣ состоянія; онъ давно уже исчезъ. Былъ другой народъ, завоевавшій богатства цѣлаго свѣта и въ числѣ ихъ, какъ сокровище, захватившій у перваго чистоту и строгость вкуса его; отъ него осталось его громкое имя. Послѣ столѣтій, этотъ правильный вкусъ явился у третьяго народа, нѣкогда второму подвластнаго; ознаменованная печатію сего вкуса литературныя произведенія его распространили его вліяніе и языкъ по всей Европѣ, и прежде нежели мечомъ посягнулъ онъ на свободу народовъ, уже ему покорила ихъ лира. Когда этотъ народъ сталъ терзать себя и сосѣдей и все опрокидывать, еще высоко стояла среди него сія вѣнчанная лира, и онъ не переставалъ ей поклоняться; теперь она не разбита,

но валяется въ прахъ. Нѣтъ, классицизмъ и желаніе владѣть міромъ не могли быть врожденнымъ чувствомъ у потомства легкомысленныхъ Галловъ и черствыхъ Франковъ; первый былъ одно подражаніе и долго господствовавшая мода; другое родилось и умерло въ головѣ единаго человека, Италіянца, потомка Римлянъ. Когда Европа уняла Францію, то нѣсколько времени она гнѣвалась, волновалась, но непримѣтнымъ образомъ принимала уставы своихъ сосѣдей, Англичанъ и Нѣмцевъ; все готско-тевтоническое, какъ нѣчто родное и такъ непринужденно въ ней возобладало и выдавило, такъ сказать, мечты о древнемъ величіи Рима. Тѣмъ лучше! Я чуть было не сказалъ для нашей будущности, но вспомнилъ и наше идолопоклонство не одной уже Франціи, но въ совокупности съ ней цѣлой Европѣ.

Какое отступленіе! И все это по случаю игры Яковлева, правда, не понятаго и опередившаго свой вѣкъ. Теперь немного словъ еще о тогдашнемъ нашемъ театрѣ. Комедія шла не много лучше трагедіи. Рахманова, въ роляхъ сердитыхъ, сварливыхъ старухъ, какими были тогда въ русскихъ провинціяхъ всѣ старухи, отъ бездѣйствія и скуки терзавшія все имъ подвластное, и Пономаревъ, олицетворенное подъячество, были оригинально забавны. Между не выпущенными еще воспитанниками и воспитанницами тогда уже существовавшей театральной школы, начинали въ комедіи являться талантики.

Пѣвцы и пѣвицы были достойны играемыхъ тогда русскихъ оперъ. Но между ними было нѣчто чрезвычайно примѣчательное, нѣчто совершенное, это буффъ въ русскомъ родѣ, Воробьевъ. Онъ смѣшилъ когда онъ пѣлъ, когда онъ говорилъ, когда онъ стоялъ, смотрѣлъ, даже когда онъ только показывался на сценѣ. Жена его, толстенъкая, слабоглазая и неуклюжая, занимала первыя роли, обыкновенно царицень и княжонъ. Когда число дѣйствующихъ лицъ того требовало, то голоса брали на прокатъ изъ театральной школы.

Отъ русскаго театра весьма естественнымъ образомъ переходить къ тогдашней русской литературѣ. . . . При Александрѣ она стала возвышаться и течь съ быстротою. Еще долженъ повторить, что я совсѣмъ ею не занимался, и если что узналъ о современномъ ходѣ ея, то по изустнымъ преданіямъ Блудова. Но сего достаточно, чтобы вкратцѣ

описать тогдашнее ея состояніе. Она, какъ всеѣмъ извѣстно, родилась въ Петербургѣ; всѣ прежніе сочинители отъ Ломоносова до Державина, и отъ Тредьяковскаго до Хвостова въ немъ образовались, жили, служили и писали. Поздѣе Москва сдѣлалась ея центромъ, и она тѣмъ обязана постоянному пребыванію двухъ писателей въ стихахъ и прозѣ, Дмитриева и Карамзина. Съ тѣхъ поръ все лучшее въ нашей словесности родится и произрастаетъ тамъ, плоды же собираетъ Петербургъ. Съ воцареніемъ Александра все благородное воспрянуло, и Карамзинъ, столь привлекательный въ своихъ бездѣлкахъ, прилежно и сильно принялся за дѣло. Онъ сдѣлался первымъ издателемъ перваго у насъ журнала, достойнаго сего названія. Его *Вѣстникъ Европы* началъ насъ знакомить какъ съ ея произведеніями, такъ и съ нашею древностію. Какое мужество, какое терпѣніе и какое безкорыстіе были потребны Карамзину! Какая бѣдность въ матеріалахъ! Какой недостатокъ въ сотрудникахъ! Какое малое число подписчиковъ и какая низкая цѣна за изданіе! Едва прикрывались издержки, а трудъ шель почти даромъ. Онъ принужденъ былъ почти одинъ постоянно заниматься, сочинять, переводить. Но великій писатель достигнулъ своей цѣли; онъ водрузилъ знамя, подъ которое стали собираться молодые таланты и развиваться подъ его сѣнію. Между тѣмъ и самый слогъ Карамзина, дотошъ красивый, стройный, милый, какъ прелесть молодости, среди упорныхъ, вседневныхъ трудовъ примѣтнымъ образомъ сталъ укрѣпляться и подниматься, и во всей мужественной красотѣ явился въ героѣ-женщинѣ, *Марѣ Посадницѣ*. *Вѣстникъ Европы* становился слишкомъ приманчивъ, чтобы быстро не умножилось число его читателей и подписчиковъ, и тогда только, когда Карамзинъ могъ ожидать себѣ отъ него прибыли, представилъ онъ его людямъ, его ученіемъ образованнымъ.

Въ это же время (и все въ той же Москвѣ), сдѣлалась извѣстны два молодые стихотворца, Мерзляковъ и Жуковский. Мерзляковъ возгремѣлъ одой молодому императору, при полученіи извѣстія о восшествіи его на престолъ, и она найдена лучшею изъ десяти или пятнадцати другихъ написанныхъ по тому же случаю. Далѣе слава его не пошла; извѣстность его умножилась. Онъ былъ ученѣйшій изъ нашихъ литераторовъ и подъ конецъ профессоръ въ Московскомъ университетѣ; много и правильно писалъ, но читали его безъ

удовольствія. Въ послѣдствіи я тоже попытался и нашелъ въ немъ мало вкуса, много педантства.

Какъ новый, какъ ясный мѣсяць, имъ такъ часто воспѣтый, народился тогда Жуковскій. Я разъ сказалъ уже, что не зная его, позавидовалъ золотой его медали. Потомъ много былъ о немъ слышанъ отъ друга его, Блудова, и хотя лично познакомился съ нимъ годомъ или двумя позже описываемаго времени, не могу отказать себѣ въ удовольствіи говорить о столь примѣчательномъ человѣкѣ.

Бездомный сирота, онъ выросъ въ Бѣлевѣ, среди умнаго и просвѣщеннаго семейства Буниныхъ. Знать Жуковского и не любить его было дѣло невозможное, а любить ребенка и баловать его всегда почти одно и то же; но инымъ дѣтямъ баловство идетъ въ прокъ; такъ, кажется, было и съ нашимъ поэтомъ. Когда онъ былъ уже на своей волѣ, и въ службѣ, и въ лѣтахъ, долго оставался онъ незлобное, веселое, безпечное дитя. Любить все близко его окружающее, даже просто знакомое, сдѣлалось необходимою его привычкою. Но въ этой всеобщей любви, разумѣется, были степени, были мѣра и границы; ненавистнаго же ему человѣка не существовало въ мірѣ. Избытокъ чувствъ его рано началъ выливаться въ плавныхъ стихахъ, а потомъ вся жизнь его, какъ извѣстно будетъ потомству, была пѣснь, молитва, вѣчный гимнъ божеству и добродѣтели, дружбѣ и любви. Какое любопытное существо былъ этотъ человѣкъ; ни на одного изъ другихъ поэтовъ онъ не былъ похожъ. Какъ можно всегда подражать, и всегда быть оригинальнымъ? Какъ можно умѣть такъ трогательно, всею душой грустить и потомъ ото всего сердца смѣяться? Не знаю, право, съ чѣмъ бы сравнить его? Съ инструментомъ ли или съ машиною какою, приводимую въ движеніе только постороннимъ дуновеніемъ? Чужезычные звуки, какіе бъ ни были, нѣмецкіе, англійскіе, французскіе, налетая на сей русскій инструментъ, и коснувшись въ немъ чего-то, поэтической души, выходили изъ него всегда плѣнительнѣе, во сто разъ нѣжнѣе. Лишь бы ему не быть подлинникомъ, дайте ему что хотите, онъ все украситъ, французскую ничтожную пѣсенку обратитъ вамъ въ чудо, въ совершенство, въ *Узника* и *Мотылька*, и, мнѣ кажется, еслибъ онъ былъ живописецъ, то изъ Погребенія кота умѣлъ бы онъ сдѣлать *chef d'oeuvre*.

Такимъ людямъ, какъ онъ съ Блудовымъ, стоило только

сойдтисъ одинъ разъ, чтобы навсегда сомкнуться. Что касается до меня, то скажу безъ хвастовства и скромности, что и у меня была одна сторона чистая, неповрежденная, и ею только могъ я прислониться, и сколько-нибудь прильнуть къ такого рода людямъ. Жуковскій меня любилъ, но не всегда и не много дорожилъ моею пріязнью; тѣмъ пріятнѣе мнѣ отдавать ему справедливость. Истинѣ всегда я жертвовалъ самолюбіемъ, и это свойство, не весьма обыкновенное, есть можетъ-быть одно, которымъ позволено мнѣ гордиться.

Но дѣло не обо мнѣ, а о литературѣ. Въ Петербургѣ жилъ одинъ человекъ, пожилой, чиновный, честный и почтенный, но какъ писатель, состарѣвшійся въ безызвѣстности. Онъ имѣлъ славу быть первымъ у насъ славянофиломъ; въ молодости плѣнился церковнымъ нашимъ языкомъ, его изреченіями, его оборотами и цѣлый вѣкъ хлопоталъ о томъ, чтобы ввести его и въ письма, и въ разговоры. Это былъ извѣстный вице-адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, еще менѣе морякъ чѣмъ авторъ. Любимый свой славянскій языкъ искалъ онъ не только въ земляхъ, нынѣ или прежде обитаемыхъ Славянами, но и вездѣ откапывалъ корни словъ его. Предпріятіе важное, дѣло похвальное, страсть благородная! Только жаль, что къ полезному удовлетворенію ея у него не было средствъ, не было достаточнаго ума и свѣдѣній. Трудясь въ безплодныхъ изысканіяхъ, онъ сдѣлался угрюмъ и бранчивъ. Проведя всю жизнь въ Петербургѣ и мастерски играя въ карты, ему не трудно было сдѣлать связи съ знатными людьми, съ знатными домами; а какъ наши баре не учились русской грамотѣ, то и повѣрили ему на слово, что онъ великій человекъ, коему опредѣлено исправить, передѣлать, очистить, усовершенствовать прекрасный русскій языкъ, какъ говорили они, но о коемъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. На прежніе успѣхи Карамзина смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ, но когда сей послѣдній примѣтно началъ становиться основателемъ школы, то онъ жестоко вознегодовалъ. Въ такомъ расположеніи духа издалъ онъ памфлетъ, подъ названіемъ: *О старомъ и новомъ русскомъ слоgъ*, гдѣ сильно и довольно грубо напалъ на галлицизмы, на нововведенія московскихъ писателей. Это былъ первый пушечный залпъ изъ собравшагося непріятельскаго стана, но онъ остался безъ отвѣта.

Странное однакоже дѣло! Тогдашніе петербургскіе литера-

торы, Львовы, Гераковы и другіе, народъ все нужный, должностной, поклонники Шишкова, не слѣдовали его ученію и славянизмъ у себя не вводили, въ угожденіе ему довольствуясь дурно писать. Да и самъ почтенный Александръ Семеновичъ поучалъ болѣе словами чѣмъ примѣромъ.

Спустя нѣсколько времени, другой выстрѣлъ послѣдовалъ со сцены. * Князь Шаховской, служившій въ театральнѣйшей дирекціи (котораго берегу я для будущаго), написалъ комедію: *Новый Стерня*, въ которой дурачить сентиментальность какихъ-то небывалыхъ писателей, шепнувъ всѣмъ на ухо, что онъ мѣтитъ на Карамзина. Въ языкѣ Шаховскаго также никогда славянскаго ничего не было, но Шишковъ охотно прощалъ ему, какъ сильному и полезному союзнику. На этотъ второй вызовъ также не было отвѣта: развѣ почитать отвѣтомъ веселую эпиграмму молоденькаго тогда Блудова. Вотъ она:

Хотите ль, господа, между пѣвцами
Узнать Карамзина въ записныхъ враговъ?
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами,
И вотъ блѣднѣющій надъ святцами Шишковъ.
Они умою равны, обоихъ зависть мучить,
Но одного сушить она, другаго пучить. **

Однакоже, эта иглолка на нѣкоторое время какъ будто прекратила дѣйствія тяжелыхъ орудій. Послѣ того долго не было явной войны. Она было возгорѣлась въ 1810 году, но скоро остановлена происшествіями другой войны, болѣе кровопролитной. Послѣ вторичнаго занятія Парижа, наша литературная война возобновилась съ новою яростію; послѣднія ея жестокія сраженія происходили въ 1816-мъ. Если я останусь живъ, и будетъ у меня время, то я неминуемо долженъ быть ея историкомъ.

Никто въ этомъ не замѣтилъ необыкновенной странности. Новенькій Петербургъ, полуфемецкій городъ, каналъ чрезъ который втекала къ намъ иностранная словесность и развивалась по всей Россіи, воевалъ съ старою Москвою за пренебреженіе къ древнему нашему языку, за порчу его, искаженіе, за заимствованіе множества словъ изъ языковъ западныхъ.

* Это маленькій анахронизмъ, но я описываю не годъ, а эпоху.

** Шишковъ, какъ лунь бѣлый, былъ всегда очень худоцавъ; Шаховской же и въ молодости былъ чрезвычайно жиренъ.

За снмъ довлѣть мнѣ говорить о предметѣ, какъ для меня, такъ я полагаю, и для другихъ, менѣе занимательномъ, о мнимои службѣ моеи.

V.

Не прежде какъ въ июнѣ или въ июлѣ, по приказанію Сперанскаго, явился я въ первое отдѣленіе экспедиціи государственнаго благоустройства, къ начальнику его Дмитрію Семеновичу Серебрякову. Молодые статисты *, какъ мы себя называли, впредь до образованія особеннаго для нихъ статистическаго отдѣленія, для занятій поставлены были подъ его начальство. Онъ родомъ былъ съ Дону, изъ казаковъ, но никто бы не могъ о томъ догадаться, судя по миниатюрной его фигуркѣ, по пріятному голоску, по его кротости и добродушной улыбкѣ. Его пріемъ меня очень ободрилъ, но тѣмъ все и кончилось. Я просилъ у него занятія, онъ велѣлъ подождать, потомъ общалъ, все откладывалъ и изрѣдка давалъ переписать какую-нибудь коротенькую бумажку. Съ другими моими товарищами было не лучше; они имѣли право разгуливать по комнатамъ канцеляріи, разговаривать между собою, только не слишкомъ громко и мѣшать другимъ заниматься. Имѣющіе штатныя мѣста и канцелярскіе обходились съ нами вѣжливо, но смотрѣли косо, какъ на трутней. Изрѣдка, съ досадою, но тихо произнесенныя слова: баричи, бѣлоручки, доходили до нашего слуха; инымъ казались обидны. Другимъ лестны для самолюбія. Тогда уже было замѣтно составившееся намѣреніе всѣхъ невоспитанныхъ въ канцеляріяхъ, въ семинаріяхъ и университетѣ не подпускать къ должностямъ.

Чего-то ожидая, толковать о вздорѣ, переливать, какъ говорится, изъ пустаго въ порожнее съ праздыми товарищами моими, весьма не занимательными, было совсѣмъ не забавно. Мнѣ скоро все это надоѣло, я пересталъ ходить въ экспедицію, много одинъ разъ въ мѣсяцъ показывался въ ней и никто не думалъ съ меня за то взыскивать.

Къ числу странностей моеи судьбы принадлежить и то, что куда бъ я ни попадалъ, куда бы ни опредѣлялся, никогда не

---

* Статисты у насъ солдаты, а компансы за границей вольные люди, которые нанимаются представлять народъ или войско, и въ нарядѣ ходить по сценѣ.

встрѣчалъ я ни одного знакомаго лица, все были новыя, мнѣ дотолѣ неизвѣстныя. Всякій разъ долженъ былъ знакомиться, изучать людей, посреди коихъ долженъ былъ жить. Ни во время ученія, ни на службѣ никто дважды товарищемъ моимъ не бывалъ. Можетъ-быть это самое приучило меня такъ наблюдать характеры людей.

Эспедиція государственнаго благоустройства, нынѣ департаментъ полиціи исполнительной, состояла изъ четырехъ отдѣленій. Первымъ, какъ сказалъ я, управлялъ Серебряковъ, добрый человѣкъ, екатерининскихъ временъ приказная строка. Начальникъ втораго отдѣленія былъ Николай Спиридоновичъ Тихомировъ; онъ слылъ человѣкомъ самымъ благороднымъ и такимъ казался; я его только что видѣлъ, оставался онъ не долго и не знаю куда дѣвался. Третьимъ отдѣленіемъ управлялъ Магницкій, а четвертымъ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ, бывшій профессоръ Московскаго университета, самый нестерпимый педантъ, который съ подчиненными обходился какъ съ школьниками. Ни единого слова мы другъ другу никогда не сказали, за то мѣнялись взорами и читали въ нихъ взаимную ненависть и презрѣніе. Чиновниковъ другихъ отдѣленій я никого не зналъ, но въ нашемъ примѣчательны были два столоначальника.

Первый, Гаврило Семеновичъ П., былъ въ Александровской духовной академіи, соученикъ Сперанскаго, который и заманилъ его въ гражданскую службу. . . . П. началъ съ генераль-прокурорской канцеляріи; потомъ вмѣстѣ съ дѣлами ему ввѣренными перенесенъ изъ нея въ министерство или департаментъ внутреннихъ, гдѣ при тѣхъ же дѣлахъ и кончилъ длинное свое поприще. Есть люди, для которыхъ столъ коимъ они управляютъ долженъ быть столбы геркулесовы; природа, на сей столъ имъ указывая, говоритъ: ты далѣе не пойдешь; но въ Россіи какая-то могущественная сила тянетъ людей вверхъ, иногда противъ воли ихъ. Такимъ образомъ и мой Гаврило Семеновичъ, увлеченный сею силой, и даже въ бореніи съ ней, перелѣзъ черезъ свой столъ и подъ конецъ дней своихъ очутился надъ департаментомъ. Орлиный полетъ Сперанскаго былъ ему не по крыльямъ; онъ не завидовалъ ему, а только имъ любовался. Я не знавалъ человѣка менѣе его словоохотнаго: вотъ то-то былъ молчальникъ. Но за краткостію словъ, за неподвижностію чертъ и взглядовъ, видна была сильная

страсть, страсть къ бумагамъ, страсть съ утра до вечера надъ ними сидѣть, ихъ перебирать, въ нихъ копаться, наблюдать за правильнымъ ихъ ходомъ, заботясь впрочемъ мало о ихъ содержаніи. Это была какая-то болѣзнь, форміазмъ, бумагоманія, разстройство нервъ, которое утихало только отъ бумажнаго осязанія. Въ Петербургѣ знавалъ онъ обыкновенно только ту часть города, чрезъ которую лежала дорога отъ квартиры его къ церкви и въ канцелярію; въ день Свѣтлаго Воскресенія послѣ обѣдни безъ всякаго дѣла сидѣлъ онъ одинъ въ департаментѣ; съ приѣзда своего въ малолѣтствѣ никогда не бывалъ за заставой; отъ роду не бывалъ въ театрахъ; не посѣщалъ никакихъ гульбищъ; долго не зналъ гдѣ Лѣтній садъ и когда одинъ разъ потребовали его туда съ дѣлами къ министру, жившему въ маломъ дворцѣ Петра Великаго, то онъ было заплутался.

Совершенную противоположность являлъ въ себѣ другой столоначальникъ, Петръ Петровичъ К., весельчакъ, говорунъ, добрый и умный малый. Этому бы утро хорошенько поработать, за то остальное время дня погулять, попить, только пристойно, съ хорошими и образованными людьми. Какъ это случилось, что онъ попалъ въ Казанскую семинарію, когда прозваніе у него было татарское, лицо, фигура и выговоръ какіе-то чувашскіе? Отецъ его изъ муллъ не попалъ ли въ православные священники? Онъ неизмѣнно былъ со мною хорошъ; много и часто толковалъ со мною, но не довольно ясно, и я долго не могъ понять, что онъ такое? чего ему хочется? Теперь, когда К. такъ размножился, съ перваго слова догадался бы я, что онъ либераль. Это было слѣдствіемъ маленькой слабости: онъ очень хорошо учился, зналъ иностранные языки, даже говорилъ по-французки очень смѣшно, однимъ словомъ былъ созданіемъ дѣлъ своихъ, и оттого почиталъ себя великимъ человѣкомъ. Онъ любилъ сердечно и восхищался только тѣми, кто самъ проложилъ дорогу или можетъ ее проложить себѣ, въ число коихъ дѣлалъ честь и меня включать. Отъ обѣихъ отцовскихъ религій, кажется, не оставалось у него одной, и оттого-то Бонапарте ставилъ онъ выше Бога, а Сперанскаго выше Бонапарте. Его живость, его нескромность, его всеприсутствіе въ послѣдствіи много повредили ему въ глазахъ начальства, и уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, не по доброй волѣ, долженъ былъ онъ оставить

службу. Къ похвалѣ его должно сказать, что отъ мѣсть имъ занимаемыхъ онъ, кромѣ жалованья, ничего не получалъ; а когда, въ послѣдствіи, положеніе его сдѣлалось роскошнѣе, то еще въ похвалу ему скажу, что онъ тѣмъ обязанъ былъ честной и счастливой игрѣ. Онъ былъ самый усердный членъ Англійскаго клуба, долго веселилъ его своими любезными странностями и опечалилъ только своею смертію.

Служеніе мое въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ имѣло еще одну невыгодную, можно сказать, мучительную сторону. Губернаторы находились въ прямой зависимости отъ министра и его департамента; слѣдственно отецъ мой былъ въ самыхъ частыхъ съ ними сношеніяхъ; слѣдственно, состоя тамъ на службѣ, обязанъ я былъ находиться его повѣреннымъ, его постояннымъ ходатаемъ, если не заступникомъ. Тогда люди ранѣе зрѣли, ранѣе старѣлись; въ тогдашнія мои лѣта, нынѣ мнѣ только чтобы вступить въ университетъ или приготовляться ко вступленію въ него, тогда отъ меня требовали опытности и дѣятельности. А что могъ я дѣлать? ничьею довѣренностію не могъ я пользоваться. Сперанскій пересталъ пускать меня къ себѣ, а до Кочубея было высоко какъ до царя. . . . .

Что тогда происходило въ Пензѣ, тому трудно повѣрить. Мнѣ бы теперь самому казалось, что память меня обманываетъ, еслибы не имѣлъ въ рукахъ письменныхъ доказательствъ, копій съ жалобъ посылаемыхъ къ министру. Пригласить ли кто моего отца обѣдать, онъ осмѣлится занемочь и пришлетъ извиниться, за эту грубость жалуются Кочубею; какой-нибудь мерзавецъ до того ли себя дурно ведетъ, что даже въ Пензѣ закрываются ему всѣ дома, онъ называетъ это гоненіемъ моего отца и приноситъ жалобу; побранятся ли два помѣщика, идутъ на судъ къ отцу моему, грозно требуя отъ него справедливости, и когда онъ имъ докажетъ, что это сущій вздоръ, они мирятся, а не менѣе того жалуются высшему начальству, что въ ихъ городѣ нѣтъ суда. Разумѣется, здѣсь этому смѣются. . . . . но снисходительное министерство, не терпя никакихъ жестокостей, обращается къ губернатору съ требованіемъ поясненій, а къ губернскому предводителю съ порученіемъ склонить просителей къ оставленію дѣла, повидимому не заключающему въ себѣ большой важности. Еженедѣльная переписка съ родителями имѣла предметомъ почти исключительно всѣ эти неприятели. По словамъ

брата почитали меня весьма близкимъ къ Сперанскому, дивились моею вѣтренности, моею безпечности и не могли понять какъ возможно такъ мало заниматься отцовскими дѣлами. Я не зналъ что отвѣчать, иногда даже лгалъ, чтобы сколько-нибудь успокоить бѣднаго моего родителя.

Вѣчная эта тревога, волненіе, разстроили здоровье отца моего до того, что въ концѣ августа впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, получилъ желчную, нервическую горячку, отъ которой чрезъ нѣсколько недѣль единый Богъ, а уже конечно не тогдашніе пензенскіе врачи его избавили. По выздоровленіи его, умолялъ я его всячески, чтобы пріѣхалъ въ столицу: онъ самъ имѣлъ намѣреніе это сдѣлать въ началѣ зимы, чтобы выйдти наконецъ изъ несноснаго положенія; изъ разговоровъ съ Кочубеемъ и другими министрами усмотрѣть, можетъ ли онъ далѣе продолжать службу или долженъ ее бросить.

Одно семейное обстоятельство тому воспрепятствовало и заставило сію поѣздку на нѣкоторое время отложить. Средній братъ мой Николай, какъ видѣли выше, стоялъ съ малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ въ Воронежѣ: онъ влюбился тамъ въ одну молоденькую дѣвочку. Со времени Петра Великаго, два трудолюбивыя купеческія семейства, Горденины и Тулиновы, водворили промышленность въ Воронежѣ, устроили близъ него первыя суконныя фабрики. Не знаю что сдѣлалось съ Гордениными, объ нихъ что-то не слышать; но Тулиновы, хотя въ послѣдствіи времени и раздѣлились на нѣсколько вѣтвей, хотя уже давно получили дворянское достоинство, и хотя нѣкоторые изъ нихъ служатъ въ гвардіи, а другіе имѣютъ придворныя чины, никогда не хотѣли удаляться отъ источника своей извѣстности и богатства. Одинъ изъ нихъ, предобрѣшій и предпочтѣннѣйшій человекъ, отставной отъ арміи капитанъ Иванъ Ивановичъ, въ числѣ другихъ дѣтей имѣлъ дочку Варвару не столь красивую, какъ миловидную. Въ семнадцать или въ восемнадцать лѣтъ, съ удивительною бѣлизною, съ вѣчно играющимъ румянцемъ, съ добротою и нѣжностію въ голубыхъ взорахъ, какъ не поправиться? Пылкій братъ мой сдѣлался безъ ума отъ нея. Не скоро могъ онъ получить ее руку. Зная его крутой нравъ, родители колебались ее выдать; но разсудивъ вѣроятно, что столь почитательный сынъ, столь нѣжный братъ, долженъ быть непре-

мѣнно и примѣрнымъ мужемъ, какъ вообще прекраснымъ семьяниномъ, рѣшились изъявить свое согласіе и не ошиблись въ своемъ предположеніи.

Будущій тесть моего брата не имѣлъ большого состоянія не вдали отъ Воронежа прекрасное помѣстье Рамонь, да суконная фабрика, отъ которой въ тѣ поры прибылъ была незначительная, вотъ все что онъ имѣлъ. Запретительная система 1808 года, какъ ни вредна была для Россіи во многихъ отношеніяхъ, для фабрикантовъ была очень выгодна; съ тѣхъ поръ положеніе родныхъ моего брата примѣтнымъ образомъ стало улучшаться. Почти единственный примѣръ въ Россіи! Родъ Тулиновыхъ, не оставляя одного дѣла и города въ теченіи болѣе полутора ста лѣтъ, отъ поколѣнія до поколѣнія все усовершенствовалъ издѣлія своихъ мануфактуръ и умножалъ свое благосостояніе. Тогда же Иванъ Ивановичъ, кромѣ приличнаго приданаго и небольшого капитала, ничего за дочерью дать не могъ. А какъ у насъ въ семействѣ давно уже дурной обычай за богатствомъ не гоняться, то мои родители никакого препятствія не поставили сыну, когда онъ началъ просить ихъ благословенія. Сговоръ назначено быть въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а свадьбѣ въ январѣ 1804 года; послѣ чего въ февралѣ молодые съ поклономъ должны были явиться въ Пензу. Такъ и случилось; и только въ мартѣ по послѣднему зимнему пути могли родители мои предпринять путешествіе въ Петербургъ.

Они прибыли 23-го числа и нашли меня въ довольно просторныхъ комнатахъ, изрядно меблированныхъ, на Невскомъ Проспектѣ, для ихъ пріѣзда за нѣсколько дней передъ тѣмъ нанятыхъ, но совсѣмъ не топлёныхъ, ибо у меня было много жару въ крови и ни гроша денегъ въ карманѣ. Радость свиданія на нѣсколько минутъ могла согрѣть моихъ родителей, но потомъ надобно было поспѣшнѣе послать за дровами.

Точно такъ какъ я съ малою опытностію моею предвидѣлъ, пріѣздъ моего отца имѣлъ на дѣла его самое полезное вліяніе. Первый пріемъ Кочубея былъ обыкновенный его пріемъ, учтивый, холодный, важный, но послѣ двухъ или трехъ свиданій онъ совершенно перемѣнился. Надобно отдать справедливость Кочубею: онъ имѣлъ одно достоинство, которое исключительно должно бы принадлежать царямъ. Въ немъ была удивительная способность выбирать людей,

умѣть ихъ употреблять и знать имъ цѣну. . . . . Онъ увидѣлъ сколь мнѣніе, внутреннее ему насчетъ отца моего, было ошибочно и всѣми силами старался загладить свою ошибку. . . . .

Десять лѣтъ не бывалъ отецъ мой въ Петербургѣ, сколько перемѣнъ нашелъ онъ въ немъ! но изъ старыхъ знакомыхъ никто къ нему не перемѣнился. Самые почетнѣйшіе изъ нихъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сухтеленъ, Беклешовъ, кіевскій знакомый генералъ Розенбергъ, всѣ неоднократно его посѣщали. Офиціальныя же отношенія не столь были лестны. . . . .

Министры почли излишнимъ прислать ему визитныя карточки, и Сперанскій, только что директоръ департамента, сдѣлавъ сіе, почиталъ оное со стороны своей необычайною вѣжливостію. . . . .

Пребываніе моихъ родителей въ Петербургѣ не могло быть продолжительно; сопряженные съ тѣмъ издержки для ихъ состоянія были слишкомъ обременительны. Весьма было замѣтно, что отецъ мой, обнесенный графу Кочубею, симъ послѣднимъ не съ выгодной стороны былъ представленъ самому государю. Надѣясь на время, чтобы сіе исправить и выпросить ему наружный знакъ отличія, который бы въ провинціи могъ произвести полезное для него дѣйствіе, онъ покамѣстъ предложилъ ему представить къ наградамъ всѣхъ чиновниковъ, которые, по мнѣнію его, то заслуживаютъ, и чрезъ нѣсколько дней всѣмъ безъ исключенія оныя испросилъ: это по тогдашнему было очень важно. Послѣ того отцу моему, обезпеченному насчетъ будущей защиты Кочубея, оставалось только приготовиться къ отъѣзду.

Желаніе матери моей было не такъ скоро со мною разставаться; да и мнѣ самому хотѣлось на время отдохнуть не отъ трудовъ, а отъ нуждъ мною претерпѣнныхъ въ столицѣ. Итакъ рѣшено было ѣхать и мнѣ, но напередъ испросить совсѣмъ не нужное дозволеніе министра. По сему случаю былъ я отцомъ лично ему представленъ. Я увидѣлъ его въ первый разъ и не оробѣлъ отъ его важности; онъ съ улыбкой сквозь зубы сказалъ мнѣ что-то, кажется приятное и ободрительное. Сперанскій объявилъ отцу, что пачпорта мнѣ не нужно; что это въ числѣ отброшенныхъ формальностей. . . . . 22-го мая мы оставили Петербургъ.

Эти тысячу четыреста верстъ между Петербургомъ и Пен-

зой, это пространство по которому въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сноваль я какъ челнокъ у ткача, описывать мнѣ нечего; скажу только что меня посадили одного въ препоконную, вновь купленную коляску, и что сидя въ ней и вспоминая кибитки и телѣги, въ которыхъ я по этой дорогѣ катался, мнѣ казалось, что я въ раю.

По пріѣздѣ въ Москву, мы недѣли на двѣ остановились въ ней у зятя Алексѣева. Въ это время, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, послѣдовала тамъ важная перемѣна. Я было и забылъ сказать, что графиня Дарья Петровна Салтыкова, въ сопровожденіи супруга своего, отправившись въ декабрѣ 1802 года изъ Петербурга, отъ разстроеннаго желудка занемогла дорогой и скончалась на станціи Хотиловъ. Ударъ этотъ такъ поразилъ бѣднаго старика, что съ тѣхъ поръ какъ умственныя, такъ и тѣлесныя его силы примѣтно начали слабѣть. Не въ состояніи будучи далѣе продолжать службу, онъ въ концѣ апрѣля уволенъ отъ должности, и за нѣсколько дней до насъ прибылъ назначенный на его мѣсто много-реченный Беклешовъ, дважды генераль-прокуроръ.

Первый выѣздъ въ Москвѣ отца моего былъ къ новому военному губернатору, который тотъ же день пригласилъ его обѣдать, а на другой день пріѣхалъ самъ вечеромъ съ гражданскимъ губернаторомъ Барановымъ и кіевскимъ знакомымъ княземъ X. на бостонъ. Такія пріязненныя отношенія были очень полезны Алексѣеву, который увидѣлъ, что съ графомъ Салтыковымъ онъ не всего лишился.

Двѣ недѣли, проведенныя нами въ тогдашней Москвѣ, прошли какъ двѣ блаженныя минуты. Я не люблю этихъ мимолетныхъ радостей, лучше бы ихъ не знать, или бы онѣ были продолжительнѣе.

Мы поѣхали не прямо въ Пензу, а сдѣлали верстъ триста крюку, чтобъ въ Воронежѣ познакомиться съ новыми родными. До Тулы была мнѣ знакомая дорога; только Ефремовъ и Елецъ были для меня новые города. Съ нами не случилось никакого важнаго приключенія, кромѣ одного, которое однакоже не имѣло несчастныхъ послѣдствій, коихъ ожидать было можно. Сдѣлалась гроза и мы съ сестрой Елисаветой сидѣли закутавшись въ коляскѣ, какъ ужасный громовой ударъ какихъ я не запомню, испугалъ лошадей и они безъ памяти понесли насъ въ низъ по прекрутой и превы-

сокой горѣ надъ самою станціей Пальной: отъ проливнаго дождя сдѣлавшаяся грязь могла одна удержать стремленіе нашего бѣга и спасти нашу жизнь. Сестра моя, великая трусиха, помертвѣла, да и я едва ли менѣе ея испугался: чтобъ дать понятіе о сей горѣ, скажу, что окрестные помѣщики вѣрить не хотятъ, чтобъ Альпы и Пиринеи могли быть выше и ужаснѣе ея.

Мы нашли городъ пустымъ; всѣ разѣхались по деревнямъ, кромѣ Тулиновыхъ, которые, бывъ предварены, ожидали нашего пріѣзда. Благословенная семья, патриархальные нравы! но не безъ просвѣщенія. Семейство сіе состояло тогда, исключая отсутствующей дочери, моей невѣстки *, изъ мужа съ женой, двадцати двухъ, или двадцати-трехлѣтняго сына Алексѣя, другаго сына Димитрія, лѣтъ четырнадцать и маленькой двѣнадцатилѣтней дочери. Рѣдко случалось мнѣ встрѣчать столько кротости и добродушія, вмѣстѣ съ умомъ и пристойностію, какъ тещѣ брата моего, Аннѣ Семеновнѣ. Старшій сынъ былъ добрый малый, но принадлежалъ болѣе къ нынѣшнему, чѣмъ къ своему времени. Деньги предпочиталъ онъ знаніямъ и почестямъ, и до того мечталъ безпрестанно о богатствѣ, что лишился наконецъ ума. Отецъ Тулиновъ, какъ сказалъ я прежде, былъ добрый и почтенный человекъ, съ стариннымъ воспитаніемъ и старинными правилами. О двухъ другихъ дѣтяхъ, тогда еще малолѣтнихъ, кажется, говорить здѣсь нечего.

Семейство Тулиновыхъ, столь извѣстное въ Воронежѣ по своему гостепріимству, удвоило старанія, чтобъ насъ лучше принять; можетъ, быть по старой пословицѣ: не для зятя собаки, а для милаго дитяти; но кажется и родство съ такимъ человекомъ какимъ былъ мой отецъ, должно было для нихъ быть лестно. Собственный домъ ихъ, каменный, двухъ-этажный, хорошо и прилично убранный, съ большою усадьбой, находился почти за городомъ, и мы могли почитать себя какъ бы въ гостяхъ у помѣщика сосѣда. Два раза былъ я въ Воронежѣ, а не могу сказать, чтобы видѣлъ этотъ городъ; первый разъ зимой въ темнотѣ и во время вьюги ка-

---

* Тотчасъ послѣ свадьбы брата моего, Малороссій кій кирасирскій полкъ былъ переведенъ изъ Воронежа въ городокъ Гадячъ, Полтавской губерніи. Тамъ находились молодые супруги.

тался я въ немъ закутанный, другой разъ почти въ него не въѣзжалъ.

Пробывъ не болѣе двухъ дней въ Воронежѣ, мы пустились далѣе въ Тамбовъ, куда прибыли подъ вечеръ, ночевали у нашего знакомаго почтъ-директора Треборна и на другой день обѣдали у него. Время становилось самое жаркое, и мы рѣшились ѣхать ночью, своротивъ съ большой дороги на другую, кратчайшую, черезъ степь, по которой намъ выставлены были лошади. Нельзя выразить того удовольствія, которое чувствуешь въ первой молодости, когда во время ночной прохлады, въ покойномъ экипажѣ, летишь по благовонной степи, гладкой какъ полъ дорогъ; какъ сладостно засыпаешь, и по временамъ какъ сладостно просыпаешься! Это испыталъ я въ ту ночь, въ которую оставили мы Тамбовъ.

Опять и по той же дорогѣ приблизился я къ Пензенской губерніи, но уже не ночью, а днемъ, не въ ужасную вьюгу, а среди палящаго зноя. Чембаръ назывался уже городомъ и былъ все еще деревней: однакоже пять или шесть домовъ, съ крышами изъ досокъ, въ полтора года въ немъ выросли. Въ одномъ изъ нихъ мы остановились, и пока отецъ мой пошелъ по избамъ, въ которыхъ помѣщались присутственныя мѣста, насъ посѣтила сперва нотабельная персона въ городѣ, купчиха Коробчиха, ни дать ни взять Пошленкина изъ комедіи *Ревизоръ*, пустилась всѣхъ ругать оубо всѣхъ городничиху Реймерсъ и потомъ какъ ей, такъ и другимъ судейшамъ, одна за другой прибывающимъ, кланяться въ поясъ. Но что всѣ сіи уѣздные оригиналы, противъ тѣхъ, кои ожидаютъ меня въ Пензѣ!

VI.

Всю злость свою на этотъ городъ излилъ я при первомъ его описаніи; теперь постараюсь быть умѣреннѣе, чтобы не надоесть повтореніями. Я надѣюсь даже быть забавенъ, съ помощію многихъ чудаковъ, представителей образа мыслей и духа того времени. Не знаю, благорастворенный ли воздухъ лѣтній на меня дѣйствовалъ, или, зная Пензу по опыту, я вооружился противъ нея терпѣніемъ, какъ бы ни было, на этотъ разъ прибылъ я въ нее съ какою-то тихою покорностію волѣ судьбы.

Дни два или три спустя послѣ нашего прїѣзда (однакоже не по сему случаю) городъ вдругъ наполнился и оживился: наступила Петровская ярмарка, которая начинается съ Иванова дня, съ 25 іюня, и продолжается недѣлю до 1 іюля. Тутъ увидѣлъ я первый разъ въ жизни сіе ежегодное, но для провинціи, тѣмъ не менѣе, важное событіе. *

Внизу подъ горой, на которой построена Пенза, въ мало населенной части ея, среди довольно обширной площади, стоитъ церковь апостоловъ Петра и Павла. Въ день праздника сихъ святыхъ, вокругъ церкви собирался народъ и происходилъ торгъ. Но какъ жители, покупатели, купцы и товары размножились и стало тѣсно, то и перенесли лавки немного отдале, на пространное поле, которое также получило названіе площади, потому что окраено едва виднѣющимися лавчужками.

Тутъ стояли ряды сколоченные изъ досокъ и крытые лубками: между ними была также лубками крытая дорога для проходящихъ. Вездѣ сквозило, отовсюду могли проникать солнце, дождь и пыль. Съ утра до вечера можно было тутъ находить разряженныхъ дамъ и дѣвицъ и услужливыхъ кавалеровъ. Но покупать можно было только по утру, и то довольно рано: остальное время дня ряды дѣлались мѣстомъ всеобщаго свиданія. Нетерпящія пѣшеходства, по большей части весьма тучныя барыни, съ дочерьми, толстенькими барышнями, преспокойно садились на широкіе прилавки, не оставляя бѣдному торговцу ни поль-аршина для показа товаровъ. Вокругъ суетились франты, и съ ихъ ужимками, вотъ какъ обыкновенно начинался разговоръ: „что покупаете-съ?“—„Да ничего, батюшка, ни къ чему пристуну нѣтъ;“ а купецъ: „помилуйте, сударыня, да почти за свою цѣну отдаю“ и такъ далѣе. Такъ по нѣсколькимъ часамъ оставались неподвижны сіи массы, и часто маски въ то же время: сдвинуть ихъ съ мѣста было совершенно невозможно; не помогли бы ни убѣжденія, ни самыя учтивыя просьбы, а начальству бѣда бы была въ это вступаться. А между тѣмъ, это одна только въ году эпоха, въ которую можно было запастись

---

* Во время кievскихъ контрактовъ, видѣлъ я уже ярмарку, но она не имѣла ничего похожего на наши внутреннія ярмарки. Тамъ бываетъ она зимою, въ январь, и на Подолѣ всѣ обывательскіе домики обращаются въ теплыя лавки, куда заѣзжаютъ одни только покупатели.

всѣмъ привознымъ. * И потому-то матери семействъ, жены чиновниковъ, бѣдныя помѣщицы, въ простенькихъ платьяхъ, чѣмъ свѣтъ спѣшили дѣлать закупки, до прибытія губернской аристократіи.

Одна весьма важная торговля начиналась только въ рядахъ, но условія ея совершались послѣ ярмарки. Это былъ ловъ сердець и приданныхъ: какъ на азіятскихъ базарахъ, на прилавкахъ, взрослыя дѣвки выставлялись какъ товаръ.

Помѣщикамъ и ихъ семействамъ, съѣхавшимся почти изъ всей губерніи, можно было бы кажется умѣть пріятнымъ образомъ недѣлку повеселиться. И было бы гдѣ: вокругъ Пензы, въ одной и въ двухъ верстахъ отъ нея есть предестыныя рощицы; нѣтъ, они предпочитали грязь, пыль и духоту ярмарочную. Одно увеселеніе, которое похоже на что-нибудь, бывало въ Петровъ день; это назывался воксалъ или балъ въ регулярномъ саду г. Г—ва, куда въ этотъ день платили за входъ. Садъ былъ не великъ, но *галдарея*, какъ еще говорили тогда, была преогромная, правда, однако, также, досчатая. Она была обита выбѣленною холстиною и украшена преобладающею жестяною люстрой: въ окнахъ же стояли деревянные треугольники, къ коимъ прибавились желѣзные шадалы. Тутъ довершались побѣды красоты: статуи, кои какъ вкопаныя сидѣли на ярмаркѣ, здѣсь одушевлялись, приходили въ сильное движеніе, при блескѣ сальныхъ свѣчъ и звукахъ громкой музыки.

Кстати объ увеселеніяхъ. Кто бы могъ повѣрить? въ это время было въ Пензѣ три театра и три труппы актеровъ: такое чудо нужно объяснить. У насъ все такъ шло со времени Петра Великаго; кроется крыша когда нѣтъ еще фундамента; были уже университеты, академіи, гимназіи, когда еще не было ни учителей ни учениковъ; вездѣ были театры, когда не было ни піесъ, ни сколько-нибудь порядочныхъ актеровъ. Право жаль, что забывъ пословицу: поспѣшишь, да людей насмѣшишь, мы надорвались, гоняясь за Европой. Итакъ въ Пензѣ три театра, оттого что полубарскія затѣи, забытыя въ Петербургѣ, кой-гдѣ еще встрѣчались въ Москвѣ, и въ провинціяхъ были еще во всей силѣ обычая.

* Замѣчательно также, что пензенскіе купцы, коихъ число и состояніе столь малы передъ самою ярмаркой стараются выписывать свой товаръ, зная напередъ, что только въ это время можетъ онъ почти весь быть распроданъ. И отъ того-то въ остальные мѣсяцы года въ Пензѣ ничего почти нельзя было найти.

Труппа г. Г—ва посвящена была игранію оперъ и исключительно италіанской музыкѣ; особенно славилась въ ней какая-то Аринушка. Сія труппа играла даромъ для увеселенія почтенной публики, собиравшейся у почтеннаго г. Г—ва: я къ этому обществу не принадлежалъ, сихъ пѣвицъ не слыхалъ, и крайне о томъ жалѣю; это въ каррикатурномъ родѣ должно было быть совершенство.

Г. Г. имѣлъ пристрастіе къ театру. Подлѣ дома своего, на городской площади, построилъ онъ небольшой, однакоже, каменный театръ, и въ немъ все было, какъ водится, и партеръ, и ложи, и сцена. На эту сцену выгонялъ онъ всю дворню свою отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки. Онъ предпочиталъ трагедіи и драмы, но для перемѣны заставлялъ иногда играть и комедіи. Последнія шли хуже, если могло быть только что-нибудь хуже первыхъ. Все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяны и бѣлилы, были иногда замѣтны синія пятна. Эти представленія я видѣлъ, но что сказать мнѣ объ нихъ? даже вспомнить и жалко, и гадко. За деньги (которыя разумѣется получалъ господинъ) играли несчастные по зимамъ. Зрители принадлежали не къ самому высшему состоянію.

Самаго стариннаго покроя баринъ, носастый и брюхастый К., безъ всякой особой къ тому склонности, изъ подражанія, или такъ для препровожденія времени, затѣвалъ также у себя комедь; и что удивительнѣе, сдѣлалъ сіе удачнѣе другихъ. Но о труппѣ его потолкуемъ послѣ, а теперь поговоримъ о томъ, что занимательнѣе, о его домашней жизни. Почти до шестидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостой, въ деревнѣ, рѣдко изъ нея выѣзжая, какъ вдругъ въ сосѣдствѣ его появилась одна старая, на помадѣ, на духахъ и на блондахъ прожившаяся сіятельная чета. Съ нею была дочка, сорокалѣтняя дѣва; не знаю была ли она разборчива въ Москвѣ, но въ глуши куда она попалась, *рада, рада ужь была*, чтобъ выйдти... за К., добрые сосѣди это дѣло какъ-то состряпали. Она купила въ Пензѣ обширный, ветхій, деревянный домъ и перевезла въ него мужа со всѣми его театральными затѣями. Благодарю за то судьбу мою; во всякій пріѣздъ мой въ Пензу, они оба были моею отрадой.

Есть странности, коихъ прелесть на словахъ или перомъ никакъ передать невозможно: надобно было ихъ видѣть. Странности сихъ супруговъ происходили отъ сочетанія въ нихъ невозможныхъ противоположностей. Надобно было видѣть ихъ обожденіе; слова *ты* они не знали между собой: еслибъ онъ былъ женатъ на великой княжнѣ, то кажется болѣе почтенія онъ не могъ бы ей оказывать; она платила ему тѣмъ же, стараясь другимъ дать чувствовать, что молодая жена обязана уважать стараго лѣтами мужа.

Трудно было назвать ее уродливою, а красивою еще труднѣе: какъ для красоты женской, такъ и для безобразія есть нѣкоторыя условія; она имъ всеѣмъ была чуждою. Похожаго на ея лицо я нигдѣ не встрѣчалъ и увѣренъ что никто не встрѣтитъ. Все то что у другихъ бываетъ продолговато, у нея было совершенно круглое, и глаза, и носъ, и ротъ. Съ брюшкомъ нѣсколько скривленнымъ, она никогда не была, но вѣчно казалась беременною. Цвѣтъ лица у нея былъ свѣтло-мѣдный, тѣло плотное, но нерегулярное какъ у Василья Львовича Пушкина, если въ сихъ запискахъ его кто припомнить. Съ нимъ имѣла она много сходства и въ характерѣ: была также добродушна, чрезвычайно легковѣрна и также хотѣла всеѣхъ любить и всеѣмъ быть любимою. Но чего въ немъ не было, она была безмѣрно вспыльчива; гнѣвъ ея бывалъ мгновененъ, но ужасенъ, и казалось что въ углу ея добрейшаго сердца, хранится для запаса злость безъ всякаго употребленія; но когда нужда потребуеть, она является, и тогда бѣда! самыя жесточайшія, язвительныя истины осыпаютъ оскорбителя. Вообще до глубокой старости на ней оставался отпечатокъ первобытнаго смольнаго воспитанія, она сохраняла дѣтскую, милую откровенность. Пороки, или, лучше сказать, недостатки ея были малочисленны и безвредны для общества: она была неопрятна, скупа и прожорлива, любила ѣздить по чужимъ обѣдамъ и подъ именемъ ридикюля всегда носила съ собою огромный мѣшокъ, куда клала фрукты, сласти, конфеты, на сихъ обѣдахъ собираемые и ими же потомъ у себя гостей подчивала. Въ дополненіе скажу, что она говорила голосомъ удушливо перхотнымъ и къ тому же картавила.

Одно не могу я похвалить въ ней: ея безчеловѣчный эгоизмъ. Со строгою супружескою вѣрностью, съ безчувствіемъ, съ равнодушіемъ, хотѣла она плѣнять: не раздѣляя ихъ, воз-

буждать сильныя страсти, сводить людей съ ума. Многіе прикидывались влюбленными: тогда поглядѣли бы вы, съ какимъ гордымъ самодовольствіемъ смотрѣла она на свои мнимыя жертвы. Въ числѣ ихъ былъ и я, а К. и не думалъ ко мнѣ ревновать; онъ зналъ что полубогиня не можетъ имѣть слабостей, и даже соболѣзновалъ робкой моей любви.

У такихъ добрыхъ господъ содержателей, труппа не могла быть иначе какъ веселою, прекуріозною. К. удалось гдѣ-то нанять вольнаго актера Грузинова, который препорядочно зналъ свое дѣло; да и между дѣвками ихъ нашлась одна, Дуняша, у которой, невзначай, былъ природный талантъ. Жена его, помня какъ въ Смольномъ сама госпожа Лафонъ учила ее играть Гоеолію, преподавала свои представленія, кои въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, были бесполезны; ея актеры могли играть одиѣ только комедіи съ пѣніемъ и безъ пѣнія. Эту труппу называли губернаторскою, ибо мой отецъ дѣйствительно ей покровительствовалъ и для ея представленій выпросилъ у предводителей пре-большую залу дворянскаго собранія, исключая выборовъ, почти всегда пустую. Завелось, чтобы туда ѣздили (разумѣется за деньги) люди лучшаго тона, какія бы ни были ихъ политическія мнѣнія. Къ Г. же въ партеръ ходила одна чернь, а въ ложи ѣздила зѣвать злѣйшая оппозиція, къ которой однакоже онъ самъ отнюдь не принадлежалъ.

Этотъ разъ прожилъ я въ Пензѣ не съ большимъ пять мѣсяцевъ, но дѣлалъ изъ нея частыя отлучки. Первая поѣздка моя была вскорѣ послѣ Петровской ярмарки, Саратовской губерніи, Балашевскаго уѣзда, въ село Зубриловку, о которомъ было помянуто въ первой части сихъ записокъ. Въ поѣздѣ нашъ чрезъ Москву, обѣдалъ у насъ молодой князь Феодоръ Сергѣевичъ Голицынъ, также читателю знакомый, и взялъ съ моихъ родителей слово отпустить меня въ ихъ деревню къ 5 іюля, дню именинъ отца его. За годъ до того, будучи рижскимъ военнымъ губернаторомъ князь Сергій Феодоровичъ по какому-то небольшому неудовольствію, вышелъ въ отставку и поѣхалъ жить на зиму, какъ всѣ тогдашніе бояре, въ Москву, а на лѣто въ свою Зубриловку. Въ Казацкомъ мнѣ такъ ее расхвалили, что я съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ туда отправился.

Мнѣ надобно было сдѣлать 130 верстъ проселочными дорогами, но я вездѣ находилъ славныхъ лошадей за умѣрен-

ную цѣну. Сперва ночеваль я въ нашемъ Симбухинѣ, а потомъ въ тридцати верстахъ оттуда, въ селѣ Бекетовкѣ, нашель я Хоперь почти ручейкомъ, и во всю дорогу рѣдко разставался съ его берегами. Если онъ самъ выбралъ мѣста, чрезъ кои началъ протекать, то надобно предполагать въ немъ много вкуса, ибо они очаровательны; взялъ бы онъ немного лѣвѣе и онъ былъ бы въ пустынь: а тутъ, что за виды! что за рощи! или лучше сказать, что за лѣса! темные, но не дремучіе. Проѣзжая въ лѣтній день, дышешь какою-то жаркою, душистою влагой, подобною (но во сто разъ лучше) тѣмъ парамъ, которые поднимаются съ горячей плитки, когда льютъ на нее спиртовые духи. Досадно, что я никогда не умѣлъ описывать природу, ни чувствъ, которыя она во мнѣ производитъ; право жаль, ибо любясь ея красотою, я всегда дѣлаюсь чрезвычайно добръ и вселюбителенъ. Между тѣмъ, по всей дорогѣ безпрестанно находишься въ нѣсколькихъ верстахъ, иногда даже въ нѣсколькихъ сотняхъ сажень отъ голой степи, которая начинается внезапно и тянется на сотни верстъ, какъ великій постъ, въ одну минуту прерывающій шумную масленицу. Вѣрно послѣдній ямщикъ, который везъ меня къ вечеру, былъ, какъ и я, обворожень прелестію воздуха, неба, что не замѣтивъ узкаго Хопра, переѣхалъ чрезъ него, сбился съ дороги, и мы попали въ степь, гдѣ плутовавъ нѣсколько времени, только послѣ полуночи, почти передъ разсвѣтомъ, могъ я пріѣхать въ Зубридовку. Тамъ, однакоже, по заведенному славному порядку, мнѣ тотчасъ отвели хорошую комнату съ хорошею постелью.

Когда я проснулся и одѣлся, то было уже около десяти часовъ утра, и всѣ, для поздравленія хозяина именинника, собирались уже въ залу, гдѣ поставленъ былъ завтракъ. Я какъ будто предугадалъ, что взялъ съ собою мундиръ, ибо всѣ пріѣзжіе гости, сосѣдніе дворяне и даже самые сыновья князя были при мундирахъ, при шпагахъ, и кто ихъ имѣлъ, при орденахъ. Кому нынѣ изъ отставныхъ вельможъ будетъ оказана подобная почесть? Хотя ему было не въ диковинку, но князь Голицынъ былъ тронуть сими знаками уваженія и вообще со всѣми обошелся скорѣе какъ съ дорогими гостями чѣмъ съ людьми, пріѣхавшими къ нему на поклоненіе. Объ немъ говорить нечего, онъ ко мнѣ всегда былъ очень добръ; да и сама сердитая княгиня была эготъ разъ со мною безвѣрно ласкова.

Зубриловка есть одно изъ немногихъ мѣстъ въ Россіи, подобныхъ паладамъ и замкамъ, коими усѣяна Польша. Тамъ славянское племя долго и тщетно гнуло подъ феодальныя формы: ни Радзивилы, ни Сапѣги, ни Чарторыйскіе, несмотря на несмѣтныя богатства, на многочисленныя дружины, ихъ окружавшія, никогда не могли сдѣлаться совершенно независимыми владѣтелями, какъ высокіе бароны въ Германіи, Франціи и Италіи. Ихъ неограниченная, ихъ необузданная власть, все оставалась насиліе, не законъ. Въ Россіи, удѣльные князья являли когда-то и что-то тому подобное: съ истребленіемъ удѣлизма, съ утвержденіемъ единодержавія, намѣстники государевы, начальники городовъ и областей, съ ограниченою властью, получали помѣстья, вмѣсто жалованья, и вѣроятно палаты для жительства. Хоромы владѣющихъ помѣстьями, какъ и богатыхъ вотчинниковъ, въ старинное неприхотливое время, могли отличать отъ избъ простолюдиновъ только большимъ размѣромъ и большею опрятностью. Мало-по-малу блескъ двора сталъ привлекать богатыхъ владѣльцевъ въ Москву, а исканіе мѣстъ и почестей удерживать ихъ въ ней: съ улучшеніемъ вкуса, съ умноженіемъ потребностей начали строиться шире и прочнѣе, и тогда деревянная Москва сдѣлалась Москвою бѣлокаменною. Какъ видно изъ исторіи, не одни опальные царедворцы и воеводы ссылались въ свои деревни, но и другіе, послуживъ Богу и Царю, удалялись на отдохновеніе въ свои родовыя или жалованныя имѣнія. Долго существовалъ сей обычай и въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ, нерѣдко можно было найти маститую старость вельможи окруженную всеобщимъ благоговѣніемъ и отражающую блескъ заимствованный ею отъ свѣтлаго лица государева (я говорю ея языкомъ), при коемъ она нѣкогда находилась. Въ такого рода жизни, кажется, нѣтъ ничего феодальнаго.

Нѣсколько позже, привычка къ солнцу не позволяла далеко отдаляться отъ лучей его. Тогда кажется родилось названіе подмосковныхъ и умножилась цѣнность ихъ. Тогда, не переставая быть царедворцемъ, не покидая любезныхъ ему золотыхъ цѣпей, могъ бояринъ на лѣто освобождаться отъ ихъ тягости, такъ однакоже, чтобы при первомъ позывѣ царя или честолюбія своего, могъ онъ скорѣе возложить ихъ на себя. Во временныхъ убѣжищахъ начали, на подобіе царскихъ, заводиться въ маломъ видѣ дворцы и

сады, а въ отдаленныхъ богатыхъ вотчинахъ, ветхія зданія господскія стали клониться къ паденію и замѣняться гдѣ водостною избой, гдѣ домикомъ для прикащика или управителя.

Но время текло, нравы мѣнялись и строился Петербургъ. Съ начала однакоже, въ новую столицу перенесены обычаи старой, и среди окрестностей первой, явилось великолѣпіе по большей части уже новыхъ боярскихъ фамилій, въ Гостилицахъ, въ Славянкѣ, въ Коировѣ, въ Мурзинкѣ, въ Муринѣ, въ Парголовѣ. Это было не надолго, это казалось слишкомъ далеко отъ двора, и всѣ названныя мѣста опустѣли. Тогда богатые, прекрасныя дачи по петербургской дорогѣ, на царскомъ пути, всѣ разряженныя, съ обѣихъ сторонъ вытянулись почтительнымъ фрунтомъ. Кто бы могъ прежде-ожидать? и они брошены, и они распроданы подъ фабрики. . . . .

Въ старину, то-есть какъ говорится въ Россіи, лѣтъ сорокъ тому назадъ, всѣ отставные вельможи полагали, что имъ нигдѣ приличнѣе жить нельзя какъ въ отставной столицѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не оставляли ее во все лѣто, имѣя въ самомъ городѣ сады, въ десять или въ двѣнадцать разъ болѣе цѣныхъ Каменноостровскихъ дачъ; другіе вѣздили въ свои подмосковныя, кои продолжали беречь и украшать; немногіе, какъ князь Сергій Феодоровичъ, отправлялись въ дальнія деревни.

Итакъ Зубриловка его, равно и лежащее въ тридцати верстахъ отъ нея, село Надеждино, князя Куракина, еще красовались тогда и славились не только во всемъ околоткѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ: грустно теперь подумать объ нихъ. Чтѣ сдѣлалось и съ вами, Тамань, Батуринъ, гдѣ долго и тихо догасали два фельдмаршала, герой Россіи и геній доброты? Гдѣ ихъ потомство, и кому вы нынѣ принадлежите? А ты, Бѣлая церковь, мѣсто знаменитое въ лѣтописяхъ воинственной, вольной Украйны, чтѣ стало съ тобою? . . . . .

Какъ въ предшествующую ночь, за Хопромъ, верчусь я все около Зубриловки, и наслы могу въ нее попасть. Деревня построена въ низу и отдѣляется прудомъ и плотиною отъ горы, на которой стоитъ господскій домъ, каменный, трехъэтажный. Въ соединеніи съ двумя большими каменными же двухъэтажными флигелями, посредствомъ двухъ

предлинныхъ оранжерей, и имѣя подлѣ себя церковь, величиною превосходящую самый большой уѣздный соборъ, домъ сей, вся эта масса зданій представляется глазу довольно поразительно. Исключая той горы, на которой находятся строенія, съ лѣвой ея стороны, есть еще двѣ другія гораздо ея выше; всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ, а въ ихъ промежуткахъ долины, ущелья и пригорки чрезвычайно разнообразяютъ мѣстоположеніе и безпрестанно производятъ новыя виды. Горы сіи наполнены родниками, которые изъ бочковъ ихъ вырываются сильно бьющими ключами. * Легко можно повѣрить, послѣ такого Эдема, какую пустыней должно было казаться, хотя и въ лучшемъ климатѣ, плоское Казацкое: на его равнинѣ только что было гарцевать казакамъ.

Только вокругъ господскаго дома видна рука искусства, но и тутъ, въ этихъ бассейнахъ, каскадахъ, сильно помогала ей природа. Имѣніе сіе было не родовое; князь Голицынъ купилъ его и потомъ три года съ ряду стоялъ въ немъ на безсмѣнныхъ квартирахъ съ двадцати-четырехъ-эскадроннымъ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ, коего онъ былъ начальникомъ. Утверждаютъ, что всѣ построенія Зубриловки были дѣло рукъ солдатскихъ; это извиняется дурнымъ обычаемъ; полкъ давался тогда какъ аренда, и въ самомъ Петербургѣ, начальники гвардіи симъ дешевымъ способомъ возводили себѣ дома.

Хотя я былъ въ новомъ мѣстѣ, однакоже въ знакомой сторонѣ: всѣ сыновья князя Сергія Феодоровича (исключая Михаила, который служилъ тогда въ Семеновскомъ полку) были на лицѣ. Меньшіе, Василій и Владиміръ, все еще находились въ малолѣтствѣ; двое постарше ихъ, Павелъ и Александръ, прежніе мои соученики, только что взяты изъ

---

* Насъ князь Сергій, третій сынъ хозяина, повезъ кататься въ открытыхъ линейкахъ чтобы показать намъ окрестности. Мы остановились и вышли по улять по одной долинь, исполненной благоуханія и пересѣченной свѣтлыми и бѣгущими ручьями. Я бы назвала ее долиной счастья, готовъ бы построить тамъ домикъ и остаться въ ней вѣкъ. Съ нами первою гостьей была генеральша Агния Дмитриевна С. наша пензенская и бывшая губернаторша; она не могла понять зачѣмъ мы тутъ остановились. „Помилуй, батюшка, князь Сергій Сергѣевичъ, куда ты насъ это завезъ, сказала она, али мы деревень-то не видали, али травы.“ Меня такъ и взорвало.

пансіона аббата Николая, гдѣ кончили ученіе; * Теодоръ былъ камергеромъ и въ отпуску, Сергѣй и Григорій въ отставкѣ.

Сей послѣдній при новомъ государѣ вступилъ было въ службу, не генераль-адъютантомъ какъ прежде, а генераль-майоромъ по арміи; но въ вслѣдъ за отцомъ опять ее оставилъ. Во время коронаціи Александра, женился онъ на молодой дѣвицѣ, графинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Сологубъ, дочери извѣстной при Екатеринѣ красавицы Натальи Львовны и племянницѣ Александра и Димитрія Львовичей Нарышкиныхъ. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои къ чести прежняго времени и, къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще чѣмъ нынѣ: ихъ образцомъ была императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ее скромною любезностію: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу, и еслибы могла быть убьѣль въ ангелахъ, то я увѣренъ что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый наборъ.

Житіе въ Зубриловкѣ мнѣ показалось славное; оно напоминало какъ богатые и знатные баре жилали въ старину. Нѣтъ лишнихъ прихотей, но всего вдоволь, столь изобильный, сытный и вкусный, прислуга многочисленная, ворота настежь, сосѣди, мелкіе дворяне, такъ и валять, но не обременяя собою, предовольны, когда хозяинъ скажетъ имъ привѣтливыхъ слова два-три. Князь Теодоръ, мой милый аристократъ, будущій владѣлецъ Зубриловки, тогда уже поговаривалъ объ *vie de chateau*; объ удовольствіи по временамъ удаляться въ свой замокъ, среди малаго, но избраннаго круга; толпу же сосѣдей показывать только въ важныхъ случаяхъ, на празднествахъ, какъ декорачію. Они съ отцомъ имѣли разныя понятія о деревенской жизни.

Пробывъ въ отсутствіи четыре или пять дней, воротился я въ Пензу. Она нѣсколько присмирѣла, послѣ тѣхъ отзывовъ, которые сообщены были ей изъ Петербурга. С. въ ней не было; преемникомъ его въ званіи прокурора былъ нѣкто г. Б.

---

* Что это было за ученье! всѣ воспитанники этого пансіона, которые знаютъ что-нибудь, начали учиться уже по выходѣ изъ него.

Первый годъ своего прокурорства Б. былъ довольно умеренъ, пристоеенъ; мы были тогда знакомы, и онъ просилъ меня съ скромною гордостію заглянуть въ оставленное имъ для службы его сельское убѣжище. На возвратномъ пути изъ Зубриловки долженъ я былъ перемѣнить лошадей въ селѣ его Черкасскомъ; и въ отсутствіе хозяина, но по его приглашенію, пошелъ смотрѣть его домъ. Онъ былъ каменный, двухъэтажный и поставленъ совсѣмъ поперекъ большой дороги; съ правой стороны была роща, съ лѣвой садъ; малое пространство между ими и домою было еще наполнено двумя откосами или пандусами въ нихъ ведущими. Только подлѣ самага дома, подлѣ откосами, съ обѣихъ сторонъ оставлено было для проѣзда по аркѣ, дабы никто не могъ ни проѣхать ни пройти, не подлюбаясь, не подивясь причудливости г. Б. Внутренность дома отвѣчала наружности его, вездѣ безпорядокъ, по моему совсѣмъ непріятный, вездѣ претензіи на странность, все не на своемъ мѣстѣ. Напримѣръ, среди кабинета его нашель я гипсовую статую Амура (я ожидалъ найдти Бахуса) съ извѣстною надписью, *qui que tu sois*, на столикѣ визитную карточку хозяина, на которой написано, *pour prendre congé*; наконецъ на крытой соломою конюшнѣ, замѣтилъ я, *honni soit qui mal y pense*. И что всего страннѣе, г. Б. прескверно говорилъ по-французски и не могъ почти слова сказать безъ ошибки.

Описывая первый пріѣздъ мой въ Пензу, упомянулъ уже я о госпожѣ Б., красотѣ холодной и суровой, блиставшей какъ солнце на снѣжныхъ равнинахъ. Такія женщины въ многочисленныхъ обществахъ служатъ ему только наружнымъ украшеніемъ, но въ семейной жизни, они ея благополучіе. Она до конца жизни осталась набожною, благотворною, любимою и всепочитаемою. Какъ я всякому люблю отдавать справедливость, то и о самомъ Б. долженъ сказать, что въ поступкахъ противъ жены его нечѣмъ было упрекнуть, равно какъ и въ лихоимствѣ. Эти двѣ обязанности почиталъ онъ священными.

Родители Б. также находились тогда въ Пензѣ. Отецъ ся былъ добръ и слабъ характеромъ. Онъ былъ богатый ярославскій помѣщикъ, но въ первой половинѣ жизни, черезчуръ любя ея наслажденія, какъ многіе другіе наши дворяне, съ безпечно-

стію истинно русскою, успѣвъ все имѣніе прожить. * Подъ старость лѣтъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, принужденъ онъ былъ принять должность совѣтника пензенской уголовной палаты, въ тѣ поры еще довольно уважаемую.

О женѣего скажу только, что она служила образцомъ дочери. При воспоминаніи о прежней роскоши, ни жалобы, ни упрека никогда изъ устъ ея не выходило: она имѣла эту тихую твердость, героизмъ женщинъ. Не знаю право, куда такія жены дѣвались? Нынѣ малѣйшая слабость мужа служить женѣ предлогомъ его преслѣдовать и, среди собственныхъ безпорядковъ, еще казаться жертвою. Въ этомъ отношеніи европейскіе обычаи не моремъ, не прямо вошли къ намъ, а черезъ Польшу.

Я обвѣщаль нѣсколько новыхъ портретовъ; нѣкоторые уже намаралъ, а остается еще довольно. При представленіи ихъ я не буду, какъ въ Кіевѣ, слѣдовать порядку адресъ-календаря: Пенза всегда была городъ дворянскій, а не казенный.

Иванъ Алексѣевичъ С. открывалъ Пензенскую губернію, былъ первымъ въ ней губернаторомъ. . . . . Находясь долго въ военной службѣ, онъ былъ изъ числа тѣхъ строгихъ, точныхъ исполнителей даваемыхъ имъ предписаній, которые бываютъ полезны тамъ, гдѣ умствованія могли бы только запутывать дѣла. Какъ онъ былъ нрава серіознаго и весь исполненъ чести, доброты и справедливости. . . . . то, волею или неволею, всѣ почтительно ему повиновались. . . . . Оставивъ службу, онъ рѣдко показывался въ Пензѣ, хотя и жилъ въ тридцати верстахъ отъ нея, въ деревнѣ своей Пановкѣ.

Полученное имъ довольно большое наслѣдство послѣ брата и пожалованное ему имѣніе, вмѣстѣ съ небольшимъ родовымъ, составило ему до полуторы тысячи душъ, а какъ у него была одна только дочь, то и могла она почитаться богатою невѣстой, особенно въ провинціи. Эта молоденькая, бѣленькая, полденькая дочь его, Александра Ивановна,

---

* Не знаю, дозволено ли порицать слабость, когда она дѣлается почти всѣмъ общею и когда, такъ сказать, она есть дѣйствіе мѣстностей Стѣпенные въ извѣстныхъ границахъ, во всемъ размежеванные, западные народы давно уже принуждены разчитывать. Но въ Россіи все еще такъ

имѣла самое пріятное изъ дурныхъ лицъ. Ея воспитаніемъ занималась преимущественно умная бабка ея Л., и хотѣла имъ прославиться; старалась одарить ее всѣмъ, чего въ самой не доставало, и не щадила на то денегъ. Внушка оправдала ея ожиданія; отъ всѣхъ другихъ дѣвицъ въ Пензѣ отличалась скромностію, любезностію, знала иностранные языки и по-французски выражалась, какъ говорили тогда на немъ въ большомъ свѣтѣ; много читала, переводила и казалась чуждою даже маленькимъ дѣвчьиимъ сплетнямъ. Голосъ ея былъ пріятный и въ согласіи съ нѣжностію, съ чувствительностію, которыя, какъ имѣлъ я случай узнать послѣ, были въ ней не столько врожденныя, какъ внушенныя иностранными гувернантками.

Никто изъ молодыхъ людей (которыхъ, впрочемъ, было не много) не смѣлъ къ ней подступиться, и еслибы маленькое, едва замѣтное предпочтеніе не ободрило старшаго брата моего Павла, которому она чрезвычайно нравилась, то онъ довольствовался бы любить ее въ молчаніи. Однакоже, они поняли другъ друга, воспламенились, объяснились, но дѣвица С., зная уже виды и надежды, не столько родителей, какъ гордой, честолюбивой бабки, просила его до удобнаго случая хранить въ тайнѣ взаимную ихъ страсть. . . . А между тѣмъ дѣвочки, восторженной отъ чтенія романовъ, довольно пріятно было, въ тиши уединенія, на яву длить собственный романъ. Одинъ учитель, Французъ (эти люди всегда мѣшались въ любовныя дѣла), который прежде того давалъ ей уроки, часто навѣщалъ Пановку, отвозилъ туда письма отъ брата и привозилъ оттуда на нихъ отвѣты. Письма ея были по-французски, а какъ братъ мой на этомъ языкѣ говорилъ не хорошо, а писалъ еще хуже, то тотъ же самый Французъ, болѣе со словъ, переводилъ русскія его письма, а онъ уже ихъ потомъ списывалъ. Когда случилось мнѣ послѣ читать эти посланія молодой С., то мнѣ казалось, что страсть и искусство выразить ее далѣе идти

безпредѣльно, что не удивительно, если въ коренныхъ ея жителяхъ такъ много преувеличеннаго и все такъ дѣлается на широкую руку. Болѣе всего это выказывалось въ Москвѣ. Но подождемъ: уже и въ ней ультрафранктоводство, ультрамотовство примѣтно уменьшилось; число помѣщиковъ въ Россіи навѣрное удесятерилось съ тѣхъ поръ, а число промотавшихся, конечно, не составляетъ и десятой доли противъ прежняго. Не доказываетъ ли это, что Нѣмцы не напрасно насъ обрабатываютъ?

не могутъ: но еще позднѣе, когда я болѣе начитался романовъ, нашелъ въ нихъ дѣлая страницы, уже мною читанныя. Какъ все это болѣе переписывалось чѣмъ сочинялось, то никакая любовная *переписка* названія сего такъ не заслуживаетъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и оба семейства, ничего не подозревая, продолжали свои дружественныя сношенія, и несмотря на тридцать верстъ разстоянія, довольно часто другъ друга посѣщали. Наконецъ, робкая дѣва осмѣлилась признаться во всемъ отцу, который одобрилъ ея желанія и она успѣшила сообщить о томъ моему брату. Въ нетерпѣливой радости своей онъ обратился къ родителямъ, и они нашли все это дѣломъ весьма обыкновеннымъ, естественнымъ. Партія была самая выгодная, неравенство могло только быть въ одномъ состояніи; къ тому же въ провинціи это могло казаться соединеніемъ двухъ династій. Но не такъ думала Л. и дочь ея; узнавъ истину отъ неосторожнаго старика, онѣ въ два-три дни успѣли совсѣмъ сбить его съ толку, и когда мать моя пріѣхала къ нимъ съ формальнымъ предложеніемъ, то госпожа Л., отъ имени всѣхъ, не весьма искусно, но довольно учтиво сдѣлала отказъ.

Можно себѣ представить, что изъ того послѣ произошло, видя съ одной стороны женщину живую, самолюбивую, какъ мать моя, а съ другой—раздраженную Л. и дочь ея, и между ими услужливыхъ сплетчицъ и переносицъ. Болѣе года прошло послѣ этого разрыва, когда во второй разъ пріѣхалъ я въ Пензу, и вражда была тогда во всей своей силѣ: за то и любовь молодыхъ людей также не угасала, и тайная переписка продолжалась еще года два.

Другое семейство было нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ перваго. Говоря о молодости отца моего и о первыхъ связяхъ его въ Пензѣ, я назвалъ Ефима Петровича Ч., мужа древнихъ временъ. Болѣе тридцати лѣтъ существовала между имъ и отцомъ моимъ дружба старинная, неколебимая. Онъ былъ еще довольно молодъ, когда безпощадный для дворянъ пугачевскій бунтъ достигнулъ Пензы; всѣ дрожали, всѣ плакали, всѣ бѣжали. Онъ остался; примѣромъ своимъ ободрилъ нѣкоторыхъ молодыхъ помещиковъ и, пользуясь довѣренностію и уваженіемъ, которыя имѣлъ даже между простымъ народомъ, изъ господскихъ людей, изъ мѣщанъ и изъ нѣсколькихъ поселянъ успѣлъ

собрать почти цѣлый полкъ, который вооружилъ наскоро и назвалъ уданскимъ; надобно знать, что ни самъ онъ и никто изъ его сподвижниковъ никогда не бывалъ въ военной службѣ. * Съ этимъ войскомъ онъ выступилъ противъ непріателя, но къ счастью былъ такъ уменъ и остороженъ, что не хотѣлъ дать себя и людей своихъ даромъ зарѣзать. Сила мятежниковъ была уже такъ велика, что при первомъ появленіи его бы истребили, онъ довольствовался вести партизанскую войну, нападать врасплохъ на отряды вражи, отбивать конвои, затруднять сообщенія, спасать бѣгущихъ отъ злодѣевъ, сохранять духъ повиновенія въ крестьянахъ. Онъ ничего не бралъ у жителей, ничего не стоилъ казнѣ, и содержалъ команду свою единственно отхваченнымъ у мятежниковъ. Удивительно, что такіе подвиги не были награждены, но въ нихъ самихъ находилъ онъ ужё себѣ награду, ибо этою эпохой, по всей справедливости, всю жизнь свою гордился. Нѣсколько времени былъ онъ потомъ провинціальнымъ прокуроромъ и наконецъ, воеводою: съ нимъ и прекратилось пензенское воеводство. Такъ какъ маленькое тщеславіе всегда бываетъ слабая сторона добродушныхъ людей, то и онъ не былъ его чуждъ; на низкомъ каменномъ жильѣ построилъ онъ обширный деревянный домъ, понынѣ еще существующій, и сколь возможно лучше, по тогдашнему времени, его убралъ; почитая себя представителемъ царской власти, онъ назвалъ его дворцомъ, и когда въ торжественные дни послѣ молебна приглашалъ онъ къ себѣ чиновниковъ обѣдать, то всегда говорилъ: „Покорно прошу ко мнѣ во дворецъ.“

Большую страсть имѣлъ онъ къ чтенію: все, что было писано, печатано по-русски, подлинники и переводы, по какой бы части наукъ, о какомъ бы предметѣ то ни было, все онъ прочиталъ, но все безъ разбора, безъ системы, и еслибъ онъ пригото-

---

* Не доказываетъ ли это, что всякій Русскій въ одинъ мигъ изъ мирнаго гражданина можетъ превратиться въ смѣлаго воина? . . . . . Мнѣ все кажется, что славянское племя, разумѣется кромѣ поляковъ (которые въ немъ вырожда), имѣетъ въ себѣ что-то молочное, что-то бѣлое, свѣжее, прѣсное: Турки, равно какъ и Нѣмцы, берегутъ его въ погребѣ, въ преисподней; Пруссаки квасятъ его, гноятъ, чтобы сдѣлать изъ него какой-то сыръ; но тамъ, гдѣ оно свободно, появленіе непріателя кипятитъ его какъ огонь, оно клочочетъ, и горячія его волны какъ лава поглощаютъ враговъ.

лень былъ образованіемъ, то конечно былъ бы ученѣйшимъ тогда человекомъ. Страсть къ наукамъ изобразилъ очень хорошо въ немъ Загоскинъ, въ романѣ своемъ *Искупитель*. Но еще болѣе былъ онъ падокъ на умъ; умныхъ людей обожалъ онъ: и потому ни мало не удивительно особенное пристрастіе его къ единственной сестрѣ своей, вышесказанной Л. Несмотря на то, онъ, однакоже, сначала не хотѣлъ никакого принять участія въ ссорѣ ея съ нашимъ семействомъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ честностію, съ благородствомъ души, не соединялъ онъ тѣхъ строгихъ, твердыхъ правилъ, которыми руководствовался отецъ мой; былъ снисходителенъ къ негодямъ; довольствуясь на нихъ не походить, онъ выслушивалъ ихъ вранье и жалобы, оспаривалъ ихъ, потомъ молчалъ и, наконецъ, чуть ли не готовъ былъ съ ними соглашаться. Къ тому же онъ старѣлъ, слабѣлъ, начиналъ спѣнуть. Онъ не побранился, не поссорился съ отцомъ моимъ, къ тому не было ни малѣйшаго повода, но онъ вдругъ остылъ къ нему, и такъ остался до смерти своей. Впрочемъ, съ обѣихъ сторонъ, никто не слышалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго осужденія.

Когда отецъ мой прибылъ въ Пензу на губернаторство, тогда дворянство, обрадованное его прїѣздомъ, желая чѣмъ-нибудь ему угодить, не нашло ничего лучше, какъ друга его Ч., единогласно избрать своимъ губернскимъ предводителемъ. Тѣ же самые люди, прїѣзжая къ нему потомъ, старались увѣрить его, что долгъ и безпристрастіе требуютъ отъ него, чтобъ онъ былъ защитникомъ ихъ правъ противъ насилія; но ему не было случая за нихъ вступаться, никто не думалъ нападать на нихъ. Желая сколько-нибудь сблизиться съ ослабленнымъ другомъ, отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, настоятельно, убѣдительно чрезъ Кочубея выпросилъ ему чинъ статскаго совѣтника. Сначала это старика было потѣшило, но его успѣли увѣрить, что это сдѣлано было съ намѣреніемъ его унижить, и онъ почиталъ это жесточайшею обидой. Я былъ крестный сынъ его, и слѣдую старому обычаю, по духовному родству обязанъ былъ его иногда посѣщать. Какъ онъ, такъ и семейство его всегда встрѣчали меня, можно сказать, съ простертыми объятіями.

Семейство сіе было многочисленное; у него было четыре сына и пять дочерей. Супруга его, Марѳа Адриановна, имѣла въ себѣ много оригинальнаго. . . . Она вела жизнь са-

мую праздную; ни деревенскимъ, ни домашнимъ хозяйствомъ, ни воспитаніемъ дѣтей, ни даже угощеніемъ по-сѣщавшихъ ее, она никогда не занималась; не понимала другой любви, кромѣ супружеской, не предавалась особенной набожности, не любила выѣзжать, не думала о нарядахъ, не умѣла играть въ карты; а между тѣмъ, никогда не знала скуки. Тыфу пропасть, скажутъ иные, да что же она дѣлала? А вотъ что: у ней была чудесная, желѣзная память, вмѣстѣ (чему трудно повѣрить) съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и удивительною скромностію. Она любила соби- рать вѣсти, но не разглашать ихъ; она ихъ копила, прятала и не обременяя ее, наполняла ими память свою. Она была мастерица выспрашивать; все, что отъ нея болѣе или менѣе завистливо, служанки, даже мелкія дворянки и чиновницы не смѣли къ ней являться безъ короба вѣстей. Однакоже, далѣе Пензенской губерніи, изъ которой она никогда не выѣзжала, ни любопытство, ни свѣдѣнія ея не простирались. За то уже въ ней знала она рѣшительно все: годъ, мѣсяцъ и день рожденія каждаго изъ дворянъ, у кого сколько душъ, сколько земли, сколько доходовъ, на комъ сколько долга и кому онъ долженъ. Этого мало, въ каждомъ домѣ извѣстна ей была вся его подноготная, она знала имена всѣхъ дворовыхъ людей и женщинъ, ихъ родство, ихъ поведеніе, милостивое или жестокое обращеніе съ ними господъ: ничего не записывая всему веда она вѣрный счетъ. Въ этой женщинѣ можно было предполагать много философіи, она ни къ кому не имѣла при- страстія и никогда не чувствовала гнѣва; она была откровенна и правдолюбива и не терпѣла ложь; но сіи качества были иногда бичомъ общества. Вообще, она рѣдко говорила о томъ, что знала, но иногда совсѣмъ неожиданно приходила ей фантазія при всѣхъ начинать свои допросы: „Скажите, матушка, сколько вамъ лѣтъ?“ или: „Какъ велико ваше состояніе?“ Молодыя женщины, переходящія въ зрѣлыя лѣта, обыкновенно отъ словъ сихъ блѣднѣли, не было возможности утаить отъ нея ни одной недѣли; обличенія, доказатель- ства были у нея тотчасъ готовы. „Не правда, случалось мнѣ слышать, я помню, это было тогда-то, и такъ-то.“ И всѣ сіи публичныя испытанія дѣлались съ убійственнымъ хладнокровіемъ неумолимаго судьи. Имя Марѣи было дано ей очень кстати, ибо ей можно было сказать, какъ въ Св. Писаніи: *Марѣа, Марѣа, печешися о мноземъ.*

Людей умѣренныхъ, которые не интриговали, избѣгали ссоръ съ нашими неприятелями, но и не дружились съ ними, въ глаза и за глаза были почтительны къ начальству, но и не искали съ нимъ короткости, однимъ словомъ, держались середины, такихъ людей было не много: почти все они не были родомъ изъ Пензы, а находились въ ней только на службѣ. Перваго назову я вице-губернатора, Т., человѣка довольно пожилаго, малорослаго, и щедраго, добраго и честнаго, который при Екатеринѣ еще былъ вице-губернаторомъ въ Туль. * Его не любили, но онъ какъ-то всегда ускользалъ отъ пензенской злости. . . . .

Вмѣстѣ съ Т. засѣдалъ въ казенной палатѣ совѣтникъ ея, Д. Онъ былъ орловскій помѣщикъ, попромотавшійся, попроигравшійся старый франтъ, который служилъ по необходимости. Казались въ немъ странны не дѣянiя его, а манеры, нарядъ и какой-то особенный, весьма забавный, французскiй языкъ. Тогда въ платьѣ все было просто, гладко, одноцвѣтно; его же полосатые фраки, пестрые, клетчатые жилеты, тканые, вязаные, вышитые, размалеванные, отличали его отъ всехъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ румянился, сурмилъ брови, чернилъ себѣ волосы; слѣдуя старинной модѣ, носилъ онъ двое часовъ, или по крайней мѣрѣ, двѣ цѣпочки отъ нихъ, томпаковыя, или симилоровыя съ брелоками, которыя длинно висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ, и которыми онъ поигрывалъ, побрякивалъ. Передъ этимъ, былъ онъ директоромъ училищъ въ Перми и Тобольскѣ, и тамъ имѣлъ онъ случай набрать множество, если не драгоценныхъ, то самоцвѣтныхъ каменьевъ и употребить ихъ на разные мелкіе предметы, табатерочки изъ яшмы и порфира, перстеньки бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камешковъ, которыя сверхъ жилета носилъ онъ крестообразно; всего же примѣчательнѣе въ его сокровищницѣ былъ огромный лалъ, который при важныхъ оказiяхъ, въ видѣ застежки, являлся у него на груди. . . . .

Одинъ бѣдный, выслужившійся дворянинъ М., собою очень

* Утѣшительно было бы думать, что добродушіе доставляютъ долголѣтіе. Т. недавно только что умеръ 97 лѣтъ.

видный, женился на богатой невѣстѣ съ знатнымъ родствомъ. Въ званіи городничаго, начальствовалъ онъ въ Пензѣ, когда, при Павлѣ, была она уѣзднымъ городомъ, и до нѣкоторой степени напоминалъ собою прежнихъ ея воеводъ и губернаторовъ. Безпечень, хотя и тщеславень, довольствовался онъ тою порціей величія, которая въ сей аристократической республикѣ, какъ единственному официальному лицу, ему на долю доставалась, и съ дворянами довольно ладилъ. При вторичномъ открытіи губерніи онъ уже въ прежней должности остаться не хотѣлъ и сдѣланъ совѣтникомъ казенной палаты; тогда сталъ онъ въ ряды другихъ бояръ, получивъ въ городѣ великій вѣсъ отъ роли, которую передъ этимъ игралъ, отъ знатнаго родства, хорошаго состоянія и большого хлѣбосольства. Онъ былъ мужикъ честный, правдивый, чистосердечный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и осторожный; никогда не говорилъ неправды, но не всегда говорилъ правду. Его преданность отцу моему, безъ малѣйшей подлости, свободомыслиціе въ Пензѣ именовали подобострастіемъ, а онъ не хотѣлъ даже брать труда на нихъ сердиться. Маленькое чванство, лошади, псарня, вотъ всѣ его извинительныя слабости. Ученостію ни онъ, ни жена его не могли похвастаться: домашняго маляра своего называлъ онъ въ шутку Сократомъ, увѣренъ будучи, что Сократъ былъ великій живописецъ; супруга его долго полагала, что всѣхъ медиковъ зовутъ Петерсонами, потому что первый, который ее лѣчилъ, носилъ сіе имя.

Господинъ и госпожа Д—скіе привязаны были не столько къ лицу, какъ къ мѣсту губернатора, и отъ одного къ другому переходили по наслѣдству. Онъ былъ молчаливъ и довольно угрюмъ, а она добрая женщина, большая болтунья и первая вѣстовщица въ городѣ. Между ними существовало странное условіе, предписанное мужемъ: она, которая наединѣ трепетала отъ его взгляда, должна была при людяхъ на него покрикивать, а онъ отмалчиваться и казаться у нея въ загонѣ.

Нѣкто М—въ, весьма еще не старый помѣщикъ и богатѣйшій женихъ въ провинціи, также какъ и Д—скіе, любилъ безъ памяти власть; но свѣтской ему было мало, онъ прибавилъ еще къ ней духовную и былъ всегда на безсмѣнныхъ ординарцахъ какъ у епископа, такъ и у начальника губерніи. Въ его гостиной, въ первомъ мѣстѣ, всегда висѣло изображение архіерея между портретами губернатора и губернаторши, разумѣется, господствующими: по мѣрѣ какъ назна-

чаемы были новые, высылались они въ залу, гдѣ, по прошествіи двухъ десятковъ лѣтъ, составилаь презанимательная портретная галлея.

Я бы никогда не кончилъ, еслибы захотѣлъ представить всѣхъ странныхъ людей, коими тогда населена была Пенза. Я выбиралъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ, а остальныхъ берегу въ запасъ для будущихъ посвѣщеній. Но объ одномъ человѣкѣ не могу здѣсь умолчать; онъ былъ мнѣ слишкомъ памятенъ.

Тяжкій, горькій опытъ показалъ мнѣ, что въ нашей Россіи каждый честный, умный и благородно-мыслящій человѣкъ, коему ввѣряется начальство, долженъ имѣть своего плута. При опредѣленіи отца моего, рекомендовали ему въ Москвѣ нѣкоего А., бывшего секретаремъ при курскомъ губернаторѣ, человѣкъ извѣстномъ и почтенномъ, и вмѣстѣ съ нимъ оставившаго службу: это одно уже говорило въ его пользу. Огромная голова, высоко поднятая, твердый голосъ, смѣлая поступь, все, что служить вѣвѣской честности, все это къ нему могло возбудить довѣренность самыхъ опытныхъ людей: но гордость, злоба, хитрая месть и алчность до времени скрывались за этою личиною. Онъ родомъ былъ Грекъ, не знавшій, однакоже, природнаго языка своего: но родился ли онъ въ Россіи или въ малолѣтствѣ вывезенъ откуда-нибудь? Къ какому состоянію принадлежалъ онъ, гдѣ учился и какъ поступилъ на службу? Все это умѣлъ онъ задерживать непроницаемою завѣсой. Онъ былъ чрезвычайно уменъ и трудолюбивъ, и коварство Грека, какъ въ броню, облекъ еще въ русское подъячество. Ему нуженъ былъ одинъ только человѣкъ, начальникъ его, но и съ нимъ отвергалъ онъ обыкновенныя средства униженій и лести. Съ нимъ позволялъ онъ себѣ иногда отрывистыя возраженія, но видя настойчивость, отвѣчалъ на все неодобрительнымъ молчаніемъ, за которымъ всегда слѣдовало быстрое исполненіе приказаній. Онъ старался изучать характеръ начальника, съ каждымъ днемъ становиться ему необходимѣе и мало-по-малу успѣвалъ увѣрить его, что за него готовъ онъ и въ огонь, и въ воду. . . . .

Грустно было видѣть, какъ дерзкій этотъ человѣкъ овладѣлъ старостію бѣднаго отца моего. По большед части онъ же былъ причиной негодованія на него, а прикидывался добровольною жертвою, за вѣрность къ нему радостно выносящую отъ всѣхъ гоненія. Съ самаго начала

возненавидѣли мы другъ друга, никогда не говорили и не кланялись; и какъ ни молодъ я былъ, какъ ни робокъ при отцѣ, не страшась его гнѣва, при первомъ словѣ объ А., приходила ко мнѣ чудесная смѣлость, и я принимался его обвинять. Бѣдность, въ которой жилъ онъ съ своимъ семействомъ, была всегда побѣдоноснымъ отвѣтомъ въ устахъ моего родителя. Только при его преемникѣ построилъ онъ каменный домъ и купилъ деревню.

Чтобы скорѣе забыть этого человѣка, отправимся въ дорогу, на ярмарку, въ Саранскъ. Она обыкновенно бываетъ въ половинѣ августа, около Успеньева дня, вскорѣ послѣ Марьевской, которая отъ нея была не далеко и оканчивалась тогда къ 1-му августа. Всѣ на сей послѣдней нераспроданные товары привозились на Саранскую, гдѣ и продавались дешевле, отчего она была и богаче, и многолюднѣе Пензенской. Сверхъ того, въ уѣздныхъ городкахъ, на небольшомъ пространствѣ, въ хорошее время года, ярмарки всегда бываютъ живѣе, кипучѣе чѣмъ въ губернскихъ городахъ; на нихъ что-то похожее на лагерное житье, или на ту беззаботную, безцеремонную жизнь, которую ведутъ на минеральныхъ водахъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ тамъ съ моимъ семействомъ, чрезвычайно возвеселили духъ мой. Только для того, чтобы показать какъ мало въ это время дворяне брезгали мѣстами, и какъ они еще были уважаемы, скажу, что городничимъ въ Саранскѣ былъ тогда человѣкъ извѣстной фамилии, имѣющій тысячу душъ, братъ сенатора, Алексѣй Федоровичъ Желтухинъ.

Въ самый день Успенія былъ въ Саранскѣ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ, оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ, и остановился въ немъ на цѣлыя сутки. Зачѣмъ бы, кажется, человѣку, который совсѣмъ не былъ хозяинъ, предпринимать столь трудныя путешествія въ дальнія свои деревни? Особенно тогда, какъ на столь великомъ пространствѣ, при каждомъ шагѣ долженъ былъ онъ встрѣчать недостатокъ и худое качество съѣстныхъ припасовъ? За тѣмъ-то именно онъ и ѣздилъ. Крѣпкое сложеніе самаго русскаго человѣка онъ нѣсколько поразстроилъ вседневною, изысканною, прихотливою пищею; впрочемъ, здоровье его цвѣло, но вкусъ иногда притуплялся; доктора, вмѣсто дѣяты, совѣтовали ему путешествовать по Россіи, онъ долженъ былъ проголодаться; однимъ словомъ, въ Саратовъ ѣздилъ онъ за

аппетитомъ. Отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ, и я было забылъ, что передъ этимъ, въ апрѣлѣ, онъ меня ему представилъ, и первый разъ въ жизни былъ я у него въ Петербургѣ на истинно-аристократическомъ балѣ.

Кому тогда въ Россіи не извѣстны были наследственные веселость духа, умъ, острота и любезность Нарышкиныхъ? . . . . . Старина еще показывалась въ широкомъ ихъ боярскомъ житѣ, когда уже всѣ удовольствія новой образованной жизни блистали въ ихъ бесѣдахъ; и сія встрѣча, сіе соединеніе лучшаго изъ двухъ разныхъ временъ, дѣлаетъ ихъ незабвенными. Особенно, говорятъ, былъ примѣчательнъ Левъ Александровичъ, отецъ того о комъ пишу; у того, говорятъ, все подавай на столъ и всѣхъ давай за столъ, и сколько бѣдныхъ дворянъ, возвращаясь въ свою провинцію, хвалились тѣмъ, что у него обѣдали: они могли думать, что были при дворѣ. . . . . Александръ Львовичъ былъ уже гораздо разборчивѣе, а еще болѣе сыновья его.

Но и онъ сохранялъ еще въ себѣ типъ прежняго вельможества. Онъ не зналъ что такое неучтивость, со всѣми съ кѣмъ имѣлъ дѣло не только былъ ласковъ, даже фамильяренъ, безъ малѣйшаго, однакоже, урона своего достоинства. Вообще эти люди, съ пьедестала своего, какъ-то свободно, безбоязненно нагибались, какъ будто чувствуя, что упасть имъ никакъ невозможно. Будучи и въ Петербургѣ ко всѣмъ привѣтливъ, въ провинціи Нарышкинъ былъ особенно любезенъ съ губернаторомъ и его сыномъ. Тутъ случился одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, у котораго поваръ почитался и былъ дѣйствительно лучшимъ во всей губерніи; къ нему позвалъ отецъ мой его обѣдать, а къ себѣ на вечеръ и ужинъ; въ дорогѣ тѣмъ и другимъ остался онъ чрезвычайно доволенъ. Съ нимъ былъ меньшой сынъ его, Кирила Александровичъ, съ которымъ въ Петербургѣ пришлось мнѣ сказать слова два-три; тутъ я съ нимъ немного поболѣе познакомился, но гораздо короче въ слѣдующемъ году.

Возвратясь въ Пензу, я опять недолго въ ней оставался; отцу моему въ сентябрѣ нужно было объѣзжать губернію и онъ взялъ меня съ собою. Въ столь отдаленное время и въ столь отдаленной провинціи, проѣздъ губернатора могъ нѣсколько походить на триумфальное шествіе; вездѣ ожиданія, вездѣ суета, вездѣ встрѣчи, вездѣ толпы народа, которыя

стоять съ почтеніемъ, смотреть съ любопытствомъ; во всѣхъ уѣздныхъ городахъ лучшія квартиры, во всѣхъ деревняхъ лучшія комнаты господскаго дома. Обзорѣніе судовъ, тюремъ, дорогъ, мостовъ, переправъ, множество заботъ, у самихъ губернаторовъ отнимали все, что такія путешествія могли имѣть для нихъ пріятнаго. Но губернаторскому сыну оставались одни только удовольствія; наперерывъ старались угостить его, доставить ему разнаго рода наслажденія, разумѣется самыя грубыя, матеріальныя, и между ими, сказать ли правду?.. и довольно постыдныя, кои юноша, менѣе пылкій и болѣе цѣломудренный, чѣмъ я, отвергъ бы съ презрѣніемъ. Но что дѣлать! такъ уже тогда водилось.

Между селами, въ Пензенской губерніи, Екатериною произведенными въ города, считались два, Мокшанъ и Городище, которыя, если возможно, были еще хуже Чембара. Зато Краснослободскъ, Саранскъ и Инсаръ по народонаселенію своему, по торговлѣ и по числу церквей, и тогда уже были достойны названія городовъ. Многие и понынѣ смѣются надъ бѣдностію и ничтожествомъ всѣхъ этихъ мѣстечекъ, разсыпанныхъ по Россіи, именующихся городами, забывая, что каждое изъ нихъ можетъ быть зародышемъ большаго города и не примѣчая великихъ переменъ, отъ одного только даннаго имъ имени, въ нихъ послѣдовавшихъ. Еслибъ одни только правильность линій, чистота и порядокъ ихъ отличали отъ другихъ казенныхъ селеній, то и тѣмъ бы они много выиграли. Какъ часто видимъ мы людей низкаго состоянія, мѣщанъ, даже простыхъ крестьянъ, внезапно разбогатѣвшихъ счастіемъ и оборотливостію въ торговыхъ дѣлахъ: любовь къ родимому мѣсту есть замѣчательная черта въ сихъ выходцахъ изъ бѣдности; къ ней примѣшивается маленькое, тщеславіе, и они, на удивленіе и на зависть земляковъ, громоздятъ каменные палаты. Глядя на нихъ и желая не совершенно отъ нихъ отстать и заслужить имя настоящихъ горожанъ, другіе также начинаютъ строить опрятные домики и могутъ имѣть надежду съ нѣкоторою выгодой отдавать ихъ въ наймы судьямъ и канцелярскимъ. Раздробленіе имѣній и потребность общежитія также способствуютъ умноженію жителей въ сихъ городкахъ: самые мелкопомѣстные дворяне все уже не прежніе варвары, три времени года потрудясь въ полѣ надъ хлѣбопашествомъ своимъ, зимой скупаютъ въ домикахъ своихъ, занесенныхъ снѣгомъ; дорого-

визна губернскихъ городовъ пугаетъ ихъ бѣдность, а въ уѣздныхъ вмѣстѣ съ должностными лицами могутъ они составить нѣчто похожее на общество.

Разумѣется, я здѣсь говорю не объ уѣздныхъ городахъ, кои, будучи прибрежны большимъ рѣкамъ, ведутъ обширную торговлю, или имѣютъ давно заведенную промышленность, которая годъ отъ году болѣе процвѣтаетъ, но только о городахъ, кои, лишены будучи всѣхъ способовъ, кромѣ тѣхъ, на кои я указалъ, однакоже, не падаютъ, а по маленьку все идутъ впередъ. Въ продолженіе почти сорока лѣтъ, неоднократно со вниманіемъ проѣзжая черезъ нихъ, я утвердительно могу сказать, что всѣ эти центрики растутъ и расширяются. Они порождены великою мыслію Екатерины, отъ нея ведутъ свое начало и развѣ тогда только погибнуть, когда исчезнетъ объ ней память. Шестидесятилѣтняя жизнь для города младенчество, и наши ребята-города, право, не тощатъ, а примѣтно укрѣпляются.

Усердствуя, если не благосостоянію, которое доставляютъ только время и труды, то по крайней мѣрѣ украшенію пензенскихъ уѣздныхъ городовъ, отецъ мой выпросилъ чрезъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы раздавъ ихъ дворянамъ, подъ вѣрные залого, на положенные сроки, изъ капитала и процентовъ, въ семь лѣтъ выстроить въ каждомъ изъ девяти городовъ большое каменное двухъэтажное зданіе съ такими же флигелями, для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и жительства городничаго. Мнѣ пріятно теперь вспомнить, что всѣ сіи города сохраняютъ понынѣ памятники полезной заботливости отца моего *.

Изъ числа помѣщиковъ, коихъ посѣтили мы на семь пути, двое-трое жили истинно по-барски; это были братья Хрущовы, Араповъ и Вельяшевъ. Если когда-нибудь случится мнѣ опять встрѣтиться съ ними въ моихъ воспоминаніяхъ, то можетъ-быть скажу объ нихъ нѣсколько словъ. Теперь

---

* Я забылъ сказать, что отецъ мой склонилъ помѣщика Колокольцова продать въ казну за двадцать тысячъ рублей ассигнаціями два каменные дома, одинъ трехъэтажный, а другой двухъэтажный, которые по тогдашнему стоили полтораста тысячъ, и успѣлъ только за оказанную имъ умѣренность выпросить ему монаршее благоволеніе. Одинъ изъ сихъ домовъ доселѣ губернаторскій.

поговорю объ одномъ прїѣзжемъ изъ Петербурга баринѣ, у котораго въ деревнѣ, довольно скучно (для меня по крайней мѣрѣ), должны мы были пробыть почти сутки. При Павлѣ былъ онъ произведенъ генераломъ, украшенъ лентой, потомъ отставленъ и сосланъ; при Александрѣ опять быть принятъ въ службу, но сначала только числился въ ней и жилъ гдѣ хотѣлъ. Послѣ покойной жены его, досталось ему съ дѣтьми богатое наслѣдство въ Пензенской губерніи,—безконечная лѣсная дача, при коей устроилъ онъ обширный винокуренный заводъ; въ это имѣніе, которое тогда было единственнымъ источникомъ его доходовъ, прїѣзжалъ онъ по временамъ хозяйничать.

.....
Страсть его (никогда истинная любовь) къ женскому полу и желаніе ему нравиться тогда уже начинали его дѣлать смѣшнымъ. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакоже, онъ еще очень молодилъ себя. Онъ былъ небольшого роста, тонокъ, строенъ и чрезвычайно ловко танцевалъ: искусственная бѣлизна его лица спорила съ искусственною чернотой его волосъ, и яркій искусственный румянецъ покрывалъ его щеки: но раннее употребленіе косметическихъ средствъ повредило его кожѣ, она уже тогда казалась выкрашеною подошвой. Ничто не могло быть совершеннѣе механизма его наряда и въ изобрѣтеніи его непременно долженъ былъ участвовать какой-нибудь скульпторъ: такъ было все пропорціально, такъ все хорошо пригнато, гдѣ дополнено, гдѣ убавлено; вездѣ шнурованіе, тамъ винтъ, тамъ пружина; и въ этой бронѣ, въ которой выступалъ онъ противъ спокойствія женскихъ сердецъ, всѣ тѣлодвиженія его были такъ свободны, что никто не могъ бы подозрѣвать тутъ чего-нибудь поддѣльнаго. Чтобъ открыть всѣ таинства сего туалета, нуженъ былъ зоркій, любопытный мой взглядъ; по тѣмнотѣ деревенскаго дома его, я спалъ съ нимъ почти въ одной комнатѣ; онъ вставалъ очень рано, а я, притворясь спящимъ, въ открытую дверь, полуоткрытымъ глазомъ могъ прозрѣть весь этотъ снарядъ и даже самую подошву лица его, къ утру уже полаявшую и пожелтѣвшую.

Ту же самую осень, посѣтилъ онъ насъ въ Пензѣ, остановился у насъ въ домѣ, прожилъ двѣ недѣли и по собственному выбору помѣщался въ занимаемыхъ мною комнатахъ; но дверь уже не отворялась, и я могъ его видѣть только въ

полномъ блескѣ и устройствѣ. Онъ вставалъ всегда рано; иногда, когда я лежалъ еще въ постели, заходилъ онъ ко мнѣ и журилъ за лѣность, безъ церемоніи садясь ко мнѣ на кровать. Иногда необыкновенныя его ласки меня смущали, но онъ расточалъ ихъ всему семейству, всему дому и не оставлялъ безъ вниманія даже любимой собачки моей матери.

Нѣсколько лѣтъ еще въ знакомствѣ со мною продолжалъ онъ оказывать прежнюю благосклонность; всѣ сношенія мои съ нимъ должны были прекратиться службой отца моего. При первой встрѣчѣ послѣ того, показалъ онъ мнѣ столь наглое высокомеріе, что съ тѣхъ поръ довольствовался я мѣняться съ нимъ презрительными взглядами.

Прежде нежели оставлю Пензу долженъ поговорить о родственникахъ, которыхъ я въ ней имѣлъ, и о коихъ я доселѣ умалчивалъ, потому что они жили болѣе въ деревнѣ чѣмъ въ городѣ. . . . . Одинъ изъ нихъ былъ не послѣдній въ Пензѣ чудакъ. О немъ нельзя говорить, не объяснивъ напередъ, что такое была супруга его, послѣдняя, какъ говорили, изъ своего роду и, кажется, послѣдняя въ родѣ тѣхъ женщинъ прежняго вѣка, коихъ фонъ-Визинъ и Капнистъ такъ вѣрно изобразили, а Рахманова такъ удачно представляла на сценѣ. Она предпочитала деревенское житье городскому и постоянно имѣла пребываніе, въ сорока верстахъ отъ Пензы, въ селеніи своемъ Кучкахъ. Тамъ, среди сельской тишины, почти ежедневно свирѣпствовали бури ея гнѣва; тамъ все трепетало передъ ней, тамъ была она дѣвокъ, свѣкла мужиковъ и терзала словами двухъ взрослыхъ падчерицъ. Но коль скоро завидитъ издали приближающуюся коляску или телѣжку на рессорахъ, спѣшитъ укротить свое бѣшенство и всякаго пріѣзжаго, внутренно посылая къ чорту, встрѣчаетъ съ отверстыми объятіями и словами: „Ахъ, батюшка, отецъ ты мой родной! Да какъ тебя Богъ занесъ, да какъ разодолжилъ, что пожаловалъ.“ Потомъ, угощая дорогого гостя, выжимала она улыбку на уста и нѣжнымъ голосомъ говорила слугамъ: „Другъ мой, Федя, голубчикъ Андрюша, подай это, прими то-то“, а Федя и Андрюша дрожали какъ листъ, ибо при улыбкѣ взоры ея сверкали еще яростію.

Мужъ ея былъ совсѣмъ тому противное, ни къ кому не

ласковъ, ко всемъ доброжелателемъ. Въ обществѣ иногда бывалъ онъ довольно непріятель, всѣхъ прерывалъ, говорилъ громко, хохоталъ во все горло. Самый добрый и честный крикунъ, часто вралъ, а иногда и лгунъ по легковѣрью, потому что готовъ былъ повторять всякій слышанный имъ вздоръ, всякую умышленно сказанную неправду; нужно ли къ этому прибавить, что въ Пензѣ былъ онъ первымъ въ-стовщикомъ? Съ такими склонностями и съ такою женой ему не очень весело было оставаться въ деревнѣ, и оттого большую часть времени проводилъ онъ въ городѣ, гдѣ имѣлъ скромную квартиру; зачѣмъ ему большая, когда съ утра до ночи развѣзжалъ онъ по гостямъ, собиралъ и развозилъ новости? Впрочемъ, съ сожительницею своею былъ онъ всегда въ совершенномъ согласіи, потому что злодѣйка любила его безъ памяти, берегла и тѣшила, потому что онъ былъ простосердеченъ, а она хитра, потому что онъ не имѣлъ большаго достатка, а она весьма хорошее состояніе и, наконецъ, потому что она занималась хозяйствомъ, предоставляя ему въ полное распоряженіе все время его, которое, какъ мы видѣли, онъ съ такою пользою умѣлъ употреблять. Глядя на сіе супружество, казалось, что видишь союзъ пѣтуха съ кошкою.

Забавно было на немъ притязаніе на ученость, хотя и въ Пензѣ, и въ то время, немногіе превосходили его въ невѣжествѣ. Въ доказательство просвѣщеннаго вкуса и любви къ наукамъ, завелъ онъ у себя въ деревнѣ кабинетъ рѣдкостей: чтó это такое было, трудно себѣ представить! Сову ли кто убьетъ, ужа ли поймаетъ, скорѣе несетъ къ доброму барину; изъ одной велитъ онъ набить чучелу, кожу съ другаго натянетъ на палку. Пріятели, родные, старались посѣщать его не всегда съ пустыми руками, но не раззорялись на покупку игрушекъ, коими дарили стараго ребенка: кто доставитъ ему заржавленный кусокъ желѣза, увѣряя, что это отломокъ сѣкиры или бердыша, найденный на древнемъ полѣ битвы, иной привозитъ ему свиной клыкъ, выдавая его за зубъ какого-нибудь рѣдкаго американскаго дикаго звѣря; изъ Петербурга насылались ему купленные на толкучемъ рынкѣ подъ именемъ картинъ нама-леванныя корки. Немногіе совѣстились и надѣяли его довольно порядочными вещами. Для сего драгоценнаго

собранія не было, однакоже, особеннаго помѣщенія; все это громоздилось въ трехъ низенькихъ приѣмныхъ его комнатахъ: столовой и двухъ гостиныхъ; поворотиться бывало трудно и особенно неприятно обѣдать посреди чучель. . . .

Въ Пензѣ не находилось хозяйки дома болѣе пріятной Натальи Михайловны Загоскиной. Замѣчено, что тяжкія испытанія разнымъ образомъ дѣйствуютъ на людей: они болѣе раздражаютъ злыхъ, а добрыхъ научаютъ терпѣнію и снисходительности. Такъ было съ Натальей Михайловной: почти въ ребячествѣ выдали ее за человѣка, хотя молодого, но весьма страннаго. Съ самыми кипящими страстями, Николай Михайловичъ Загоскинъ, любилъ добродѣтель и исполненъ былъ религіозныхъ чувствъ; безъ родителей, безъ соувѣтовъ, совершенно свободный, отъ силы страстей хотѣлъ онъ оградиться неодолимымъ оплотомъ и затворился въ стѣнахъ монастыря. Тамъ болѣе года постился онъ, молился и готовъ былъ принять постриженіе, а плоть все одолѣвала духъ. Добросовѣстные монахи убѣдили его предпочесть супружество, какъ состояніе истинно христіанское, если не столь святое, какъ монашество. Какъ онъ былъ весьма не бѣденъ, не старъ и не дурень собою, то легко было найти ему невѣсту, и въ награду за его добросердечіе Небо послало ему дѣвочку кроткую, умную и веселую. Съ нею обрѣлъ онъ счастье, а она только благодаруміемъ, долготерпѣніемъ и осторожностію могла наконецъ до него достигнуть; непримѣтно исправляя ихъ, должна была она переносить кучу странностей, которыя были слѣдствіемъ борьбы человѣческихъ слабостей съ упорною волею побѣдить ихъ. Проведя нѣсколько лѣтъ съ нимъ въ добровольномъ заточеніи, она умѣла извлечь его изъ него вмѣстѣ съ народившимся семействомъ.

Сіе семейство уже тогда было многочисленно. Нынѣ столь извѣстный Загоскинъ былъ первымъ плодомъ сего брака, и странности, которыя первые примѣры и первое воспитаніе въ немъ оставили, ни временемъ, ни треніемъ объ людей высшихъ сословій не могли быть изглажены. Ему было тогда лѣтъ четырнадцать и уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя ученіе его не только не было кончено, мнѣ кажется даже не было начато. Имя Миши, коимъ звали его, было ему весьма прилично; дюжій и неуклюжій какъ медвѣжонокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ же самымъ

причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не знали онъ существованія приличій свѣта, а послѣ мало объ нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамиллярнымъ его обхожденіемъ: какъ истинно русскій весельчакъ, любилъ онъ всегда безъ желчи, безъ злости, безъ малѣйшаго дурнаго умысла, подшучивать въ глаза надъ слабостями людей и такимъ образомъ, задѣвая самыя чувствительныя струны ихъ самолюбія, часто творилъ изъ нихъ непримиримыхъ себѣ враговъ; потомъ онъ же удивлялся и готовъ былъ сказать: да, кажется, за чтò бы? Не только тогда, но и гораздо послѣ не могъ я подозрѣвать удивительнаго, оригинальнаго таланта, который такъ внезапно и ярко въ немъ развился; при всегдашней его разсѣянности, которая давала ему видъ легкомыслія, могли ли я предполагать въ немъ тѣ постоянныя, глубокія наблюденія, кои снабдили сочиненія его столь живыми, вѣрно изображенными картинами? Кто бы какъ ни любилъ перо его, но кто узнаетъ сердце, которое имъ водило, тотъ полюбитъ человѣка, я увѣренъ въ томъ, еще болѣе чѣмъ автора; я скажу объ немъ какъ Іисусъ объ Магдалинѣ, многое должно ему простить, ибо много любилъ онъ добро, исполненіе свсихъ обязанностей, много любилъ Бога, отечество свое и весь родъ человѣческій! Его отпускали въ Петербургъ со мною, поручая его братскимъ моимъ объ немъ попеченіямъ: ну, умѣли же найдти ему наставника!

Во время нашихъ сборовъ, явился въ Пензѣ умный, богатый и брадатый Василій Алексѣевичъ Злобинъ, на обратномъ пути въ Петербургъ изъ Волжска и Саратова. Мнѣ теперь совѣстно вспомнить какъ тогда за нимъ ухаживали; лучшаго пріема нельзя было бы сдѣлать вельможѣ; всѣ чиновники ходили къ нему являться, и у губернатора обѣдалъ онъ всякій день, занимая, какъ пріѣзжій гость, первое мѣсто. Послѣ того, кажется, трудно новыя поколѣнія слишкомъ упрекать въ поклоненіи злату. Однакожь не мнѣ осуждать почести оказанныя Злобину; онъ въ это время самымъ любезнымъ образомъ вызвался сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Привыкнувъ къ нѣгѣ, онъ ѣхалъ одинъ въ просторной четверомѣстной каретѣ; я захворалъ, и онъ предложилъ мнѣ половину оной, съ обѣщаніемъ дорогой оберегать меня. Наши двѣ зимнія кибитки, моя и Загоскина, примкнули къ его поѣзду и мы 4 ноября отправились въ путь.

Старики прежде не охотно входили въ сужденія съ молодежью, и я Злобина зналъ только поверхностно; но тутъ, запершись въ каретѣ, въ безпрестанныхъ съ нимъ разговорахъ узналъ я сколько, безъ всякаго ученія, въ простомъ русскомъ человѣкѣ можетъ быть природнаго ума: въ каждомъ словѣ сколько толку, какой великій смыслъ! иногда онъ меня ими ужасалъ. Порабощеніе у насъ никогда до того не простиралось, чтобы, какъ у невольниковъ древняго міра и Новаго Свѣта, оно у крѣпостныхъ нашихъ отнимало даже время на размышленіе, а опасеніе проговориться заставляло ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и кроткими въ выраженіяхъ. Изъ того произошли милліоны поговорокъ и пословицъ, составляющихъ народную мудрость, которая изъ рода въ родъ переходя какъ умственное наслѣдство, все болѣе обогащается новыми мыслями: въ этомъ, мнѣ кажется, ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ нашимъ.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ, выпалъ снѣгъ, стали морозы и сдѣлалось первопутье; оттого мы не ѣхали, а лѣтели, и хотя по откупнымъ дѣламъ Злобинъ долженъ былъ останавливаться въ Саранскѣ и Арзамасѣ и промѣшкаться въ обоихъ болѣе полутора сутокъ, все-таки пріѣхали мы въ Москву 8 числа, въ самый Михайловъ день. Тутъ мы разсталась, онъ на другой день поѣхалъ далѣе, а я остался погостить у сестры.

Что сказать мнѣ о тогдашней Москвѣ? Трудно изобразить вихорь. Съ самаго вступленія на престолъ императора Александра, каждая зима походила въ ней на шумную недѣлю масленицы. Я помню какъ малолѣтнимъ случилось мнѣ быть въ комнатѣ, гдѣ изъ большихъ бутылей передивали наливки въ жестяной чайъ, а изъ него разливали по бутылкамъ, и какъ не проглотивъ ни капли, я опьянѣлъ отъ одного пріятнаго ягодно-спиртоваго запаху. То же было со мною и въ Москвѣ; не имѣя ни много знакомыхъ, ни намѣренія долго въ ней оставаться, я подобно другимъ не веселился, а отъ однихъ разказовъ объ обѣдахъ и приготовленій на балы кружилась у меня голова. Въ ночи съ 28 на 29 ноября поскакалъ я въ Петербургъ.

Дорогой случилось со мною нѣчто довольно забавное. Въ Твери остановился я въ извѣстномъ трактирѣ Италіянца Галиани (который давно уже померъ, но котораго имя до сихъ поръ сохранила заведенная имъ гостиница). Я проголодался, про-

мерзъ и спросилъ повѣсть; тутъ были офицеры какого-то кавалерійскаго полку, которые кого-то угощали, кого-то провожали, и меня очень ласково пригласили съ собой обѣдать. Я даромъ наѣлся и уступая подчиванію, еще болѣе напился, потомъ поблагодарилъ ихъ и пошелъ ложиться въ кибитку. Я проснулся передъ разсвѣтомъ и когда спросилъ, скоро ли пріѣдемъ на станцію, мнѣ сказали, что мы проѣхали Валдай, и что я проспалъ болѣе двухъ сотъ верстъ. Чѣмъ свѣтъ, 1 декабря, прибылъ я въ неизбѣжный мнѣ Петербургъ, пробывъ не съ большимъ двое сутокъ въ дорогѣ. Я не знаю какъ это случилось; я не ѣхалъ на курьерскихъ, не имѣлъ права торопить, слуга мой ничего лишняго не платилъ; но видно счастье приходило ко мнѣ во снѣ и приводило съ собой лухія тройки и лихихъ ямщиковъ.

VII.

Вотъ уже третій разъ, что я пріѣзжаю въ Петербургъ, подумалъ я; неужели и нынѣ не болѣе посчастливится мнѣ въ немъ, какъ было доселѣ? Теперь я пріѣхалъ одинъ, никто не привозилъ меня, и даже я самъ привезъ младаго птенца, совсѣмъ не питомца музъ, но который въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ ихъ отличнѣйшихъ служителей: теперь надлежало мнѣ самому промышлять о себѣ. Какъ неумуціе провинціалы, начали мы съ Ямской и оттуда сдѣлавъ нѣсколько поисковъ во внутренность города и открывъ довольно удобную квартирку не подалеку отъ Невскаго Проспекта, чрезъ три дня съ Загоскинымъ въ нее переѣхали.

Едва счелъ я нужнымъ явиться къ Сперанскому и не объявляя ему о моемъ намѣреніи, мимо его прямо графу Кочубею подаль прошеніе, въ коемъ объяснилъ всю странность положенія моего. Определеніе меня въ министерство не заставило себя долго дожидаться; черезъ два дня подписана бумага, но не совсѣмъ согласно съ моимъ желаніемъ и требованіемъ, ибо найдено невозможнымъ зачислить мнѣ въ службу все то время, въ которое ничего офиціального обо мнѣ не было. Я и тѣмъ остался доволенъ; попавъ разъ на мѣсто, могъ я изъ него пріискивать другую, болѣе пріятную или выгодную службу. Пока я фиктивно служилъ, то

ходилъ еще иногда въ экспедицію, а со дня опредѣленія въ нее, началъ забывать какъ отворяются ея двери.

Веселость, царствовавшую въ Москвѣ, можно было также найдти тогда и въ Петербургѣ, и въ той же степени, но въ умѣреннѣйшемъ, болѣе пристойномъ видѣ. Сколько припомню, я не видалъ тогда мрачныхъ лицъ, не слышалъ недовольныхъ рѣчей. На награды были очень скупы; попасть въ службу ко двору, кромѣ тѣхъ, коимъ знатный родъ вмѣстѣ съ богатствомъ давали на то право, никто не смѣлъ и помышлять, доступъ въ большой свѣтъ былъ очень труденъ; ничто не возбуждало ни чрезмѣрнаго честолюбія, ни тщеславія, слѣдственно и зависти, и всякій жилъ про себя, отъ всего сердца веселясь въ своемъ кругу и не думая о лучшемъ. . . . .

Меня одного, можетъ-быть, терзало тогда желаніе чего-то лучшаго, чего-то высшаго. Прежняя скудость и разчетливость петербургской моей жизни мнѣ вдругъ наскучила; я сталъ гораздо лучше одѣваться, чаще нанимать лошадей, искать знакомствъ, ѣздить по вечерамъ и баламъ. Все это было гораздо забавнѣе, но кошелекъ мой примѣтно сталъ тощать, и я начиналъ (чего дотолѣ никогда не было) думать о томъ, гдѣ бы, въ случаѣ нужды, занять мнѣ денегъ? Изъ сихъ затрудненій былъ я выведенъ однимъ представившимся къ тому весьма удобнымъ случаемъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1805 года, всѣ начали толковать о посольствѣ отправляемомъ въ Китай. Въ аристократическомъ мірѣ только о томъ и было разговоровъ, потому что знатный баринъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. Столь многочисленнаго посольства никогда еще никуда отправляемо не было; оно должно было состояться изъ военныхъ, изъ ученыхъ, духовныхъ лицъ и гражданскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Чего же лучше? сказалъ я себѣ, и много не подумавъ, началъ проситься о причисленіи меня къ свитѣ сего посольства.

Пользуясь ласковымъ приглашеніемъ Александра Львовича Нарышкина, сдѣланнымъ въ Саранскѣ, и ободренный ласковымъ его приѣмомъ въ Петербургѣ, раза два или три въ зиму былъ я у него на балахъ, удостоился даже нѣсколько словъ отъ его Марьи Алексѣевны, и на вечерахъ сихъ почти успѣлъ побѣдить гордую свою застѣнчивость. Графъ

Головкинъ былъ женатъ на родной сестрѣ его, Катеринѣ Львовнѣ и почти всякій день бывалъ у него. Какого мнѣ пути еще искать было? Но я вспомнилъ, что передъ этимъ лѣтъ за пять, тотъ же самый Нарышкинъ все обѣщалъ опредѣлить меня пажемъ и ничего не сдѣлалъ. Какъ быть? Другаго средства не было, и я приступилъ къ нему съ своею просьбой. На этотъ разъ стоило мнѣ только намекнуть добрѣйшему Александру Львовичу о моемъ желаніи, и на другой же день письмо графа Головкина къ графу Кочубею испрашивало его согласія на временное увольненіе меня изъ его вѣдомства. Я даже не успѣлъ еще быть представленъ послу, и мнѣ пришлось являться къ нему и благодарить его въ одно время.

Не польза наукъ, коихъ не было во мнѣ положено и первоначальнаго основанія, заставляла меня предпринять столь отдаленное путешествіе, ни даже любопытство увидѣть землю, никѣмъ изъ русскихъ моихъ современниковъ тогда не посѣщенную: поѣздка въ Германію мнѣ показалась бы гораздо привлекательнѣе. Я уже признался въ томъ, какія причины побуждали меня рѣшиться на двухгодичное странствованіе; я былъ угрожаемъ совершеннымъ безденежемъ. Подъ именемъ дворянина посольства, опредѣленъ я былъ въ число его канцелярскихъ служителей; каждому изъ нихъ назначено по шести сотъ рублей серебромъ годоваго жалованья и, сверхъ прогоновъ, по тысячѣ рублей на подъемъ. Въ мои расчеты входила также и родительская помощь, ибо я увѣренъ былъ, что отецъ, одобривъ мое намѣреніе, въ семь случаевъ, не пожалѣетъ для меня денегъ, въ чемъ и не ошибся.

Съ какою цѣлію было отправляемо столь великолѣпное посольство? Вотъ о чемъ не догадался я даже спросить. Я былъ матросъ, который, сѣвъ на корабль, не подумаетъ узнать зачѣмъ онъ плыветъ въ Остѣ-Индію, Бразилію или Канаду. При сей мысли мнѣ право стыдно иногда бываетъ самого себя; но какъ я вспомню бѣольшую часть моихъ товарищей, которые, какъ мнѣ кажется, также въ этомъ предпріятіи видѣли одну продолжительную, веселую прогулку, то и нахожу себя извинительнымъ.

Признаюсь, я и до сихъ поръ полагаю, что вообще въ этомъ дѣлѣ не имѣлось никакого твердаго намѣренія и въ Китай посылали Головкина, такъ, на всякій случай, на удачу, на авось. . . . . Около этого времени Русскіе корабли подъ

начальствомъ Крузенштерна и Лисьянскаго сдѣлали первое путешествіе вокругъ свѣта; съ ними Резановъ отправленъ былъ посланникомъ въ Японію; ему же поручено было въ Америкѣ стараться о распространеніи нашей торговли и нашихъ владѣній; на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей строились новые города, открывались новые порты; за Кавказомъ Циціановъ велъ счастливую, славную войну съ Персіянами; надобно было, наконецъ, подумать и объ Китайцахъ, ѳтдаленнѣйшихъ нашихъ сосѣдяхъ. Тутъ явились іезуиты, съ предложеніемъ усердныхъ услугъ, іезуиты, которые при Екатеринѣ и до нея, при польскомъ правительствѣ, имѣли столицу свою въ Полоцкѣ, а со времени Павла поселились и въ Петербургѣ. Ихъ предложенія были чистосердечны: не зная никакой національности, сія папская милиція готова всегда удружить правительству, коего покровительствомъ она пользуется или отъ коего имѣеть право его ожидать. Патеръ Груберъ, генераль ордена, чрезъ миссіонеровъ своихъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе въ Пекинѣ, приготовилъ китайское правительство къ благосклонному намъ приему. Князь Чарторыйскій управлялъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ и способствуя нашимъ затѣямъ, съ столь великими издержками сопряженнымъ, можетъ-быть внутренно смѣялся надъ ними. Нѣтъ, въ Россіи не должно было ожидать благословеннаго окончанія дѣлу, начатому подъ руководствомъ Поляка и римско-католическихъ монаховъ.

При Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ, когда Нѣмцы такъ заботились о пользѣ и чести Русскихъ, Савва Владиславичъ Рагузинской, посланникъ ихъ, безъ всякой причины, вѣроятно изъ одной учтивости, отступилъ отъ владѣній нашихъ по самую рѣку Амуръ, на берегу которой наши крѣпостцы составляли уже цѣлую линію и былъ выстроенъ городъ Албазинъ. Сія земля, Даурія, имѣющая до полуторы тысячи верстъ протяженія и изобилующая всѣми дарами природы, до сихъ поръ остается не заселенною и нейтральною, дабы Небесное царство не одною каменною стѣною, но и мѣстами необитаемыми было ограждено отъ опаснаго нашего сосѣдства. Надѣялись (такъ меня послѣ увѣряли) посредствомъ искусныхъ переговоровъ склонить Китайцевъ къ измѣненію сего условія и къ допущенію Русскихъ вступить въ прежнія ихъ владѣнія.

Такъ какъ Китайцы самый церемонный народъ въ мірѣ;

то чего же причинѣ какъ послать къ нимъ оберъ-церемоніймейстера; такъ какъ сношенія наши съ ними болѣе торговыя чѣмъ политическія, то чего же выгоднѣе, какъ отправить къ нимъ президента коммерцъ-коллегіи? Графъ Головкинъ былъ и то и другое; а сверхъ того человекъ весьма высокаго роста, величавъ, осанистъ, съ большимъ орлинымъ носомъ, умными глазами и медоточивымъ языкомъ: появленіе его должно было производить почтительный страхъ, довѣренность и любовь. . . . .

Кажется все потомство бывшаго при Петрѣ Великомъ, перваго графа Головкина, Гаврилы Ивановича, поселилось за границей, не отказываясь, однакоже, отъ русскаго подданства, и не знаю по какому праву, продолжая владѣть имѣніями въ Россіи и пользуясь съ нихъ доходами. Сей пагубный примѣръ, который такъ распространился, и нынѣ заставляеть только роптать, но всеобщаго негодованія еще произвести не можетъ; когда Россія къ Европѣ станетъ въ такомъ же отношеніи, какъ Ирландія къ Англіи, и столицы Запада будутъ поглощать всѣ плоды потовыхъ, кровавыхъ трудовъ нашихъ поселянъ, тогда только противъ сихъ добровольныхъ, вѣчныхъ, преступныхъ отчужденій отъ отчизны будутъ приняты сильныя мѣры. Какъ бы то ни было, отецъ посла Головкина никогда не бывалъ въ Россіи, женился на какой-то швейцарской аристократкѣ и дѣтей крестилъ въ реформатскую вѣру.

Когда сынъ его явился ко двору Екатерины, въ немъ, кромѣ имени, ничега русскаго не было. Она приняла его въ гвардію, опредѣлила ко двору, женила на дочери любимаго своего Нарышкина и милостивыми словами привлекла его къ престолу своему, привязала и къ государству. Всѣ знатные молодые люди тогдашняго времени старались быть тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлала судьба и воспитаніе: быть иностранцами съ русскимъ именемъ; слѣдственно ничто не могло побудить его преобразоваться въ Русскаго. И онъ остался настоящимъ дореволюціоннымъ Французомъ, сохранивъ до глубокой старости, всю ихъ любезность, ихъ самонадѣянность и легкомысліе. Одно только напоминало швейцарское его происхожденіе по матери, удивительная его расчетливость, которую въ роскошной, мотоватой нашей Россіи позволяли себѣ называть скупостію.

Съ поверхностными познаніями, кои онъ имѣлъ, могъ онъ

въ обществѣ, гдѣ никогда не углубляются въ обсуживаемые предметы и скользятъ по нимъ, казаться свѣдущимъ во всѣхъ наукахъ. Въ дѣлахъ онъ былъ какъ большая часть русскихъ знатныхъ господъ новѣйшихъ временъ. За то, что за выходъ, что за важность, что за представительность!

Первымъ секретаремъ посольства былъ нѣкто Левъ Сергѣевичъ Байковъ, служившій въ Конной гвардіи; онъ подбилъ къ графу Маркову, и въ 1801 году въ званіи канцелярскаго служителя поѣхалъ съ нимъ въ Парижъ; послѣ разрыва съ Бонапарте, онъ послѣдній изъ нашихъ оттуда выѣхалъ. Въ трехгодичное свое тамъ пребываніе, онъ исполнился не революціоннаго духа, который при первомъ консулѣ началъ исчезать, но нестерпимаго, неблагопристойнаго тона новой Франціи. . . . .

Второй секретарь былъ уже настоящій, природный Французъ, графъ Ламбертъ, * который однакоже гораздо менѣе имъ казался чѣмъ оба предыдущія лица. Какъ иностранецъ въ русской службѣ, старался онъ съ ними ладить, хотя впрочемъ нельзя было его упрекнуть въ гибкости характера; онъ былъ довольно вѣжливъ, но холоденъ, остороженъ, скупъ на слова и до того спѣсивъ, что никому почти не кланялся, а только легкимъ, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы давалъ знать, что отвѣчаетъ на поклонъ. . . . .

Третій секретарь посольства назывался Андрей Михайловичъ Доброславскій, который ни доброй, ни худой славы никогда заслужить не могъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей смирныхъ, трудолюбивыхъ, покорныхъ, бездарныхъ, можно сказать удобныхъ, коихъ начальство такъ любить и мало уважаетъ, которые въ тихомолку продолжаютъ службу и непримѣтно ее оставляютъ. Этотъ былъ уже совсѣмъ не Французъ, ибо ничего не зналъ кромѣ русскаго языка; и хотя на немъ говорилъ чисто, а все-таки съ примѣсью украинскаго нарѣчія. Находясь въ коммерцъ-коллегіи, изъ которой онъ никогда не выходилъ, зналъ онъ хорошо только одну таможенную часть; тамъ сдѣлался онъ извѣстенъ президенту коллегіи графу Головкину, который (я было и позабылъ сказать), по званію сенатора, получилъ порученіе обозрѣть и ревизио-

---

* Его братъ братъ однимъ изъ извѣстныхъ, храбрѣйшихъ генераловъ нашей арміи. Солдаты его очень любили, находя въ немъ совершенно русскаго человѣка. Они были эмигранты.

вать всё губерніи, чрезъ кои онъ долженъ былъ проскакать. И на сей предметъ взялъ онъ съ собою сего великаго искусника.

Вотъ все почти, что составляло дипломатическую, или дѣловую, письменную часть посольства: за тѣмъ слѣдовала ученая часть и наконецъ мы, которые молодостию, развязностию, красивымъ нарядомъ, даже самымъ числомъ, должны были служить къ возвышенію блеска посольства и важности посла.

И въ этомъ отношеніи, безъ хвастовства скажу, все было очень удовлетворительно. Изъ аристократическихъ гостиныхъ молодые люди такъ и ринулись въ невиданное, неслыханное посольство. Семи мѣстъ кавалеровъ, и столько же дворянъ посольства не было достаточно чтобъ опредѣлить всѣхъ просившихся: и это особенно шевелило мое самолюбіе; съ кѣмъ ни встрѣтишься изъ знакомой молодежи, всякій спрашиваетъ съ недовольнымъ видомъ (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось), какія у насъ дѣлаются приготовленія, скоро ли поѣдемъ, а какъ ни бранимъ мы зависть, какъ ни презираемъ ея, а все болѣе изъ того хлопочемъ чтобы произвести ее. Во время странствованія успѣемъ мы познакомиться съ моими сопутниками, но считаю не лишнимъ на первый случай здѣсь ихъ представить.

Между кавалерами, первыми стояли по списку, два дѣйствительные камергера, Васильчиковъ и князь Голицынъ. Алексѣй Васильевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ братьевъ Васильчиковыхъ, изъ коихъ Иларіонъ Васильевичъ болѣе всѣхъ возвысился въ почестяхъ и сдѣлался извѣстнѣе; всѣ они были русскіе дворяне въ душѣ, и давно уже Псковская губернія гордится ихъ родомъ. Ни объ одномъ Голицынѣ скоро нельзя будетъ говорить безъ его родословной въ рукѣ, до того они размножились; Голицына, который находился при посольствѣ, звали Димитрій Николаевичъ; онъ былъ сынъ одного богатаго князя Николая Алексѣевича и княгини Марьи Адамовны, урожденной Олсуфьевой, и съ братомъ своимъ оставались они единственнымъ потомками знаменитаго Димитрія Михайловича, пережившаго двухъ меньшихъ братьевъ, фельдмаршаловъ, Михайловъ Михайловичей, и по милости Бирона, кончившаго дни въ ссылкѣ. Объяснивъ такимъ образомъ родословную этого Голицына, кажется болѣе объ немъ сказать нечего, развѣ

только то, что онъ былъ добрый малый, безъ претензій, чрезвычайно угревать и не виденъ собою. Онъ умеръ смертію героевъ на войнѣ съ Французами.

За тѣмъ слѣдуютъ четыре камеръ-юнкера, Нарышкинъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Нелидовъ, и коллежскій совѣтникъ Павелъ Петровичъ Карауловъ, передъ этимъ полковникъ Преображенскаго полка. Я уже сказалъ, что съ Кириломъ Александровичемъ познакомился я въ Саранскѣ; послѣ того въ Петербургѣ, въ домѣ отца его, знакомство сіе сдѣлалось короче, во время же путешествія нашего, его пріязнь, его постоянно хорошее ко мнѣ расположеніе не одинъ разъ были мнѣ весьма полезны. Онъ былъ примѣчательнѣ тѣмъ, что въ немъ сливались и смѣшивались два противоположные характера его родителей: онъ соединялъ въ себѣ Нарышкинское барство, роскошество и даже шутливость, вмѣстѣ съ крутымъ нравомъ, благородными чувствами, бережливостію и аристократическою гордостію матери своей Марьи Алексѣевны. Онъ былъ еще весьма молодъ, но умѣлъ брать какой-то верхъ надъ своими товарищами, къ чему впрочемъ ему много способствовала любовь къ нему посла, по жёнѣ роднаго дяди.

Константинъ Бенкендорфъ, былъ меньшой и единственный братъ, послѣ всѣмъ столь извѣстнаго, Александра Христофоровича. Онъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ знакомыхъ своихъ, оставилъ по себѣ самую пріятную память; не трудно было любить его, онъ былъ чрезвычайно доброжелателенъ, съ тѣмъ вмѣстѣ умелъ и образованъ. Его мать изъ Германіи послѣдовала за великою княгиней, послѣ императрицей Маріей Ѣоодоровной въ Россію, вышла замужъ за русскаго генерала, но прожила не долго на чужой сторонѣ и четырехъ сиротъ своихъ завѣщала сей государынѣ. Съ такимъ покровительствомъ и съ счастливыми способностями, Константинъ Бенкендорфъ на всѣхъ путяхъ, кои иногда мѣнялъ онъ, встрѣчалъ успѣхи и честь. По его веселому нраву, по его разсѣянности можно было иногда принять за Француза, но Нѣмецъ былъ виденъ въ нѣмецкомъ прямоти, твердости, правдолюбіи, которые по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, скоро останутся однимъ историческимъ воспоминаніемъ. По чувствамъ привязанности къ Россіи, былъ онъ истинно Русскій, и сіе доказалъ онъ тѣмъ, что за границей въ поединкахъ стоялъ за честь ея.

Между нами семью дворянами посольства были Перовскій, Тепловъ, Юни, Корнѣевъ.

Корнѣевъ, коллежскій ассесоръ, лѣтъ тридцати отъ роду, служилъ въ иностранной коллегіи и не зналъ ни одного иностраннаго языка. Непонятно, какъ его всунули въ это посольство. Онъ былъ отменно толстъ, лѣнивъ и вѣчно заспанъ: онъ весь какъ будто былъ налитъ растопленнымъ жиромъ; когда шелъ онъ, то тѣло его трепетало какъ несомый на блюдѣ картофельный кисель; когда же лежалъ онъ, то похожъ былъ на засаленный тюфякъ.

Живой и веселый мальчикъ, Александръ Хвостовъ, сынъ столь извѣстнаго чрезвычайными порученіями въ Константинополь, эпикуреизмомъ, остроумными шутками и стихами Александра Семеновича Хвостова, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ для меня сотоварищей. О послѣднемъ, также весьма молодомъ мальчикѣ, Клементѣ, рѣшительно нечего сказать.

Столь же принужденное молчаніе долженъ я хранить и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, о которыхъ говорить не стоить, но о коихъ упомянуть я считаю обязанностію. Напримѣръ, что бы я сказалъ о казначей посольства, надворномъ совѣтникѣ Осиповѣ, о комиссарѣ посольства, коллежскомъ совѣтникѣ Алексѣевѣ, о двухъ фельдъегеряхъ офицерскаго чина, Штосѣ и Михайловѣ? наконецъ объ аптекарѣ Гельмѣ? ибо чего не было у насъ, въ нашей подвижной колоніи!

У комиссара Алексѣева, которому самому дѣлать было нечего, былъ еще помощникъ нѣмецкаго происхожденія. Сынъ бѣднаго нѣмецкаго ремесленника, онъ выучился немножко по-русски и по-французски, и съ этимъ малымъ запасомъ пустился въ службу и дошелъ до того, до чего люди съ достоинствами не часто достигаютъ. Въ посольствѣ онъ почитался послѣднимъ изъ послѣднихъ. Онъ водилъ дружбу съ камердинеромъ посла и съ его поваромъ и по-пріятельски ходилъ къ нимъ завтракать. Долго послѣ того, перешелъ онъ въ почтамтъ, гдѣ и занималъ мѣсто равное званію старшаго столоначальника; выше сего по недостатку въ способностяхъ онъ никакъ стать не могъ. И въ этомъ званіи онъ былъ превосходительный, весь въ лентахъ и звѣздахъ,

и получалъ огромное содержаніе; чѣмъ могъ онъ заслужить сіе въ столь пустыхъ должностяхъ? Но онъ Нѣмецъ, а у насъ Нѣмецъ лишь попади на трону, безъ заслугъ, безъ стараній, одною силою существующаго между ими согласія, такъ и начнетъ подыматься вверхъ. Я не изъ зависти сіе говорю: можно ли ему завидовать? Еще менѣе изъ злобы; онъ малый смиренный, и еслибы хотѣлъ, то и мухи не умѣлъ бы обидѣть, но мнѣ досадно и стыдно за Россію.

Еще не кончено, еще не всѣ названы и описаны, еще были при посольствѣ исторіографъ, три переводчика, профессоръ живописи изъ Академіи Художествъ и съ нимъ два воспитанника изъ нея выпущенныхъ, для снятія видовъ и костюмовъ; наконецъ докторъ медицины, штабъ-лѣкарь и аптекарь, котораго уже я назвалъ.

Званіе или, пожалуй, должность исторіографа дана была меньшому брату почтеннаго генерала Сухтелена. Чтò такое былъ онъ въ Голландіи, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно дворянинъ, ибо все семейство называлось фонъ-Сухтеленъ: но какія у него были тамъ занятія? Какое мѣсто? Вотъ чего въ самомъ короткомъ съ нимъ знакомствѣ не могъ я у него вывѣдать. Видно это мѣсто было не послѣднее, когда въ отвѣтственность тому, приняли его въ русскую службу прямо коллежскимъ совѣтникомъ, передъ самымъ отправленіемъ въ Китай. Ему было гораздо за пятьдесятъ лѣтъ, чуть ли не подъ шестьдесятъ, и ничто уже въ немъ не было молодо; ни завидное его здоровье, поддерживаемое, однакоже, тщательными стараніями о его сохраненіи, ни самая всегдашняя веселость его, часто забавная, но никогда не живая. Въ немъ было слишкомъ много ума, хладнокровія и лѣности, чтобъ имѣть злое сердце; за то и чувствительности искать въ немъ было бы напрасно. Руфъ (то-есть Рохъ) Корниловичъ Сухтеленъ, былъ челоѣкъ нынѣшняго времени, наипрятнѣйшій эгоистъ; тогда еще ихъ было у насъ мало, и они почитались добрѣйшими людьми: и дѣйствительно, онъ словомъ никого не захотѣлъ бы обидѣть, по заочности едва задѣлъ бы челоѣка легкою шуткой (все опасаясь сдѣлать изъ него врага, не изъ чего другаго), но уже не пошевелилъ бы пальцемъ, чтобъ оказать малѣйшую услугу. Онъ все житейское размѣрилъ по масштабу; вычислилъ всѣ пріятности жизни, равно какъ и всю тягость ея, всѣ ея страданія, и нашель, что въ совершенномъ спокойствіи духа и тѣла, можно единственно

обрѣсти блаженство въ мірѣ. Онъ спѣшилъ погасить въ себѣ первыя искры страстей, и размысливъ, какъ много стоить труда сдѣлать самого себя счастливымъ, счелъ излишнимъ пещись не только объ общемъ благѣ людей, но и кого-либо изъ нихъ въ особенности; всю нѣжную заботливость свою обращалъ къ себѣ, и соблюдая сію нравственную дѣту, долго и спокойно прожилъ вѣкъ.

Онъ тогда только оставилъ Голландію, когда французская революція проникла въ нее съ оружіемъ, и пріѣхавъ къ брату въ Россію, всюду потомъ за нимъ слѣдовалъ. Находясь подъ крыломъ у ангела, вездѣ должно было ему казаться раемъ; холостой, но окруженный почтительнымъ къ нему, любезнымъ семействомъ, котораго не имѣлъ онъ труда ни воспитывать, ни содержать, имѣлъ онъ всякаго рода утѣшенія, и дни его текли безъ заботъ, но не безъ дѣла. Онъ любилъ читать и проводилъ жизнь у обильнаго для него источника, въ библіотекѣ брата своего: чего онъ не зналъ? И что за необъятная, и съ тѣмъ вмѣстѣ для свѣта бесполезная была въ немъ ученость! Въ первой молодости, когда въ числѣ не со-всѣмъ потухшихъ страстей оставалось въ немъ сильное любопытство, ѣздилъ онъ за Океанъ, въ голландскую Гвіану. Этотъ подвигъ, для него самого неимовѣрный, до того поразилъ его, что онъ никогда не упускалъ случая объ немъ поговорить; и я самъ столько разъ слышалъ названія Демерари, Эссеквебо и Суринама, что затвердилъ ихъ. Семейство генерала Сухтелена иногда скучало сими частыми повтореніями и можетъ-быть желая, чтобы новое впечатлѣніе изгладило старое, и свѣжіе любопытнѣйшіе разказы замѣнили надѣвшіе ему, уговорило старика отправиться въ Китай.

Изъ трехъ переводчиковъ, одинъ былъ для монгольскаго языка, другой для китайскаго, третій для латинскаго, необходимаго въ сношеніяхъ нашихъ съ іезуитскими миссіонерами. Первый изъ нихъ, надворный совѣтникъ Игумновъ, дождался насъ на китайской границѣ. Другой былъ коллежскій ассесоръ Владыкинъ, крещеный Кургизъ, который, не знаю какимъ образомъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ, выучился трудному его языку, и потому былъ опредѣленъ въ иностранную коллегію и получалъ въ ней чины. Онъ мало говорилъ, много улыбался и почитался у насъ не столько человѣкомъ, какъ запасною вещью, необходимою только на границѣ и за границей. Третій былъ коллежскій ассесоръ

Христіанъ Андреевичъ С. . . . . Онъ былъ какъ су-харикъ, тоненькій и крошечный, тихъ нравомъ, нѣжень сердцемъ, пылокъ воображеніемъ. Путешествіе, которое начиналъ онъ съ нами, было для него не первое въ этомъ родѣ; лѣтъ двѣнадцать передъ этимъ, находился онъ въ свитѣ Кутузова; когда послѣ Яскаго мира, ѣздилъ онъ посломъ въ Константинополь; восточные обычаи ему уже были извѣстны. Онъ былъ тогда еще невинный юноша, и любилъ предаваться мечтаніямъ, среди коихъ одинъ разъ забрелъ онъ въ какое-то мѣсто, далеко отъ жилищъ, гдѣ былъ встрѣченъ наединѣ неистовымъ янычаромъ, который жестоко оскорбилъ его; сіе происшествіе сильно подѣйствовало на его нервы и навсегда оставило въ немъ примѣтную робость. Онъ съ ребячества исполненъ былъ религіознаго чувства; на бѣду его, явились мистическіе писатели, Сведенборгъ, Экартсгаузенъ и Юнгъ-Штиллингъ; чтеніе сихъ авторовъ, въ которое погрузился онъ, изсушило и безъ того уже тощій мозгъ его. Онъ сталъ грезить на яву и всѣмъ разказывать, какъ на Невскомъ Проспектѣ, среди дня, видѣлъ онъ отца своего, давно уже умершаго, въ алмазныхъ сапогахъ; житель другаго міра не могъ сообщаться съ нимъ языкомъ смертныхъ, а хотѣлъ показать ему, что онъ на пути къ вѣчному блаженству. Въ Петербургѣ все предвѣщало, что бѣдный духовидецъ будетъ жертвой и забавой вѣтренной нашей молодежи. Мнѣ одному былъ онъ жалокъ: его простодушіе, его дѣтская улыбка, когда изрѣдка бывалъ онъ веселъ, даже неудовольствіе, которое показывалъ онъ, какъ ребенокъ, который дуется и не смѣетъ заплакать, все располагало меня къ состраданію, которое, не понимаю, какъ другіе не раздѣляли.

Никакого сожалѣнія не возбуждалъ во мнѣ другой чудакъ, также отмѣченный еще въ Петербургѣ мѣломъ и назначенный кандидатомъ въ придворные шуты посла: этотъ былъ зубастъ, громогласенъ и всѣмъ такъ и рѣзалъ правду. Русскій живописецъ, Андрей Ефимовичъ М., дѣйствительно былъ чрезвычайно смѣшонъ. Онъ былъ не безъ таланта, и хотя онъ почиталъ себя выше Рубенса и едва ли не выше Рафаэля, имя его не блеститъ въ художественной нашей лѣтописи, и Академія не гордится его произведеніями. Виновать и каюсь; маленькою лестію успѣлъ я овладѣть имъ, и когда бывало разсержусь на кого изъ сильныхъ, то заряжу его своею злостію и изъ устъ его, какъ изъ отвер-

стія пистолета, пуцу выстрѣль. Бывало, бѣсясь расхохотуся, но въ послѣдствіи, замѣчая что не всегда онъ неудачно замахивается, а иногда довольно тяжело умѣетъ ранить, стали рѣже его дразнить и болѣе остерегаться.

Два рисовальщика, данные ему въ помощь, Александровъ и Васильевъ, довольно хорошо знали свое дѣло, но были замѣчаемы тогда только, когда приносили и показывали свои рисунки. Ни который изъ нихъ не прославился послѣ въ живописи.

Главнымъ медикомъ при посольствѣ былъ Реманъ, только что прибывшій изъ Германіи. Это путешествіе и знакомство, которыя оно ему доставило, было первымъ его успѣхомъ въ Россіи; но и безъ того имѣлъ онъ все, чтобы сдѣлать себѣ въ ней имя и состояніе, былъ уменъ и добръ, веселъ и остороженъ, искателенъ и благороденъ, а какъ врачъ ученъ и искусенъ. Къ счастью, кажется, никто не имѣлъ нужды прибѣгать къ его помощи въ продолженіи нашего странствованія, и по окончаніи его почитался онъ только пріятнымъ собесѣдникомъ. Извѣстность приобрѣлъ онъ вскорѣ послѣ того, жилъ счастливо и умеръ гражданскимъ генераль-штабъ-докторомъ.

Штабъ-лѣкаръ Гарри, Англичанинъ, взятый прямо съ корабля и посаженный въ посольскую коляску, былъ молодъ, красивъ, молчаливъ, гораздо серіознѣе Ремана; и также какъ онъ, не имѣлъ у насъ случая показать своего искусства. Послѣ того, служилъ онъ при дворѣ.

Уфъ! какъ я усталъ, и какъ бы хотѣлось скорѣе кончить сію длинную номенклатуру! Но когда я упомянулъ даже о фельдъегерѣ Штосѣ, то какъ же пропустить графа Ивана Потоцкаго, просвѣщеннѣйшаго и оригинальнѣйшаго изъ Поляковъ, который по случаю отправленія нашего посольства былъ принятъ въ русскую службу тайнымъ совѣтникомъ? Какъ не говорить о людяхъ, составлявшихъ у насъ ученую часть, которой управленіе или, лучше сказать, направленіе, поручено было сему Потоцкому? Онъ почти столько же, какъ и старшій братъ его, графъ Северинъ Осиповичъ, умѣлъ наукѣ давать удивительную привлекательность и насъ, невѣждъ, заставлялъ приступать къ ней не только безъ боязни, но и съ особеннымъ наслажденіемъ. Въ историческихъ и другихъ изысканіяхъ своихъ былъ онъ упорно трудолюбивъ, какъ Нѣмедъ, а въ заключеніяхъ, кои выводилъ онъ изъ своихъ

открытій, легкомыслень, какъ Полякъ. Неутомимыя его упражненія, безпрестанное напряженіе умственныхъ силъ, вмѣстѣ съ игривостію самаго живаго воображенія, кажется, были нѣсколько вредны для его разсудка. Говорятъ, что жемчужины не что иное, какъ накупъ въ морскихъ раковинахъ, ихъ болѣзнь: такъ точно и легкое поврежденіе разсудка у Потоцкаго произвело прекрасныя перлы, два французскіе романа. Немногіе, кои читали ихъ тогда, дивились ихъ смѣлой новости; въ нихъ былъ видень и наблюдатель, и мечтатель, и изобрѣтатель, и свѣтскій, и ученый человѣкъ. Кажется, въ нихъ также можно видѣть и типъ нынѣшнихъ романовъ; они, по крайней мѣрѣ, могли бы служить имъ образцами: такъ всѣ безобразныя, отвратительныя и ужасающіе предметы въ нихъ скрашены искусствомъ и пристойностію автора.

Странности его были замѣтны въ самомъ нарядѣ; онъ былъ въ одно время и небреженъ, и чистоплотенъ, совсѣмъ не заботился о покроѣ платья своего, но всегда былъ изысканно опрятенъ. Иногда по недосугамъ не имѣлъ онъ времени дать обрѣзать себѣ волосы и они почти до плечъ у него развѣвались, какъ вдругъ, въ минуту нетерпѣнія, хваталъ онъ ножницы и самъ стригъ ихъ у себя на головѣ и вкривъ и вкось; послѣ чего, разумѣется, смѣшилъ всѣхъ своею прической. Въ отношеніи къ Головкину, велъ онъ себя отмѣнно прилично, не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, за то и не баловалъ излишнею почитательностію. Всегда углубленный въ науку, онъ заслонялъ себя ею отъ нашихъ сплетенъ, хотя и жилъ посреди ихъ: онъ былъ немного кривобокъ и правое плечо было у него выше лѣваго; имѣлъ лицо блѣдное, черты довольно пріятныя, глаза голубые и, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, точно помѣшанные.

Профессоръ астрономіи, статскій совѣтникъ Шубертъ, почитался въ посольствѣ старшимъ между своими собратіями. Что мнѣ говорить о его знаніи? по наукѣ своей онъ давно уже у насъ знаменитъ и препрославленъ: только нѣсколько словъ о его наружности и характерѣ. Онъ былъ длинный, сухощавый, учтивый, но иногда весьма сердитый и взыскательный старикъ. Съ самаго начала не полюбился онъ Головкину и окружавшей его молодежи: чтобъ осадить его гордость, старался посолъ держать его наравнѣ съ другими

профессорами, которые и по лѣтамъ могли бы годиться ему въ сыновья. Самъ же Шубертъ, забывая, что онъ князь звѣздочетъ, мало дорожилъ своимъ достоинствомъ и предпочиталъ ему свѣтскія отличія; онъ видѣлъ въ себѣ генерала, потому что на шляпѣ имѣлъ плюмажъ, а на шеѣ сіяющій огромный Анненскій крестъ, еще довольно рѣдкій, носящихъ который простой народъ величалъ тогда превосходительствомъ. При немъ офиціально находился шестнадцатилѣтній его сынокъ, ласковый, бѣлокуренькій мальчикъ, нынѣ сѣдовласый старикъ; тогда по квартирмейстерской части едва произведенный подпоручикъ, нынѣ генераль-квартирмейстеръ.

Другіе профессора, коихъ было четыре, немного болѣе могли похвалиться расположеніемъ къ себѣ посла. . . . Изъ нихъ болѣе всѣхъ заслуживалъ уваженія Клапротъ. Въ послѣдствіи отомстилъ онъ посольству маленькою нѣмецкою брошюркой, въ которой представилъ все безразсудство главныхъ его дѣйствующихъ лицъ. Онъ занимался, кажется, частью историческою и словесною.

Для занятій по части естественной исторіи посланы были три профессора, Редовскій по минералогіи, Адамсъ по зоологіи и Панснеръ по ботаникѣ. Всѣ четверо были ребята довольно молодые; одинъ только Редовскій перешелъ за тридцать лѣтъ. Онъ былъ прусскій Полякъ, Адамсъ же русскій Нѣмецъ; первый ничего не зналъ ни по-польски, ни по-русски, другой плохо говорилъ по-нѣмецки и вообще совсѣмъ не похожъ былъ на ученаго. А еще менѣе Панснеръ, невысокій, но плотный, широкоплечій, плосколицый, обжорливый здоровякъ, мало говорившій, и повидимому мало думавшій и мало занимавшійся, до того что многіе сомнѣвались въ его знаніи. Трое, Клапротъ, Редовскій и Панснеръ были выписные изъ Германіи, одинъ только Адамсъ доморощенный. Примѣчательнѣе и пріятнѣе всѣхъ мнѣ казался Редовскій, человекъ кроткій, влюбленный въ науку, при весьма незavidномъ здоровьѣ. Онъ одинъ только не воротился изъ китайскаго посольства; на обратномъ пути онъ остался въ Сибири, и за новыми открытіями отправился сначала по Ленѣ въ Якутскъ, а оттуда въ Охотскъ, гдѣ и погибъ отъ убійственнаго его климата.

Подъ начальство графа Потоцкаго и начальникомъ надъ офицерами свиты по квартирмейстерской части поставленъ былъ полковникъ Теодоръ Филипповичъ Довре, полу-Фран-

цузъ, родомъ изъ Брабанта, когда онъ принадлежалъ еще Австріи, въ первой молодости находившійся въ польской службѣ и перешедшій потомъ изъ нея въ русскую. Съ отличнымъ образованіемъ и большою опытностію, онъ умѣлъ со всѣми быть хорошъ. Не добръ и не золъ, не безобразенъ и не красивъ, а какъ умный и ученый, если не великій богачъ, то по крайней мѣрѣ весьма достаточный человѣкъ, онъ находился въ посольствѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, не возбуждая ничего чрезвычайнаго и не творя ничего отмѣнно замѣчательнаго. Никого не обгоняя, и не отставая ни отъ кого, всю жизнь прослужилъ онъ въ военной службѣ, бывалъ въ сраженіяхъ, и никогда не далъ молвъ ничего сказать о себѣ. Золотая посредственность, а не просто посредственность была его удѣломъ. Онъ давно полный генераль.

Капитанъ Теслевъ и четыре подпоручика, Теннеръ, Ивановъ, Богдановичъ и Мошинскій, даны были въ его распоряженіе, гдѣ будетъ возможно, для снятія плановъ въ Китаѣ. Всѣ они какъ будто были выточены по формѣ данной генераломъ Сухтеленемъ, ихъ начальникомъ и образователемъ; имъ отзывалось отъ нихъ; такое же какъ и въ немъ смиреніе безъ низости, и ученія свѣдѣнія безъ педантства. Чувствительный Ивановъ рано кончилъ жизнь самоубійствомъ, а Мошинскій пропалъ для меня безъ вѣсти. Другіе же всѣ генералы, и одинъ изъ нихъ, Теслевъ, исправляетъ должность финляндскаго генераль-губернатора.

Кажется, конецъ! но нѣтъ, еще не совсѣмъ. Какія-то еще двѣ-три фигуры въ рясахъ, какъ будто сквозь туманъ являются моею памяти, и между ними немного болѣе явственное лицо двадцати-пяти-лѣтняго архимандрита Аполлоса, начальника духовной миссіи, отправленной съ нами для смѣны прежней, для коей кончился положенный десятилѣтній срокъ. Архимандрита, его монаховъ и студентовъ мы рѣдко, почти никогда не видѣли; наши сильные не больно уважали православіе, Головкинъ былъ реформатъ, Потоцкій католикъ, а Байковъ не принадлежалъ ни къ какой вѣрѣ. . . . .

Приготовленія наши къ отъѣзду были самыя веселыя и забавныя. Въ нѣжномъ попеченіи о подчиненныхъ, самъ посоль, разумѣется по-французски, сочинилъ для нихъ длинную инструкцію, съ которой до сихъ поръ храню я копію, и въ которой предписываетъ онъ имъ разныя средства къ сохраненію себя отъ великихъ бѣдствій, угрожающихъ имъ

на ужасномъ пути, имъ предстоящемъ. Право можно было подумать, что чрезъ Нубію и Абиссинію, надлежитъ намъ проникнуть во внутренность Африки. Сіе твореніе мудраго его предвидѣнія читали мы всѣ и даже переписывали съ благоговѣніемъ.

Исключая военныхъ, всѣмъ чиновникамъ посольства, какого бы вѣдомства они ни были, выпросилъ графъ Головкинъ мундиръ иностранной коллегіи, который тогда былъ очень простъ, зеленый съ бѣлыми пуговицами и чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами. Онъ сдѣлалъ болѣе: онъ испросилъ дозволеніе украсить его богатымъ серебрянымъ шитьемъ, котораго онъ тогда еще не имѣлъ, и вмѣсто обыкновенныхъ статскихъ шажекъ, носить намъ форменныя военныя сабли, на черной лакированной, черезъ плечо носимой перевязи, съ вызолоченными, бронзовыми двуглавымъ орломъ и вензелемъ императора. Въ дополненіе, вмѣсто шляпъ даны намъ были зеленыя фуражки, похожія и на киверъ и на каску, также съ прибавкой серебрянаго шитья. Какъ хотѣлось симъ нарядомъ щегольнуть намъ въ Петербургѣ! но какъ театральнй костюмъ, имѣли мы право надѣть его только при выходѣ на сцену, то-есть при выѣздѣ за заставу.

Мои занятія въ Петербургѣ при посольствѣ были довольно маловажны, они ограничивались еженедѣльнымъ дежурствомъ въ залѣ (она же и канцелярія) посла, которая служила входомъ прямо въ его кабинетъ. Отъ переписки бумагъ уклонялся я . . . . и вмѣстѣ съ патриціями Перовскимъ и Тепловымъ старался я все становиться въ рядъ величаво праздныхъ камеръ-юнкеровъ и лѣзъ прямо къ послу. Не знаю, худо ли, хорошо ли я дѣлалъ, что не скрывалъ отвращенія своего отъ Байкова; еслибъ я болѣе умѣлъ владѣть собою, то можетъ-быть онъ меня бы полюбилъ; за то сдѣлался бы со мною фамиллярень и сталъ бы повелѣвать. Но онъ возненавидѣлъ меня; не смѣю сказать чтобъ онъ боялся меня, но по крайней мѣрѣ не позволялъ себѣ ни малѣйшей неучтивости; былъ только что холодець и тайкомъ только противъ меня одного старался возбуждать посла. Чтò же вышло изъ того? правда, я одинъ только сдѣлался предметомъ если не гоненій, то частыхъ придирокъ и нападокъ. Напримѣръ, если я опоздаю на дежурство или по болѣзни не могу на него явиться, то именемъ Головкина посылается докторъ Реманъ меня свидѣтель-

ствовать; иногда какое-нибудь нескромное слово мое перетолковывается Байковымъ. За тѣмъ обыкновенно слѣдовали наединѣ личныя объясненія съ посломъ; я ихъ не боялся; я уже зналъ какъ обходиться съ Французами; маленькая лесть, всунутая въ оправданіе, тотчасъ обезоруживала его, и дѣла мои шли потомъ лучше прежняго. Байкову никакъ не удалось тогда почать меня.

Отъ дѣлъ посольства перейду я на нѣсколько строкъ къ семейнымъ дѣламъ моимъ. Какъ будто мнѣ на смѣну прибылъ братъ мой Павелъ, старшій и отставной: онъ не долго имъ оставался, ибо слѣдующимъ лѣтомъ опять вступилъ въ проклятый провіантскій штатъ. Онъ остановился у меня, и намъ втроемъ съ Загоскинымъ было немного тѣсненько. Тутъ надобно сказать, что и съ симъ послѣднимъ сдѣлалось: по протекціи Злобина, когда впрочемъ никакой протекціи на то не было нужно, опредѣлили его въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, и мнѣ казалось, что канцелярскія занятія и ему не совсѣмъ по сердцу.

Другой братъ мой, Николай, ожидалъ тогда быть отцомъ. Женатые люди, кои не имѣютъ высокыхъ чиновъ, рѣдко остаются въ военной службѣ, особливо когда нѣтъ войны. Неудобныя помѣщенія въ маленькихъ городахъ, иногда въ бѣдныхъ селеніяхъ, частые переходы дѣлаютъ для семействъ ихъ жизнь весьма тягостною. Братъ мой подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ чиномъ подполковника. Въ то же время (2 марта 1805 года) жена родила ему сына, которому въ честь родителя моего, конечно уже не мнѣ, дано было имя Филиппа. Супруги были довольно молоды, чтобы надѣяться видѣть его большимъ; но имъ не суждено было испытать великихъ горестей и радостей родительскихъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Воронежѣ, они къ концу лѣта пріѣхали на житье въ Пензу.

Отъ сего города не слишкомъ далеко пролегала дорога въ Сибирь. Я улучилъ удобную минуту, чтобы, мимо Байкова, выпросить у графа Головкина дозволеніе отправиться сперва одному для прощанія съ родителями, а потомъ уже въ Казани дожидаться прибытія посольства. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ, посоль всегда былъ ко мнѣ весьма снисходителенъ. Итакъ 21 мая, благословясь, отправился я въ дальній свой путь.

VIII.

Послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, нѣсколько времени еще длилось въ немъ очарованіе, въ которомъ близъ пяти лѣтъ находилась вся земля Русская, и которое неоднократно усиливался я изобразить. Но уже приближался конецъ блаженнаго времени, того незабвеннаго пятилѣтія, которое не для меня одного быстро просіяло какъ одинъ только веселый, ясный, праздничный день. . . . .

Здѣсь долженъ я проститься съ мечтами моею молодости, хотя она тогда была еще во всей силѣ перваго цвѣта; здѣсь позволю я себѣ взглянуть на Европу, то-есть на Францію, начинавшую въ ней владычествовать, на Францію, источникъ нашихъ золъ, на эту Францію, на которую смотрѣлъ я доселѣ только что съ удовольствіемъ, какъ на модную лавку или на книжный магазинъ.

Бонапарте, отнынѣ императоръ Наполеонъ, еще и безъ сего титула спокойно въ ней царствовалъ. Когда ступени сооружаемаго имъ престола обогрѣлъ онъ кровію Бурбона, то болѣе всѣхъ русскій дворъ изъяснилъ негодование. Екатерининскій Марковъ находился тогда въ Парижѣ; онъ думалъ, что онъ въ Варшавѣ и имѣеть дѣло съ польскимъ сеймомъ и поведеніемъ своимъ ускоришь разрывъ: но отъ разрыва до войны еще не близко. Въ отвѣтъ на упреки и угрозы европейскихъ государей, надѣлъ на себя Наполеонъ и лавровый вѣнецъ кесарей и Августовъ, и желѣзную корону Карла Великаго; такимъ образомъ всемірно объявлялъ онъ притязанія свои на равное имъ владычество, и несмотря на тысячелѣтнюю давность, во второй разъ хотѣлъ воскресить Западную имперію.

Между тѣмъ Англія хотѣла въ этомъ видѣть одно только неосторожное его тщеславіе; замѣчая сколь жестоко тѣмъ оскорбляются права Австрійской имперіи, такъ смиренно и не страшно носящей названіе Римской, она старалась возбудить не только ее одну къ войнѣ, но посредствомъ пре-

данныхъ ей министровъ и отдаленную Россію. Всѣ эти тайны кабинетовъ были неизвѣстны публикѣ, мнѣ кажется болѣе отъ того, что она ими мало занималась, и при отъѣздѣ моемъ ничто не предвѣщало еще скорого поднятія оружія.

Съ безпечностію силы, какъ столь удачно выразился пѣвецъ двѣнадцатаго года, смотрѣла Россія на грозныя тучи собирающіяся на западѣ. Она измѣряла пространство отъ бурныхъ мѣстъ ея отдѣляющее, помнила Суворова и Нови, помнила какъ одинъ ея батальонъ возстановлялъ Неаполитанское королевство, и думала, что всегда будетъ время унять затѣйника. Но когда блеснуло передъ ней кровавое солнце Аустерлица, она изумилась и не скрыла своего неудовольствія. . . . .

Отъ величественнаго и печальнаго зрѣлища, на которое указалъ я здѣсь, скорѣе перекидываюсь въ телѣгу, въ которой такъ радостно мчался я по московской дорогѣ. Много мнѣ было съ нею хлопотъ, отъ необыкновенной ея постройки болѣе изъ прутьевъ чѣмъ изъ дерева. Это была просто польская брчка, за дешевую цѣну добытая мною въ Петербургѣ. длинная, укладистая и легкая. Къ несчастію, я первый показалъ такого рода экипажъ; она новостію своею удивляла ямщиковъ и огромностію пугала ихъ; называли ее то баней, то анбаромъ; они вѣрить не хотѣли, чтобы не уморивъ тройки, можно было ее везти. Тщетно въ ихъ присутствіи, вмѣстѣ съ слугою моимъ, употребляя легкое усиліе, приводилъ я ее въ движеніе; они предполагали тутъ особенную какую-нибудь уловку или колдовство, и я увѣренъ въ томъ, чтобы еслибъ я не имѣлъ подорожной по казенной надобности, то мнѣ рѣшительно отказали бы въ требуемомъ мною числѣ лошадей.

Москву нашелъ я столь же полную жителей какъ и зимой. Въ концѣ мая дворяне не слишкомъ торопились въ свои подмосковныя; любили тогда повеселиться и отъ столичнаго шума не очень спѣшили къ сельской тишинѣ. Изъ тому же большая часть помѣщиковъ, въ Москвѣ живущихъ, мало была знакома съ мелочною роскошью и долгами: имъ не нужно было двѣ трети года жить нищенски въ деревнѣ, чтобы три мѣсяца поблестать въ ней зимой караванъ съ другими.

Одѣвшись въ нарядный свой костюмъ, спѣшилъ я въ немъ явиться къ начальнику столицы, Беклешову, и когда онъ не обратилъ на него никакого вниманія, то мнѣ стало очень обидно. „Мнѣ теперь некогда съ тобой много толковать, ска-

заль мнѣ сей старый другъ отца моего, а прѣвжай-ка сегодня обѣдать, тогда поговоримъ.“ Я надѣялся, что за столомъ будетъ что-нибудь болѣе лестное для моего самолюбія; но и тутъ ошибся: старики мало удостоивали молодыхъ своими разговорами и все ограничилось двумя-тремя маловажными вопросами. Мнѣ было предосадно, и разумеется, послѣ того я его не видѣлъ: видно что я начиналъ уже идти за вѣкомъ.

Несмотря на то, я не оставилъ однакоже, чтобы не побывать у другихъ довольно важныхъ лицъ и былъ счастливѣе. Москвичи на все куріозное смотрятъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ и меня не оставили безъ замѣчанія. Между прочимъ, посѣтилъ я и прежняго своего начальника, Бантышъ-Каменскаго, который принялъ меня очень ласково, пригласилъ обѣдать и предложилъ мнѣ навѣдываться въ архивъ для прочтенія весьма важныхъ документовъ, относящихся къ прежнимъ китайскимъ посольствамъ. Мнѣ было не до того; мнѣ хотѣлось нагуляться въ Москвѣ; впрочемъ еслибъ и была охота заняться, то не достало бы на то времени. Раза два побывалъ я въ архивѣ и довольно разсѣянно пробѣжалъ данныя мнѣ бумаги, что весьма не полюбилось Николаю Николаевичу и кажется не возвысило меня въ его мнѣніи.

Я всего пробылъ тогда съ недѣлю въ Москвѣ и жилъ почти за городомъ, остановившись у зятя и сестры въ Крутицкихъ казармахъ, гдѣ для начальника выстроены были вновь прекрасныя деревянныя хоромы въ два жила, съ прекраснымъ видомъ на Москву-рѣку. Добрѣйшая моя чета пользовалась въ это время всѣмъ возможнымъ на свѣтѣ счастіемъ; графъ Салтыковъ купилъ для бывшаго, любимаго своего адъютанта хорошенькую, прибыльную подмосковную; безбѣдное состояніе, молодость, здоровье, спокойная совѣсть, совершенное между собою согласіе, всеобщая любовь, миленькіе, подрастающіе сынки, все это дѣлало существованіе ихъ завиднымъ, все украшалось для нихъ цвѣтами. Увы, тернія были впереди и близко! И сколько такихъ гнѣздъ разрушено было потомъ западными вихрями!

Въ первый разъ увидѣлъ я съ удовольствіемъ Пензу: въ ней никого почти не было, кромѣ моего семейства; исключая служащихъ, всѣ разѣхались по деревнямъ, а собираться на ярмарку еще было не время. Безпокойства моей матери насчетъ опасностей, которыя, по ея мнѣнію, мнѣ предстояли, радость моего отца, который наконецъ начиналъ во мнѣ ви-

дѣтъ что-то дѣльное, умножали, если возможно, ихъ нѣжность ко мнѣ, а меня дѣлали совершенно счастливымъ. Окруженный одними родными, пріятелями и приверженцами отца моего, я вполнѣ наслаждался удовольствіемъ быть такъ искренно любимымъ и, хотя на малое время, могъ обрѣсти рай среди самаго пензенскаго ада. Но пріятное никогда не бываетъ продолжительно; отпраздновавъ самымъ веселымъ образомъ, въ селѣ нашемъ Симбуханѣ, день рожденія отца моего, 12 іюня, чрезъ нѣсколько дней надобно было думать о разлукѣ. Медлить было невозможно, ибо съ первыхъ чиселъ іюня, по-сольство должно было отдѣленіями начать отправляться въ путь; а какъ распоряженія сдѣланы были послѣ меня, то я и не зналъ, къ которому принадлежу.

Снаряжая меня въ дорогу, не однѣми деньгами снабдили меня родители, но и многими нужными для меня вещами; сверхъ того, отняли у себя необходимаго почти для нихъ крѣпостнаго человѣка, берейтора Гаврилу Олисова, и дали мнѣ въ услуженіе на все время моего странствованія. Мать и сестры со слезами разстались со мною 17 іюня у заставы, а до перваго уѣзднаго городка, въ сорока верстахъ отъ Пензы находящагося, взялся меня проводить г. де-Руссель.

За это доброе дѣло и за доброе ко мнѣ расположеніе обязанъ я, кажется, заплатить ему какою-нибудь услугою и думаю, что сдѣлаю сіе, передавъ нмя его потомству, если только мое до него дойдетъ. До перваго еще открытія Пензенской губерніи, былъ онъ нарочно выписанъ изъ Франціи, чтобы быть учителемъ въ домѣ воеводы Чемесова; но какъ и черезъ кого этого я не вѣдаю. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ соотечественниковъ своихъ, онъ первый явился въ Пензѣ, и потому-то не диво, что онъ въ ней дивомъ казался. Кажется, онъ былъ простой селянинъ (какъ сіе произношеніемъ его доказывалось), но смѣтливый и предприимчивый, и кое-какъ выучившійся грамотѣ; и Россія своимъ варварствомъ не столько испугала его какъ приманила. Когда онъ прибылъ въ нее, то почти никого не нашелъ съ кѣмъ бы говорить на природномъ языкѣ, и чтобы учить по-французски, долженъ былъ самъ напередъ выучиться по-русски: такимъ образомъ Руссель совсѣмъ обрусѣлъ. Онъ былъ молодъ и дюжъ, и говорить, имѣлъ довольно прибыльные любовные успѣхи. Когда онъ накопилъ нѣсколько денегъ, то взялся за умъ, то-есть

принялся за торговлю; и какъ онъ былъ добръ и честенъ и внушалъ къ себѣ довѣренность, то скоро и нажился. Только то странно, что когда онъ сдѣлался русскимъ купцомъ и изъ Жакъ Жозефа переименовалъ себя въ Ивана Осиповича, то къ простому имени своему вздумалъ прибавить французское благородное *de*. Наконецъ въ званіи прикащика управлялъ онъ виннымъ откупомъ въ Городищѣ, куда онъ провожалъ меня и гдѣ онъ имѣлъ домъ лучше и опрятнѣе другихъ. Никакая русская барышня въ старину не пошла бы за иностранца, учителя или купца, и потому де Руссель долженъ былъ удовольствоваться супружествомъ съ Нѣмкой колонисткой, съ которою и имѣлъ уже взрослыхъ сыновей. Все это: онъ самъ, нажитое имѣніе и прижитое семейство какъ-то вдругъ исчезло, все осталось, все легло въ землѣ Русской.

Рано по утру оставилъ я Городище и простился съ добрымъ Иваномъ Осиповичемъ, который въ немъ угостилъ и успокоилъ меня. Дорога изъ Пензы въ Симбирскъ самая безмолвная, самая уединенная, какъ всѣ дороги въ Россіи, кои, далеко отъ столицъ и въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, служатъ только соединеніемъ двухъ губернскихъ городовъ. Отъ Городища я проѣхалъ верстъ полтораста, во весь день не встрѣтивъ болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ телѣгъ. На всемъ этомъ протяженіи, не слишкомъ широкой путь лежалъ мнѣ черезъ лѣсъ, и я смотрѣлъ на небо сквозь продолговатое, узкое отверстие. Лишь только переѣдешь за Суру, начинаются вѣковыя дубравы, черезъ кои нѣкогда безъ имени она протекала; долго, почти до половины прошедшаго столѣтія сѣкура не нарушала ихъ молчанія и подъ тѣнію ихъ пять зимнихъ мѣсяцевъ копившіеся снѣга, тая три лѣтнихъ, питали ея воды и весь годъ дѣлали ее судоходною. Берега сей рѣчки, нынѣ рѣчки, начинали уже обнажаться; но когда въ это время проѣзжалъ я безконечный Засурскій лѣсъ, кажется, что хищная рука форштмейстеровъ не проникала еще въ глубину его священнаго мрака, не вырубался онъ для варенія хмѣльнаго напитка, развратителя русскаго народа, не рѣдѣлъ онъ отъ мотовства распутныхъ дворянскихъ наследниковъ, нынѣ въ одинъ день цѣлыя десятины его поглощающихъ, и явился мнѣ во всемъ своемъ величіи.

Одни чувствуютъ, другіе чувствуютъ и умѣютъ выражаться. Я принадлежалъ къ числу первыхъ и потому съ восторгомъ, года полтора спустя, прочиталъ я въ Шатобрианѣ опи-

самі своихъ ощущеній. Все, что говоритъ онъ о пустынныхъ лѣсахъ Америки, могло относиться тогда и къ Засурскому; то же шумное молчаніе, тѣ же невнятные звуки, невѣдомо откуда выходящіе, тотъ же благоуханной влагой умѣряемый жаръ. Жужжаніе миллиардовъ невидимыхъ насѣкомыхъ, щелканье и чириканіе миллионовъ птицъ, перескакиваніе блохъ, трепетанье и чоканье вѣтвей, хрустѣнье листьевъ и хвороста подъ ногами идущаго звѣря, все сливалось въ одинъ тихій гулъ, все бору давало голосъ, какъ говоритъ Шатобрианъ. Могли же близко тутъ быть волки, медвѣди, а мнѣ и въ голову не приходило бояться: такъ былъ я очарованъ, такъ все окружающее меня казалось мнѣ спокойно, торжественно, хвалебно.

Прелестное въ мѣрѣ всегда бываетъ и опасно; Засурскій лѣсъ не однихъ лютыхъ звѣрей скрывалъ тогда въ своей чащѣ, но и недобрыхъ людей. Это узналъ я, когда выѣхавъ изъ него въ открытыя мѣста и подъѣзжая къ одному уѣздному городу, замѣтилъ я множество разставленныхъ пикетовъ. Въ этомъ городѣ, который не знаю почему названъ Корсунемъ, когда онъ ничего не имѣетъ общаго съ Херсономъ и Херсонисомъ, бываетъ одна изъ многочислѣннѣйшихъ ярмарокъ въ Россіи и на везущихъ на нее товары дѣлались еще изъ сего лѣса частыя нападенія. Несмотря на средства къ обогащенію, Корсунь столь же мало представляетъ примѣчательнаго какъ и другой городокъ, Тагай, который я въ тотъ же день проѣхалъ.

Мнѣ не судьба была видѣть Симбирскъ. Я подъѣзжалъ къ нему ночью; передъ разсвѣтомъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго защитился я всѣми застежками моей брички и не смѣя изъ нея выглянуть: такимъ образомъ пріѣхалъ я на весьма незавидный почтовый дворъ. Я спѣшилъ ѣхать, дождь не унимался, и я выѣхалъ изъ Симбирска также укрытый какъ и въѣхалъ въ него.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска погода разгулялась, и небо опять просіяло, но вскорѣ потомъ сокрылось отъ глазъ моихъ; крѣпкій сонъ одолѣлъ меня, и я проспалъ почти до самаго вечера. Выѣхавъ изъ одной грязной деревни, гдѣ долженъ я былъ починить колесо, гдѣ поѣлъ и напился чаю, узналъ я что зовутъ ее городъ Буинскъ. На другой день часу въ десятомъ утра пріѣхалъ я въ Услоя, деревню въ семи верстахъ отъ Казани, на превысокомъ и

прекрутомъ берегу Волги лежащую. Тутъ въ первый разъ видѣлъ я издали нашу татарскую столицу и у ногъ моихъ дарицу рѣкъ въ настоящей красѣ ея. Я говорю въ настоящей, а не въ полной, ибо она возвратилась уже изъ ежегоднаго посѣщенія, которое она дѣлаетъ Казани, и вошла въ берега свои. Но и тутъ переправа черезъ нее была продолжительна и мнѣ показалась опасна. Ровно въ двѣнадцать часовъ 21 юня пріѣхалъ я въ Казань.

Я изъ Петербурга имѣлъ письмо къ одному молодому человѣку, отъ отца его, богатаго купца Василья Васильевича Евреинова, который въ столицѣ хлопоталъ по дѣламъ своимъ, видѣлъ меня у Злобина и предложилъ остановиться въ собственномъ его казанскомъ домѣ. Этотъ домъ находился близъ крѣпости, противъ Гостиного двора, на самой главной улицѣ, которой имя я теперь забылъ. Я прямо туда вѣхалъ, но мнѣ сказали что молодой хозяинъ кому-то домъ свой отдалъ на лѣто, а самъ живетъ за городомъ на мыльномъ заводѣ. Куда мнѣ было дѣваться? Мнѣ рядомъ указали на Нѣмецкій трактиръ.

Хозяиномъ его былъ Иванъ Ивановичъ Шварцъ: столь же пошрое имя между Нѣмцами, какъ Смирновъ и Поповъ между Русскими. Мнѣ все въ немъ показалось *шварцъ*, и я, кажется, не ошибся. Нельзя себѣ представить какъ Нѣмцы въ старину у насъ бывали дерзки; по всему было видно, что зготъ человѣкъ изъ простыхъ мужиковъ; онъ былъ грубиянъ и лауть, съ провѣжими обходился невѣжливо и дралъ съ нихъ безъ милосердія, а у него останавливалось и его покровительствовало губернское начальство: за то, разумѣется, и съ нимъ былъ онъ почителемъ и угодливъ. Пріѣзжіе изъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній въ это время скупились и стыдились жить въ гостиницахъ, а родные и знакомые, преслѣдуя своимъ гостепріимствомъ, ихъ до того не допускали. Одна только необходимость заставляла никому не знакомыхъ людей, какъ я, селиться въ единственномъ заѣземъ домѣ сего большаго города: и потому-то Шварцъ, вымещалъ на нихъ свои недоборы и видѣлъ въ нихъ беззащитныя жертвы своей алчности. Онъ былъ не простой трактирщикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержатель клуба или Благороднаго Собранія: оно помѣщалось въ семъ же самомъ домѣ и имѣло преольшую залу, въ которой по зимамъ танцовали.

Какъ отъ публичнаго лица въ Казани, надѣялся я отъ г. Шварца узнать что-нибудь насчетъ поѣзда чиновниковъ посольства. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что мало о томъ заботится; но слышалъ однакоже, что какіе-то посольскіе обозы проходили черезъ Казань. Уставъ отъ дороги, я послѣ обѣда легъ отдохнуть, а слугу своего послалъ между тѣмъ поразвѣдать о томъ въ городѣ. Онъ ходилъ не даромъ, и къ вечеру пришелъ мнѣ сказать, что улицы черезъ двѣ отъ нашего жилища, одинъ купеческій, пустой, просторный, каменный домъ отведенъ подъ постройку для посольства, что всѣ принадлежащія къ нему въ немъ останавливаются и что даже въ это время наполненъ онъ поѣзжими.

Рано по утру на другой день пошелъ я туда и нашелъ Шуберта съ сыномъ, Довре со всѣми его офицерами и лѣкаря Гарри. Мы дотолѣ были мало знакомы, но какъ будто на чужой сторонѣ, встрѣтились дружески. Вотъ что узналъ я отъ нихъ: чтобы не имѣть затрудненія въ лошадяхъ, графъ Головкинъ раздѣлилъ весь нашъ поѣздъ на десять, не помню, на двѣнадцать отдѣленій, отправляя ихъ черезъ три или четыре дня одно послѣ другаго. Графъ Потоцкій съ четырьмя профессорами открывалъ шествіе, за нимъ слѣдовала духовная миссія; Шубертъ и Довре составляли третье отдѣленіе. Въ слѣдующихъ за тѣмъ отдѣленіяхъ, каждое подъ управленіемъ котораго-нибудь изъ не столь важныхъ чиновниковъ, Осипова, Алексѣева, Корнѣева и другихъ, везены были всѣ тяжести посольства: богатые подарки императору и его двору, палатки на всякій случай, множество дорожной складной мебели, большой казенный серебряный сервизъ для нашего употребленія, и мало ли чего, между прочимъ цѣлый оркестръ музыкантовъ. Всю эту истинно царскую помпу заключалъ посольскій штатъ со своимъ и канцеляріей. Меня къ тому Байковъ не допустилъ, а приписалъ къ предпоследнему отдѣленію, коимъ заправлялъ камеръ-юнкеръ Нелидовъ. Слѣдственно долго еще мнѣ было дожидаться своей очереди, и мнѣ предстояло довольно времени чтобы изучить Казань и соскучиться въ ней.

Любезные мои товарищи приглашали меня умѣститься съ ними, но сего предложенія я принять не могъ. Правда, домъ снаружи и внутри былъ очень хорошо выбѣленъ, за то болѣе уже не спрашивай: ни зеркальца, ни занавѣски; двѣ, много три досчатая кровати и нѣсколько большихъ

столовъ изъ простаго дерева составляли всю его меблировку. Старику Шуберту отвели уголокъ покояище; прочіе же жили съ неприхотливостію совершенно военною; каждая комната была въ одно время и спальня, и столовая, и чертежная, ибо столы были покрыты планами и рисунками, и всѣ спали, кажется, въ повалку.

Погулявъ по городу, прежде нежели возвратился я домой, зашелъ я въ домъ Евреинова, чтобъ узнать какимъ образомъ могу я сыну доставить письмо данное мнѣ утромъ. Я взошелъ по лѣстницѣ: не встрѣтивъ никого въ передней и пройдя первую большую комнату, во второй нашелъ я сидящихъ три дамы: одну старую и двѣ молодыхъ; я извинился передъ ними въ своей нескромности и объяснилъ причину моего внезапнаго посѣщенія; онѣ просили меня сѣсть, и знакомство сдѣлалось у насъ очень скоро. Пожилая барыня была Анна Давыдовна Кукина, урожденная Панчулидзева, сестра весьма извѣстнаго въ нашихъ мѣстахъ саратовскаго вице-губернатора; другія же двѣ были ея дочери, одна замужняя и одна дѣвица. Мужъ старшей дочери, служащій въ провіантскомъ штатѣ подполковникъ Шеваревъ, находился въ какомъ-то свойствѣ съ Евреиновыми и жилъ тутъ у нихъ даромъ. Ничего не могло быть благосклоннѣе моихъ новыхъ знакомокъ; онѣ взяли у меня письмо къ хозяину дома, и какъ приближался обѣденный часъ, то-есть было болѣе двѣнадцати часовъ полудня, пригласили съ собою обѣдать. Вскорѣ пришелъ и зять госпожи Кукиной, и мы сѣли за столъ. Анна Давыдовна должна была смолоду быть очень хороша собою: грузинскія правильныя черты сочетались на лицѣ ея съ бѣлизною сѣверныхъ женщинъ; въ ней виденъ былъ тотъ природный умъ, который угадываетъ законы общежитія. . . . Я чрезвычайно обрадовался сему первому печальному знакомству. Пенза, которая отъ Казани отдѣлена одною только Симбирскою губерніей, тогда почти столь же мало имѣла съ ней сношеній какъ съ Гамбургомъ, и потому изъ нея я ни къ кому не могъ быть адресованъ.

Тотъ же день, въ сумерки, пріѣхалъ ко мнѣ получившій уже письмо отъ отца своего, Иванъ Васильевичъ Евреиновъ и сталъ убѣдительно просить меня переѣхать къ нему на заводъ, который хотя и находился въ двухъ съ половиною верстахъ отъ мѣста моего жительства, но былъ смеженъ съ городомъ. Для пѣшехода разстояніе ужасное: возраженія мои

побѣдилъ онъ обѣщаніемъ дать въ полное распоряженіе мое легонькія дрожки съ парюю борзыхъ, отчаянныхъ коней, которые, по моему велѣнію, въ одинъ мигъ вихремъ будутъ переносить меня куда угодно. Противъ этого устоять я не могъ; нервы у меня не были разстроены, я не былъ такимъ трусомъ какъ нынѣ и скакать мнѣ казалось блаженствомъ. Уже было поздно, и мы положили что перенесеніе мое совершится въ слѣдующее утро.

Три чистыя, покойныя комнаты, которыя самъ онъ занималъ, уступилъ мнѣ хозяинъ мой и перешелъ на отцовскую половину. Онъ былъ человекъ лѣтъ двадцати пяти; высокій, сухощавый и смуглый, добрый и степенный, своею бережливостію, разчетливостію, трудами безпрестанно поправлявшій дѣла отца своего, котораго предприимчивость часто грозила имъ раззореніемъ. Я началъ жить на всемъ готовомъ, но скучая уединеніемъ, велъ себя весьма нескромно, цѣлый день развѣзжалъ и возвращался домой только что обѣдать и ночевать. А добрый мой хозяинъ хотя бы взглядомъ упрекнулъ меня за невниманіе къ нему. Не понимаю изъ чего онъ бился? И говоря языкомъ нынѣшняго вѣка, спрашиваю у себя, на какую потребу былъ ему молодой человекъ, котораго онъ дотолѣ вовсе не зналъ и въ это время мало видѣлъ? Да такъ просто, представился случай одолжить, а такіе люди ни за что его не пропустятъ. Если онъ ожидалъ благодарности, то и въ этомъ ошибся, ибо вскорѣ потомъ забылъ я и одолженіе его, и его-самого, и только теперь съ чувствомъ о томъ вспоминаю. Пусть нынѣ поищутъ подобныхъ ему людей.

Житье въ Казани для свитскихъ офицеровъ было еще пріятнѣе; жители ея носили ихъ на рукахъ; не довольствуясь каждый день звать ихъ обѣдать, они посылали къ нимъ на домъ множество съѣстнаго, сухарей, кренделей, пироговъ, пирожковъ и тому подобное. Эти господа не безъ сожалѣнія разставались съ симъ городомъ, и дабы сдѣлать меня участникомъ и преемникомъ изобилія, въ коемъ они находились, полковникъ Довре, наканунѣ отъѣзда своего, повезъ меня въ нѣкоторые изъ тѣхъ домовъ, съ коими успѣлъ познакомиться.

Между прочимъ завѣхали мы къ одному члену военной коллегіи, генераль-майору Б., который находился тутъ на слѣдствіи по одному пустому дѣлу въ провіантской комиссіи;

онъ давно его кончилъ, но медлил отъѣздомъ чтобы продлить пріятную для него роль ревизора. . . . . Это былъ пренуствѣйшій человѣкъ въ мірѣ, который тщетно силился придать себѣ какую-то важность; природа и обстоятельства тому препятствовали. Онъ нахальнымъ образомъ поселился въ домѣ у губернатора, который тогда былъ въ отсутствіи, и безъ его вѣдома, на его счетъ приказывалъ готовить себѣ кушанье и даже на сіи обѣды звалъ гостей.

Пока мы съ нимъ разговаривали, пріѣхалъ губернаторъ изъ дороги, и наморщась, весь запыленный, вошелъ въ комнату: Б. встрѣтилъ его какъ ни въ чемъ не бывало, а мы съ Довре натурально ему представились. Онъ, какъ умѣлъ, насъ привѣтствовалъ и пригласилъ на другой день обѣдать: Довре, поблагодаря, извинился отъѣздомъ.

Этотъ губернаторъ, Борисъ Александровичъ Мануровъ, былъ человѣкъ вдовый, довольно пожилой, откровенно добрый, до губернаторства находившійся все въ военной службѣ. Не знаю почему искалъ я въ немъ сходства съ отцомъ моимъ, но кромѣ доброты и честности, никакой не находилъ; вообще онъ былъ очень любимъ, но мало уважаемъ, что происходило отъ вредной для власти со всѣми фамилярности. Дня въ два мы коротко съ нимъ познакомились, и онъ успѣлъ уже мнѣ жаловаться на безстыдство Б., который мало что безъ его приглашенія живетъ въ его домѣ, но и позволяетъ себѣ въ немъ хозяйничать.

Видно, я казался ему менѣе тягостнымъ, ибо онъ признался мнѣ, что болѣе для того желаетъ выжить Б. чтобы меня помѣстить у себя. Дѣло было трудное, едва ли возможное, и потому губернаторъ придумалъ другое средство чтобы приблизить меня къ себѣ. Въ Казани было два брата, Порфирій и Христофоръ Львовичи Молоствовы, весьма богатые и уважаемые помѣщики, которые лѣтомъ жили въ деревнѣ. Съ ними, и особенно съ первымъ жилъ Мансуровъ въ тѣсной дружбѣ. Домъ сего Порфирія Молостова находился напротивъ губернаторскаго, и располагая имъ какъ собственнымъ, онъ предложилъ мнѣ занять въ немъ двѣ, три комнаты. Онъ былъ не слишкомъ веселаго нрава, но любилъ веселость и молодежь, и ею окружалъ себя. Въ числѣ его приближенныхъ находился, по моему тогда не совсѣмъ молодой человѣкъ, Андрей Андреевичъ Нечасъ,

шурина Молостова, который также жилъ въ семь домѣ и которому поручилъ онъ угощать меня.

О перемѣщеніи своемъ гордо возвѣстилъ я Евреиннову, какъ будто объ освобожденіи отъ плѣна. Добродушіе сего почтеннаго человѣка заставило его думать, что онъ чѣмъ-нибудь не угодилъ мнѣ, оскорбилъ меня: онъ началъ извиняться; тогда я почувствовалъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти и первыми ласковыми словами спѣшилъ его успокоить.

Тутъ началась для меня самая веселая жизнь, въ холостой губернаторской компаніи, такъ что я не имѣлъ никакой нужды ѣздить въ тѣ дома, куда Довре возилъ меня знакомить, и которые лѣтомъ никогда, или по крайней-мѣрѣ на короткое время разставались съ городомъ. Между ними былъ я представленъ семейству Юшковыхъ, коихъ, въ свою очередь, не излишнимъ считаю представить здѣсь читателю.

У Ивана Осиповича и Натальи Ипатовны Юшковыхъ было пять сыновей и столько же дочерей, отъ сорокалѣтъ до пятнадцати и ниже; и это было менѣе половины нарожденныхъ ими дѣтей; большую же половину они похоронили. Только у насъ въ Россіи и то въ старину смотрѣли безъ удивленія на такое плодородіе семействъ, коимъ болѣе принадлежитъ названіе рода или племени. Никуда такъ охотно не стекаются гости какъ въ тѣ дома, гдѣ между хозяевами можно встрѣтить оба пола и все въ возрасты. Вотъ почему домъ Юшковыхъ почитался и былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Казани. Старшіе сыновья служили въ Преображенскомъ полку; двое изъ нихъ, одинъ недавно вышедшій въ отставку, а другой по болѣзни въ отпуску, находились тогда при родителяхъ и помогали имъ принимать гостей.

Не въ столь веселый, но болѣе пріятный домъ повезъ меня губернаторъ Мансуровъ ко вдовѣ одного изъ предмѣстниковъ своихъ, князя Семена Михайловича Баратаева, матери пяти красавицъ. Одну изъ нихъ, и какъ увѣряли меня, самую прелестную, я не нашелъ, смерть похитила ее у семейства за мѣсяць до моего пріѣзда. Черное платье и печальный видъ дѣлали еще трогательнѣе красоту четырехъ оставшихся. Безъ блестящаго воспитанія, безъ малѣйшаго кокетства, все онѣ были привлекательны, и какъ ни хороши были собою, поговоривъ съ ними немного, можно было почувствовать что наружность ихъ только красивый футляръ, вмѣ-

щающій въ себѣ нѣчто болѣе драгоцѣнное, ангельскую душу. Какъ мать, такъ и дочери, были привѣтливы и скромны, и все въ домѣ семъ показывало благочестіе и пристойность.

Какъ бы мнѣ не позабыть пару добрыхъ людей, которые сами старались со мною познакомиться, старика коменданта, генераль-майора Каstellи, и жену его, Софью Васильевну, урожденную Нелюбову. Съ италіянскимъ прозваніемъ, былъ онъ простой русскій солдатъ, не зналъ ни какаго иностраннаго языка и даже походомъ Суворова въ Италію, въ которомъ находился, не умѣлъ воспользоваться чтобы выучиться по-италіянски. Жена его имѣла недостатокъ, дурную привычку (порокомъ право назвать грѣшно) все разказываемое преувеличивать. Примѣчательно, что въ ней это было врожденное, общее со всѣми членами ея семейства; братья, сестры, всѣ безъ краснаго словца ступить не могли. Изъ нихъ, я помню одну генеральшу, Елисавету Васильевну Репнинскую, которую знавалъ я въ Кіевѣ, и артиллерійскаго генерала Василья Васильевича Нелюбова, которые искусство сіе доводили до совершенства; и онъ самъ бывало шутя говорилъ: „Нелюбова не слушай, а лгать не мѣшай.“ Добродушіе Казанцевъ не дозволяло имъ ни оспаривать госпожу Каstellи, ни поднимать ее на смѣхъ.

Не знаю что мнѣ сказать объ обществѣ, въ которомъ я жилъ. Молодыхъ людей, служащихъ и не служащихъ, окружавшихъ тогда губернатора, всѣхъ до одного я помню; но сдѣлаю будто ихъ перезабылъ, потому что право они того стоять: ни одного порока, ни одной доблести. Каковы были они, таково было казанское общество, или по крайней мѣрѣ та часть его, которую въ трехнедѣльное пребываніе успѣлъ я узнать. А между тѣмъ собирались, разговаривали безъ умолку, толковали, а о чемъ? Богъ вѣсть, хотя бы о собакахъ или объ урожаѣ. Анъ нѣтъ! ни пересудовъ и злословія, ни политики, ни литературы, а такъ; какой-нибудь вздоръ взбредеть, не на умъ, который тутъ не вмѣшивался, а на языкъ, и какъ на жерновъ начнетъ перемалываться. Однако же не худо ли я дѣлаю, что почти съ пренебреженіемъ говорю о томъ что меня самого тѣшило и тогда какъ я самъ все зря говорилъ. Вспоминая вѣчныя претензіи, вѣчную клевету, грубья, иногда язвительныя-шутки пензенскія, я какъ будто успокоивался веселымъ, безвиннымъ казанскимъ пусто-словіемъ.

Новорожденный Казанскій Университетъ видѣлъ я въ пеленкахъ. Кончились первые его экзамены, и я присутствовалъ на торжественномъ актѣ, когда призы раздавались студентамъ. Строеніе было довольно обширно, не то что послѣ, когда его распространили; но нынѣ нѣтъ ни одной гимназіи, которой публичныя испытанія не представляли бы зрѣлища, болѣе уваженія возбуждающаго.

Дважды пламя пожирало Казань, послѣ того какъ я былъ въ семь городѣ, и онъ, говорятъ, въ новой красотѣ подымался изъ развалинъ. Съ тѣхъ поръ какъ я его видѣлъ, долженъ былъ онъ весь переимѣниться, и можетъ быть теперь я не узналъ бы его. Но и тогда, по населенію, по числу и прочности зданій, если не по красотѣ, могъ онъ дѣйствительно почитаться третьимъ русскимъ городомъ, ибо Рига нѣмецкій, Вильно польскій, а Одесса вавилонскій городъ. Сначала ожидалъ и искалъ я въ Казани азіятской фізіономіи, но вездѣ передо мною подымались куполы съ крестами, и только издали глаза мои открыли потомъ минареты. Казань, сколько могла, старалась рабски все перенимать у побѣдительницы своей, Москвы; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи Россія повелительно, а не всепокорно дѣлала завоеванія, какъ въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ. Не знаю почему госпожа Сталь называла Москву татарскимъ Римомъ; гораздо справедливѣе и основательнѣе можно было назвать Казань татарскою Москвою: также кремль, также древніе соборы и храмы, въ одномъ стилѣ и современные московскимъ церквямъ, ибо новое зодчество началось у насъ при обоихъ Іоаннахъ. Купцы, чиновники и мелкіе дворяне, также какъ въ Москвѣ за Москвой-рѣкой и за Яузой, жили здѣсь за Казанкой и за Булакомъ. Сплошное каменное строеніе было при мнѣ только по Большой улицѣ и вокругъ такъ-называемаго Чернаго озера; тутъ были всѣ публичныя зданія, торговля, и жило лучшее дворянство: въ другихъ кварталахъ каменное строеніе мѣшалось съ деревяннымъ.

На самыхъ окраинахъ города поселены были первобытные жители Казани, побѣжденное племя татарское. Тамъ только, когда я жилъ на заводѣ Евреинова, могъ я часто ихъ встрѣчать. Я заходилъ въ ихъ мечети и безвозбранно смотрѣлъ на ихъ моленіе. Я любилъ ихъ смѣлый, откровенный взглядъ, ихъ довѣрчивый характеръ; одной храбрости Русскихъ они

бы не уступили, но хитрость и соединенныя силы ихъ задавили. Примѣчательно, что хотя они народъ торговый, а никто изъ нихъ не богатѣетъ подобно русскимъ купцамъ, которые въ глазахъ ихъ дѣлаются миллионерами; стало быть и въ оборотливости наши ихъ превзошли. Изъ ихъ древностей, видѣлъ я только въ крѣпости какіе-то переходы, бывшіе при царицѣ Сумбекѣ и носящіе ея имя. Въ окрестностяхъ Казани посѣтилъ я одинъ только весьма не замѣчательный Хижицкій монастырь, мѣсто погребенія богатыхъ людей, куда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ собора.

Внутренность видѣнныхъ мною домовъ, богатствомъ и обширностію мало разнствовала отъ пензенскихъ; только я замѣтилъ, что бумажные обои продолжали здѣсь быть въ употребленіи, когда въ Москвѣ и даже въ Пензѣ они совсѣмъ были брошены. Одинъ только губернаторскій казенный домъ, не знаю у кого купленный, великолѣпіемъ превосходилъ другіе; къ украшенію его много послужила китайская торговля. Большая гостиная была обита шелковою матеріей, по которой въ китайскомъ вкусѣ очень пестро разрисованы были цвѣты и листья; въ диванной стѣны были настоящія китайскія, разноцвѣтныя, лакированныя и на нихъ были выпуклыя фигуры, какъ будто изъ финифти.

Былъ также въ Казани и театръ, преобладающій, деревянный, среди одной изъ ея площадей, но лѣтомъ на немъ не играли. Содержатель его, Петръ Васильевичъ Е., былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ дворянъ, ушибенныхъ театромъ, которые имъ же потомъ лѣчились. Онъ жилъ тогда въ деревнѣ, я думаю единственною, ему оставшейся, верстахъ въ сорока отъ Казани, и съ самаго пріѣзда моего слышалъ я все о замышляемомъ на него набѣгѣ губернатора съ своимъ обществомъ: въ семь предпріятіи долженъ былъ я участвовать. Почти передъ самымъ концомъ пребыванія моего въ Казани собрались наконецъ на сію партію удовольствія, какъ говорятъ Французы. Предувѣдомленный о нашемъ нашествіи, хозяинъ ожидалъ насъ твердою ногой. Какъ эта поѣздка была для меня единственною въ своемъ родѣ, то нѣтъ возможности не поразказать объ ней.

Насъ восемь человекъ отправилось въ линейкѣ, въ томъ числѣ губернаторъ и Б.: это было въ шесть часовъ вечера; многіе другіе, въ разныхъ экипажахъ, пустились еще съ утра. Мы ѣхали не шибко, перемѣняли лошадей и пере-

правлялись через Волгу, а между тѣмъ не видѣли какъ проѣхали болѣе сорока верстъ; всю дорогу смѣялись, а чему? какъ говоритъ нашъ простой народъ, своему смѣху. Генералъ Б., развеселясь, также хотѣлъ насъ потѣшить; онъ не умѣлъ пѣть, но прекрасно насвистывалъ, даже съ вариациями, всѣ извѣстныя пѣсни. Часу въ двѣнадцатомъ могли мы только пріѣхать, но домъ горѣлъ весь какъ въ огнѣ, и хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ съ музыкой и пѣніемъ. Черезъ полчаса мы были за ужиномъ.

Господинъ Е. былъ рано состарившійся холостякъ, добрый и пустой человекъ, который никакого понятія не имѣлъ о порядкѣ, не умѣлъ ни въ чемъ себѣ отказывать и чувственнымъ наслажденіямъ своимъ не зналъ ни мѣры ни границъ. Онъ насъ употчивалъ по своему. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ и крайне удивился увидѣвъ съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ, которыя что-то больно почитительно обошлись съ губернаторомъ: все это были Фени, Матрени, Ариши, крѣпостныя актрисы хозяйской труппы. Я еще болѣе изумился, когда они пошли съ нами къ столу, и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины сажались всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами, такъ что я очутился промежь двухъ красавицъ. Я очень проголодался; столъ былъ заставленъ блюдами и обставленъ бутылками; внѣ себя я думалъ что всякаго рода удовольствія ожидаютъ меня. Какъ жестоко былъ я обманутъ! первый кусокъ, который, хотѣлъ я пропустить, остановился у меня въ горлѣ; я думалъ голодь утолить питьемъ, еще хуже. Не было хозяевъ; слѣдственно, къ счастью, некому было заставлять меня ѣсть; за то гости и гостыи припеволивали пить. Не знаю какое названіе можно было дать этимъ ужаснымъ напиткамъ, этимъ отравленнымъ помямъ. Это какое-то смѣшеніе водокъ, виль, настоекъ съ примѣсью кажется пива, и все это подслащенное медомъ, подкрашенное сандаломъ. Этого мало, настойчивыя приглашенія сопровождалось горячими лобзаніями дѣвъ съ припѣвами: „Обнимай сосѣдъ сосѣда, поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду.“ Я пилъ, и мнѣ былъ девятнадцатый годъ отъ роду; можно себѣ представить въ какомъ расположеніи духа я находился! На другомъ концѣ стола сидѣли, можно ли повѣрить, актеры и музыканты Е., то - есть слуги его, которые смѣялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него

садились. Въ Шотландіи, говорятъ, существовалъ обычай чтобы господа и служители одного класса садились за одинъ столъ; въ этомъ можно видѣть нѣчто патріархальное, а тутъ какая была патріархальность!

Сатурналии, вакханалии сіи продолжались гораздо далеко за полночь. Когда кончился ужинъ, я съ любопытствомъ ожидалъ, какому новому обряду насъ подвергнутъ. Самому простому: исключая губернатора и Б., которымъ отвели особыя комнаты, проводили насъ всѣхъ въ просторную горницу, родъ пустой залы, и пожелали намъ доброй ночи. На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяныя одеяла, отнятыя на время у актеровъ и актрисъ. Я нагнулся чтобы взглянуть на подлежащую мнѣ простыню и вздрогнулъ отъ ея пестроты. Сопутники мои, вѣроятно зная напередъ обычай сего дома, спокойно стали раздѣваться и весело бросились на поганья свои ложа. Нечего было дѣлать, я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. Разгоряченный виномъ, или тѣмъ что называли симъ именемъ, и поцѣлуями, я мѣль, я кшѣль. Жаръ крови моей и воображенія можетъ быть наконецъ бы утихъ, еслибы темнота и молчаніе водворились вокругъ меня; самый отвратительный запахъ коровьяго тухлаго масла, коимъ напитано было мое изголовье, не помѣшалъ бы мнѣ успокоиться; но при свѣтѣ сальныхъ свѣчъ, каляканье, дурацкій нашъ дорожный разговоръ возобновился, и другіе, пріѣхавшіе прежде насъ, подливали въ него новый вздоръ. Не одинъ разъ подымалъ я не грозный, но молящій голосъ; полупьяные смѣялись надо мной, не столь учтиво, какъ справедливо, называя меня нѣженкой. Одинъ за другимъ начали засыпать, но когда послѣдніе два болтуна умолкли, занялась заря, которая безпрепятственно вливалась въ наши окошки безъ занавѣсъ. Между тѣмъ, сверху мухи и комары, снизу клопы и блохи, всѣ колючіе насѣкомые объявили мнѣ жестокою войну. Ни на минуту не сомкнувъ очей, истерзанный, я всталъ, кое-какъ одѣлся и побрелъ въ садъ, чтобы освѣжиться утреннимъ воздухомъ: такъ кончилась для меня сія адская ночь.

Солнце освѣтило мнѣ печальное зрѣлище. Длинные аллеи прекрасно насаженнаго сада, съ неподобными липами и дубами, заросли не только высокою травой, въ иныхъ мѣстахъ даже кустарникомъ; изрядныя статуи, къ счастью, не мраморныя, а гипсовыя, были всѣ въ инвалидномъ состояніи; изъ до-

вольно красиваго фонтана, прежде, говорятъ, высоко бившаго воду, она легонько точилась. Взглядъ на домъ былъ еще неприятелие; онъ былъ длинный, на каменномъ жильѣ, во вкусъ большихъ деревянныхъ домовъ временъ Елисаветы Петровны, обшитый тесомъ, съ частыми пилястрами и рѣзными фестонами на карнизахъ, съ полукруглымъ наружнымъ крыльцомъ, ведущимъ сперва къ деревянной террасѣ; всѣ ступени были перегнившія, наружныя украшенія поломаны, цѣны обвалились; если запустѣніе было въ саду, то раззореніе въ домѣ. Одинъ только новопостроенный театръ въ боку содержался въ порядкѣ. Видно, что отецъ жилъ барономъ, а сынъ фигляркомъ.

Вся честная компанія собралась къ чаю; послѣ того всѣ принялись за карты; никто не подумалъ пойдти прогуляться. Я приступилъ къ губернатору съ просьбою, даже съ требованіемъ, велѣть мнѣ дать телѣгу съ парюю лошадей, чтобы воротиться въ Казань, и изобразилъ ему весь ужасъ ночи, проведенной безъ сна. Вздумали было шутить, но истинная горестъ всегда бываетъ трогательна и краснорѣчива; ей вняли и начали совѣтоваться какъ бы утѣшить меня и успокоить на слѣдующую ночь. Мансурову необходимо было спать одному: всѣ губернаторы, бывшіе и настоящіе, пользуются нѣкоторыми господскими правами; Б., хотя и генераль, ихъ не имѣлъ; положено было поставить мнѣ кровать въ его комнатѣ и даже занавѣской оградить меня отъ свѣта и насѣкомыхъ. За обѣдомъ я ѣлъ какъ Французъ, на обратномъ походѣ въ 1812 году; онъ былъ шумень, весель, но болѣе пристоемъ чѣмъ ужинъ, ибо драматическихъ артистовъ съ нами не было; всѣ они наряжались и готовились тотчасъ послѣ обѣда потѣшить насъ оперой *Коза рара* или *Рѣдкая вещь*. Играли и пѣли они, какъ всѣ тогдашніе провинціальныя актеры, не хуже, не лучше. Наученный опытомъ, я былъ остороженъ за ужиномъ, надежда меня болѣе не оживляла, я отворачивался отъ поцѣлуевъ, не слушалъ припѣвовъ, и oprичъ кваса ничего не хотѣлъ пить. Послѣ спокойной ночи, проведенной съ почтеннымъ Б., я всталъ, и мы въ той же линейкѣ, но другою дорогою отправились обратно въ Казань. Ну, господинъ Е.! на томъ свѣтѣ да отпустятся тебѣ твои прегрѣшенія, а здѣсь ты былъ хуже Буянова и опаснѣе опаснаго сосѣда.

Отдѣленія посольства черезъ три, четыре дня слѣдовали

одно за другимъ, останавливаясь въ Казани для починки и отдыха, такъ что иногда одно настигало другое и гнало впередъ, ибо для каждаго потребно было не менѣе сорока лошадей. Чиновники, ими управлявшіе и ихъ сопровождавшіе, иные меня навѣщали, у другихъ я навѣдывался; отъ нихъ узналъ я, что посоль намѣренъ, отправивъ послѣднее отдѣленіе, не ранѣе какъ спустя двѣ недѣли послѣ него, выѣхать изъ Петербурга. Однимъ утромъ, не хозяинъ, а угоститель мой, г. Нечаевъ, сказалъ мнѣ, возвратясь отъ губернатора, что въ рапортѣ, поданномъ ему о пріѣзжихъ, находится камеръ-юнкеръ Нелидовъ съ отдѣленіемъ своимъ, состоящимъ по большей части изъ чиновниковъ. Это было для меня почти сигналомъ отъѣзда. Я пошелъ отыскивать временнаго, дорожнаго своего начальника и нашелъ его вмѣстѣ съ Сухтеленомъ въ трактирѣ у Шварца; въ каменномъ пустомъ домѣ, гдѣ всѣ посольскіе останавливались, они жить не захотѣли. Въ немъ остались дворяне посольства, Хвостовъ и Клементъ, аптекаръ Гельмъ и обозъ отдѣленія.

Съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣтилъ я большое согласіе въ этомъ странствующемъ обществѣ. Кротость Нелидова, спокойный духъ и просвѣщенный умъ Сухтелена, веселая живость Хвостова и простодушіе Клемента общались мнѣ пріятныхъ и уживчивыхъ спутниковъ и сдержали общанное. Чтобы удружить симъ господамъ, началъ я ихъ угащивать Казанью, все показывать, всюду возить, со всѣми знакомить: я уже почиталъ себя въ правѣ въ ней хозяйничать. Нелидову и даже Сухтелену такъ полюбилось, что вмѣсто предполагаемыхъ трехъ дней они прожили пять, и только 13 юля, послѣ поздняго, прощальнаго обѣда у Мансурова, рѣшились оставить Казань. У меня были еще кой-какія дѣла, и я выѣхалъ нѣсколько позже, но догналъ ихъ на первой станціи, гдѣ мы и ночевали. Здѣсь начинаешь какъ будто прощаться съ матушкой Россіей и близиться къ огромной ея дочери, Сибири. Отсюда начинается также мое офиціальное путешествіе, и описаніе его переношу я въ слѣдующую главу.

IX.

Не должно ожидать отъ меня того, что требуется отъ другихъ путешественниковъ, ученыхъ или литераторовъ. Любопытныхъ открытій по части естественной, глубокихъ наблюдений по части нравственной и политической, я дѣлать не могъ: если какой-нибудь странный обычай возбуждалъ мое вниманіе, если величіе новой для меня природы иногда поражало меня, то произведенными во мнѣ ощущеніями, сколько могу, готовъ подѣлиться съ читателемъ, но многого общать не смѣю. Когда я ѣду одинъ, то на предметы, встрѣчающіеся мнѣ на пути, смотрю обыкновенно прилежнѣе; а тутъ я находился въ обществѣ, гдѣ каждый разговорами старался развлекать скуку другихъ, скуку безконечной дороги. Въ самый же первый день мы съ Сухтелепомъ распорядились слѣдующимъ образомъ: у него была новая, легкая, покойная, двумѣстная коляска, дорогой не много пострадавшая отъ лишней нагрузки; мы условились чтобы мнѣ сидѣть въ ней вмѣстѣ съ нимъ, а бричку мою обратить въ кладовую какъ для его, такъ и для моихъ пожитковъ. Общество мое ему показалось пріятнымъ: не столько собесѣдникъ, сколько внимательный слушатель былъ ему нуженъ, и мнѣ пришлось Голландіей и Америкой заниматься болѣе чѣмъ Сибирью.

Въ день прибытія послѣдняго посольскаго отдѣленія, семейство Юшковыхъ отправилось въ деревню, съ небольшимъ во ста верстахъ отъ Казани и въ одной верстѣ отъ сибирскаго тракта находящуюся. Сыновья взяли съ меня слово, пригласивъ моихъ товарищей, своротить къ нимъ съ дороги, погулять, повировать у нихъ и дали обѣщаніе отпустить насъ съ пирогами и другими съѣстными припасами. Я объявилъ о томъ Сухтелему: онъ любилъ покушать, ибо у эгоистовъ всегда славный желудокъ. Разыгрался въ немъ аппетитъ тѣмъ болѣе, что въ упраздненномъ городѣ Арскѣ и въ слѣдующихъ за нимъ селеніяхъ въ тотъ день никого найдти и ничего достать было нельзя. Къ вечеру, вступивъ

въ Вятскую губернію, пріѣхали мы въ богатое татарское селеніе Янгуль и остановились у зажиточнѣйшаго изъ жителей. Хозяинъ видно былъ плохой магометанинъ, потому что встрѣтилъ насъ съ поддружиной нарумяненныхъ и набѣренныхъ женщинъ; они что-то праздновали и пригласили насъ съ собой за трапезу: но не было возможности, такъ на столѣ все было неопрятно и такъ чувствителенъ былъ духъ кобыльаго мяса. Между тѣмъ, присланный нарочно отъ большого исправника объявилъ намъ, что онъ было велѣлъ тутъ готовить для насъ обѣдъ, но что Юшковы тому воспрепятствовали, сказавъ, что они сами насъ цѣлый день будутъ дожидаться; и такъ мы къ нимъ отправились. Давно уже смерклося и подлѣ меня въ темнотѣ, Сухтеленъ безпрестанно восклицалъ: „Ахъ, далеко ли намъ еще до пироговъ!“ Мы въѣхали на широкій дворъ и одинъ лай собакъ насъ встрѣтилъ; всѣ уже улеглись. Кто-то во тьмѣ появился, и мы отъ него настоятельно стали требовать, чтобъ онъ разбудилъ и вызвалъ къ намъ молодыхъ господъ. Они потихоньку вышли въ халатахъ и шепотомъ стали извиняться, что не могутъ насъ принять, ибо боятся потревожить сонъ семидесятилѣтней матери, указали намъ на городокъ Малмыжъ, въ десяти верстахъ отъ нихъ лежащій, и обѣщались на другой день сами туда къ намъ пріѣхать. Нѣтъ, досады обыкновенно хладнокровнаго Сухтелена описать невозможно: къ счастью она обратилась не на меня. „Какіе неучи, повторялъ онъ, а еще дворяне и гвардіи офицеры! ихъ мать, ихъ мать! что намъ до ихъ матери! Развѣ я пріѣхалъ обольщать, соблазнять ее? Я пріѣхалъ, чтобъ ѣсть.“

Утѣшеніе ожидало насъ въ Малмыжѣ. Онъ еще не былъ опять возведенъ въ званіе уѣзднаго города, однакоже въ немъ жилъ прежній городничій, безъ должности, но не безъ дѣла. Любовь жителей давала ему содержаніе, и они добровольно шли къ нему на судъ. Забыть его имя могло бы еще быть извинительно, но не спросить даже о немъ, право гадко, а мы это сдѣлали. У него была страсть ловить всѣхъ проѣзжихъ и угощать у себя, и потому-то насъ прямо къ нему и ввели. Комнаты были высокія, домъ не очень великъ, но отменно опрятенъ, черезъ пять минутъ онъ освѣтился, а черезъ полчаса поспѣлъ ужинъ, который стоилъ двухъ обѣдовъ: все было изобильно, просто, свѣтло и хорошо приготовлено; у людей съ похвальными наклонностями всегда бываетъ и

вкусъ. Чело Сухтелена просіяло; не умѣя говорить по-русски, онъ хозяину за столомъ безпрестанно дѣлалъ ручкой. какъ бы мысленными поцѣлуями желая изъяснить ему свою благодарность; похваламъ ему не было конца, равно какъ и брани Юшковымъ. Я умиралъ со смѣху и не замѣчалъ, что тутъ есть нѣчто обидное, презрительное отъ иностранца и жителя столицы къ Русскимъ и провинціаламъ, коихъ они почитаютъ обязанными имъ угождать. Мы спали также хорошо какъ и ужинали.

Мы едва успѣли проснуться часу въ десятомъ, какъ нагрянули братья Юшковы, на собственныхъ лихихъ шестеркахъ: Нелидовъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно вѣжливо, а Сухтеленъ очень холодно. Хозяинъ сунулся было съ завтракомъ, но они едва позволили намъ выпить по чашкѣ чаю. Въ двадцати верстахъ было ихъ селеніе Гоньба съ винокурненнымъ заводомъ, на берегу широкой рѣки Вятки и у самой переправы черезъ нее. Повара съ ранняго утра были туда отправлены и тамъ происходила страшная стряпня, чтобы сколько-нибудь вознаградить насъ за тщетныя наши ожиданія наканунѣ. Не болѣе какъ въ часъ прилетѣли мы туда на борзыхъ коняхъ и въ просторной избѣ прикащика нашли уже накрытый столъ. Скоро сталъ онъ гнутья подъ тяжестію приносимыхъ блюдъ, и Сухтеленъ у Юшковыхъ начиналъ уже пожимать руку. Пресыщенный, упоенный старикъ былъ расстроганъ, и когда въ лодкѣ, переплывъ рѣку, гостепріимные братья на другомъ берегу ея стали съ нами прощаться, онъ съ нѣжностію ихъ поцѣловалъ. „Вотъ примѣръ, говорилъ онъ мнѣ потомъ наставительно, что никогда не надобно спѣшить съ сужденіями своими о людяхъ.“ А я позволилъ себѣ замѣтить ему, что кажется только въ Россіи можно быть такъ взыскательну съ незнакомыми, и онъ замолчалъ.

Этотъ случай напомнилъ намъ, что необходимо нужно позаботиться о дальнѣйшемъ нашемъ продовольствіи. Я предложилъ Нелидову слѣдующій планъ: у каждаго изъ насъ было по одному слугѣ; камердинеръ Нелидова, какъ Метръ Жакъ, былъ въ то же время и поваръ; отъ первой должности каждый день надлежало увольнять его на все то время, что онъ будетъ заниматься другою, а покамѣстъ всѣ наши люди должны находиться къ услугамъ его господина. Вотъ еще другое: я успѣлъ замѣтить, что молодому Клементу хочется играть какую-нибудь роль, хотя бы весьма не важную; его надзору

были поручены три или четыре качалки * съ нами отправленныя, но этого было мало для его дѣятельности. Онъ былъ очень чинопочитателенъ, а какъ онъ находился въ четырнадцатомъ классѣ, а Нелидовъ въ пятомъ, то мнѣ пришло въ голову создать для него новую должность, родъ адъютанта при начальникѣ нашего отдѣленія. Въ семь званіи, долженъ онъ будетъ каждое утро ранѣе отправляться для заготовленія провіанга въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ назначемъ обѣдъ и съ Метрѣ Жакомъ тамъ насъ дожидаться. Скромный Нелидовъ боялся обидѣть его такимъ предложеніемъ, но я взялся сдѣлать оное отъ его имени и имѣлъ совершенный успѣхъ. Новыя заботы чрезвычайно полюбилися Клементу и польстили его честолюбію, которое между людьми въ такихъ разныхъ видахъ является.

Отъ рѣки Вятки, начинаются селенія того народа или Финскаго племени, которому она дала свое имя, равно какъ и всей области и главному ея городу, прежнесму Хлынову. Тогда была рабочая пора; жители сіи, Вотяки, цѣлый день были въ полѣ, и мы мало ихъ видѣли. Они рослие, дороднѣе и опрятнѣе другихъ Чухонцевъ, но мнѣ показались столь же безмысленны. Языкъ ихъ долженъ быть не весьма благозвученъ, судя по названіямъ ихъ деревень, въ коихъ учреждены были станціи: Какси, Можги, Пумсы, Бокчегурты, Чешошурь. Они пугали избалованный мой слухъ, ибо тогда всѣ романисты и поэты именами старались ласкать его: нынѣ съ такими именами не только можно написать героическую поэму, но пожалуй втереть ихъ и въ идиллію.

Мы ѣхали дремучими лѣсами, почти того не примѣчая; просѣка была сажень во сто ширины, и вѣчно подлѣ тѣни, мы никогда не знали ея: а жаръ былъ лѣтнесѣверный, то-есть нестерпимый. Потому-то рѣшились мы ѣхать только ночью, а днемъ отдыхать; станціонныя же избы представляли къ тому большія удобства, ибо просторомъ своимъ они бы въ маленькихъ городахъ могли называться домами. Лѣсу было

---

* Качалки эти были четверугольные, продолговатые ящики, величиною съ карету, повѣшенные на ремняхъ и пазахъ. Онѣ чѣмъ-то были плотно набиты; можетъ быть въ нихъ были и панталоны Байкова, а можетъ быть золотыя или серебряныя вещи, назначенныя въ подарокъ Пекинскому двору. Храненіе ихъ было строго намъ наказано, содержаніе ихъ было намъ неизвѣстно.

вдоволь, щадить его было нечего и строение сихъ избъ стоило не дорого.

Во время отдыха на одной изъ сихъ станцій, мы съ удивленіемъ увидѣли вошедшаго къ намъ офицера въ преображенскомъ мундирѣ: это былъ графъ Т., досель столь извѣстный подъ именемъ Американда. Онъ дѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта съ Крузенштерномъ и Резановымъ, со всѣми перессорился, всѣхъ перессорилъ, какъ опасный человѣкъ былъ высаженъ на берегъ въ Камчаткѣ и сухимъ путемъ возвращался въ Петербургъ. Чего про него не разказывали! Будто бы въ отрочествѣ имѣлъ онъ страсть ловить крысъ и лягушекъ, перочиннымъ ножикомъ разрѣзывать имъ брюхо и по цѣлымъ часамъ тѣшиться ихъ смертельною мукою; . . . . . однимъ словомъ не было лютаго звѣря, съ коего неустрашимостію и кровожадностію не сравнивали бы его наклонностей. Дѣйствительно онъ поразилъ насъ своею наружностію; природа на головѣ его круто завила густые, черные его волосы; глаза его, вѣроятно отъ жара и пыли покраснѣвшіе, намъ показались налитыми кровью; почти же меланхолическій его взглядъ и самый тихій говоръ его настрашеннымъ моимъ товарищамъ казался омутомъ. Я же, не понимаю какъ, не почувствовалъ ни малѣйшаго страха, а напротивъ, сильное къ нему влеченіе. Онъ пробылъ съ нами не долго, говорилъ все обыкновенное, но самую простую рѣчь велъ такъ умно, что мнѣ внутренно было жаль, зачѣмъ онъ отъ насъ, а не съ нами ѣдетъ. Можетъ-быть онъ сіе замѣтилъ, потому что со мною былъ ласковѣе чѣмъ съ другими и на дорогу подарилъ мнѣ стекляницу смородиннаго сыропа, увѣряя, что приближаясь къ болѣе обитаемымъ мѣстамъ, онъ въ ней нужды не имѣетъ. Столь примѣчательное лицо заслуживаетъ чтобы на немъ остановиться, но я надѣюсь еще съ нимъ встрѣтиться въ сихъ запискахъ и поговорить объ немъ пообстоятельнѣе.

Скоро вступили мы въ переднюю Сибири, въ Пермскую губернію; тутъ опять появились русскія селенія. Мы нашли одинъ только трупъ городишка Оханска, который за мѣсяць до нашего пріѣзда весь выгорѣлъ; на крутомъ берегу Камы, высоко и одиноко торчалъ еще домъ, занимаемый прикащикомъ Злобина, содержателя питейнаго откупа во всей губерніи. Онъ угостилъ насъ по-злобински, пока че-

резь рѣку переправляли наши повозки. Славное вино разве-селило сердца наши, и радость въ насъ умножилась, когда въ сопровожденіи сего прикащика, на двѣнадцативесельномъ его катерѣ, оглашенные пѣснями его гребцовъ, мы стрѣлой полетѣли черезъ широкую Каму. Долгъ благодарности за-ставилъ насъ вспомнить о Юшковыхъ, о Гоньбѣ и о рѣкѣ Вяткѣ. Но что она въ сравненіи съ Камой, съ этимъ обра-щикомъ рѣкъ зауральскихъ! Всѣмъ она взяла, сія величе-ственная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять почему полагаютъ что она въ Волгу, а не Волга въ нее впадаетъ.

Ночью, часу во второмъ, пріѣхали мы въ губернской го-родъ Пермь, и достучались у городничаго до указанія намъ квартиры. Въѣхавъ въ Пермь, особенно при темнотѣ, нѣко-торое время почитали мы себя въ полѣ; не было тогда го-рода, гдѣ бы улицы были шире и дома ниже. Это было не царство какъ Казань и Астрахань, не княжескій удѣльный городъ, даже не слобода, которая, распространяясь, заста-вила посадить въ себя сперва воеводу; это было пустое мѣсто, которому лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ велѣно быть губерньскимъ городомъ: и оно послушалось, но только ме-ленно. Торговля есть первое условіе существованія новыхъ городовъ; и здѣсь, хотя слабо, но она одна его поддержи-вала. Десятокъ каменныхъ двухъэтажныхъ купеческихъ до-мовъ красовались уже въ сторонѣ на берегу Камы, тогда какъ главный въѣздъ и главныя улицы находились въ томъ видѣ, въ которомъ ночью, не столько узрѣли мы, какъ уга-дали ихъ. Утромъ, мы еще болѣе изумились пустотѣ города Перми; только одна узкая дорога посреди улицы была на-ѣзжена; все остальное обратилось въ тучные луга, на кото-рыхъ паслись сотни гусей.

Пріѣхавшій прежде насъ и зажившійся за починками, казначей посольства Осиповъ напугалъ насъ разговоромъ о на-чальникѣ губерніи, котораго представилъ сущимъ медвѣдемъ. Это былъ Карлъ Федоровичъ Модерахъ, сынъ одного учи-теля математики въ кадетскомъ корпусѣ, какъ я слышалъ отъ отца моего. Вѣрно сынъ хорошо учился у отца, ибо въ свое время почитался у насъ однимъ изъ лучшихъ инжене-ровъ; по его проекту и подъ его наблюденіемъ, берега Фон-танки выложены были гранитомъ. Года за два до смерти Екатерины, назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Пермь и

съ тѣхъ поръ никогда не вызжалъ изъ своей губерніи; мысль о благѣ вѣреннаго ему края такъ овладѣла имъ, что онъ день отлучки почиталъ вреднымъ для него; однакоже и по заочности былъ онъ уважаемъ и награждаемъ при Павлѣ и при Александрѣ. И въ этомъ самомъ 1805 году къ Пермской его губерніи прибавили ему Вятскую, поставивъ его надъ обѣими генераль-губернаторомъ; въ Пермь же пока мѣсть губернатора не назначали. Но истинѣ онъ не былъ любезенъ, сей камергерской добродѣтели въ немъ не было; уединенная и вмѣстѣ дѣятельная жизнь въ отдаленномъ мѣстѣ хотъ кого заставить потерять желаніе и забыть о способахъ нравиться, колыми паче людей серіозныхъ, со строгою нравственностію. Модерахъ былъ честенъ, добръ, уменъ и свѣдушъ въ дѣлахъ, но какъ все великими трудами прибрѣтенное цѣнится болѣе чѣмъ даровое, то и генераль-губернаторство свое, кажется, ставилъ онъ наравнѣ съ владѣтельнымъ герцогствомъ. Къ тому же какъ въ Перми нѣтъ другихъ дворянъ, какъ богатыхъ заводчиковъ живущихъ въ столицахъ, то болѣе десяти лѣтъ и не видѣлъ онъ никого кромѣ подчиненныхъ, а между проѣзжими по большей части мелкихъ чиновниковъ и ссыльныхъ; вотъ что обращенію его давало холодность, сухость, которыя не совсѣмъ были пріятны.

Мы нарядились въ мундиры и пошли къ нему in сохроге. Рядомъ съ его домомъ былъ другой, одинаковой съ нимъ величины, въ которомъ находилось губернское правленіе; онъ въ это время тамъ присутствовалъ, и насъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, туда повели. Доложили объ насъ, и онъ велѣлъ намъ сказать чтобы мы приходили въ другой часъ, а что тутъ ни мѣсто, ни время ему насъ принимать; мы то же думали, но только можно было отвѣтъ сдѣлать поучтивѣе. Все это такъ намъ не понравилось, что мы, возвратясь домой, замыслили, не выдавшись съ нимъ, на другое утро пуститься далѣе. По крайней мѣрѣ мы были довольны нашею квартирою въ чистенькомъ домѣ часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга, который увѣрялъ насъ, будто онъ двоюродный братъ генерала сего имени: мы обѣдали въ его саду, въ который выходъ былъ прямо изъ нашихъ комнатъ. Послѣ обѣда, пріѣхалъ городничій отъ имени генераль-губернатора звать насъ на другой день къ нему обѣдать; итакъ отъѣздъ нашъ должны мы были отложить до слѣдующаго вечера.

Мы нашли г. Модераха чрезвычайно важнымъ, что намъ весьма не полюбилось, особливо послѣ черезчуръ добраго Мансурова. Семейство его состояло на лицо изъ жены и шести дочерей, двухъ замужнихъ и четырехъ дѣвицъ; единственный сынъ былъ въ военной службѣ и въ отсутствіи. Генераль-губернаторша была добрая Нѣмка, которая, какъ намъ казалось, охотно должна была ходить и на кухню, и на погребъ. Старшая дочь была замужемъ за предсѣдателемъ уголовной палаты, статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Михайловичемъ Энгельгардтомъ. . . . . Четыре взрослые дѣвки были только что молоды.

Но какъ алмазъ вправленный въ олово, такъ сіяла посреди сего семейства вторая дочь Модераха, Софья Карловна, выданная за генераль-лейтенанта Аггея Степановича Пѣвцова, инспектора пѣхотной дивизіи и шефа Екатеринбургскаго полка, который въ томъ городѣ и стоялъ на квартирахъ. Мужъ поѣхалъ осматривать полки, а жену покаместъ отправилъ къ родителямъ. Она была двадцати трехъ лѣтъ; столь милаго личика и столь пристойнаго, умнаго кокетства трудно было найти. Отъ ея взоровъ и рѣчей все наше отдѣленіе вдругъ воспламенилось, самъ ледяной Сухтеленъ началъ таять; а бѣдный нашъ Нелидовъ! . . . . Чудесная сія женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, коихъ дотолѣ я видѣлъ; свободно выражалась на иностранныхъ языкахъ, наслаждалась всѣми цвѣтами литературы и въ преддверіи Азіи, читая журналы, знала все что происходитъ въ Европѣ. Разумѣется, что нашъ отъѣздъ былъ еще отложенъ; насъ тотъ же день пригласили еще на вечеръ.

Исключая Сухтелена, старика и брата генераль-инженера, Модерахъ почти никого изъ насъ не замѣчалъ. Надобно думать, что старшія дочери, въ отсутствіе наше, шепнули ему что-нибудь для насъ выгодное, представивъ людьми довольно порядочными и, можетъ-быть, кто знаетъ, женихами для меньшихъ его дочерей; потому что вечеромъ былъ онъ внимательнѣе и привѣтливѣе къ намъ. Были собраны какіе-то два, три аматера, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну изъ сихъ младшихъ дочерей, которая передъ нами хотѣла блеснуть музыкальнымъ искусствомъ, довольно страннымъ для женщины: она играла на скрипкѣ. Но еслибъ она играла

и на контрбасѣ, то я мало бы тому подивился, бывъ совершенно углубленъ въ созерцаніе сестры ея, Пѣвцовой *. Сія чародѣйка, желая продлить наше пребываніе въ Перми, заставила зятя своего, Энгельгардта, пригласить насъ на другой день къ себѣ обѣдать. Третій день, 22 іюля, былъ табельный, именины императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ который генераль-губернатору надлежало дать офиціаль- ный обѣдъ; какъ Модерахъ былъ бѣденъ и разчетливъ, то и отпраздновали мы сей день партикулярнымъ образомъ. На обѣдѣ, на балѣ и на ужинѣ пригласилъ насъ пермскій амфи- тріонъ, губернской казначей Дягилевъ, у котораго въ этотъ день жена была именинница: мы было хотѣли отговориться, но Софья Карловна намъ не велѣла. Мы знали одно только семейство Модераха: тутъ увидѣли мы все пермское обще- ство, и я нашелъ, что оно двумя десятками годовъ отстало отъ пензенскаго и казанскаго. Мушны безъ всепужайшаго поклона не подходили къ дамамъ и говорили имъ съ без- престаннымъ словоерсомъ. Итакъ вмѣсто однѣхъ сутокъ прожили мы почти пять, и только 23 іюля, вырвались изъ пустаго города, оживленнаго присутствіемъ одного превос- ходнаго существа.

Объ немъ были всѣ помышленія, всѣ разговоры соглас- ныхъ соперниковъ въ первый день разлуки съ нимъ; но до- рожныя впечатлѣнія, какъ бы сильны ни были, скоро изгла- живаются новыми. На другой же день, по прибытіи въ уздннй городъ Кунгуръ, свѣжія прелести двадцатилѣтней городничихи, жены шестидесятилѣтняго городничаго, насъ взволновали: взоры ея и даже слова сулили намъ сча- стіе и конечно по одиночкѣ каждому умѣли бы дать его, но къ сожалѣнію, мы ѣхали толпой и не могли долго останавли- ваться.

Городъ Кунгуръ, самый старинный въ Пермской губер- нии, былъ прежде мѣстопребываніемъ воеводы и, такъ сказать, столицей Біарміи или великой Перми, когда города сего имени еще не было. Онъ не имѣлъ и третій доли простран- ства занимаемаго Пермью, за то жителей втрое болѣе. Все въ немъ возвѣщало жизнь и дѣйствіе, и онъ казался въ

---

* Будучи вдовою, она была назначена начальницей Екатеринин- скаго Института, въ Москвѣ.

отношеніи къ Перми, какъ плотный, здоровый старичокъ, не высокаго росту, къ длинному, вытянутому юношѣ, который едва держится на ногахъ. Строеніе въ немъ было довольно не регулярно, но онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, въ пріятномъ положеніи и орошается двумя рѣчками, коихъ берега столь же красивы какъ и названія: ихъ зовутъ Ирень и Сильва.

Съ самаго вѣзда въ Пермскую губернію ощутительна въ ней становилась рука Модераха: онъ устроилъ въ ней такія дороги, съ которыми можно было бы обойтись безъ шоссе. Посыпаны горы, накатаны, убиты дороги, со спусками для воды въ канавы, прорытыя по бокамъ; для предохраненія откосовъ горъ отъ осыпи, укрѣплены онѣ простыми плетнями во всю ихъ высоту и за нихъ брошены сѣмена разныхъ растеній: прорастая сквозь сіи плетни, обвивая ихъ и покрывая ихъ цвѣтами онѣ давали имъ видъ пестрыхъ тканей и занавѣсокъ. По ту сторону Перми дороги сіи недавно были кончены, а къ Кунгуру и за нимъ уже успѣли утвердиться. Къ несчастію, да, точно можно сказать, къ несчастію, черезъ нѣсколько лѣтъ провѣдали о томъ въ Петербургѣ и видя съ какими малыми средствами и какъ успѣшно произведены сіи работы, вздумали имъ подражать. Забыли только, что Модерахъ дѣлалъ все исподоволь, годъ за годомъ, со званіемъ инженера и съ бережливостію Нѣмца. Въ великороссійскихъ же нашихъ губерніяхъ, гдѣ всему велятъ кипѣть, построеніе новыхъ дорогъ перепортило, истребило только старыя, раззорило жителей, обогатило надсмотрщиковъ и губернаторамъ доставило награды.

Въ пятидесяти верстахъ отъ Кунгура, начинается непримѣтно постепенное возвышеніе Уральскаго хребта и тутъ ступаешь на землю, чреватую металлическими богатствами. Тутъ, не далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ двухъ, находится желѣзный Суксунскій заводъ, принадлежавшій Николаю Никитичу Демидову. О его роскоши и о скупости вмѣстѣ гласитъ Россія, Франція и Италия; но знаетъ ли кто, слыхалъ ли кто о безпримѣрномъ гостепріимствѣ, заведенномъ имъ на Суксунскомъ заводѣ? Всякій проѣзжій, какого бы званія онъ ни былъ, въ одиночку или съ обозомъ, казеннымъ или собственнымъ, имѣетъ право на семь заводѣ остановиться и требовать чтобы въ экипажахъ или повозкахъ его, починки, какъ бы велики ни были, сдѣ-

ланы были даромъ. Сего мало: во все время что продолжается сія починка, имѣеть онъ, также даромъ, квартиру со столомъ, а въ зимнее время съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ.

Сими щедротами мы воспользовались и хорошо сдѣлали, что въ этомъ случаѣ не поспѣсивились. Наши экипажи были въ жалкомъ положеніи по неопытности или небрежности слу- жителей при насъ находящихся, и мы о томъ не догадывались; по осмотрѣ оказалось, что потребуется по крайней мѣрѣ пол- тора сутки на ихъ совершенную починку. Намъ отвели просторный и покойный домъ, достаточно снабженный ме- белью, и доставили свѣтлыхъ припасовъ сутокъ на трое. Управитель Пермяковъ, простой крестьянинъ съ бородою, котораго по всей справедливости можно было назвать госпо- диномъ Пермяковымъ,—такъ онъ былъ умеръ и учтивъ,—явил- ся къ намъ, какъ сказалъ онъ, за приказаніями и съ прось- бою посѣтить его жилище. Оно было въ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, съ пребольшимъ садомъ надъ пребольшимъ прудомъ: полы лоснились чистотою; главнымъ украшеніемъ просго выбѣленныхъ комнатъ были картины, довольно искус- но писанныя на жести; всѣ онѣ были произведенія мастеровъ другаго дальняго Демидовскаго завода, называемаго Тагиль- скимъ. Отъ скуки ходили мы бродить по окрестностямъ и находили мѣста живописныя; когда бы не климатъ, тутъ можно бы было вѣкъ остаться. Производства работъ на за- водѣ мы не могли видѣть, ибо рабочіе лѣтомъ трудятся въ полѣ.

Русское населеніе, по большой сибирской дорогѣ, какъ будто на двое разрѣзываетъ Пермскую губернію, отбросивъ Пермяковъ, Зырянъ и Вогуличей, коренныхъ первобытныхъ жителей на сѣверъ, а на югъ Тентерей и Башкирцевъ. Сіи послѣдніе не разъ бунтовали и принимались за оружіе: для обузданія ихъ выстроены были рядъ крѣпостей по восточ- ной отлогости Урала. Когда Башкирцы присмирѣли, укрѣп- ленія пали, и только имена крѣпостей Ачитской, Бисерской, Киргишанской, Кленовской сохранились селеніямъ заступив- шимъ ихъ мѣсто. Мы мѣняли въ нихъ лошадей; одно только, называемое Кленовская крѣпость, мнѣ показалось примѣча- тельно и осталось памятно по ужасу произведенному во мнѣ мѣстами его окружающими, мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ, оврагами, пропастями, на каждой верстѣ встрѣчаемыми.

Казенный Билимбасевскій заводъ находится на самой вер-

шинъ Урала; слѣдующая же за нимъ станція Рѣшета на противоположномъ спускѣ. Мы не замѣтили какъ перевалились чрезъ эту знаменитую цѣпь Уральскихъ горъ; болѣе ста верстъ, все на изволюкъ взѣзжали мы и немного круче стали спускаться. Ужаснѣйшая гроза встрѣтила насъ на рубежѣ Европы и Азіи; молнія поминутно сверкала, дождь водопадомъ лился съ неба, и эхо невидимыхъ для насъ горъ повторяло сильные громовые удары. Это принудило насъ болѣе двухъ часовъ остановиться въ Билимбаевѣ; ручей болѣе чѣмъ рѣчка, Чусовая, послѣдняя на сей сторонѣ Урала, ниспадающая съ горъ, отъ дождевой воды до того раздулась, что черезъ нее нужно было сдѣлать переправу; это еще насъ остановило, такъ что въ этотъ день опоздали мы прїѣздомъ въ Екатеринбургъ, отъ котораго находились менѣе чѣмъ въ пятидесяти верстахъ.

Сосѣдству съ первыми въ Россіи золотыми приисками обаянъ сей городъ своимъ рожденіемъ: за два года до кончины своей Петръ Великій окрестилъ его во имя супруги своей, съ прибавкою неизбѣжнаго для всѣхъ новосозидаемыхъ при немъ городовъ нѣмецкаго бурга; при Биронѣ, кажется, учрежденъ въ немъ первый бергамтъ. Города, подобно людямъ, наружностію показываютъ свои лѣта. Екатеринбургъ не былъ старикъ какъ Кунгуръ, ни мальчикъ какъ Пермь, въ немъ было чувствительно недавнее, но не вчерашнее. По сую сторону длинной плотины черезъ рѣку Исеть, приводящую въ движеніе шлифовальныя и золотопромывальныя фабрики, помѣстили насъ въ просторномъ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ. Онъ намъ показался новостію, потому что былъ построенъ совсѣмъ по образцу молдавскихъ домовъ, съ длинною и широкою поперечною комнатою, съ четырьмя малыми по четыремъ ея угламъ, съ крытою галлереей вокругъ всего дома и съ верхнимъ этажомъ, совершенно подобнымъ нижнему.

Домъ сей былъ ветхъ и запущенъ; давно уже не жила въ немъ владѣлица его, довольно богатая заводчица, госпожа Фелицата Турчанинова *. Ея имущество, тогда еще въ однѣхъ

* Между постоянными нашими образцами, Французами, въ этой свободной землѣ, гдѣ всѣ рабы моды, завелся обычай чтобы къ фамильному имени знаменитостей, всегда прибавлять крестное. По неволѣ дѣлаясь подражателемъ, я называлъ Фелицату Турчанинову, какъ бы Амабль Тастю, Делфину Ге или Жоржъ Завда.

рукахъ, сравнивала одна умная женщина съ порядочнымъ слиткомъ золота, который раскололся на кусочки между тремя сыновьями ея и пятью дочерьми, послѣ нихъ же кусочки разлетѣлись на блески.

Мы пробыли три дня въ Екатеринбургѣ, не познакомившись ни съ кѣмъ изъ его жителей. Пользуясь прекраснѣйшею погодою, мы предпочли, гуляя, осматривать все примѣчательное въ немъ; видѣли какъ промываютъ въ немъ золото, какъ изъ большой глыбы желтокрасноватаго песку добывается металла менѣе чѣмъ на полчервонца; заходили въ мастерскія, гдѣ для петербургскихъ дворцовъ отдѣлываются огромной величины и превосходной работы, малахитовыя, порфировыя, яшмовыя разныхъ цвѣтовъ вазы, также табатерки и другія издѣлія для продажи. Ходили за городъ; видѣли лагерь Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, коего шефа, мужа нашей Пѣвцовой, все еще не было; подлѣ самаго почти лагерьа любовались богатыми, тамъ дешевыми, мраморными памятниками надъ усопшими, въ монастырѣ поставленнымъ.

Отъ Екатеринбурга пролегаютъ двѣ дороги во внутренность Сибири: одна идетъ на Тобольскъ, другая чрезъ уѣздный городъ Ишимъ, и послѣдняя тремя стами верстами короче первой. Мы избрали послѣднюю, тѣмъ болѣе что на ней было для насъ приготовлено большее число лошадей. Съ первой станціи Косулиной, гдѣ дорога дѣлится на двое, своротили мы вправо и чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхали на казенный, чугуноплавильный Каменскій заводъ. Какъ для жителей Петербурга отработка чугуна не представляетъ ничего новаго, то и отклонили мы предложеніе идти смотрѣть ее; но какъ заводы въ Сибири суть настоящіе города, то и воспользовались приглашеніемъ управляющаго провести у него вечеръ и ночь. Это было съ 31-го іюля на 1-е августа: когда мы встали чтобы продолжать путь, то съ чувствомъ не совсѣмъ пріятнымъ нашли что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо свѣжѣе; и въ Россіи августъ почитается осеннимъ мѣсяцемъ, а мы ѣхали въ Сибирь.

Мы стали болѣе торопиться, чтобы менѣе времени провести въ дорогѣ, и для того начали скакать день и ночь. Такимъ образомъ рѣшительно не видѣлъ я заштатнаго города Долматова, ибо спалъ когда перемѣняли въ немъ лошадей; въ уѣздномъ же за тѣмъ городѣ Шадринскѣ мы едва кое-что

успѣли перекусить. Спѣшили, мучились мы напрасно, проѣзжая чрезъ мѣста изобильныя, пріятныя, гдѣ вездѣ можно было найдти припасы и чистые, удобные ночлеги: тамъ только гдѣ нѣтъ цѣхъ, надобно вести скаковую жизнь въ коляскѣ. Чрезмѣрно уставши, на общемъ совѣтѣ положили мы остановиться и переночевать въ селѣ Сопининѣ, и тамъ проститься съ Пермскою губерніей и Модерахомъ, то-есть съ прекрасными его дорогами. Однакоже въ этомъ селеніи не могъ я много отдохнуть; мнѣ отвели особую избу, гдѣ первый разъ въ жизни увидѣлъ я человѣка съ рваными ноздрями; это былъ ея хозяинъ: каюсь въ своей трусости, я заставилъ солдата нашего отдѣленія почевать съ собою.

Грустною улыбкой встрѣтила насъ Тобольская губернія: стало опять жарче, но небо покрѣлось сѣрыми тучами, и теплый, тихій, мелкій дождикъ началъ портить дорогу, и безъ того не завидную, когда мы прибыли на станцію Мостовскую, людное и зажиточное селеніе съ самымъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Послѣ этой станціи отѣхавъ версты сто, за рѣчку Тоболомъ, которая шириною съ Каму, природа начинаетъ примѣтно дурнѣть, болотныя мѣста показываются чаще, и лѣсъ становится мельче. Тутъ, на одной изъ станцій, помнится Голышмановой, остановились мы въ необыкновенномъ жилищѣ, составленномъ изъ четырехъ флигелей, соединенныхъ между собою переходами. Хозяинъ съ бородой и въ простомъ крестьянскомъ платьѣ встрѣтилъ насъ съ учтивостію и привѣтами образованныхъ людей; на нескромный вопросъ кѣмъ-то изъ насъ сдѣланный: кто онъ таковъ, — отвѣчалъ онъ нахмурясь и очень сухо, что простой мужикъ; потомъ удалился и не возвращался, но прислалъ намъ довольно порядочный обѣдъ.

На безлюдьи, говоритъ пословица, и Ома человѣкъ, и въ малонаселенныхъ мѣстахъ смотрятъ на малые города почти какъ на маленькія столицы; мы сами, петербургскіе жители подѣзжая къ Ишиму, видѣли въ немъ какъ будто нѣчто важное. Этотъ чистенькій городъ былъ не очень малъ. Во время нашего проѣзда гордился и славился онъ тѣмъ, что былъ мѣстомъ рожденія коллежскаго совѣтника Бакулина, перваго министра, то-есть правителя канцеляріи господина Селифонтова, генераль-губернатора всея Сибири, и лѣтнимъ мѣстопребываніемъ госпожи Бакулиной, которая въ немъ жила и царствовала. Я самъ видѣлъ какъ встрѣтятся на уди-

цѣ съ сопровождавшимъ насъ въ прогулкѣ городничимъ, она величественно, почти повелительно съ нимъ говорила и какъ подобострастно, съ непокрытою и опущенною головою, отвѣчала онь ей. Увы! все это могущество и слава скоро должны были исчезнуть какъ дымъ.

Отвѣхавъ верстѣ триста отъ Ишима, у станціи Крупенской, мы переправились черезъ знаменитый Иртышъ, въ водахъ котораго погибъ Ермакъ, нашъ Кортесъ, нашъ Пизарро. Я тогда прочелъ еще не много русскихъ стиховъ, но это немногое зналъ наизусть: какъ мнѣ обидно показалось, когда я увидѣлъ что Иртышъ, въ этомъ мѣстѣ, совсѣмъ не крутитъ и не сверкаетъ какъ у Дмитріева, а въ ровныхъ берегахъ медленно катитъ желтоватую, отъ глины погустѣвшую волну.

Вдоль всей этой дороги, отъ самаго вѣзда въ Тобольскую губернію, находились мы въ близкомъ разстояніи отъ сибирской линіи, по которой регулярныя войска и казаки охраняютъ эту сторону отъ вторженій киргизъ - кайсацкихъ. Но они вѣдь не Черкесы, однакоже иногда сквозь кордонъ не пробивались они, а прокрадывались, не отважно дѣйствовали, а говоря словами жителей, пошаливали, то-есть захватывали стада, и кое-когда ихъ стрегущихъ. Разказы о томъ возбуждали если не опасенія наши, то по крайней мѣрѣ вниманіе. Однажды, поднявъ верхъ коляски, по ровной дорогѣ, мы съ Сухтеленемъ медленно ѣхали на усталыхъ коняхъ и крѣпко заснули, какъ вдругъ пробуждены были страшнымъ топотомъ, ржаньемъ и криками. Старикъ и молодой, оба онѣмѣли: съ ужасомъ брошенный другъ на друга взглядъ сказалъ: мы въ плѣну; мы не смѣли выглянуть и чувствовали, что вокругъ насъ несугся эскадроны. Чтò же вышло? Цѣлыя сотни, „косяки“, какъ ихъ тамъ называютъ, цѣлыя табуны лошадей перегонялись жителями съ одного пастбищнаго мѣста на другое. Можно себѣ представить какъ смѣшно и стыдно намъ стало самихъ себя.

Ужаснѣе сего происшествія въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ мы нечего не видѣли. Еслибъ я былъ одаренъ живымъ воображеніемъ нынѣшнихъ французскихъ писателей, то какими прелестными выдумками могъ бы украсить свой разказъ; хочется да не могу, какъ-то совѣстно: хотя я и путешествовалъ и далеко путешествовалъ, а все лгать не выучился. Вотъ - таки, напримѣръ, недавно появился романъ

г. Александра Дюма, подъ названіемъ Метръ д'Армъ. У меня волосы становились дыбомъ, когда я читалъ о всѣхъ лишеніяхъ и мученіяхъ, претерпѣнныхъ бѣднымъ мусью Метръ д'Армъ, на пути изъ Казани въ Тобольскъ: а между тѣмъ лѣтъ за двадцать прежде описываемаго имъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ преспокойно проѣхалъ я взадъ и впередъ, находя вездѣ селенія, просторныя, чистыя, теплыя избы, въ которыхъ днемъ сытно ѣлъ, а ночью сладко спалъ. Еслибъ я имѣлъ случай встрѣтиться съ сочинителемъ, то со всѣмъ уваженіемъ къ его великому таланту, позволилъ бы себѣ сказать ему: „Послушайте, г. Александръ Дюма, не будьте правдивы: это всякому Французу дозволено, но по крайней мѣрѣ будьте сколько-нибудь правдоподобны. Вѣдь всѣ нынѣ смѣются надъ вашимъ же соотечественникомъ Левальяномъ, который никогда не бывалъ во внутренности Африки, хотя вмѣсто дичи и настрѣлялъ тамъ множество тигровъ и гіенъ. Вы также всѣхъ волковъ и медвѣдей изъ всей Россіи ссигнали на встрѣчу вашему Метръ д'Армъ; вы изъ нихъ составили цѣлыя полчища, и на необитаемой, безпредѣльной, снѣжной равнинѣ, при сорока градусахъ мороза и при свѣтѣ сѣвернаго сіянія, заставляете его съ ними сражаться. Несчастный! если онъ и побѣдилъ, то какъ онъ не умеръ или не сошелъ съ ума; нѣтъ, г. Дюма, вы слишкомъ безчеловѣчны“. Что дѣлать: у Французовъ такъ уже ведется; между ними есть нѣкоторыя условныя истины, которымъ они вѣрятъ болѣе чѣмъ настоящимъ.

Надобно сказать правду, что мѣста, чрезъ кои мы проѣзжали, совсѣмъ не были привлекательны красотою, что въ избахъ тараканы хозяйничали и жили въ совершенномъ согласіи съ людьми, и наконецъ что все это было лишь приготовленіемъ къ величайшимъ непріятностямъ путешествія и къ возрѣнію на настоящее безобразіе природы. Мы приближались къ Барабинской степи.

Не знаю можно ли дать названіе степи величайшему изъ болотъ земнаго шара? Бараба въ Сибири въ самомъ огромномъ размѣрѣ то что Понтійскія болота въ Италіи. Ниспадающія съ Апенниновъ воды въ застоѣ и нагноеніи своемъ производятъ близъ Рима зловредныя испаренія; что же такое должно быть, когда низменное мѣсто, имѣющее нѣсколько сотъ верстъ длины и ширины, кажется какъ губка принимаетъ въ себя всю влагу трехъ цѣпей горъ, въ нѣко-

торомъ отъ него разстояніи его окружающихъ, Урала, Становаго или Яблоннаго хребта и Алтайскаго. Многіе полагаютъ, съ большимъ вѣроятіемъ, будго въ этомъ мѣстѣ было внутреннее море, подобное Каспійскому и Аральскому и что послѣ какого-то сильнаго переворота на землѣ, воды его утекли неизвѣстно куда. Сіе предположеніе подтверждается изобиліемъ озеръ, по Барабѣ разсѣянныхъ: многіе изъ нихъ, въ близкомъ разстояніи и соединеніи между собою, подъ именемъ Чановъ, удостоиваются названія моря.

На станціи Копьевой попали мы опять на большой сибирскій трактъ, уже отъ Тобольска идущій: слѣдующая за нею станція Резина есть послѣдняя въ Тобольской губерніи, а слѣдующая Мурашева первая въ новоучрежденной тогда Томской. Станція сія почитается началомъ нестерпимой Барабинской степи, но еще прежде нея почувствовали мы вліяніе дурнаго воздуха. Каково намъ было слышать что все видимое и обоняемое нами одно только вступленіе въ сіи печальныя мѣста.

Скоро прибыли мы въ столицу Барабы, посадь Каинскъ, упраздненный было и только за годъ до насъ опять уѣздный городъ. Около него замѣтилъ я лѣсочки, наполненные одними основными деревьями; сіе заставило меня думать что названіе Каинска дано ему въ честь Каина, который за первое братоубійство осужденъ былъ трястись какъ основной листъ. И въ немъ были жители, былъ городничій, присутственныя мѣста и даже недостроенная каменная церковь, въ придѣлѣ которой совершалось богослуженіе. Насъ не обманули, сказавъ что предыдущее ничто въ сравненіи съ тѣмъ что насъ за Каинскомъ ожидаетъ.

По дорогѣ были устроены гати изъ хворостины и тростника; наполняясь клейкою грязью, въ сухое время представляли они гладкую и твердую поверхность, по которой скакать было легко: и этого утѣшенія судьба не оставила намъ. Въ минуту нашего выѣзда изъ Каинска пошелъ частый и мелкій дождикъ и продолжался непрерывно. Къ несчастію былъ онъ довольно теплый и служилъ такъ сказать растворомъ всему ядовитому, сокрытому между мховъ, одинъ надъ другимъ цѣлыми поколѣніями поросшихъ, изъ коихъ составляется тутъ грунтъ земли. Что за отвратительный запахъ мы почувствовали! Какъ сгустилась атмосфера, которая въ этомъ состояніи порождаетъ обыкновенно болѣзнь,

столь известную под именем сибирской язвы: пока мы вѣхали, нѣсколько людей успѣли уже ею заразиться.

Описать же самую дорогу невозможно; о подобной ей могутъ имѣть понятіе только тѣ, кои зимой, въ дождливое время, ѣздили по одесскимъ улицамъ. Почти не подвигаясь плыли мы по смрадному морю, выбивались изъ сей пучины золь. Какъ жалко было смотрѣть на лошадей! Бѣдныя твари тщетно рвались чтобы поскакать, кнута было не нужно, ихъ подстрекали тысячи живыхъ иголокъ. Почуя сырость, сибирскія наѣкомыя, гиганты въ сравненіи съ нашими, поднялись всѣ изъ щелей, въ которыхъ прятались отъ солнечнаго свѣта и зноя. Одни скоты оставались имъ въ жертву; люди же были одѣты и замаскированы; у каждаго пзъ насъ, не исключая ямщиковъ, на головѣ была сѣтка изъ лошадиной гривы, сквозь которую трудно было пролѣзть толстымъ комарамъ и мошкамъ: случилось однакоже, что найдя скважину въ перчаткѣ, онѣ запускаютъ чрезъ нее свое жало и тогда на нѣсколько часовъ пухнетъ рука. На ночлегахъ вокругъ избъ и внутри ихъ защищались мы отъ сихъ злодѣевъ безпрестаннымъ куревомъ.

Человѣкъ человѣка осуждаетъ часто на вѣчную муку; это иногда заставляло меня думать, что адъ его выдумка. И еслибъ онъ дѣлалъ сіе изъ мести, а то по большей части для своихъ выгодъ, для прибыли. Кто бы добровольно пожелалъ остаться въ Барабѣ? Конечно, правительство поступало справедливо, заселяя ее людьми, ссылаемыми за преступления. Но чѣмъ же виноваты ихъ несчастные потомки? А впрочемъ, еслибы не было по ней цѣпи деревень, то было бы почти разорвано сообщеніе между Восточною и Западною Сибирью. Какъ эти бѣдныя жители малорослы, худощавы, какая синеватая блѣдность покрываетъ ихъ лица! Жилища ихъ однакоже не такъ дурны, какъ бы можно ожидать въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ; у людей, которые ни пастыри, ни хлѣбопашцы, ибо у нихъ нѣтъ ни луговъ, ни полей, годныхъ для заѣва. Избы ихъ суть постоянныя дворы для безконечныхъ обозовъ, которые всю зиму тутъ тянутся. Симъ промысломъ, равно какъ и рыболовствомъ, живутъ они, иные наживаются, и отъ того не слишкомъ жалуются на судьбу свою. Зима для нихъ лучшее время года, здоровое и прибыльное, и они начинаютъ оживать, когда природа замираетъ.

Страданія наши наконецъ прекратились; топи, туманы, дожди, непогоды, все исчезло вмѣстѣ съ Барабой. Мы благополучно достигли до Чаускаго острога, принадлежащаго вѣдомству Колывано - Воскресенскихъ горныхъ заводовъ. Главное ихъ мѣсто, городъ Барнаулъ, былъ губернскимъ въ бывшемъ при Екатеринѣ колыванскомъ намѣстничествѣ, при Павлѣ упраздненномъ. Польза края заставила, при Александрѣ, учредить вновь третью сибирскую губернію, и она въ началѣ 1804 года открыта въ Томскѣ, куда мы вѣхали. Губернаторомъ тамъ былъ Василій Семеновичъ Хвостовъ, родной дядя вѣхавшаго съ нами молодаго человѣка.

Когда мы отдыхали въ Чаускомъ острогѣ, вѣхавшій изъ Томска чиновникъ горнаго вѣдомства сказалъ намъ, что губернаторъ только что воротился изъ дальняго путешествія въ сѣверную часть своей губерніи. Молодой Хвостовъ изъявилъ Нелидову желаніе скорѣй увидѣться съ дядей; видя, что есть возможность отлучиться изъ отдѣленія, и мнѣ пришла охота ему сопутствовать, а Нелидовъ не умѣлъ иначе сдѣлать какъ дать свое согласіе на наши предложенія. Итакъ въ ту же ночь, вдвоемъ, поскакали мы въ Томскъ.

Селенія, черезъ кои мы проѣзжали, принадлежали всѣ горному управленію. Меня удивили въ нихъ просторъ и опрятность двухъэтажныхъ деревянныхъ домовъ и видъ довольства и зажиточности мужиковъ; не знаю къ чему отнести ихъ благосостояніе, къ собственному ли ихъ трудолюбію, къ мѣстнымъ ли выгодамъ, или къ попеченіямъ о нихъ начальства. Къ сожалѣнію, я не могъ вполне насладиться удовольствіемъ такого зрѣлища; я бодро выдержалъ муку барабинскую, а тутъ первый разъ еще въ дорогѣ почувствовалъ себя нездоровымъ. Во время двухчасовой переправы черезъ необъятную Обь, тутъ же среди парама варилась уха на славу, изъ самыхъ лучшихъ рыбъ и стоила бездѣлицу; я заплатилъ за нее, но не въ состояніи былъ даже прикоснуться къ ней устами. Чѣмъ хуже я себя чувствовалъ, тѣмъ болѣе торопился своего товарища и пробывъ въ дорогѣ не съ большимъ сутки, 18 августа на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ новый губернской городъ.

Губернаторъ былъ уже на ногахъ; съ нѣжностію облобызалъ племянника и со мною обошелся очень ласково. Между тѣмъ я успѣлъ уже выздоровѣть; чѣмъ же я вылѣчился? Чѣмъ такъ часто лѣчится молодость: однимъ краснымъ днемъ.

Домъ, который занималъ Василій Семеновичъ, былъ не завидный, разумѣется, для губернатора: будучи вдовъ и безъ семейства, сказалъ онъ, помѣщеніе для него одного кажется ему достаточнымъ; но только жалѣть о томъ, прибавилъ онъ, что не можетъ удержать у себя столь любезныхъ гостей. И потому какъ можно ближе отъ себя приказалъ намъ отвести покойную квартиру.

Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный, всю живость ума предоставившій брату свосму Александру Семеновичу; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и разбѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однако же не медленно. Если прибавить къ тому, что онъ былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія, то надобно признаться, что лучшихъ качествъ для занимаемаго имъ мѣста требовать не можно. . . . .

Въ Томскѣ видна была прочная основа для губернскаго города. Замѣтно было, что онъ поднялся самъ собою, выросъ естественнымъ образомъ, безъ усилій правительства, и что слѣдуя теченію времени, онъ отъ младенчества постепенно перешелъ въ зрѣлый возрастъ. Въ немъ считалось болѣе восьми тысячъ жителей и шесть или семь каменныхъ церквей, исключая двухъ; дома же всѣ были деревянные. Общества никакого не было; мѣста еще не всѣ были заняты, а тѣ кои на нихъ были назначены не всѣ еще прибыли.

У губернатора за обѣдомъ, къ удивленію нашему, встрѣтили мы Довре съ его свитскими офицерами. Они ѣхали еще тише насъ; дорогой фуры ихъ всѣ поломались, и уже нѣсколько дней жили они въ Томскѣ, чтобы совершенно ихъ вычинить; нетерпѣливый Шубертъ съ сыномъ ускакалъ впередъ. Впрочемъ это было уже не въ первый разъ, что мы догоняли и обгоняли посольскіе транспорты, которые тѣми же причинами были останавливаемы; также и они насъ обгоняли иногда. Порядокъ шествія нашего былъ вовсе разрушенъ. Цѣлыми сутками послѣ насъ прибылъ Нелидовъ съ Сухтелевымъ, когда еще Довре не уѣхалъ, и чтобъ имѣть лошадей въ дорогѣ, по неволѣ должны были они на нѣсколько дней тутъ остановиться.

Скучно, томительно было намъ въ Томскѣ. Губернаторъ былъ человѣкъ прекрасный, даже багровый, сказалъ я выше, но слишкомъ серіозный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ не занимательны; Сухтелену полюбился

онъ болѣе всѣхъ, ибо хорошо кормилъ насъ. Дни стояли ясные, но начинали коротѣть, а ночью небо покрывалось обыкновенно тучами, такъ что зги было не видать. Нелидовъ съ отдѣленіемъ жилъ на другомъ концѣ города, въ полуторѣ верстѣ отъ насъ и спозаранку убирался домой; во всемъ городѣ мало еще было дрежекъ, а объ извощикахъ уже и не спрашивай; чтобъ увидѣться съ своими товарищами, должны мы были ночью съ фонаремъ въ рукахъ, странствовать по пустымъ улицамъ.

Вдругъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что за нимъ слѣдуетъ самъ посолъ со свитою своею. Какая быстрота и какая дѣятельность! Онъ только въ половинѣ іюля оставилъ Петербургъ и въ одинъ мѣсяцъ успѣлъ не только сдѣлать 4.500 верстъ и промчаться черезъ восемь или девять губерній, но на бѣгу обрешивать въ нихъ дѣла и на лету написать о томъ донесенія. Мы ахнули, ибо Довре только что наканунѣ выѣхалъ: посолъ можетъ-быть не захочетъ остановиться, мы должны будемъ его пропустить, на нѣсколько дней еще остаться въ Томскѣ и обратиться въ хвостъ главы нашей, Головкина.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда курьера узнали мы, что губернаторъ поѣхалъ самъ встрѣтить посла на берегу рѣки Томи и проводить его оттуда въ приготовленный для него каменный домъ купца Мыльниковъ, лучший въ городѣ. Мы не замедлили туда явиться во всей формѣ и были привѣтствованы милостиво. Мы нашли его окруженнаго Байковымъ, Ламбертомъ, Нарышкинымъ, Доброславскимъ, Реманомъ; другіе чиновники еще не прибыли, а нѣкоторые съ его дозволенія изъ Екатеринбургъ отдѣлились отъ него, чтобы взглянуть на Тобольскъ. Онъ объявилъ намъ, что намѣренъ три дня пробыть въ Томскѣ, чтобъ осмотрѣть присутственныя мѣста; они едва были открыты и крайней надобности въ томъ не было, но отъ Екатеринбургъ скакалъ онъ безъ памяти, и ему хотѣлось отдохнуть. Вслѣдствіе того и приказалъ онъ намъ немедленно отправиться и дожидаться его въ первомъ городѣ, до котораго однакоже было еще пять сотъ верстъ.

Мы съ Хвостовымъ преспокойно легли спать и на другой день не слѣшкомъ рано отправились. На второй станціи нашли мы Клементя, Гельма и нашъ обозъ; примкнули къ нимъ и вмѣстѣ пустились гнаться за Сухтеленемъ и Нели-

довымъ, которые, желая въ точности выполнить приказаніе начальника, еще до свѣту выѣхали. Мы догнали ихъ только ночью на одной станціи, на которой рѣшились они нѣсколько часовъ отдохнуть и насъ дожидаться.

Мы шибко ѣхали тѣми безпредѣльными лѣсами, которые неизвѣстны старому міру. Во времена Тацита существовали они въ отчизнѣ Тевтоновъ, въ глухой тогда Германіи и имъ были описаны, въ Америкѣ поэтически вдохновенъ ими былъ Шатобріанъ; въ Засурскомъ лѣсѣ видѣлъ я ихъ обрацикъ: но не мнѣ дано изобразить ихъ величественный ужасъ. Гдѣ мы ни ѣхали дотолѣ, исключая Барабинской пустыни, вездѣ пахло жильемъ; а тутъ начинаешь чувствовать отсутствіе населенія. Правда, каждая станція деревня, но другихъ мы не видѣли: еще далѣе, и находишь болѣе почтовыхъ дворовъ чѣмъ селеній. Между тѣмъ положеніе мѣстъ становится тутъ опять болѣе и болѣе гористо: Ачинская крѣпость, тогда посадъ, а послѣ насъ увѣданный городъ Ачинскъ, вѣроятно былъ укрѣпленъ не для защиты отъ непріятелей, а отъ разбойниковъ въ ущельяхъ гнѣздившихся. Слѣдуя за тѣмъ двѣ ужасныя станціи, Большая и Малая Кемчуги, каждая по 35 верстѣ; пространство между ними наполнено вертепами:

Посреди сихъ мрачныхъ мѣстъ находится открытое и на немъ является вамъ чистенькій и веселенькій городокъ: это Красноярскъ, гдѣ намъ вѣрно было дожидаться проѣзда посла. Мы все подвигались на востокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на югъ, и отъ того-то внутри Сибири, къ концу августа, въ Красноярскѣ встрѣчены еще были красными днями; что можетъ быть лучше, мы имѣли жаръ съ прохладой. Впрочемъ, не насъ однихъ погода хотѣла собой поподчивать; она тутъ круглый годъ поступаетъ такъ съ жителями, какъ они насъ увѣряли. Болѣе двѣнадцати пасмурныхъ дней не бываетъ у нихъ въ году, сказывали они намъ, то-есть по одному на мѣсяцъ и обыкновенно въ эти дни или сыплетъ снѣгъ или ливня льетъ дождикъ, покрываетъ или освѣжаетъ землю, а потомъ дѣлается опять чисто, дѣлается жаръ или морозъ. Не завидно ли это покажется петербургскимъ жителямъ и особливо жительницамъ? Старухи шестидесяти и болѣе лѣтъ сохраняютъ въ этомъ чудномъ городкѣ здоровье и всѣ признаки его: бѣлые зубы, алая щеки и черные волосы. Величайшимъ же украшеніемъ Красноярску служить Енисей,

рѣка-море, которой нѣтъ равной, нѣтъ подобной ни въ Европѣ, ни въ Россіи. Здѣсь не клубится безпредѣльный Енисей, какъ сказалъ первый изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ: можетъ-быть далѣе, можетъ-быть въ другое время, а передъ нами столь же величаво какъ и быстро катилъ онъ прозрачныя, какъ стекло, студеныя струи свои. А за нимъ вдали, какъ будто вблизи, рисовались и красовались высокія Саянскія горы, отрасль Алтайскихъ. Величайшая изъ нихъ казалась досягаемою для руки, а была въ двадцати верстахъ отъ Енисея; отличающая ее отъ другихъ горъ нагота служила доказательствомъ недавняго ея существованія; лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, силою подземнаго огня, часто тутъ колеблющаго землю, была она вытолкнута изъ нѣдръ ея и воздвигнута на этомъ мѣстѣ.

Насъ посѣтилъ одинъ ученый, который имѣлъ постоянное пребываніе въ этомъ городѣ. Г. Спасскій посвятилъ себя изысканію всѣхъ предметовъ, могущихъ сколько-нибудь объяснить древность Сибири: онъ полагалъ, что вѣроятное переселеніе черезъ нее народовъ должно было оставить за собою ихъ слѣды и всюду искалъ его. Для того лазилъ онъ по горамъ, списывалъ на ребрахъ ихъ изсѣченныя надписи на непонятомъ языкѣ, съ удивительнымъ чутьемъ угадывалъ мѣста старыхъ могилъ и довольно удачно иногда въ нихъ рылся. Такимъ образомъ составилъ онъ себѣ изрядный музей изъ хартій, оружія и маленькихъ бурхановъ или мѣдныхъ идоловъ. Труды его были признаны полезными, одобряемы и поддерживаемы Академіей Наукъ.

Знатные люди въ Россіи ничего долго вынести не могутъ, ни труда, ни покоя, ни даже веселія. Графъ Головкинъ прискакалъ когда мы еще не ожидали его, кажется, на другой день послѣ насъ; побѣждалъ взглянуть на стѣны присутственныхъ мѣстъ, пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать, много шутилъ за столомъ, а послѣ обѣда опять сѣлъ въ коляску. Черезъ два дня и мы за нимъ послѣдовали.

Отъ Канскаго острога, нынѣ города, и рѣки Кана, одной изъ главнѣйшихъ между второстепенными сибирскими рѣками, начиналась Иркутская губернія. Безконечный лѣсъ и тугъ продолжаетъ тянуться въ ужасной красотѣ съ столѣтними дубами своими, вѣковыми кедрами и необъятными лиственницами. Одно происшествіе, тутъ случившееся со мною, довольно ужасно чтобы разказать здѣсь объ немъ. Начинало

смеркаться и тучи заволакивали небо. Сухтеленъ пожелалъ остановиться на весьма хорошемъ почтовомъ дворѣ, куда мы пріѣхали. Спѣшить было не къ чему, но я разчитывалъ что еще рано, что мы легко можемъ сдѣлать одну станцію, мнѣ хотѣлось выиграть ее, и я уговорилъ Нелидова не слушать старика. Онъ разсердился на меня за то и не пустилъ къ себѣ въ коляску; я же преспокойно залегъ въ кладовую, на этотъ разъ ссылочную мою брчку и крѣпко заснулъ, лишь только тронулись съ мѣста. Жестоко былъ я наказанъ за неуваженіе къ старости: когда я проснулся, измученныя лошади, самыя худшія изъ всѣхъ, которыхъ намъ дали, стояли неподвижно несмотря на усилія и побои ямщика и моего Гаврилы, а между тѣмъ дождь, котораго во снѣ не слышалъ я, болѣе часа лилъ какъ изъ ведра. Ночь была такая, что хотъ глазъ выколи, а отъ спутниковъ моихъ мы давнымъ-давно отстали: мнѣ объявлено, что другаго средства нѣтъ, какъ отпрячь одну изъ четырехъ лошадей, самую крѣпкую, сѣсть на нее и шажкомъ за свѣжими конями поѣхать на станцію, до которой однакоже было болѣе шести верстѣ. Меня взяло раздумье, кому изъ насъ ѣхать. Страшная рожа ямщика, которую видѣлъ я съ вечера, и грубый, охрипый голосъ его, который я слышалъ, заставляли меня подозрѣвать со стороны его дурной умыселъ, привести къ намъ своихъ товарищей; оставаться съ нимъ было не весело, а ѣхать одному, лѣсомъ, въ такую ночь, также не совсѣмъ было пріятно. Я рѣшился однакоже на послѣднее; перекрестясь, тряхъ-тряхъ потащился я верхомъ, весь орошаемый сверху шумнымъ водопадомъ. Сбиться съ пути было невозможно, широкая просѣка шла на тысячу верстѣ, боковыхъ, проселочныхъ дорогъ не было. Не знаю проѣхалъ ли я болѣе половины предлежащаго мнѣ пространства, какъ вдругъ услышалъ въ лѣсу страшное завываніе стаи волковъ; я обмеръ; конь мой вздрогнулъ, то останавливался, то пытался идти рысью. Снаружи леденѣлъ я отъ сырости и холода, внутри кровь начинала застывать въ жилахъ моихъ. Машинально, безъ памяти сидѣлъ я, и теперь не понимаю какъ меня пронесло.

Привычный конь самъ собою остановился у крыльца почтоваго дома, изъ котораго высыпали любопытные. Меня должно было снять и всѣ изумились моею блѣдностію, когда ввели меня въ комнату. Разспрашивать было нечего, еще и тутъ былъ слышанъ вой: когда я немного опомнился, первое

слово мое было моленіе о помощи оставленнымъ мною въ лѣсу, и тотчасъ за ними были посланы вооруженные ямщики. Всѣ съ безпокойствомъ старались меня отогрѣть, напоить горячимъ; самъ Сухтеленъ много хлопоталъ, сопровождая однакоже заботливостью свою ворчаньемъ и упреками. Странно что я забылъ названіе сихъ станцій: видно страхъ отшибъ у меня память.

Слѣдующую ночь провели мы въ жалкомъ городѣ Нижнеудинскѣ, въ которомъ отъ общества выстроены были особый домъ для проѣзжихъ по казенной надобности. Мы еще не успѣли встать съ постели, какъ явилось четыре проѣзжихъ, именно тѣ, кои, сопутствуя послу, оставили его чтобъ увидѣть Тобольскъ: Васильчиковъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Перовской. Мы одѣлись, и заказавъ общій большой обѣдъ, пошли съ ними прогуливаться не столько по городу какъ вокругъ его, ибо въ немъ видѣть было нечего. Такъ-какъ эти господа ѣхали въ двухъ коляскахъ и не могло быть большой разницы въ числѣ лошадей, то и согласились мы отправиться компаніей до Иркутска, къ которому подъѣзжая, казалось, мы на послѣдней станціи: и дѣйствительно до него оставалась бездѣлица, всего только пять-сотъ верстъ. За обѣдомъ, Бенкендорфъ довольно разсѣянно сказалъ намъ одну вѣсть, которую мы столь же равнодушно и спокойно приняли. Въ Тобольскѣ получено было извѣстіе, что гвардія начинаетъ выступать изъ Петербурга. Противъ кого? да разумѣется противъ Французовъ: когда мы воротимся изъ Пекина, то успѣемъ еще узнать о побѣдахъ нашихъ, подумалъ я.

Менѣ сутокъ проѣхали мы вмѣстѣ съ нашими же новыми товарищами; наша медленность, тяжесть нашихъ фуръ, дурная привычка каждый день ночевать, имъ не понравились, и они насъ кинули. Однакоже на бѣду одного изъ нихъ, рѣшились они переночевать въ одной деревнѣ, на берегу широкой рѣки, которой имя не вспомню, ихъ было такъ много. Гурьевъ не согласился, оставилъ коляску свою Бенкендорфу, а самъ съ однимъ слугою, переправясь черезъ рѣку, поскакалъ въ перекладной телѣгѣ чтобы первому явиться къ послу въ Иркутскѣ, мѣсту общаго нашего сборища. Оставшіеся еще не спали, когда услышали нѣсколько глухо до нихъ дошедшихъ выстрѣловъ и думали, что онъ въ потьмахъ изволитъ тѣшиться; каково было ихъ удивленіе, когда по утру на слѣдующей станціи нашли они его истерзаннаго,

почти помѣшаннаго. Вотъ что случилось съ нимъ: едва успѣлъ онъ отъѣхать три версты отъ переправы, какъ нѣкто стоявшій посреди дороги, имъ въ темнотѣ не замѣченный, схватилъ лошадей его и остановилъ ихъ. Гурьевъ, полагая что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ человѣкомъ, не струсилъ, выстрѣлилъ въ него и не попалъ; въ ту же минуту самъ услышалъ нѣсколько выстрѣловъ и увидѣлъ себя спереди, сзади и съ боковъ окруженнымъ вооруженными людьми, выскочившими изъ лѣса. Сопротивленіе было невозможно; они обезоружили его, связали какъ его, такъ и слугу и ямщика, и всѣхъ трехъ вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгой поволокли въ глубину лѣса: тамъ отыскиали они знакомую имъ поляну, остановились на ней, завязали глаза тремъ плѣнникамъ своимъ, а ихъ самихъ, стоямя, руками назадъ, привязали къ деревьямъ; потомъ разложили огонь, открыли чемоданъ и стали въ немъ копаться.

Обыскъ вѣроятно не отвѣчалъ ихъ ожиданіямъ, ибо они начали съ досадою говорить о сдѣланной ими ошибкѣ. Изъ словъ ихъ видно было, что они поджидали какого-то купеческаго прикащика съ десятками тысячъ рублей, и что же нашли? немного платя, немного бѣлья, вышитый мундиръ, который могъ быть для нихъ уликой, и денегъ только что на прогоны. Пошли между ними совѣщанія, отъ коихъ бѣднаго Гурьева по кожѣ подирало; мнѣнія были несогласны: одни требовали чтобы людей зарѣзать, а лошадей и пожитки увезти; другіе, болѣе склонные къ милосердію, полагали, что надлежитъ довольствоваться малою наживой, захваченныхъ же ими слѣдуетъ выпроводить на большую дорогу, взявъ съ нихъ напередъ клятвенное обѣщаніе, что во мзду даруемой имъ жизни, они никому не будутъ говорить, о томъ что съ ними происходило. Спорили долго, наконецъ остановились на мысли одного разбойничьяго доктринера, чтобы взять деньги и золотые часы, а плѣнниковъ не убивая, и не отвязывая, предоставить произволу судьбы. Приговоръ исполненъ, они удалились.

Я не люблю Гурьева, но и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ состраданія объ ужасѣ его положенія. Подобно мнѣ, и еще болѣе беззащитенъ, могъ онъ ожидать нападенія хищныхъ звѣрей. Занялась заря и поднялись насѣкомыя, сибирскія страшныя насѣкомыя и начали покрывать язвами всѣ открытыя части его тѣла. Среди этой пытки, въ безпамят-

ствѣ рвался и метался онъ, и отъ того веревки коими онъ былъ прикрѣпленъ, вытягиваясь, оставили нѣкоторую свободу его рукамъ: онъ воспользовался тѣмъ, вооружился терпѣніемъ и наконецъ высвободилъ какъ себя, такъ и сомученныхъ своихъ. Лошади, телѣга, чемоданъ, все тутъ было, и даже одинъ забытый разбойниками предметъ, который онъ не оставилъ взять съ собою: длинный ножъ съ примѣчательною рукояткою. Не безъ труда выбрался онъ на дорогу и пріѣхалъ на станцію, почти вмѣстѣ съ товарищами своими, которая эту ночь весьма спокойно проспала.

По представленному Гурьевымъ ножу, виновные были потомъ отысканы. Въ близости отъ сей дороги существовала казенная сукодная фабрика, основанная при князѣ Потемкинѣ, когда сей необыкновенный человѣкъ мечталъ между прочимъ и о завоеваніи Китая: туда изъ Россіи ссылались на вѣчную работу люди пойманные въ разбоѣ; за ними былъ плохой присмотръ, и нѣкоторые изъ нихъ, шатаясь, по старой привычкѣ, брались за прежнее ремесло.

На свѣжіе, на горячіе слѣды пріѣхали мы на станцію, черезъ нѣсколько часовъ послѣ происшествія, о которомъ съ великими подробностями разказалъ намъ станціонный смотритель. Слѣдующую ночь, разумѣется, остановились мы, хотя находились близко отъ Иркутска. Сія ночь была послѣдняя, которую провелъ я въ обществѣ монаховъ, скажу, милыхъ спутниковъ, всегда спусходительныхъ, всегда веселыхъ. Во время продолжительнаго пути кто не ссорится? а мы два мѣсяца на большой дорогѣ жили душа въ душу.

Хотя мы были въ Сибири, но все-таки на самомъ югѣ ея, подъ 52-мъ градусомъ сѣверной широты, и отъ того-то сентябрь совсѣмъ не сентябрьемъ смотрѣлъ на насъ; погода стояла прекраснѣйшая, такая, какъ въ Петербургѣ иногда бываетъ она невзначай среди августа. Въ день Рождества Богородицы, 8 числа, остановились мы въ виду Иркутска, у Вознесенскаго монастыря, вошли въ церковь, приложились къ мощамъ Св. Иннокентія, просвѣтителя сихъ странъ. Потомъ начали мы переправляться черезъ широкую Ангару, рѣку-потокъ, съ яростію вырвавшуюся изъ Байкала: быстрѣе и прозрачнѣе ея, кажется, нѣтъ рѣки въ мірѣ, на глубокомъ днѣ ея видны всѣ песчинки. Долго продолжалась церемонія нашей переправы, ибо далеко надобно было подыматься противъ теченія, чтобъ оттуда стрѣлою спуститься къ приста-

ни. Весь Иркутскъ, на ровномъ мѣстѣ, вытянутъ по Ангарѣ. Солнце такъ и сіяло, что придавало ему какой-то праздничный видъ, когда мы подплывали къ нему. Надоно было случиться, чтобы посоль, который жилъ на самомъ берегу, вышелъ въ это время прогуляться: но онъ вышелъ не шиконито, а въ шитьѣ, въ лентахъ и звѣздахъ, въ сопровожденіи всей собравшейся, многочисленной свиты своей, когда кругомъ народъ валлъ чтобы поглазѣть на его величіе. Онъ остановился у пристани и первый въ Иркутскѣ встрѣтилъ насъ ласковыми словами. Глаза мои въ толпѣ устремились на Гурьева; красныхъ пятенъ не было на лицѣ его, но онъ похудѣлъ, и я разчелъ, что нѣсколько фунтовъ жиру должно было въ немъ растаять въ жаркую для него ночь. Тутъ же при послѣ былъ и городничій, который сталъ разводить насъ, то-есть далъ по проводнику, чтобъ указать назначенную каждому изъ насъ квартиру: въ этой суматохѣ мы не успѣли порядочно проститься.

Я еще тогда не брлся, свѣдственно туалетъ мой не могъ долго продолжаться; помѣстили же меня близко отъ посла, и я поспѣшилъ къ его обѣденному столу, на который свѣлалъ онъ намъ общее приглашеніе.

Домъ, гдѣ онъ имѣлъ жительство, былъ выстроенъ при Екатеринѣ, генераль-губернаторомъ Якоби, который такъ долго начальствовалъ въ Иркутскѣ и еще долѣе находился потомъ подъ судомъ. Его называли дворцомъ, всѣ генераль-губернаторы жили въ немъ, и послѣдній, тутъ находящійся. Селифонтовъ уступилъ его пріѣзжему гостю. Домъ этотъ былъ деревянный, въ одинъ этажъ, но чрезвычайно длиненъ и высокъ; комнаты были огромныя, особенно три: пріемная зала, столовая и большая гостиная; первая двѣ были пестро расписаны по штукатуркѣ, послѣдняя обита зеленымъ атласомъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Посвятивъ нѣсколько дней отдохновенію, посоль первый разъ принималъ въ сихъ чертогахъ; все посольство на лицо, до пятидесяти человекъ вмѣстѣ наполняли ихъ и сядились за одинъ столъ, за которыми находились и мѣстные начальники: генераль-губернаторъ Селифонтовъ, бывшій военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Лебедевъ, гражданскій губернаторъ Корниловъ, вице-губернаторъ Шинковъ и многіе другіе. Въ боковой комнатѣ гремѣла музыка, отличный поваръ Французъ приготовлялъ обѣдъ, который подавали на богатомъ казенномъ

серебряномъ сервизѣ, и тщеславный графъ Головкинъ сіялъ веселіемъ.

Начиная съ этого дня, сіи торжественные, сіи пышные обѣды сдѣлались ежедневными; мы имѣли право, а отнюдь не обязанность являться на нихъ, хотя впрочемъ въ этомъ только состояла тогда вся служба наша. Мы бы могли въ чины дни пользоваться и приглашеніями иркутскихъ жителей; мы не получали ихъ, ибо сіи жители были одни чиновники и купцы. Мы часто слышимъ похвалы какому-то старинному русскому хлѣбосольству; если оно и существовало когда-нибудь, то въ одномъ только дворянскомъ сословіи: можетъ ли міръ быть что-нибудь негостепріимнѣе русскаго купечества? Обычай и тщеславіе заставляютъ нашихъ купцовъ праздновать крестины и именины, свадьбы и похороны, и тогда только, безъ мѣры и безъ вкуса, кормятъ они званыхъ на убой; остальное же время, двери на запоръ, въ кругу своего семейства довольствуются они самою умѣренною, простонародною пищею. Въ нашъ разчетливый вѣкъ и дворяне начинаютъ перенимать у купцовъ. Въ знойныхъ пустыняхъ Аравіи, гостепріимство между Бедуинами есть исполненіе долга, предписываемаго Кораномъ; такого гостепріимства мы имѣть не обязаны, у насъ вездѣ постоянные дворы, завѣзжіе дома и гостиницы. Въ Европѣ гостепріимство есть слѣдствіе потребности въ общежитіи; мы его также имѣть не можемъ, ибо сей потребности не чувствуемъ.

Между иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были и милліонщики, Мыльниковы, Сибиряковы и другіе: но все они оставались вѣрны стариннымъ русскимъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ, въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ совершенной чистотѣ, и для того никогда въ нихъ не ходили, сжились въ двухъ-трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимовѣрной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семьею одну солянку, запивая ее квасомъ или пивомъ.

Совсѣмъ не таковъ былъ купчикъ, къ которому судьба привела меня на квартиру. Алексѣй Ивановичъ Полевой, родомъ изъ Курска, лѣтъ сорока съ не большимъ, былъ весьма не богатъ, но весьма торовать, словоохотенъ и любознателенъ. Жена у него была красавица, хотя уже дочь выдала замужъ; онъ держалъ ее не въ заперти, и мы кажется другъ

другу очень понравились. Онъ гордился не столько ею самою, какъ ея рожденіемъ: у нихъ былъ девятилѣтній сынишка, Николай, вѣжненькій, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами: онъ теперь извѣстенъ всей Россіи. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосолюство моихъ хозяевъ: можно было подумать что они хотятъ меня окормить. Насытись отъ французскаго обѣда, я за ужиномъ безъ пощады опоражнivalъ русскія блюда; не знаю кого изъ супруговъ мнѣ благодарить или бранить за сіе пресыщеніе. Я думаю однакоже скорѣе жену.

Никакой нужды не имѣлъ я искать въ Иркутскѣ знакомства; я не успѣлъ еще хорошенько свести его въ Петербургъ со многими изъ моихъ товарищей, въ Иркутскѣ сдѣлалось это скорѣе, и мы проводили вечера во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Къ счастью, погода не мѣнялась, и пѣшеходство не было для насъ тягостію. Нѣкоторые изъ насъ сочли однакоже не излишнею учтивостію, сдѣлать утренніе визиты двумъ старшимъ начальникамъ, генераль-губернатору и гражданскому губернатору, о которыхъ необходимо приходится мнѣ здѣсь говорить.

Семидесятилѣтній старецъ, Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, еще дюжій и плотный, хотя не весьма большаго роста, былъ въ молодости своей морякъ. Нечаянный случай сдѣлалъ его лично извѣстнымъ Екатеринѣ, которая, угадавъ въ немъ хорошаго губернатора, въ семь званіи назначила его въ Рязань: надобно полагать, что она не раскаявалась въ семь выборѣ, потому что девять лѣтъ спустя сдѣлала его генераль-губернаторомъ Пермскимъ и Тобольскимъ. Съ упраздненіемъ сего мѣста при Павлѣ, посаженъ онъ въ Сенатъ, и долго слылъ въ немъ чудомъ безкорыстія и правосудія. Между тѣмъ Тобольская губернія почиталась внутреннею, а Иркутская пограничная находилась подъ управленіемъ военныхъ губернаторовъ. Когда въ 1803 году признали за благо изъ сихъ двухъ губерній сдѣлать три, подъ общимъ названіемъ Сибирскихъ, поставивъ надъ ними одного генераль-губернатора, то общее мнѣніе на сіе мѣсто призвало Селифонтова. Онъ сначала отговаривался и насилу принялъ должность, многотрудную для добросовѣстнаго человѣка. Онъ поселился въ знакомомъ ему Тобольскѣ, и оставивъ тамъ все семей-

ство свое, прїѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Иркутскъ, когда судьба пригнала въ нее китайское наше посольство.

Съ появленіемъ Головкина наступило полное его затмѣніе. Онъ не кичился, не соперничалъ съ нимъ, но будучи въ одномъ съ нимъ чинѣ и званіи сенатора, не хотѣлъ слишкомъ кланяться. Отъ самой Москвы, посолъ встрѣтилъ перваго человека, который не согнулъ передъ нимъ колѣна и почиталъ себя ему равнымъ: этого гордость его перенести не могла. Были, можетъ-быть, нѣкоторые беспорядки: на такомъ обширномъ пространствѣ какъ исправить ихъ въ короткое время? Правитель канцеляріи, Бакулинъ, немного чванился и пользовался недозволенными выгодами, но отъ нихъ былъ онъ только что сытъ, а отнюдь не богатѣлъ. Но ни объ одной вопіющей несправедливости мы не слышали: веселость, довольство и изобиліе между людьми простаго званія, которое вездѣ встрѣчали мы, служили явнымъ доказательствомъ добраго управленія. Грубыя шутки Байкова, которыя имѣли мы глупость повторять, дошли до жителей, а люди всегда готовы жаловаться изъ пустяковъ, когда подается имъ малѣйшій къ тому поводъ. Не знаю что именно писалъ Головкинъ въ Петербургъ, лишь знаю что въ донесеніяхъ своихъ представилъ положеніе Сибири въ самомъ черномъ видѣ.

Почтенный Алексѣй Михайловичъ Корниловъ, къ сожалѣнію, также не совсѣмъ ладилъ съ Селифонтовымъ, и отъ этого былъ въ большой милости у посла. Домъ его могъ почитаться единственнымъ въ Иркутскѣ; миловидная и добродушная жена его Александра Ефремовна, урожденная фонъ-деръ-Флитъ, въ немъ угощала насъ и своею непринужденною, можно сказать, неумышленною любезностію всѣмъ нравилась. Въ день коронаціи, 15 сентября, была она хозяйкою на многолюдномъ, и говорятъ, престранномъ балѣ, который городу давалъ Головкинъ. Я не опишу его, ибо простудившись не былъ на немъ.

О прибытіи своемъ въ Иркутскъ, графъ Головкинъ, чрезъ нарочно посланнаго курьера на границу, увѣдомилъ китайское правительство; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ онъ ему подробный списокъ о всѣхъ находившихся при немъ чиновникахъ и служителяхъ: на посланіе свое не замедлилъ онъ получить отвѣтъ, въ коемъ правительство сіе, всегда склонное къ подозрѣніямъ, непременно требовало отъ него уменьшенія свиты. Желая показать снисходительность, графъ послалъ

новый списокъ съ значительною убавкою его сопровождающихъ. Тайна сихъ переговоровъ была извѣстна только Байкову и Ламберту; надобно однакоже было наконецъ объявить объ ней, и какъ посолъ вообще не любилъ старости и въ особенности чувствовалъ отвращеніе отъ астронома Шуберта, то онъ съ сыномъ первые были пожертвованы. Можно себя представить бѣшенство надменнаго старика: онъ въ ту же минуту потребовалъ подорожную и на другой же день уѣхалъ изъ Иркутска.

Между тѣмъ съ нами поступили вѣжливо въ сравненіи съ тѣми, отъ коихъ сочли нужнымъ скрыть ихъ выключку. Ихъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, потащили на границу, чтобы въ минуту переѣзда черезъ нее, сказать имъ: „теперь ступайте назадъ“. Я находился въ числѣ ихъ.

Полагая, что за тѣмъ нѣтъ ужъ никакихъ препятствій ко вступленію ему въ Зайцынское царство, посолъ началъ приготовляться къ отѣзду. Прежде всего надобно было отправить наши тяжести, накопившіяся въ Иркутскѣ: я никакъ не могъ думать, что буду имѣть честь, вслѣдствіе новаго распредѣленія, сдѣлаться начальникомъ перваго обознаго отдѣленія. Я узналъ руку Байкова, который хотѣлъ низвести меня на степень низшаго разряда чиновниковъ; что было дѣлать? Я повиновался, утѣшаясь надеждою, что буду въ Китаѣ, если хотятъ обратить меня въ нужнаго человѣка. На меня взвалили съ полдюжины зеркаловъ, которые, необыкновенною своею величиною, должны были ужаснуть и прельстить Китайцевъ; не думалъ ли Байковъ, что я разобью ихъ? Но мнѣ дали двухъ проворныхъ унтеръ-офицеровъ, которые отъ самаго Петербурга во всю дорогу неотлучно при нихъ находились.

Предводительствуя зеркалами, первый и одинъ отправился я изъ Иркутска 22 сентября послѣ обѣда. Тутъ кончается для меня Сибирь и начинается все то, что имѣлъ я общаго съ Китаемъ. Для описанія того нужна мнѣ особая глава.

X.

Только что выѣдешь изъ Иркутска, начинаются чрезвычайно высокія горы, покрытыя лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ Ангары. У подошвы сихъ горъ, по берегу сей быстрой

рѣки, въ нѣсколько часовъ проѣхавъ шестьдесятъ верстѣ, увидѣлъ я Байкаль, изъ котораго она вытекаетъ. Далѣе, направо и налево, тѣ же самыя горы, все болѣе и болѣе воздымаясь, идутъ на нѣсколько сотъ верстѣ вокругъ всего этого чуднаго озера, прозваннаго въ семь краю сердитымъ и святымъ моремъ. Они обхватываютъ его на всемъ его протяженіи и образуютъ какъ бы продолговатую чашу, на днѣ которой колыхаются его воды.

Обыкновенно отъ Лисвинишнаго мыса, на которомъ я остановился, до Зимовья Голоушнаго, дѣлаютъ еще шестьдесятъ верстѣ вдоль Байкала, чтобы переправиться черезъ него въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ только 55 верстѣ ширины. Но тутъ, у истока Ангары, нашелъ я суда, назначенныя для перевозки тяжестей посольства: немного поодаль, въ сторонѣ, стоялъ на якорѣ единственный фрегатъ сего моря и дожидался посла и его свиты: имъ управлялъ какой-то флотскій офицеръ.

Какъ я на Лисвинишный мысъ пріѣхалъ вечеромъ поздно, то и не могъ ранѣе слѣдующаго утра начать нарузку порученныхъ моему надзору огромныхъ ящиковъ, что надлежало дѣлать съ величайшею осторожностію. Весь этотъ день, 23-е число, былъ на то употребленъ: какъ въ семь дѣлъ я ничего не смыслилъ, то и положился совершенно на своихъ унтеръ-офицеровъ, а самъ, пользуясь наипрїятнѣйшею погодой, карабкался по горамъ, чтобъ открывать оттуда удивительныя, хотя и пустынные виды.

Суда на Байкаль, называемыя досчаниками, суть не что иное, какъ большія барки, немного болѣе тѣхъ, кои ходятъ по Волгѣ: ими также управляютъ лоцманы, которые въ знаніи мореплаванія должны уступить простымъ матросамъ. Я никакъ не подозрѣвалъ опасности своего положенія, когда безтрепетно ступилъ на свой досчаникъ 24-го числа, часу во второмъ по полудни. Въ это утро, какъ и наканунѣ, погода стояла довольно тихая, намъ дулъ попутный вѣтеръ, не съ большимъ сто верстѣ должны мы были переплыть, и я разчитывалъ, что буду ночевать на противномъ берегу.

Лишь только вышли мы въ открытое море, какъ сталъ накрапывать дождикъ, и вѣтеръ началъ мѣняться. Я этого не замѣтилъ, а отъ дождя укрылся внизу, гдѣ было довольно свѣтло, чтобы мнѣ приняться за чтеніе. Когда стало смеркаться, вышелъ я на палубу, и спросилъ: далеко ли мы еще

отъ пристани? Тутъ узналъ я, что мы плывемъ сами не зная куда, что иногда берегъ теряется изъ вида, иногда опять открывается, но что утвердительно сказать гдѣ мы, никакъ невозможно и что, вѣроятно, будемъ мы кататься во всю ночь. Это меня крайне озадачило; однакоже я подумалъ, что качка усыпитъ меня, а утромъ мы опять найдемъ дорогу. Между тѣмъ, вѣтеръ, часто мѣняясь, около полуночи до того усилился, что сдѣлалось страшно; съ своей стороны, дождь не только не уменьшался, но по временамъ казался воздушнымъ моремъ, и я на минуту не могъ заснуть. Мои унтеръ-офицеры, люди петербургскіе, старались скрывать отъ меня опасность, но, при свѣтѣ фонаря, я прочелъ ее въ отчаянныхъ взорахъ лодмана и его работниковъ. Итакъ я могу похвастать, что разъ въ жизни видѣлъ морскую бурю; представить же ее не берусь. Читая описаніе кораблекрушеній въ романахъ Эжена Сю и капитана Марріэта, которые въ этомъ дѣлѣ великіе мастера, мнѣ всегда становится и страшно, и скучно; куда же мнѣ за ними гнаться! Однакоже, все было какъ слѣдовало, все шло обыкновеннымъ порядкомъ, и паруса рвались, и снасти трещали, равно какъ и самый корпусъ утлой нашей ладьи. Я не молился, не плакалъ, не ропталъ, не клялъ судьбу свою, а просто какъ-то одурѣлъ. Но скорѣе къ концу; утромъ все опять утихло, прояснилось, мы отыскиали дорогу и передъ вечеромъ причалили къ длинной косѣ, ведущей къ такъ-называемому посольскому монастырю.

Тутъ было двѣ, три избы для странниковъ и тройка съ телѣгой, чтобы посылать за лошадьми въ слободку, находящуюся у сказаннаго монастыря. Съ слугою своимъ и имуществомъ сѣлъ я въ телѣгу и поскакалъ, поручивъ команду свою старшему изъ унтеръ-офицеровъ и уполномочивъ его дѣйствовать въ мое отсутствіе по своему усмотрѣнію. Пока продолжалась выгрузка, думалъ я отдохнуть въ стѣнахъ святой обители. Когда я подѣхалъ къ ней, ударили въ колоколъ къ вечернѣ, я отъ души перекрестился и вошелъ въ церковь. Это было наканунѣ Іоанна Богослова и въ семь монастырѣ, называемомъ Преображенскимъ (Посольскимъ не знаю почему), былъ придѣлъ во имя сего евангелиста; можно себѣ представить, какъ усердно помолился я ему. Игуменъ позвалъ меня къ себѣ и сталъ подбивать, чѣмъ бы вы думали? ломтями разрѣзаннаго большаго огурца, пересы-

панными мелкимъ сахаромъ. А я, который полторы сутки ничего въ ротъ не бралъ, кромѣ чаю и вареныхъ скверныхъ омулей, байкальскихъ сельдей, и которому такъ нужно было укрѣпить себя пищей, я нуть было къ чорту не послалъ святаго отца и съ братіей. Вообще же въ этомъ монастырѣ, въ коемъ самая ограда была деревянная, одна только церковь каменная, какъ показалось мнѣ, царствуютъ такое невѣжество, грубость, нищета и нечистота, что я не рѣшился въ немъ остаться. Выпросивъ лоскутъ бумаги, написалъ къ унтеръ-офицеру, что поручаю ему свою бричку и продолжаю время его владычества до пріѣзда въ первый городъ, гдѣ я буду его дожидаться. Какъ люди, которые во всемъ себѣ отказываютъ, чтобы послѣ вполне насладиться, такъ, не щадя покоя, чтобы скорѣе добиться его, ѣхалъ я всю ночь, и сдѣлавъ полтораста верстъ, прибылъ рано поутру въ уѣздный городъ Верхнеудинскъ. Онъ былъ гораздо обширнѣе, красивѣе и опрятнѣе Нижнеудинска и почитался первымъ въ этомъ Забайкальскомъ краѣ: въ немъ болѣе пятнадцати лѣтъ городничествовалъ Иванъ Алексѣевичъ Сѣиной, толстенный, веселый старичокъ, съ Георгиевскимъ крестомъ въ петлицѣ, который постоемъ у себя отвелъ мнѣ квартиру. Съ перваго взгляда домикъ его напомнилъ мнѣ петербургскія дачки; онъ стоялъ на дворѣ съ крылечкомъ прямо изъ комнаты въ большой палисадникъ, отдѣляющій его отъ улицы: въ семь садикъ замѣтилъ я нѣсколько кустовъ и стебли подсолнечниковъ, но лѣтомъ, по словамъ хозяина, наполнялся онъ бархатцами, желтофіолями, настурціями и бальзамнами. Вообще было много въ г-нѣ Сѣиномъ, по моему мнѣнію, похвальныхъ прихотей. Въ домѣ его, гдѣ все было вымыто и выметено, видѣлъ я бѣленькія занавѣски у оконъ и зеркальцы между ими; множество птицъ въ клѣткахъ и картинокъ въ рамкахъ было развѣшано на потолкахъ и по стѣнамъ; все житье его и столъ показывали въ немъ если не совсѣмъ образованный, то образующійся вкусъ.

Семья его состояла изъ жены и молоденькой, изрядненькой дочки. Предметомъ разговоровъ моихъ съ ними все былъ какой-то артиллерійскій поручикъ де-Барбишъ, который два года тутъ прожилъ, потомъ уѣхалъ, но непременно къ нимъ воротится. Этотъ настоящий, или русскій, Французикъ, успѣлъ вкружить голову всему семейству; его рисунки подъ стеклами въ почетѣ висѣли отдѣльно отъ другихъ карти-

нокъ, дѣвочку выучилъ онъ играть на гитарѣ и пѣть русскія пѣсенки, матери помогаль вышивать; воспоминанія о немъ примѣшивались ко всѣмъ ежедневнымъ ихъ упражненіямъ. Одинъ разъ позволялъ я себѣ бѣдной дѣвушкѣ шепнуть на ухо, что завидую участи де-Барбиша; посмотрѣли бы вы, какъ, вспыхнувъ, она сердито на меня взглянула. Не случилось мнѣ узнать, что сдѣлалось послѣ меня, но какъ сибирскіе жители суть, или по крайней мѣрѣ были при мнѣ, весьма легковѣрны и неопытны, то боюсь за бѣдныхъ Сѣвныхъ.

Какъ изъ посольства я первый показался за Байкаломъ, то въ Верхнеудинскѣ игралъ роль знаменитаго путешественника и вмѣстѣ отмѣнно-довѣренной особы, когда попеченіямъ моимъ поручены столь же огромные, какъ и драгоценные предметы. Бѣгали смотрѣть на меня по улицамъ, и самъ почтенный Сѣвной былъ со мною чрезвычайно почителен: дома же не зналъ чѣмъ накормить. Такимъ образомъ катался я только два дни какъ сыръ въ маслѣ, пока въ цѣлости не подвезли мнѣ моихъ зеркала. Я бы еще побылъ, какъ вдругъ наѣхали Тепловъ, Хвостовъ, и другіе чиновники съ обозами: я почувствовалъ, что моя роль кончена и въ ту же минуту поспѣшилъ появленіемъ моимъ удивлять другія мѣста.

Немного оставалось мнѣ пространства и времени: въ тотъ же вечеръ, неподалеку отъ города Селенгинска, обогналъ меня секретарь посольства, графъ Ламбертъ, и довольно повелительно сказалъ мнѣ, чтобъ я болѣе торопился. Меня это удивило; я не зналъ, что Головкинъ послалъ его вмѣсто себя на границу принять начальство надъ всѣми отправленными туда чиновниками. Не менѣе того сталъ я спѣшить, и какъ отъ Селенгинска оставалось мнѣ всего вѣзды 90 верстъ, то я перемѣнилъ въ немъ только лошадей и на разсвѣтѣ 29 сентября пріѣхалъ въ Кяхту.

Я ошибся, въ Троицкосавскую крѣпость. Настоящая Кяхта, въ которой живутъ одни купеческіе прикащики, всего на все не болѣе полутора ста душъ, находится четыре верста далѣе, на самой чертѣ нашей границы, разстояніемъ на пущечный выстрѣлъ отъ китайскаго торговаго селенія Маймачина. А Троицкосавскъ, довольно большой городокъ, на ручьѣ Кяхтѣ, заложенный въ Троицынъ день посломъ Саввою Рагузинскимъ, вмѣщаетъ въ себѣ главную таможду, ея чиновниковъ, купцовъ и значительное число жителей; сверхъ

того, пограничную военную команду. Примѣчательно, что слѣдуя общему правилу, принятому для пограничныхъ мѣстъ, въ Троицкосавскѣ не позволено имѣть ни одной кирпичной стѣнки; кажется, наступательной войны съ этой стороны ожидать не можно, развѣ возсталъ бы какой-нибудь новый Чингисъ-ханъ. Самое названіе крѣпости и острокольный, бревенчатый, полуразрушенный заборъ, подъ именемъ укрѣпленія, также довольно смѣшны.

Лучшіе дома въ Кяхтѣ (для сокращенія такъ буду называть я Троицкосавскѣ) принадлежали таможеннымъ чиновникамъ; по нимъ размѣстили насъ. Какъ о трактирахъ тутъ понятія не имѣли, то они же вызвались и обязались продовольствовать насъ пищей. Мнѣ на долю, или я ему, достался великій чудакъ, нѣкто Семеновъ, самый тяжелый, несносный, мрачный и нѣсколько помѣшанный человекъ. Насъ раздѣляли стѣны; одну половину, состоящую изъ двухъ малыхъ комнатъ, уступилъ онъ мнѣ, другую, такую же, оставилъ для себя съ женою, пожилыхъ дѣтей, какъ и онъ. Не довольствуясь всегда у меня со мною обѣдать, какъ хозяинъ, почиталъ онъ себя въ правѣ входить ко мнѣ во всякое время, когда заблагоразсудитъ; сидитъ по цѣлымъ часамъ, смотритъ печально, каждая десять минутъ выпуская по слову; спасенія не было отъ него; скажешь, что хочется спать: ложитесь; что хочу читать: читайте, скажетъ онъ, не трогаясь съ мѣста. Дорого платилъ я ему за гостепріимство; такого мучителя еще у меня не бывало; въ послѣдствіи долженъ былъ я прибѣгнуть къ отчаяннымъ средствамъ, чтобъ избавиться отъ него.

Не долгъ, а любопытство заставило меня тотчасъ по пріѣздѣ пойти къ Ламберту въ дорожномъ платьѣ. Онъ объявилъ мнѣ о новыхъ правахъ своихъ и съ видомъ неудовольствія далъ замѣтить, что мнѣ не слѣдовало придти къ нему въ такомъ нарядѣ. Я отвѣчалъ, что выѣхавъ изъ Иркутска прежде него, не зналъ о сдѣланныхъ новыхъ распоряженіяхъ, что я зашелъ навѣстить его какъ знакомаго, но что если ему угодно, я черезъ часъ могу явиться въ мундирѣ. Онъ и безъ того почиталъ себя моимъ начальникомъ и такой отвѣтъ сдѣлалъ мнѣ новаго непріятеля.

Съ каждымъ днемъ Кяхта становилась многолюднѣе, по нѣскольку чиновниковъ вмѣстѣ пріѣзжали въ нее и, наконецъ, 6 октября прибылъ самъ посоль. На другой день на-

чались опять иркутскіе ежедневные обѣды для всего посольства, но казенный домъ, въ которомъ посольство остановился, не соответствовалъ ихъ пышности. Длинныхъ деревянныхъ два ящика, соединенныхъ третьимъ поперечнымъ и нѣскольکو ларчиковъ, сзади къ нимъ приклеенныхъ, составляли этотъ дворецъ. Впрочемъ, мы располагали не долго оставаться и смотрѣли на него какъ на посольскую ставку болѣе, чѣмъ на домъ.

Между тѣмъ проходили дни и недѣли, и ничто не предвѣщало нашего скорого отъѣзда. Чрезвычайная медленность въ отвѣтахъ китайскаго правительства послѣдовала за первою его поспѣшностію: придирки, неумѣстныя требованія умножались и время длилось въ перепискѣ. Главнымъ препятствіемъ къ сближенію была все-таки многочисленность свиты; болѣе всего пугали Китайцевъ сорокъ драгунъ съ капитаномъ и двадцать казаковъ съ сотникомъ, данныхъ послу въ видѣ тѣлохранителей. Они разсуждали, зачѣмъ воины въ мирной и союзной землѣ? Они могли бы прибавить, что въ случаѣ непріязненныхъ поступковъ такая горсточка была бы слабою защитой: Головкинъ же увѣрялъ, что сіи воины неотъемлемая принадлежность его достоинства и на этомъ пунктѣ стоялъ твердо. Во всемъ прочемъ былъ онъ уступчивѣе; напримѣръ, на двухъ чиновниковъ оставилъ онъ по одному служителю, ихъ же самихъ въ новый списокъ внесъ подъ названіемъ служителей. Такой обманъ могъ легко открыться и навлечь ему непріятностей: не лучше ли бы было безъ малѣйшихъ для себя униженія и опасности, на половину уменьшить свое войско?

Были еще другія, постороннія причины, дѣйствовавшія на нерѣшительность и сварливость Китайцевъ. Въ началѣ весны умеръ благонамѣренный іезуитскій генераль Патеръ Груберъ, великій помощникъ нашъ въ семъ дѣлѣ; узнавъ о сей смерти, агенты его къ намъ охладѣли. Мы любимъ похвастаться, попугать, и чужестранныя газеты давно уже говорили о великихъ приготовленіяхъ нашихъ и какомъ-то замыслѣ на Китай: добрые же наши союзники, Англичане, не оставивъ того безъ вниманія, имѣли время предупредить насъ и встрѣтить своими происками. Коварное это правительство, которое завистливыми очами глядитъ на всѣ концы міра, въ мысляхъ тайно пожираетъ китайскую торговлю и кончитъ тѣмъ, что у насъ на носу ея овладѣетъ.

Все что происходило, скрывалось от насъ въ глубокой тайнѣ; у насъ всегда не кстати секретничаютъ. Но что было жестоко и несправедливо, это требованіе, чтобы мы не показывали нетерпѣнія; изъявленіе скуки, малѣйшее любопытство въ семь случаевъ ставились намъ въ величайшую вину. Люди прибѣжали къ дверямъ, которыхъ не отказываютъ и не соглашаются имъ отпереть, и стой они какъ истуканы у нихъ. . . . . Всѣхъ болѣе или менѣе спасала безопасность. Стараясь сохранить всю важность государственнаго достоинства своего, посоль, до окончанія переговоровъ, ни себѣ ни намъ не позволялъ видѣть Китайцевъ; для того намъ воспрещено было ѣздить въ торговую Кяхту, а ихъ не пускали въ Троицкосавскъ.

Странное было житье разнороднаго общества, собравшагося на краю свѣта. Обѣдали всѣ вмѣстѣ у посла, но что дѣлать изъ длинныхъ, осеннихъ вечеровъ? Основались пріемные дома и разобраны дни. Нарышкинъ жилъ съ Бенкендорфомъ и Гурьевымъ, Васильчиковъ съ Перовскимъ, Нелидовъ съ Сухтеленемъ и Голицынь съ Карауловымъ; симъ превосходительствамъ и высокородіямъ въ совокупности отведены были квартиры попросторнѣе, они были хозяевами четырехъ сборныхъ мѣстъ, а посѣтителями Тепловъ, Довре, С., Хвостовъ, М. и я; Ламбертъ иногда показывался между нами; Байковъ никогда. Остальные вечера проводили каждый у себя дома; я же, бѣгая отъ своего Семёнова, изъ кяхтинскаго аристократическаго круга, заглядывалъ и въ ученый міръ и въ плебейское общество посольства. Спросить, что дѣлали на сихъ вечерахъ? Одни важничали, другіе вращались, буфонили, разказывали, всѣ разговаривали, никто не курилъ; подчивали однимъ чаемъ, который тутъ былъ не въ диковинку; наконецъ, все переговоривши, цыны достали карты и заѣли въ бостонъ.

Послу, который жилъ въ совершенномъ уединеніи съ своимъ секретаремъ посольства, провѣдавъ о томъ, стало завидно. Кавалеровъ посольства пригласилъ онъ къ себѣ на всѣ вечера, а изъ насъ выбралъ четырехъ, Хвостова, Перовскаго, Теплова и меня, и велѣлъ поочередно на сихъ вечерахъ дежурить. Какая разница! Тамъ были мы въ сюртукахъ, а иногда и ихъ снимали, а тутъ слѣдовало быть во всей формѣ. Это всѣмъ не полюбилось; надобно было какъ-нибудь помочь бѣдѣ и для того положили по перемѣнкамъ

двумъ только отправляться, чтобы съ Байковымъ составить партію послу. Я никогда не любилъ картъ и почиталъ великимъ мученіемъ чрезъ три дня просиживать цѣлые часы подлѣ стола и смотрѣть какъ въ нихъ играютъ.

Также никогда не былъ я великій наѣздникъ, хотя и сбирался въ кавалерійскую службу, а послу вздумалось верхомъ разгонять скуку по полямъ и рощамъ, въ сопровожденіи приближенныхъ своихъ, въ числѣ коихъ, не знаю почему, и меня помѣстилъ. Обобрали козачьихъ лошадей и мы (по крайней мѣрѣ въ дорожномъ платьѣ, однако форменномъ, съромъ) летучимъ эскадромъ носились по окрестностямъ Кяхты.

Мы были подъ 50-мъ градусомъ сѣверной широты и хотя на востокъ, почти въ сосѣдствѣ съ Становымъ хребтомъ, считаемымъ одинъ изъ высочайшихъ мѣстъ въ мірѣ, однакоже въ ноябрѣ еще не чувствовали зимы. Снѣгъ иногда перепадывалъ, но былъ тотчасъ поглощаемъ песчанымъ грунтомъ земли, на которомъ построена Кяхта. Обыкновенно ее почитаютъ началомъ Кобійской степи, отдѣляющей насъ отъ Китая, а я полагаю его въ Селенгинскѣ, ибо природа въ сихъ странахъ вездѣ почти одинакова, вездѣ ровное мѣсто, песчаные холмы, мелкія рѣчки и тощіе лѣски.

Верховья наши прогулки бывали и забавны; по приглашенію Головкина иногда сопровождалъ насъ сморщенный Нѣмчикъ С. Великій мистификаторъ, Бенкендорфъ, успѣлъ увѣрить его, что послу будетъ весьма пріятно если онъ одѣнется въ казацкое платье: надобно было видѣть несчастную, печальную фигурку латиниста, педанта, плюмината верхомъ, въ этомъ нарядѣ, съ высокою шапкой и парю пистолетовъ за поясомъ. Покорность этого человѣка, которому нельзя было не видѣть, что его дурачатъ, не знаю чему приписать. . . . . Подходилъ Юрьевъ день, 26 ноября, именины Головкина; стали думать, какой ему сдѣлать сюрпризъ, чѣмъ бы его развеселить? Безъ С. дѣло обойдись не могло. Нашли какую-то французскую фарсу, пароду въ стихахъ, *Кокатриксъ*, въ которой нѣсколько мужскихъ лицъ и одна женская роль; онъ согласился ее принять и явился въ юбкѣ, въ діадемѣ, въ румянахъ и въ локонахъ, съ неподвижно серіознымъ лицомъ.

Одного нельзя было сдѣлать: заставить его плясать, ибо не съ кѣмъ было. Мы затѣвали балъ и для того выписали

изъ Селенгинска единственную даму, которая собой могла другимъ подать примѣръ, жену начальника гарнизоновъ. Ей до смерти хотѣлось: родившись въ Усть-Каменогорской крѣпости на Иртышѣ, она тамъ выросла и вышла замужъ, и перѣхавъ прямо съ сибирской линіи на китайскую границу, она достигла тридцатилѣтняго возраста, никогда не выдавши какъ танцуютъ. Она обѣдала и проводила вечера у Головкина: ничто не подѣйствовало на кяхтинскихъ невидимокъ-жительницъ, ни ея примѣръ, ни власть посла и генераль-ревизора. Азіятскіе нравы существовали тутъ во всей своей силѣ.

Всею виною былъ статскій совѣтникъ Петръ Дмитриевичъ В., который болѣе пятнадцати лѣтъ управлялъ кяхтинскою таможей. Такого хитраго и смѣлаго плута еще свѣтъ или по крайней мѣрѣ Россія не производила; онъ успѣлъ Русскимъ внушить страхъ и повиновеніе къ себѣ и пріобрѣсть совершенную довѣренность Китайцевъ. Такимъ образомъ господствовалъ онъ по всей границѣ; ничто не дѣлалось безъ его спроса; его воля была законъ, вся китайская торговля на немъ какъ на оси вертѣлась; нужно ли сказать, что онъ исполненъ былъ ума и твердости. Будучи низкаго происхожденія и занимая до толѣ одни низшія мѣста въ отчизнѣ своей, онъ кажется не слишкомъ ее любилъ и почиталъ отечествомъ своимъ то мѣсто гдѣ владычествовалъ. Говорили о несмѣтномъ его богатствѣ, но время показало, что оно совѣмъ не было такъ огромно какъ полагали; слѣдуя обычаю, онъ пользовался выгодами, которыя получали тогда всѣ таможенные чиновники, но корыстолюбіе всегда уступало у него мѣсто властолюбію. Въ Петербургѣ имѣлъ онъ большія связи съ коммерцъ-коллегіей и пользовался особымъ покровительствомъ министра графа Румянцева. . . . .

Человѣкъ этотъ былъ деспотомъ и въ семействѣ своемъ; жену съ двумя хорошенькими дочерьми, кромѣ церкви, нигде не пускалъ; когда же мы пріѣхали, то и храма Божія они лишились. По существующему ли прежде или по введенному имъ порядку и другія женщины никогда не показывались мужчинамъ, и даже едва ли посѣщали другъ друга. Головкину, великому обожателю прекраснаго пола, захотѣлось въ Кяхтѣ освободить его отъ оковъ; для того обратился онъ къ В., стараясь объяснить ему, что онъ упускаетъ единственный случай выгоднымъ образомъ выдать дочерей своихъ замужъ; что оставаясь невидимыми, онѣ полю-

биться не могутъ, и кончили приглашеніемъ ихъ къ себѣ на вечеръ. В. довольно сухо отклонилъ предложеніе сіе. Любезность и величавость графа Головкина никакого дѣйствія на него не производили. Однимъ праздничнымъ утромъ, окруженный всею свитой, посоль (какъ всѣ знатные люди, которые думаютъ славно говорить по-русски, когда употребляютъ простонародныя выраженія) иностраннымъ нарѣчіемъ своимъ сказалъ ему: „посмотрите, Петръ Митричъ, у меня малатцовъ што сакаловъ.“ А тотъ, посмотрѣвъ на насъ пристально, очень холодно отвѣчалъ: „нѣтъ, ваше сіятельство, ни одинъ изъ нихъ не годится мнѣ въ зятя,“ такимъ образомъ оставивъ насъ въ недоумѣніи: гордость ли или скромность внушила ему сей отвѣтъ.

Можно себѣ представить, какъ не влюбилъ его великій баринъ, начальникъ его какъ президентъ коммерцъ-коллегіи. Но онъ былъ подъ крыломъ самого министра коммерціи и велъ себя такъ осторожно, что не было возможности къ нему придратъся. Въ обращеніи съ посломъ былъ онъ молчаливъ, угрюмъ и почителенъ; ненавистью же своею предупредилъ его. Ему наше посольство не нравилось; онъ зналъ что оно будетъ бесполезно и опасался даже, чтобъ оно не произвело у насъ разрыва къ Китаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у Китайцевъ онъ тайно старался вредить Головкину, однакоже такъ, чтобы неудовольствія отнеслись къ лицу его, а не къ правительству, его употребившему. У этого чваннаго, чопорнаго, неподвижнаго народа, въ человѣкѣ высокаго званія веселость почитается преступленіемъ, а черезъ В. знали они всѣ подробности нашей захватской жизни.

Я на минуту ворочусь домой къ хозяину своему; мнѣ не было житья отъ него. На однѣхъ со мною сѣняхъ, онъ рѣшительно держалъ меня въ осадѣ; кто бы ни вошелъ въ нихъ, онъ высовывался въ двери, чтобы поглядѣть или, лучше сказать, подглядѣть идущаго ко мнѣ. Вдругъ сталъ ревновать къ старухѣ женѣ, отъ которой жилъ я въ двухъ шагахъ, но которую ни разу даже вскользь не видѣлъ. Заботясь какъ о чести дома своего, такъ и о цѣломудріи моемъ, не позволяя онъ моему слугѣ принимать прачку, приносившую бѣлье, иначе какъ на дворѣ. Я сталъ отъ него запираеться, и когда онъ стучался, отвѣчалъ просто, что не пущу къ себѣ; тогда онъ обманомъ умѣлъ прокрадываться; особенно же когда меня не было дома, вездѣ шарилъ за шкафомъ и за печкой, не най-

детъ ли какой-нибудь женщины. Мнѣ черезчуръ сдѣлалось досадно и я, никому не жалуясь, просилъ полицеймейстера отвести мнѣ другую квартиру, хотя бы похуже. Пока онъ ее прискивалъ, вступился за меня, кто бы могъ ожидать? Байковъ. Онъ съ Головкинымъ смотрѣли на губернскихъ чиновниковъ какъ на челядь, слишкомъ осчастливленную постоемъ такихъ людей какъ мы; сверхъ того, были и сердиты на кяхтинскую таможду. Узнавъ нечаянно о моихъ досадно-смѣшныхъ несогласіяхъ, Байковъ за меня обидѣлся, и донесъ о томъ послу, который упрекнулъ меня излишнею терпѣливостію, не велѣлъ мѣнять квартиры и призвавъ полицеймейстера, отправилъ его съ фельдъегеремъ Штосомъ, сказать Семенову его грозное слово. Онъ приказалъ объявить ему, что если впередъ будетъ меня тревожить, то угодить Богъ вѣсть куда, и что еслибъ я навелъ къ себѣ дюжину наемныхъ прелестницъ и сдѣлалъ оргію, то и въ такомъ случаѣ не имѣлъ бы онъ права мнѣ мѣшать. Пораженный Семеновъ бросился было къ В., но и тотъ обвинилъ его, хотя никогда не хотѣлъ и глядѣть на меня. Съ тѣхъ поръ бѣднякъ умолкъ, все плакалъ да вздыхалъ и никому не показывался; онъ точно былъ помѣшалъ.

Письма и газеты изъ Петербурга приходили къ намъ исправно; только новости никогда не были свѣжи, потому что почта ходила оттуда полтора мѣсяца, иногда и долѣе. Узнали мы, что государь отправился къ арміи и всѣ тому обрадовались. Со смерти Петра Великаго, около ста лѣтъ, ратное поле не видѣло русскаго царя; опасаться же за него намъ и въ голову не приходило: возможно ли, чтобы прекрасный представитель великой Россіи не былъ хранимъ самимъ Богомъ? Въ это время совершенно плѣнился я Константиномъ Бенкендорфомъ; болѣе всѣхъ и почти одинъ запыхалъ онъ энтузіазмомъ: какъ любилъ онъ славу Россіи! И я также вспомнилъ 1799-й годъ и ребячьи мои слезы восторга при имени Суворова. Бенкендорфъ понималъ меня и такое единомысліе, сочувствіе, скоро насъ сблизили. Какими благословеніями! напутствовали мы царя! . . . . .

Передъ этимъ онъ нѣсколько времени находился въ берлинской миссіи: ему было очень больно видѣть, что Пруссія колеблется пристать къ союзу нашему съ Австріей. Какъ всѣ Нѣмцы, бредилъ онъ молодою королевою, которая какъ звѣзда сіяла тогда на сѣверѣ Германіи . . . . на ея посредниче-

ство Бенкендорфъ возлагалъ свои надежды. Однимъ угромъ нашель я его, съ газетою въ рукахъ, трепещущимъ отъ радости: наше красное солнышко, Александръ Павловичъ, прикатилъ въ Берлинъ, все тамъ оживилъ, все воспалилъ, все очаровалъ. Въ избыткѣ чувствъ хотѣлось ему что-нибудь написать, а безпорядокъ мыслей мѣшалъ тому; онъ призвалъ меня на помощь и мы придумали соединенными силами сочинить акростихъ на имя королевы Луизы. Мы бились съ нимъ болѣе получаса, и что же вышло? Еслибъ онъ былъ похожъ на что-нибудь, я не рѣшился бы его здѣсь помѣстить, но какъ не было въ немъ ни складу ни ладу, то готовъ имъ посмѣшить читателя.

Les grâces aujourd'hui favorisent nos armes;
 O Reine, c'est vous dont les yeux, pleins de charmes,
 Usant du pouvoir qu'ils ont sur nos guerriers,
 Inspirent le desir de cueillir les lauriers.
 Soyez pour les Russes et pour leur Souverain
 Et nos drapeaux bientôt flotteront sur le Rhin.

Каковы стихи? не правда ли, прошу не прогнѣваться. Горячо испеку, а за вкусъ не берусь, могли бы мы сказать. Не долго могли мы вмѣстѣ, забывъ Китай, заниматься европейскими дѣлами; скоро наступила для насъ минута разлуки.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, не знаю по какому случаю или по какой причинѣ, Байковъ верхомъ поскакалъ въ Ургу, разстояніемъ 350 верстъ отъ Кяхты. Это не городъ, а главное кочевье въ кобійской или монгольской степи и мѣсгопробываніе двухъ первостатейныхъ мандариновъ, Вана и Амбана, намѣстника и вице-намѣстника ханскихъ: до этого мѣста, не далѣе, ѣздить обыкновенно посланцы нашего губернскаго иркутскаго начальства. Онъ кажется возилъ ультиматумъ Головкина и не дождавшись отвѣта изъ Пекина, черезъ недѣлю воротился.

Около половины декабря дзаргучей или комендантъ маймачинскій потребовалъ аудіенціи у посла, и мы въ первый разъ увидѣли Китайцевъ. Онъ явился съ пріятнымъ извѣстіемъ, что молодой родственникъ императора, Бейсъ, съ многочисленною свитой уже на пути изъ Пекина, чтобы встрѣтить и проводить туда наше посольство. За тѣмъ снято запрещеніе ѣздить намъ въ торговую Кяхту и въ Май-

мачинъ, и я не изъ послѣднихъ симъ дозволеніемъ воспользовался.

Маймачинъ—единственный китайскій городокъ, который я видѣлъ, и потому не лишнимъ считаю сказать о немъ здѣсь нѣсколько словъ. Онъ построенъ правильнымъ четверугольникомъ и весь обнесенъ высокими заборомъ; разбитъ онъ какъ регулярный садъ, и самыя улицы его могутъ почитаться узкими аллеями; строеніе на нихъ совершенно одинаковой вышины, низкое, сплошное безъ малѣйшаго разрыва и одинаго окна. Такою улицей идешь какъ корридоромъ, между двухъ стѣнъ, вымазанныхъ сѣрватою глиной, не выкрашенныхъ и не бѣленыхъ; справа и слѣва дома различаются только всегда закрытыми отверстиями, раскрашенными воротами со столбиками и пестрыми надъ ними навѣсами. На каждомъ перекресткѣ есть крытое мѣсто съ четырьмя воротами, такъ что всякая улица можетъ запирается какъ домъ; надъ крытымъ же мѣстомъ всегда возвышается деревянная башня, въ два или три яруса, расцвѣченная, съ драконами, колокольчиками, бубенчиками, какіе вы видѣли на картинкахъ или въ садахъ. Это давало Маймачину довольно красивый видъ, особливо въ сравненіи съ двумя Кяхтами, большою и малою; но бѣда если пожаръ: ничто не уцѣлѣетъ. Во внутренности дворовъ, вокругъ всей стѣны, идетъ открытая, наружная галлерей на столбикахъ, служащая соединеніемъ жилыхъ покоевъ съ анбарами и конюшнями; какъ всѣ окна выходятъ на галлерей сію, то можно посудить о темнотѣ, которая бываетъ въ комнатахъ. На другомъ концѣ города пустили меня въ китайскую божницу, посвященную Богу брани; онъ находится въ особенномъ мѣстѣ или придѣлѣ, и стоя, держитъ за узду бѣшенаго коня. Въ главномъ же храмѣ видѣлъ я колоссальнаго Конфуція, богато разодѣгаго, высоко на тронѣ сидящаго, и массивную, пудъ въ двадцать, желѣзную полированную лампаду, день и ночь передъ нимъ горящую.

Тѣмъ, кои были въ Китаѣ, предоставляю я право описывать въ подробности образъ жизни, обычаи и костюмы сего любопытнаго народа. Я же, который видѣлъ Китайцевъ лишь мелькомъ, на краю ихъ владѣній, я почитаю себя свободнымъ отъ обязанности много говорить объ нихъ.

Лишь только посоль узналъ о прибытіи Бейса въ Маймачинъ, призвалъ меня и съ видомъ сердечнаго сожалѣнія объ-

явилъ о необходимости разстаться со мною. Въмѣсто отвѣта, я только поклонился и вышелъ; ни просить, ни жаловаться, ни благодарить кажется было нечего. Исключая двухъ Шубертовъ, отца и сына да меня, еще четыре человека были пожертвованы необходимости, какъ говорилъ Головкинъ, кавалеръ посольства Васильчиковъ, профессоръ Клапротъ, Корнѣевъ и Клементъ. Съ двумя послѣдними не сочли нужнымъ много церемониться, а въ прочихъ былъ замѣченъ не знаю какой-то духъ непокорности. Не говорю о себѣ, но отослать двухъ самыхъ ученыхъ профессоровъ, чтобы взять съ собою лишнихъ два-три драгуна, кому бы не показалось безразсудно.

Когда В. узналъ о моей выключкѣ, то встрѣтись со мной на улицѣ, бросился обнимать. Онъ нашелъ какой-то предлогъ и прежней холодной со мною суровости и внезапной своей пріязни, затащилъ къ себѣ, сталъ подчивать и расточать грубыя свои ласки. Какъ знатокъ предложилъ онъ дешево купить нѣкоторыя китайскія бездѣлицы, и досталъ ихъ почти даромъ, наконецъ прислалъ мнѣ на дорогу огромный ящикъ чаю *. О Головкинѣ пока ни слова; но видя меня разъ довольно печальнымъ, потихоньку сказалъ онъ мнѣ: „Не горюй, братъ, повѣрь мнѣ, не бываетъ имъ далѣе Урги; мѣсяца полтора попляшутъ на морозѣ, а что увидать? почти то же, что здѣсь.“ Мнѣ стало гадко, а не менѣе того, онъ утѣшилъ меня своими словами.

Сначала Бейсъ у посла умѣлъ публичную аудіенцію, на которой мы всѣ присутствовали, потомъ другую приватную. Головкинъ, стараясь приноровиться къ восточной напыщенности рѣчей, черезъ переводчика такъ и сыпалъ гиперболами, на кои Бейсъ отвѣчалъ тихо и скромно: а между тѣмъ Байковъ въ углу, со смѣхомъ, ругалъ Китайцевъ непотребными словами, не замѣчая, что въ свитѣ Бейса находились Маймачинцы, очень хорошо понимающіе русскій языкъ и любящая народныя поговорки. Китайскій принцъ совсѣмъ не похожъ былъ на Китайца, худощавъ, смугль, съ правильными чертами, черными глазами и усиками, съ нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ; онъ всѣмъ понравился. Нарядъ Китайцевъ неволью смѣшилъ насъ; куріозно было видѣть мушкетъ въ

---

* Въ Юго-Восточной Сибири, чай почитается поклономъ; не принять его значитъ не отвѣчать на поклонъ и за вѣжливость заплатить неучтивостію.

кофтахъ съ юбками. Всего страннѣе показался мнѣ экипажъ, въ которомъ привезли Бейса; это были употребляемыя въ Европѣ носилки (porte chaise), на двухъ колесахъ съ оглоблями.

Забавны были также и воины китайскіе, азіатскіе амурь, съ лукомъ и колчаномъ за спиной, со стеклянною пишкой на шапкѣ и съ прикрѣпленнымъ къ ней павлинымъ перомъ. Я видѣлъ какъ сіи герои, обступивъ нашихъ драгунъ, сидящихъ на конѣ, смотрѣли на нихъ съ ужасомъ: правда, народъ былъ подобранъ все рослый, усастый, лошади подъ ними были какъ слоны, и каски на нихъ въ аршинъ вышиной, но все-таки солдаты другой азіатской націи, при видѣ ихъ, умѣли бы скрыть свой страхъ.

И въ Петербургѣ смѣялись надъ нами, когда возвратясь, говорили мы о войнѣ съ Китаемъ какъ о дѣлѣ не только избыточномъ, но и весьма не затруднительномъ въ исполненіи. У тѣхъ, кои по крайней мѣрѣ брали трудъ оспаривать насъ, вѣчнымъ аргументомъ была степь. Конечно, она имѣетъ до восьми сотъ верстъ ширины, но эта степь вся заселена кочующими Монголами, не слишкомъ преданными китайско-манжурскому племени, съ которымъ не принадлежать даже къ одной вѣрѣ; но эту степь вездѣ пересѣкаютъ рѣчки и роицы, вездѣ есть топливо и вода. Для продовольствія десятки степныхъ кораблей, верблюдовъ, могутъ замѣнить тысячи подъемныхъ лошадей, а ихъ цѣлыя сотни можно разомъ купить на границѣ. Главное же то, что передъ тридцатью тысячами русскаго войска не устоитъ полмилліона Китайцевъ; кажется это ясно. У насъ и безъ того слишкомъ много владѣній, продолжаютъ спорщики: да кто говорить о завоеваніи Китая, о присоединеніи его къ Россіи? Но когда судьба или, лучше сказать, само провидѣніе, съ завязанными глазами подвело насъ почти къ каменной стѣнѣ, какъ не внять его гласу? Какъ не стать на Амурѣ, и вооруживъ берега его твердынями, какъ не предписывать законовъ гордому Китаю, дабы извлечь изъ того неисчислимыя выгоды? Какъ не взять его въ опеку и не защитить отъ вторженій другихъ европейскихъ народовъ? Какъ на устьѣ Амурѣ, гдѣ такъ много удобныхъ пристаней, не сдѣлать новаго порта и не замѣнить имъ несчастныя Охотскую и Авачинскую гавани? Это во сто разъ было бы полезнѣе, чѣмъ наши глупыя американскія владѣнія, всѣ эти Курпальскіе и Алеутскіе острова.

Наконецъ, какъ оставлять въ заустѣннѣ великое, плодородное пространство земли и не открыть его на сѣверѣ Сибири прозябающимъ племенамъ, Якутамъ, Тунгусамъ, Корякамъ, чтобъ изъ животныхъ превратить ихъ въ людей? Гласъ Божій, гласъ народа; въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ и за Байкаломъ нѣту жителя, который бы не говорилъ о Дауріи, какъ о потерянномъ раѣ; эти бѣдные люди не могутъ понять, чѣмъ прогнѣвали они такъ бѣлаго царя, что онъ имъ не хочетъ отпереть его.

Европа поглощаетъ все вниманіе правительства, и ему мало времени думать объ азіятскихъ выгодахъ. Къ тому же почти всегда дипломатическая часть поручалась у насъ иностранцамъ, а они болѣе заботились о томъ, что къ нимъ ближе. Биронъ, Нѣмецъ или Латышь, Богъ его знаетъ, даромъ отдалъ Даурію, а русскій Потемкинъ хотѣлъ опять ее завоевать. Всѣ великіе помыслы о славѣ Россіи, исключая одной женщины, родятся только въ головахъ однихъ природныхъ Русскихъ, Годунова, Петра, Потемкина.

Наступилъ для посольства день отъѣзда, 21 декабря. Снѣгу не было; холодъ нѣсколько дней началъ усиливаться, въ это утро термометръ на солнцѣ спустился на 14 градусовъ ниже точки замерзанія. Перспектива была неутѣшительна: дни проводить въ коляскахъ или верхомъ, а ночи въ клѣтчатыхъ, войлокомъ укутанныхъ юртахъ или кибиткахъ; посоль былъ мраченъ, всѣ другіе печальны. Первый разъ въ жизни услышалъ я слово бивуакъ, не зная что черезъ нѣсколько дней долженъ буду испытать его значеніе. Съ кѣмъ-то, на дрожкахъ, рано по утру отправился я въ малую Кяхту; скоро прибылъ посоль съ дружиной и въ деревянной церкви выслушалъ пугешественный молебенъ, что исполнилъ онъ какъ простой обрядъ, который ему присовѣтовали; вышедши изъ церкви, поспѣшилъ онъ сѣсть на лошадь. У меня сердце сжалось когда пришлось мнѣ разставаться съ товарищами; три мѣсяца свыкался я съ ними въ ссылкѣ; всѣ простились со мной дружески, всѣ накануне снабдили меня письмами въ Петербургъ.

На улицѣ и по дорогѣ зрѣлище было любопытное, совсѣмъ необыкновенное. Обѣ Кяхты, Маймачинъ ходили вокругъ обоза, который тянулся болѣе чѣмъ на версту. Все чтошло черезъ Сибирь отдѣленіями было тутъ собрано вмѣстѣ съ присоединеніемъ драгунъ, казаковъ и свиты ки-

тайскаго князька, которая была вдвое болѣе посольской. Цѣлые табуны дикихъ, степныхъ лошадей были впряжены въ повозки и европейскія коляски, какихъ они отъ роду не видывали; онѣ ржали, бѣсались, становились на дыбы и часто рвали веревочныя постромки. На козлахъ сидѣли Монголы съ русскими людьми, которые учили ихъ править. Другіе Монголы, привлеченные любопытствомъ, носились кругомъ на своихъ лошаденкахъ. Впереди, ужасно величественно, посоль ѣхалъ верхомъ съ своею кавалькадой. Шумъ, гвалтъ, кутерьма. Я отказался проводить посольство до перваго ночлега; довольно было съ меня слѣдовать за нимъ версты двѣ или три, чтобы полюбоваться симъ удивительнымъ поѣздомъ.

Возвратясь въ Троицкосавскъ, обѣдалъ я у В., по его приглашенію. До тѣхъ поръ онъ былъ довольно скромень въ рѣчахъ о Головкинѣ, а тутъ совсѣмъ распоясался на его счетъ. Я былъ растроганъ, чувство великодушія во мнѣ не погасало, и я отвѣчалъ ему довольно рѣзко и зло, чтобы разсердить его. Болѣе мы съ нимъ не видѣлись; кажется, послѣ того, онъ еще многія, многія лѣта царствовалъ въ Кяхтѣ.

Намъ, покинутымъ, должно было промышлять о себѣ. Клапротъ, подобно Шуберту, коль скоро узналъ объ отчужденіи своемъ отъ посольства, дня не хотѣлъ съ нимъ оставаться и тотчасъ уѣхалъ, съ намѣреніемъ предпринять ученое путешествіе по Сибири. Корнѣевъ располагаяся прожить въ Кяхтѣ до весны. Клементъ совсѣмъ осиротѣлъ безъ Нелидова, къ коему всякій день являлся за приказаніями, которыхъ никогда не получалъ; этому плещу нужно было дерево. Васильчиковъ состоялъ въ четвертомъ классѣ, слѣдственно еще выше Нелидова, и я его безъ большаго труда поладилъ съ нимъ. Изъ Иркутска Алексѣй Васильевичъ въ ту же зиму собирался прокатиться въ Якутскъ (охота же ему была), и добровольно подчиненный собесѣдникъ пришелся ему весьма кстату. Мнѣ же скорѣе хотѣлось въ Петербургъ.

Байкаль въ это время года былъ непроходимъ; огромныя льдины носились по немъ и только къ концу января могли его оковать. Мнѣ оставалась другая дорога, вокругъ Байкала, не весьма пріятная, особливо зимой: изъ семи сотъ верстъ до Иркутска, триста необходимо было ѣхать верхомъ. Тоска меня одолѣвала, и я на все готовъ былъ рѣшиться чтобы

не оставаться одному съ В., Корнѣевымъ, Семеновымъ и офицерами Селенгинскаго гарнизоннаго полка.

Но напередъ хотѣлось мнѣ еще разъ побывать въ Маймачинѣ и взглянуть на Китайцевъ. На другой день послѣ отбытія посольства, 22 декабря, купецъ Сизовъ, родственникъ Полеваго, возилъ меня туда обѣдать къ одному богатому китайскому торговцу. Меня чрезвычайно забавлялъ разговоръ гостя съ хозяевами *; два народа создали какой-то средний языкъ, которымъ говорятъ и который понимаютъ одни живущіе на границѣ, и вотъ между прочимъ, что услышалъ я на немъ: „а много отсель до Печински походи?“ Это былъ переводъ вопроса моего, далеко ли отсюда до Пекина. Отъ кушанья же, вѣроятно по непривычкѣ, мнѣ раза два стошнило; гадко было видѣть какъ Китаецъ запускаетъ длинныя когти свои въ баранье мясо и рваные куски кладетъ себѣ въ ротъ. Десертъ также не слишкомъ былъ вкусенъ: леденцы съ померанцами, съ миндалемъ и чеснокомъ.

Я продалъ свою брчку и на перекладныхъ телѣгахъ вмѣстѣ съ Васильчиковымъ и съ Клементомъ, 23 декабря, отправился въ обратный путь.

Мѣстами почти ровными, по голой замерзшей землѣ, проскакавъ верстъ почти двѣсти, пріѣхали мы на другой день въ Харадайскую крѣпость **. На дальнемъ отъ нея разстояніи, начинаются страшныя Алтайскія горы, черезъ кои не иначе можно перебраться, какъ на тощихъ, но надежныхъ и къ нимъ привычныхъ коняхъ. Дорога, сначала довольно широкая, все болѣе и болѣе суживается по мѣрѣ какъ подымается въ гору, и превращается наконецъ въ тропинку. Первый день моего всадничества напала на меня храбрость, и я не отставалъ отъ Васильчикова, стараго конногвардейца; можетъ-быть рѣшился бы я слѣдовать за нимъ и ночью, еслибы проѣхавъ верстъ семьдесятъ, съ непривычки не почувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Мы простились, онъ съ Клементомъ пустился въ опасный путь, а я остался ночевать почти на открытомъ воздухѣ.

---

* Все одни мужчины; Китайки никогда за каменную стѣну не переѣзжаютъ.

** Единжды навсегда, названіе крѣпости или острога въ Сибири принадлежитъ по старой памяти мѣстамъ нѣкогда худо укрѣпленнымъ деревяннымъ палисадомъ.

Какъ Богъ прошесть его въ темнотѣ! подумалъ я, взглянувъ на ужасы меня окружающіе; но скоро и самъ среди дня долженъ былъ поручить себя Его святому покрову. Это было въ самый день Рождества Христова; мученія, которыя потомъ перенесъ я въ первые три дня праздниковъ, безъ всякаго преувеличенія позволю я себѣ назвать адскими. Морозъ, въ полдень солнечными лучами нѣсколько смягчаемый, ночью дѣлался трескучимъ. Весь закутанный отъ него и затаянный, не могъ я безъ большихъ усилій владѣть членами и сидя неподвижно на конѣ, коимъ не управлялъ, слѣдовалъ въ молчаніи за проводникомъ-Бурятомъ. Скалы леимовѣрной вышны, почти безъ отвѣса, перпендикулярно иногда подымались передо мной и я долженъ былъ лѣзть на нихъ тропюю, зигзагомъ пробитою по ихъ бокамъ. Съ ихъ вершины, кедровые лѣса, растущіе въ долинахъ (тутъ называемыхъ падами) казались мнѣ засохшею травой, и я съ такою же опасностію, долженъ былъ въ нихъ спускаться. Шумные водопады образовали внизу рѣчки, коимъ быстрое теченіе не давало замерзать; чтобы переходить ихъ въ бродъ, надобно было погружаться въ нихъ, имѣя воды по грудь лошади; онѣ часто грозили намъ потопленіемъ, и сверхъ того летящія отъ нихъ брызги замерзали на моемъ платьѣ и обуви. Насъ было всего шесть человекъ: я, слуга мой Гаврила, проводникъ, да три верховые Бурята, которые подъ уздцы вели вьючныхъ лошадей. Къ счастью не показывались дикіе звѣри, кои во множествѣ тутъ витаютъ; а то бы плохо намъ было: Буряты вооружены были широкими ножами, по ружей и пистолетовъ у нихъ вовсе не было.

Тотъ, кто по этому пути проѣхалъ бы лѣтомъ, несмотря на всѣ его неудобства и опасности, могъ бы замѣтить дивныя красоты сихъ мѣстъ: мнѣ было не до того; я былъ въ совершенномъ отчаяніи и почти безпамятствѣ. Одна неприступная громада служила подножіемъ другой, и мнѣ казалось, что я достигаю до небесъ; я былъ выше того что такъ называютъ, и у ногъ своихъ могъ бы видѣть облака, еслибъ не вездѣ было ясно. Изрѣдка попадались мнѣ равнины, длиною съ версту или немного болѣе; тогда не имѣлъ я нужды коблуками возбуждать къ быстротѣ спасительную подъ собой скотину; надъ пропастями съ осторожностію переступая нога за ногу, тутъ какъ бы понималъ меня, принималась она скакать во всю прыть.

Бѣда одна никогда не приходитъ. Васильчиковъ взялъ съ собою единственнаго Бурята, который немного зналъ по-русски, и я съ своими спутниками могъ объясняться только пантомимой. Въ торопяхъ, уже вѣрно неумышленно, служитель его захватилъ все съѣстное, запасенное нами, частью въ Кяхтѣ, частью въ Харадайской крѣпости, вареное и жареное мясо, вино, хлѣбъ и сухари. Подъ именемъ станцій, въ тридцати пяти, иногда въ сорока верстахъ одна отъ другой, построены были юрты, то-есть восьмиугольныя бревенчатыя избы безъ печей, съ широкимъ отверстіемъ посреди крыши; при нихъ находились проводники и лошади; самые монгольскія названія ихъ пугали слухъ: Укырѣ Чолонъ, Баянъ Хусунъ, Шара Озорга, Мондокуль. На нихъ надѣялся я немного утолить свой голодъ. Что же вѣли сіи несчастные? Баранье сало, да кирпичный чай, * у меня вся внутренность поворотилась. Только по двѣ таковыя станціи въ состояніи былъ я сдѣлать въ одинъ день и по ночамъ останавливался въ юртахъ; а въ нихъ что за ужасъ и что за мерзость! Я ложился на нары, подлѣ стѣны, которая была не законопачена, ибо не было возможности приблизиться къ пылающему по срединѣ костру; вокругъ него сидѣли на корточкахъ Буряты обоюго пола, старые и малые, законченные, совсѣмъ нагишомъ, съ овчиннымъ тулупомъ на плечахъ и за спиною. Простите мнѣ, чувствительный читатель; ихъ главное занятіе состояло тутъ въ ловлѣ насѣкомыхъ, коими наполнена была ихъ одежда.

Итакъ, почти четверо сутокъ, ни одной минуты не подышавъ теплымъ воздухомъ, ничего не ѣвши, изнуренный, разбитый, полузамерзшій, наконецъ 27-го числа въ вечеру почувалъ я берегъ. Десять верстъ не доѣзжая Тункинскаго Острога, открылись мнѣ ровное мѣсто и глубокой снѣгъ. Онъ одинъ свѣтлѣлся въ темнотѣ, а я съ остервенѣніемъ, безжалостно толкалъ подлѣ бока бѣдную лошадь свою и мчался во весь опоръ по узкой дорогѣ. Напрасно кричалъ мнѣ берейторъ Гаврило, что я сломяу себѣ шею, я не слушалъ его, и мои спутники должны были за мной слѣдовать. Три раза измучен-

---

* Кирпичный чай дѣлается изъ молоденькихъ, тоненькихъ прутиковъ чайнаго дерева, которые плотно сколачиваются въ кирпичи. Ихъ рѣжутъ Монголы, толкутъ и варятъ въ водѣ, прибавляя овечьего масла; это ихъ щи.

ный конь, на всемъ скаку, падлъ на колѣна, а я ему черезъ голову; но всякое паденіе оканчивалось счастливо: теплая шинель, шуба, халатъ и прочее, во что я былъ закутанъ, превратили меня въ подушку и меня бросало на снѣгъ.

Вотъ я въѣхалъ въ Тункинскій Острогъ; въ немъ была улица, были дома, въ нихъ свѣтились еще огонь, и я обрадовался, какъ будто лѣтъ десять того не видалъ. Изъ состраданія, Васильчиковъ возвѣстилъ о скоромъ пріѣздѣ моемъ, меня дожидались и отвели ту самую квартиру, на которой онъ останавливался. Хозяинъ былъ старый, отставной казачій офицеръ, который праздновалъ именины или рожденіе одного изъ членовъ многочисленной своей семьи. Къ счастью, когда я пріѣхалъ, вечерній пиръ приходилъ къ концу; такъ много было напечено и наварено, что можно было еще десять голодныхъ накормить, а не меня одного. Давъ мнѣ большую, опрятную, выбѣленную, теплую, даже жаркую комнату, скоро оставили меня въ покоѣ; прежде нежели я легъ, выпросилъ я горячей воды и весь вымылся. Нѣтъ, не забыть мнѣ той блаженной минуты, когда послѣ толкихъ страданій увидѣлъ я себя на мягкомъ пуховикѣ, покрытомъ чистою простыней подъ славнымъ, стеганымъ одѣяломъ!

Прежде нежели оставлю Тункинскій Острогъ, хочу обернуться къ презрѣннымъ Бурятамъ, которыхъ у насъ почитаютъ за ничто; а они, одинъ изъ тѣхъ безцѣнныхъ подарковъ, кои въ неистощимой щедрости сдѣлало намъ Провидѣніе. Что еслибъ они одарены были энергіей, подобно Черкесамъ? Алтай сдѣлался бы для насъ хуже Кавказа; вѣдь ихъ предки были первыми сподвижниками Чингисъ-Хана; а они, старый и вмѣстѣ младенчествующій народъ, смиренно и покорно населяютъ всѣ владѣнія наши отъ Бухтармы до Нерчинска и вокругъ всего Байкала. Я уже познакомился съ ними въ Кяхтѣ*. Во время прогулки изъ нея въ Кударинскую слободу, своротивъ съ дороги, заѣзжалъ я въ извѣстную, большую, деревянную ихъ кумирню: я нашелъ ея стѣны отъ потолка до низу обитыя холстомъ, на

---

* Ихъ тайши или князьки были два раза у Головкина съ своими су ругами. Онъ и ихъ даже не посадилъ, а черезъ переводчика только что любезничалъ съ ними. Когда они выходили, то долго надобно было курить, чтобъ изгнать несносный духъ ихъ копченыхъ овчинъ, кои они одни только покрывали сукномъ.

кормъ въ семь или въ восемь ярусовъ изображены были сторукие, стоглазые, иные весьма неблагопрістойные уроды, ихъ идолы. Вокругъ кумирни была ограда и внутри ея видѣлъ я первое основаніе ихъ повѣйшаго образованія, школу и двадцать мальчиковъ, учащихся грамотѣ, только не русской. Не болѣе ста лѣтъ тому, принадлежали они еще къ шаманству; кто-то изъ Тибета завезъ къ нимъ священныя книги, и они все приняли ламайскую вѣру: вотъ доказательство, что разумъ можетъ на нихъ дѣйствовать. Гораздо послѣ насъ, Англичане прислали къ нимъ просвѣтителя, г. Свана, методиста или квакера; онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Иркутскѣ на русскомъ жалованьи и, о счастье! ни одного не успѣлъ обратить въ христіанство; это было бы черезчуръ стыдно нашему духовенству. Теперь слышу я, что двѣнадцать тысячъ Бурятъ сдѣлались православными, шесть тысячъ учатся русской грамотѣ съ успѣхомъ, и почти все принялись за соху, когда въ мое время они и хлѣба не умѣли ѣсть. Благословенъ будь, кто бы онъ ни былъ, виновникъ ихъ перерожденія! Буряты или Братскіе, какъ ихъ тамъ называютъ, не что иное какъ Монголы, наступнутые Русскими и отъ нихъ не бѣжавшіе; они въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ степными братьями своими, китайскими подданными. Я вижу въ нихъ цѣнь которую Россіи самъ Богъ вложилъ въ руку; стоить только нѣжненько ее потянуть, чтобы привлечь все другія монгольскія племена.

Послѣ жестокихъ морозовъ сдѣлалась почти оттепель, когда, проспавши полсутки, 28-го декабря, изъ Тункинскаго Острога отправился я въ перекладныхъ, крытыхъ саняхъ. Право, человекъ болѣе плоть чѣмъ духъ; вспоминая еще вчерашнее, чувствовалъ я себя совершенно счастливымъ. На другой день, 29-го числа, пріѣхалъ я въ Иркутскъ и остановился у прежняго хозяина своего, г. Полеваго.

Для удовлетворенія любопытства, ничего не могъ я лучше избрать; Полевой занимался европейскою политикою гораздо болѣе чѣмъ азіатскою своею торговлею. Въ немъ была замѣтна склонность къ тому, чему тогда не было еще имени и что нынѣ называютъ либерализмъ, и онъ выписывалъ все газеты, на русскомъ языкѣ тогда выходившія. Во время послѣдняго моего пребыванія въ Иркутскѣ, узналъ я у него о томъ, что мѣсяца два передъ тѣмъ происходило въ Германіи; какъ Маккъ положилъ оружіе при Ульмѣ, какъ австрійская армія

регировалась, какъ ученикъ Суворова, Багратионъ, дрался уже съ Французами и при Голлабрюнѣ и Вишау далъ имъ сильный отпоръ. Маленькій сынъ Полеваго . . . . . написалъ четверостишіе, въ которое вклеилъ, играя словами: Богъ рати онъ и На полѣ онъ. Послѣ то же самое слышалъ я въ Москвѣ, и теперь не знаю, гдѣ было эхо, тамъ ли, или въ Иркутскѣ? Гдѣ повторяли и кто у кого перенялъ? Я покаместъ былъ доволенъ, и пріятными извѣстіями изъ арміи надѣялся насладиться по возвращеніи моемъ въ столицу.

Изъ знаменитаго посольства насъ было тогда четверо изгнанниковъ въ Иркутскѣ и всѣ мы, не исключая профессора Клапрота, проводили жизнь у губернатора Корнилова. Генераль-губернаторъ Селифонтовъ давно уже возвратился въ Тобольскъ. Александра Ефремовна, губернаторша, умѣла такъ быть любезна съ купцами и женами ихъ, что для нея согласились они на одинъ вечеръ отказаться отъ своихъ предразсудковъ и встрѣтить у нея новый, 1806-й годъ.

Всѣмъ снабжаютъ Сибирь преступленія сдѣланныя въ Россіи: въ Иркутскѣ было даже человекъ до десяти музыкантовъ. На этомъ вечерѣ у губернатора поработали они. Васильчиковъ открылъ балъ съ хозяйкой, а послѣ того какъ онъ, такъ и она, такъ и почти всѣ мы танцевали до упада; худо ли, хорошо ли, только отъ всего сердца. Дамы были все жены чиновниковъ, а кавалеры (такъ называли тогда танцующихъ) были все мужья чиновницъ. Жены же и дочери купеческія, разряженныя по старинѣ, въ бархатныхъ и парчевыхъ кофтахъ и юбкахъ, съ шелковыми платками, шитыми серебромъ и золотомъ, повязанными на головѣ, нѣкоторыя изъ нихъ съ кружевными косычками на плечахъ, брилліантовыми нитками на шеѣ, такими же серьгами въ ушахъ, и перстнями на всѣхъ пальцахъ, сидѣли неподвижны и какъ будто поневолѣ смотрѣли на богоотступныя забавы. Желая угостить какъ ихъ самихъ, такъ и мужей ихъ, согласно ихъ вкусамъ и обычаямъ, хозяинъ приказалъ, чтобы весь вечеръ подносили имъ не прохладительныя, а болѣе горячительныя напитки; они не отказывались, пили, краснѣли и молчали. Надобно было чѣмъ-нибудь и другимъ развеселить ихъ; на нѣкоторое время прекратились танцы и начались фанты; хоронили золото, пѣли подблюдныя пѣсни. Между этими бабочками были прекрасненькія; слѣдуя наставленіямъ иркутскихъ франтовъ, я ни съ одной не позволилъ себѣ слова ска-

зять, онѣ бы обидѣлись: за то, во время игрища, ни одно изъ тайныхъ моихъ рукожатій не осталось безъ отвѣта отъ нихъ. Какіе странные нравы! Послѣ, имѣлъ я причины благодарить себя за воздержность въ словахъ.

Были въ Иркутскѣ музыканты, были и актеры, слѣдственно, былъ театръ, были и содержатели его; все это составилось изъ ссыльныхъ и ихъ дѣтей, и должно бы быть изрядно. Играли, однакоже, такъ дурно, что хоть бы въ великороссійскомъ губернскомъ театрѣ.

Въ первый мой прїѣздъ, былъ я, хотя весьма маловажное, однакоже, офиціальное лицо и потому ссыльныхъ не могъ принимать у себя; они же сами держали себя отъ насъ поодаль. Теперь же, какъ частный человекъ, я не отказывался видѣться съ ними, тѣмъ болѣе что они всѣхъ поощщали, и я вездѣ ихъ встрѣчалъ. Несчастіе почитается здѣсь почти невинностію и сосланнымъ, лишеннымъ чиновъ и дворянства, подъ именемъ несчастныхъ, оказывается отъ жителей такое вниманіе, что можно подумать, будто общее мнѣніе, собственною силой, хочетъ возстановить ихъ въ прежнемъ достоинствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ иногда во зло такую снисходительность.

Двое несчастныхъ, какъ ихъ называютъ въ Сибири, устроили въ Иркутскѣ театръ: одинъ изъ нихъ имѣлъ большой чинъ и носилъ знатное княжеское имя. Отъ природы расточитель и плутъ, еще въ первой молодости, разными постыдными средствами и обманомъ проживалъ онъ чужія деньги. Онъ попалъ въ милость къ императору Павлу, который, подъ именемъ главнаго военнаго комиссара, опредѣлилъ его къ принцу Конде. Съ его корпусомъ дѣлалъ онъ походъ въ Германію и безжалостно обиралъ бѣдныхъ, храбрыхъ эмигрантовъ, удерживая часть суммъ, отъ щедротъ царя черезъ него имъ доставляемыхъ. Послѣ того съ полновліемъ ѣздилъ онъ къ казакамъ на Донъ, и наконецъ, назначенъ будучи военнымъ губернаторомъ въ одинъ изъ остзейскихъ городовъ; только что принялся онъ грабить Нѣмцевъ, какъ императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, удалилъ его отъ должности: въ то же время богатая жена, которой имѣніе начиналъ онъ проматывать, разошлась съ нимъ. Лишенный всѣхъ способовъ кидать деньги, онъ прибѣгнулъ

къ дѣланію фальшивыхъ векселей; мошенничество его скоро открылось, и онъ очутился въ Иркутскѣ.

Другой, Ш., былъ жалкое, ничтожное созданіе, блудливый какъ кошка, глупый какъ баранъ. Онъ сдѣлался жертвой мерзкихъ интригъ одного товарища своего въ Семеновскомъ полку, который былъ ложнымъ его другомъ и любовникомъ его жены. Тотъ подучилъ его выдумать какой-то заговоръ, въ которомъ будто бы отказался онъ участвовать. Чтобы попасть къ царю въ милость, въ доказательство мести людей, коихъ не умѣлъ онъ назвать и кои страшились его нескромности, ночью въ Лѣтнемъ саду прострѣлъ онъ себѣ руку. Его сослали, а наставникъ и предатель его остался правъ.

Первый, лицомъ и взглядомъ, походилъ на ястреба, Ш. на овцу. Сылка связала ихъ дружбой, любовь ихъ поссорила. Примадонна, дочь одного ссыльнаго польскаго шляхтича, тайно оказывала милости обоимъ антрепренерамъ; когда невѣрность ея открылась, сумашедшіе вызвали другъ друга на поединокъ. Ихъ до него не допустили, и всѣ взяли сторону Ш., соперника же его послали въ Тункинской острогъ. Черезъ нѣсколько времени воротился онъ изъ него, но Ш. торжествовалъ, оставшись одинъ властелиномъ театра и примадонны.

Третій изгнанникъ, который являлся ко мнѣ, казался мнѣ забавнѣе; это былъ опрятненькій, сухенькій, живой и здоровый шестидесятипятилѣтній старичокъ, послѣдняя отрасль одного не весьма извѣстнаго, но не менѣе того истиннаго русскаго княжескаго рода. Спросить его, за что онъ былъ сосланъ, почиталъ я нескромностію, а онъ такъ давно находился въ Сибири, что никто не помнилъ причины его заточенія. Самъ же онъ очень хорошо помнилъ веселую молодость въ Москвѣ и былъ для меня хроникой стариннаго московскаго скандала.

Другихъ примѣчательныхъ людей въ этомъ родѣ я еще не видѣлъ, кромѣ одного эстляндскаго дворянина, Сталь фонъ-Голстейнъ; но этотъ обществу не посѣщалъ. Онъ видно смолоду былъ великій гастрономъ, училъ за деньги поваровъ, и на каждомъ большомъ званомъ обѣдѣ, во фракѣ, чисто одѣтый, являлся въ видѣ метръ-дотеля и распоряджалъ столомъ. У себя за столомъ имѣлъ я честь видѣть однофамильца, можетъ-быть и родственника знаменитой писательницы.

Святки хотѣлъ я взять въ Иркутскѣ. Я не очень спѣшилъ изъ него; такой родъ жизни, какой велъ я тогда въ немъ, нравится молодости. Однакоже, натѣшась до сыта, 7-го января, оставилъ я его въ купленной мною огромной зимней кибиткѣ. Главу сію началъ я первымъ выѣздомъ моимъ изъ Иркутска, оканчиваю ее послѣднимъ моимъ изъ него отѣздомъ.

XI.

Переправа черезъ Ангару была еще затруднительнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Рѣка сія, выходя изъ Байкала, какъ увѣряютъ, имѣетъ по двѣ сажени склоненія на каждую версту; можно себѣ представить ея быстрину. День стоялъ совершенно ясный, морозъ былъ крещенскій, ледъ на ней еще не показывался, и паръ, подобный самому густому туману, подымался съ ея поверхности. Вездѣ кругомъ было свѣтло, а на порогѣ съ трудомъ могли мы различать предметы и поднимались, такъ сказать, ощупью.

Когда же на противоположномъ берегу запрягли мнѣ лошадей, тогда я точно стрѣлой пустился по дорогѣ. Сибирскую зимнюю ѣзду только съ желѣзною дорогой можно сравнить: пока запрягаютъ, чтò дѣлается очень скоро, сильный ямщикъ стоитъ передъ тройкой, но лишь только другой сѣлъ на облучокъ, онъ съ необыкновеннымъ проворствомъ отскакиваетъ прочь. Тогда быстрые со станціи на станцію мчатся не останавливаясь ни на минуту, не переводя духу, по горамъ и оврагамъ. Даже меня, любителя скорой ѣзды, такая, вихрю подобная скачка, сначала изумила; но я скоро привыкъ, и среди скуки нескончаемаго пути была она единственною моею отрадой.

Въ Нижнеудинскѣ зашелъ я только погрѣться на ту общественную квартиру, на которой передъ этимъ ночевалъ я съ своими товарищами. Чтобы дать понятіе о шибкой ѣздѣ въ Сибири, скажу, что выѣхавъ 7-го числа въ самый полдень изъ Иркутска и сдѣлавъ тысячу верстъ, безъ малаго въ трое сутокъ прибылъ я въ Красноярскъ.

Жестокіе морозы и скорая ѣзда утомили меня. Я захотѣлъ вздохнуть на томъ мѣстѣ, которое лѣтомъ показалось мнѣ столь пріятнымъ, и расположился, пробывъ полсутки, переночевать въ немъ. Ученаго Спасскаго не было, я оставилъ

его въ Иркутскѣ; городскія власти не сочли нужнымъ меня видѣть, и я долженъ былъ въ совершенномъ уединеніи провести время: межъ тѣмъ удовольствія совсѣмъ необычайныя ожидали меня въ Красноярскѣ.

Меня отвели къ одному зажиточному мѣщанину Тимофѣеву. Новый деревянный домъ его, узкій и длинный, имѣлъ два жилья, верхнее и нижнее и въ каждомъ было по четыре комнаты длинныхъ и высокихъ; одна изъ нихъ мнѣ досталась. Стѣны, ничѣмъ не бывъ обиты, издавали тотъ свѣжій запахъ дерева, который такъ люблю я въ новопостроенныхъ домахъ: широкія дубовыя лавки, такой же столъ, образъ Спасителя съ лампадой въ углу и большая кровать съ бѣлымъ полотнянымъ пологомъ, вотъ что составляло меблировку моего пріюта, гдѣ все лоснилось чистотой.*

Пусть сими подробностями скучаютъ читающіе меня, они властны перевернуть страницу, чтобъ избавиться отъ нихъ: для меня же все драгоцѣнно въ томъ, что привожу здѣсь на память.

Семейство моего хозяина состояло изъ матери его, жены и двухъ дѣтей, двадцатидвухлѣтняго сына и шестнадцатилѣтней дочери: въ этомъ семействѣ, не исключая даже бабушки, все блистало здоровьемъ, свѣжестью и красотой. Не знаю, удовлетвореніе ли всѣхъ первыхъ потребностей жизни, равенство ли фортуны, отсутствіе ли дурныхъ примѣровъ, вездѣ встрѣчаемыхъ въ нашихъ большихъ городахъ, дѣлали изъ потомства преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, людей самыхъ добросердечныхъ, сострадательныхъ, простодушныхъ и легковѣрныхъ; особенно же въ Красноярскѣ, можетъ-быть и самая чистота воздуха сохраняла чистоту нравовъ. Какія бы ни были причины, я, въ моральномъ смыслѣ, попалъ въ рай. Сердитый на морозъ, вошелъ я въ отведенную мнѣ комнату съ видомъ

---

* Обвиняютъ Русскихъ въ неопратности: гдѣ же встрѣчалась она съ нищетою? Въ комфортабельной Англіи загаянуть бы въ убѣжища послѣдней. Суровый климатъ и крайніе недостатки заставляютъ нашего мужика на узкомъ пространствѣ собирать въ тепломъ гнѣздѣ все, что ему дорого, семью и достояніе свое, дѣтей и скотину. Но лишь только выбьется онъ изъ нужды, посмотрите какъ раскраситъ онъ свою свѣтлицу, какъ начнетъ ею любоваться, холить и мыть ее.

угрюмымъ, едва ли не съ бранью на устахъ: не изъ боязни, а изъ сожалѣнія все засуетилось, чтобы смягчить мою досаду. Когда я отогрѣлся, успокоился, переодѣлся, предложили мнѣ сѣсть за семейную трапезу; я не только не отказался, но желая загладить свою грубость, старался съ каждымъ изъ членовъ этой семьи быть порознь любезнымъ. Вдругъ я обомлѣлъ; глаза мои остановились на предметѣ, которому подобнаго они еще не встрѣчали: съ кѣмъ сравнить его если не съ безплотными небожителями? Я готовъ былъ поклонить колѣна.

Я растерялся въ словахъ, и дѣйствіе произведенное на меня дочерью было слишкомъ сильно, чтобы не замѣтили его родители. Бѣдняжки! это польстило ихъ самолюбію, и вскорѣ потомъ остался я съ нею наединѣ. А она, ангелъ непорочности, не скоро могла понять меня; но любовь магнетизмъ, когда магнетизеру девятнадцать лѣтъ и онъ немного опытенъ. Тотъ же вечеръ признанъ я женихомъ и съ симъ званіемъ приобрѣлъ много вольностей и привилегій. Чтò мнѣ было дѣлать: ничего не требуя, я на все готовъ былъ согласиться; я не обманывалъ, а обманывался. Выдумалъ же я только важныя бумаги, которыя приказано мнѣ будто отдать въ столицѣ да родительское благословеніе, котораго никогда бы не получилъ; а до того просилъ все дѣло держать какъ семейный секретъ. Въмѣсто полусутокъ, пробылъ я три дня; я бы пробылъ тридцать, триста шестьдесятъ, я бы пробылъ всю жизнь, еслибы разсудокъ не восторжествовалъ. И не онъ одинъ: я слишкомъ любилъ, чтобы хотя на минуту забыть долгъ чести.

Но чтò за блаженство любить со всею свѣжестію, неспорченностію чувствъ и находить взаимность въ созданіи чистомъ, неопытномъ! Какой источникъ вѣжности, женское сердце, когда Вѣрочка, почти безграмотный ребенокъ, такъ живо умѣла объяснять ее! Всѣ слова ея до единого я помню и могъ бы здѣсь помѣстить; но разговоры наши останутся вѣчною тайной между нами и небомъ. Какъ ни влюбленъ я былъ, но я чувствовалъ, что нельзя было такую жену представить роднымъ и проклятому обществу, которому мы такъ много жертвуемъ. Вѣрочка была только богата красотою и чувствомъ. Разставаясь, мы заливались слезами; когда я пошелъ садиться въ повозку и отецъ сказалъ мнѣ, „батьюшка зятюшка, да обѣими еще разъ, поцѣлуй невѣсту“, я про-

сто зарыдалъ. Съ тѣхъ поръ ничего не слыхалъ я объ нихъ. Милая Вѣрочка, дружокъ, незабвенный! если ты еще жива, что ты такое теперь? заботливая хозяйка, добрая старуха, на лицѣ которой сквозь морщины нельзя добраться и до слѣдовъ прежнихъ прелестей. Но есть мѣсто, у меня подъ грудью, на которомъ однажды отразилась небесная красота твоя, и тамъ, по крайней мѣрѣ, остается она неувядаемою.

Трехдневный мой романъ покажется очень глупъ; иные сочтутъ меня дуракомъ, который не умѣлъ пользоваться случаемъ, другіе назовутъ подлымъ обманщикомъ, оболъбистившимъ невинность, многіе скажутъ, что не стоило писать о такихъ пустякахъ. Воля ихъ; но чтобы среди грустныхъ и тяжелыхъ воспоминаній, не останавливаясь, въ ихъ угодность, прошелъ я мимо самаго усладительнаго, это дѣло невозможное. Какъ требовать отъ путника, чтобы встрѣтивъ цвѣтокъ на бесплодной степи, онъ не остановился полюбоваться имъ, или звѣздочкой, сквозь облака ему сіяющей.

Дорогой былъ я грустенъ, часто навертывались у меня слезы, и я много разсуждалъ съ собою о предразсудкахъ свѣта, такъ тиранствующихъ межъ людьми. О войнѣ съ Французами вспомнилъ я только приближаясь къ Томску; я пріѣхалъ въ него за полночь и долженъ былъ остановиться на почтовомъ дворѣ. Лишь только разсвѣтало, былъ я уже у губернатора Хвостова; Василій Семеновичъ обошелся со мною учтиво и даже церемонно, но не сдѣлалъ мнѣ никакого приглашенія, ни малѣйшаго вопроса насчетъ посольства. Этотъ почтенный и скучный человекъ былъ великій тягловъ, и на мои вопросы о томъ что происходило въ Германіи отвѣчалъ такъ неопредѣлительно, отвлеченно, двусмысленно, что я ничего не могъ понять. Я увидѣлъ, что мнѣ въ Томскѣ дѣлать нечего, воротился домой, поѣлъ, спросилъ лошадей и пустился далѣе.

Какъ трупы нѣкоторыхъ людей въ гробу бываютъ лучше чѣмъ живые, когда исчезаютъ безобразившіе ихъ угри и волдыри, такъ и Бараба понравилась мнѣ одѣтая въ бѣлую ризу. Особенно же когда въ холодную, ясную, но тихую ночь, катился я во весь духъ по гладкой ея тогда равнинѣ, которую луна всю осыпала серебряными блестками. Въ Каинскѣ, въ Каиновомъ городкѣ, какъ называлъ я его, пришло мнѣ въ голову сдѣлать лишнихъ триста верстъ,

чтобы не выѣзжать изъ Сибири, не увидѣвъ главнаго, древнѣйшаго ея города, Тобольска.

При лунномъ свѣтѣ вѣхаль я въ незнакомый еще мнѣ городъ Тару, который когда-то, при царяхъ, былъ крѣпостію, но который, до царствованія Павла, имѣлъ комендантовъ. Послѣдній изъ нихъ оставался тутъ на жительство: лишь только узналъ онъ о моемъ пріѣздѣ (что въ маленькихъ городахъ дѣлается очень скоро), то самъ прибѣжалъ за мною, чтобы тащить къ себѣ на вечеринку, какъ неуклюже, по-дорожному, ни былъ я одѣтъ. На ней нашелъ я гусли, флейту, танцы и барынь; самъ же старый комендантъ, съ своими шестьюдесятью и болѣе годами пошелъ очень важно выступать *полономъ*. Онъ прозывался Иванъ Васильевичъ Зеленой, хотя по лѣтамъ былъ онъ совсѣмъ не зеленъ, а лицомъ весьма багровъ; о Европѣ какъ онъ такъ и гости его мало заботились, и я ничего не могъ у нихъ узнать; о самой Европейской Россіи, гдѣ онъ никогда не бывалъ, говорилъ почти какъ о чужомъ государствѣ; признавался однакоже, что передъ смертію хотѣлось бы ему хотя разъ взглянуть на *Петенбургъ*. Мнѣ стало скучно, каррикатурные балы были мнѣ не въ диковинку, я усталъ и скоро отретировался. Пospавъ часика три, четыре, до свѣта уѣхаль изъ Тары.

Я продолжалъ ѣхать все также шибко, и станціи, право, какъ будто мелькали передо мной. Вотъ показался и Тобольскъ: главнымъ украшеніемъ служила ему крутая укрѣпленная гора, на высотѣ которой стоялъ каменный, сторѣвшій намѣстнической домъ, соборная церковь и арсеналъ, въ коемъ какъ святыня хранилось знамя Ермака и доспѣхи его: самый же городъ выстроенъ былъ внизу. Слѣдуя обычаю старины, безъ всякаго приглашенія вѣхаль я прямо къ старинному кievскому знакомому, пріятелю моихъ родителей, Николаю Николаевичу Дурасову, сибирскому почтъ-директору. Они оба съ женой Варварой Яковлевной, кievскою уроженкой, обрадовались мнѣ какъ земляку, какъ родному. Онъ былъ человекъ благоразумный и весьма пріятнаго обхожденія; она же добрая, милая говорунья. Тутъ у почтъ-директора за новостями мнѣ не далеко было ходить; всѣ нечитанныя газеты принесены мнѣ. Увы! зачѣмъ мнѣ было такъ спѣшить? все разомъ узналъ я и былъ убитъ какъ громомъ.

Не знаю откуда у иныхъ берется патриотизмъ, когда я

вижу такъ много людей, лишенныхъ чувства любви къ отечеству? Много хвалиться имъ кажется нечего: я полагаю, что оно должно-быть врожденное, какъ всякая другая страсть, похвальная, простибельная или постыдная, какъ страсть къ музыкѣ, къ древностямъ, или къ игрѣ и къ вину. Можетъ-быть это не что иное какъ особаго рода хвастовство; одинъ чванится жилетомъ, прической, другой лихими рысаками, а я люблю хвастаться пространствомъ, силою и богатствомъ моей отчизны, умомъ и храбростію моихъ согражданъ; у всякаго свое. Виноватъ ли же я, что нахожу мало охотниковъ до того, что самъ такъ люблю.

Дикіе народы соединяются на защиту существованія и собственности и на похищеніе ихъ у сосѣлей; у нихъ общее горе, общія радости, вотъ весь ихъ патриотизмъ. Но и сіи узы еще довольно крѣпки. Когда же просвѣщеніе, коснувшись народа новаго, станетъ въ немъ распространяться, то малое число имъ образованныхъ начинаетъ презирать толпу согражданъ и почитать земляками опередившихъ ихъ въ знаніи, и тогда любовь къ родинѣ дѣлается принадлежностію однихъ низшихъ классовъ. Кажется Невтонъ (ни за что не назову его Ньютономъ) сказалъ, что поверхностная философія истребляетъ религію, а глубокая утверждаетъ въ ней людей. Такъ точно начало просвѣщенія бываетъ вредно для патриотизма; надобно ему всюду разлиться, чтобъ сказанное чувство обратилось въ благородное достояніе всей націи. Сынъ крестьянскій, котораго взяли на барской дворъ, особливо когда онъ побываетъ въ народномъ училищѣ, смотреть съ отвращеніемъ на родимую избу и на братьевъ неучей: но не гадко ли на него самого смотрѣть благомыслящимъ людямъ? Но если съ высокими чувствами достигнетъ онъ высшаго просвѣщенія, то съ покорностію поклонится матери и съ нѣжностію обвинитъ ее.

Тутъ въ Тобольскѣ, правда въ Сибири, печаль моя казалась непонятною, чуть ли не смѣшною. Казалось, говорили, да какое ему дѣло? приказана ему что ли Россія? Аустерлицъ ровно ударилъ меня по щекѣ: величіе происшествія должно бы было меня нѣсколько утѣшить; битва трехъ императоровъ напоминала и Фарсалу, и Акціумъ. Больно мнѣ было даже самое имя Острѣльницъ, обстрѣленнымъ нашими солдатами угаданное названіе, данное мѣсту сраженія; оно

какъ будто находилось уже въ Польшѣ, въ землѣ славянской, въ нашей. . . . .

Хозяева, можетъ-быть не раздѣляя моей печали, старались, однакоже, утѣшить меня. Дурасовъ повезъ меня ко всѣмъ властямъ, и потомъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, данный, какъ увѣрялъ онъ, по случаю моего прѣзда. Генераль-губернаторъ Селифонтовъ, которому представлялся я въ Иркутскѣ, первый позвалъ меня обѣдать; послѣ него два Шѣмца: гражданскій губернаторъ Гермесъ и вице-губернаторъ Штейнгель сдѣлали то же.

Первый изъ двухъ, бывшій артиллеристъ, Богданъ Андреевичъ Гермесъ, съ многочисленнымъ семействомъ, жилъ однимъ жалованьемъ, слѣдственно скромно, даже скудно; къ тому же не охотникъ былъ много говорить и потому въ великороссійскихъ губерніяхъ нашли бы его дурнымъ губернаторомъ. Но въ Сибири его любили и уважали за его безкорыстіе, доброту и строгость только въ случаѣ надобности. Другой, отставной морякъ, Иванъ Федоровичъ Штейнгель, былъ немного богаче перваго, но столько же честенъ, былъ сообщителенъ и нравомъ нѣсколько веселѣе его.

Почтенный старикъ, Иванъ Осиповичъ, жилъ также не слишкомъ великолѣпно, хотя получалъ содержаніе, по тогдашнему времени, довольно большое. Скоро долженъ былъ наступить для него черный день, и онъ на него какъ будто берегъ денежку. Съ нимъ были жена и дочь; да сверхъ того находились при немъ, въ званіи чиновниковъ по особымъ порученіямъ, два сына, молодые люди, ничѣмъ не замѣчательные.

Онъ казался уныль, не зная, впрочемъ, до какой степени повѣрятъ въ Петербургѣ неосновательному доносу посла. Богу дастъ онъ отвѣтъ, этотъ графъ Головкинъ, не столько еще за легкомысленную жестокость, съ которою свергнулъ онъ невиннаго, заслуженнаго старца, сколько за ужасныя отъ того послѣдствія для Сибири. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ не терзаетъ ее преемникъ Селифонтова, Пестель, а имя его ея жителями съ проклятіями еще передается ея внукамъ. Какъ имя сіе напоминаетъ моровую язву, такъ самъ онъ былъ продолжительнымъ бѣдствіемъ въ Сибири. . . . . Никогда еще сибирскій край не былъ управляемъ столь достойными людьми каковы были три губернатора, Гермесъ, Хвостовъ и Корниловъ; при Пестелѣ скоро ни одинъ изъ нихъ не остался на мѣстѣ.

Германъ съ Штейнгелемъ заблаговременно успѣли убраться въ Пермь къ Модераху; Корниловъ же и Хвостовъ, мало-помалу опутанные его кознями, привлечены имъ были къ отъѣзду въ сенатъ. Не смѣя показаться въ Сибири, гдѣ ожидало его убійство, онъ правилъ ею изъ Петербурга посредствомъ подобныхъ себѣ людей. . . . .

Находясь въ столицѣ, онъ безпрестанно новыми обвиненіями преслѣдовалъ двухъ несчастныхъ, которые около десяти лѣтъ томились подъ судомъ: истина наконецъ восторжествовала: они оправданы, сдѣланы сенаторами, а онъ удаленъ отъ службы. . . . .

Разставаясь съ Сибирью, которую, если Богъ милостивъ, никогда не увижу, позволю себѣ здѣсь нѣкоторыя размышленія о ней. Она была завоевана, можно сказать, открыта въ одно время почти съ англійскими колоніями, нынѣшними Северо-Американскими Штатами. Британское правительство ничего не щадило, чтобы сдѣлать для себя полезнымъ приобрѣтеніе первыхъ владѣній своихъ за Океаномъ; для заселенія ихъ употребляло самыя безчеловѣчныя средства; двухвѣковыя усилія сего правительства мудраго, искуснаго, дѣятельнаго увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Много способствовали ему просвѣщеніе, разчетливый умъ и предприимчивость частныхъ лицъ, богатѣвшихъ на приобрѣтенной ими землѣ. Чѣмъ же кончилось? Милліоны сыновъ Англій отреклись отъ нея, возстали на нее, побѣдили, освободились и сдѣлались первыми, почти единственными ея соперниками. Кто знаетъ! то же самое когда-нибудь случится и съ Вандименовою землей. . . . .

Безпечная Россія всегда смотрѣла на Сибирь какъ богатая барыня на дальнее помѣстье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управленіе коего совершенно вѣрено прикащикамъ, болѣе или менѣе честнымъ, болѣе или менѣе искуснымъ. Помѣстье всегда исправно платитъ оброкъ золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, мѣхами: ей только и надобно; о нравственномъ и политическомъ состояніи его она мало заботится; крестьяне, ходя на промыселъ и подвигаясь все впередъ, наткнулись на транзитную китайскую торговлю, тѣмъ лучше, и имъ прибыль, и госпожѣ.

Какъ не признать, что во время дремоты нашей, у изголовья самимъ Богомъ приставленъ къ намъ ангель-хранитель! Зачѣмъ же намъ слишкомъ хлопотать? Въ свое

время все полезное придетъ къ намъ само собою. Когда мы больно начнемъ мудрить, всегда надѣлаемъ глупостей; известно, что мы мастера все портить. Все идетъ намъ въ прокъ, даже наша лѣность и невѣжество. Что еслибъ, отъ природы ко всему способные, дворяне наши вздумали почти за даромъ покупать въ Сибири большія пространства, дѣвственной земли, и переводить на нихъ крестьянъ (что никогда запрещено не было)? Какими бы владѣтельными князьями могли они сдѣлаться! * Но къ счастью, имъ это не приходило въ голову; имъ пріятнѣе было вести праздную жизнь въ деревняхъ или въ столицахъ, щеголять европейскою болтовней. Итакъ, въ Сибири нѣтъ ни одного помѣщика, все казенное, все Божье, да государево. Чиновники всѣ присылаются изъ Россіи; пробывъ нѣсколько лѣтъ, когда они волею или неволею оставляютъ службу, то опять въ нее же возвращаются. Духовенство вездѣ у насъ бѣдно; миллионщики-купцы также не владѣютъ землею, имѣютъ только дома и капиталы, и торгъ ведутъ по большей части черезъ Россію. Однимъ словомъ, Сибирь, какъ медвѣдь, сидитъ у нея на привязи.

Кто можетъ знать будущее? Но судя по настоящему, не видно и возможности отдѣлиться ей отъ насъ. Она такъ велика, такъ бѣдна жителями, сообщенія между ими такъ затруднительны, что всякая попытка будетъ неудачна. Тогда какая польза для государства владѣть безпредѣльными, необработанными пустошами? Развѣ мало пользы имѣть на вѣчныя времена въ запасъ достаточное количество земли для умножающагося народонаселенія. Оно только можетъ идти опять изъ той же Россіи: когда Оренбургская губернія и южная часть Пермской преисполнятся жителей, тогда они ровными, довольно густыми массами будутъ подвигаться и населять Тобольскую. Такимъ образомъ, Россія

---

* Недавно въ Саратовской губерніи, на степи, близь Иргиза, на нетронутой землѣ, съ малыми средствами, поселился одинъ помѣщикъ, Колокольцовъ. Прилежно занимаясь разработкой ея, посредствомъ не рабовъ-Негровъ, даже не крѣпостныхъ мужиковъ, а вольнонаемныхъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ до того успѣлъ разбогатѣть, что этого человека, генія агрономіи, стали подозрѣвать въ разбогахъ и въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Примѣръ его могъ бы возбудить къ подражанію; къ несчастію, онъ убитъ въ степи. невѣдомо кѣмъ.

будетъ все расти, по мѣрѣ того какъ Сибирь будетъ укорачиваться. Только китайская граница и особенно Амуръ суть мѣста, о коихъ позаботиться было бы не худо.

Съ самаго выѣзда изъ Красноярска, чувствовалъ я неодолимую тоску; извѣстия, полученные мною въ Тобольскѣ, должны были ее умножить, а образъ жизни, который въ немъ вели, не могъ уменьшить ее. Всѣ веселія ограничились для меня четырьмя сытными обѣдами; и хотя по вечерамъ была несносная скука, я не искалъ развлеченій и не полюбоствовалъ даже взглянуть на театръ, который тутъ находился подъ управленіемъ также одного сосланнаго дворянина. Я бы скоро оставилъ Тобольскъ, но морозы начали доходить до сорока градусовъ, и я все выжидалъ, чтобы холодъ уменьшился. Долѣе пяти или шести дней прождать я не могъ и выѣхалъ въ ужаснѣйшій морозъ какой я запомню.

Въ закутанной отовсюду кибиткѣ, надобно было еще мнѣ думать о спасеніи ушей и носа; приподнявъ шубу и завязавъ ее надъ головой, сидѣлъ я въ совершенныхъ потьмахъ: куда какъ мнѣ весело было! Съ двумя уѣздными городами, Тюменемъ въ Тобольской губерніи и Камышловымъ Пермской, обошелся я какъ съ простыми станціями, только что погрѣлся въ нихъ, да перемѣнилъ лошадей. Въ одиннадцать часовъ вечера, 3 февраля, пріѣхалъ я въ Екатеринбургъ.

Не скоро ночью могъ я отыскать какого-то полицейскаго, который привелъ меня къ какимъ-то мѣщанамъ на краю города. Они что-то косо посмотрѣли на меня, однакоже, отвели въ небольшую горенку, гдѣ, уставъ отъ мороза, съ удовольствіемъ я началъ дышать теплымъ воздухомъ и расправлять отъ неподвижности и холода онемѣвшіе мои члены. Прежде нежели легъ спать, немного укрѣпилъ я себя простою пищей: вдругъ среди сладости перваго сна пробужденъ я былъ необыкновеннымъ шумомъ. Тонкая перегородка отдѣляла меня отъ образной или модельной, хозяева мои были раскольники, это было наканунѣ воскреснаго дня и ровно въ полночь, начали они безъ священника совершать свое богослуженіе. Какъ объяснить сколь нестерпимы были для слуха чтеніе и пѣснопѣніе ихъ? Какъ описать мое бѣшенство, отчаяніе мое? Много нагрѣшилъ я въ эту ночь. Вдали отъ слуги моего, который спалъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ и страхъ, и долгъ христіанства, не владѣя собою, громкими ругательствами и проклятіями сопровождалъ я моле-

нія ихъ: ими покрывалъ я иногда голоса ихъ, но мой чаще былъ заглушаемъ ихъ возгласами и бормотаньемъ. Я давно уже умолкъ, а они долго еще продолжали крики и визги. Какъ бы отчитавъ бѣснующагося, не задолго передъ разсвѣтомъ оставили они меня въ покоѣ.

Утромъ я вспомнилъ Софью Карловну Пѣвцову, одѣлся и въ морозъ пошелъ пѣшкомъ ее отыскивать. Найти было не трудно, въ уѣздномъ городѣ, генеральскій собственный, каменный домъ въ два этажа: я былъ допущенъ къ генералу, котораго нашелъ я въ залѣ, среди стоящихъ вокругъ него штабъ- и оберъ-офицеровъ его полка. Я отнюдь не былъ пораженъ величьемъ сего зрѣлища, тѣмъ болѣе что съ перваго взгляда, Аггей Степановичъ показался мнѣ фельдфебелемъ, который только что надѣлъ генеральскій мундиръ и ленту. Объяснивъ ему свое имя и качество, я прибавилъ, что пользуясь приглашеніемъ его супруги, желалъ бы и ей представиться. Онъ отвѣчалъ мнѣ сухо и даже сурово: „Она на сносяхъ брюхата, вамъ нельзя ее видѣть.“ Я поклонился, повернулся и вышелъ. На лѣстницѣ слышу, что кто-то меня догоняетъ: поровнявшись со мной, не высокаго роста, толстенкій человѣкъ въ военномъ мундирѣ, обратилъ ко мнѣ слѣдующія слова: „Мнѣ право совѣстно за нашего генерала, онъ совсѣмъ не умѣетъ жить; такіе гости, какъ вы, у насъ рѣдки, надобно стараться ихъ удерживать. Позвольте мнѣ предложить вамъ мои сани и проводить васъ въ одинъ домъ, гдѣ уже, конечно, будутъ умѣть оцѣнить васъ.“ Что могло быть любезнѣе такого предложенія? и я принялъ его.

Проводникъ мой повезъ меня къ женѣ одного горнаго генерала. Мужъ былъ въ Петербургѣ, а жена дѣйствительно заставила меня краснѣть отъ любезности ея привѣтовъ. Она не хотѣла отпустить меня до обѣда, на который пригласила къ себѣ; и когда по окончаніи его, началъ я раскланиваться, чтобъ идти домой и въ тотъ же день отправиться далѣе въ дорогу, она объявила мнѣ, что этому не бывать, что повозка моя у нея въ сараѣ, а пожитки мои въ пустомъ кабинетѣ ея мужа. Когда же я сталъ отговариваться, она отвѣчала мнѣ: „Неужели въ Петербургѣ молодые люди такъ грубы, что не уважаютъ просьбъ женщинъ? Нѣтъ, вы не будете такъ неучтивы, чтобъ отказаться отъ бала, который сегодня я даю въ честь вашу, и на который созвала я весь городъ.“ Что мнѣ было дѣ-

лать? Послѣ худо проведенной ночи, послѣ дурнаго приѣма утромъ, я совершенно былъ оглушенъ расточаемыми мнѣ ласками, и далъ хозяйкѣ распоряжаться мною, какъ ей угодно.

Надобно, однакоже, описать наружность любезной моей хозяйки и внутренность ея семейства. Отъ роду было ей лѣтъ сорокъ, если не болѣе; она была рыжевласа, и рябины, на лицѣ ея, спорили за мѣсто съ веснушками. Она должна была имѣть великую тѣлесную силу, ибо толщину свою носила съ необычайною живостію и ловкостію. При ней находилось двое дѣтей, девятнадцатилѣтняя дочь и восемнадцатилѣтній сынъ, уже горный офицеръ; меньшіе сыновья отданы были въ горный корпусъ. Дочь была не дурна собою и чрезвычайно скромна; я скоро замѣтилъ, что представившій меня подполковникъ въ нее влюбленъ, ищетъ руки ея и всячески старается угодить матери.

Но зачѣмъ при такой взрослой дѣвицѣ, подумалъ я, гувернантка, четырьмя годами ея только старѣе? Мадамъ Легранъ, какъ замѣтилъ я, принадлежала къ такому роду женщинъ, которыя похищаютъ названіе мадамы, хотя, впрочемъ, онѣ сами съ достовѣрностію не помнятъ эпохи, въ которую лишились права называться мамзелями. Она пустилась разказывать мнѣ про мадамъ Браншю и другихъ оперныхъ пѣвицъ въ Парижѣ, какъ будто про какихъ принцессъ: въ вольномъ семъ разказѣ, не утаила она ни одной изъ ихъ слабостей, а изъ простонароднаго слога, *эсонъ* и *эсавонъ* ея повѣствованія, заключилъ я, что у которой-нибудь изъ нихъ должна она была находиться служанкой. Къ счастью была она болѣе повѣренною въ дѣлахъ матери чѣмъ наставницею дочери. Чтобы дать понятіе о непринужденности ея обхожденія съ мужчинами, скажу, что во время бала, найдя меня одного въ кабинетѣ, куда зашелъ я отдохнуть, она безъ церемоніи сѣла мнѣ на колѣни и обѣ руки закинула мнѣ за голову: внезапно показалась хозяйка и громоносный взглядъ ея заставилъ ее вскочить.

Не съ одной этой стороны поведена была противъ меня атака: хозяйка все со мной танцевала, и я сначала думалъ, что отъ усталости такъ крѣпко жметъ она мнѣ руку. На этотъ счетъ былъ я отъ природы тупъ, совсѣмъ не избалованъ прекраснымъ поломъ и не скоро могъ догадаться, чего отъ меня хотятъ; но тутъ уже было дѣло очевидное. Въ цѣлыя сутки я почти минуты не имѣлъ от-

дыха и когда пошелъ къ себѣ спать, то заперся: ну что много извиняться, виноватъ, струсиль.

Я ожидалъ, что на другое утро встрѣтятъ меня съ холодностію; вмѣсто того, меня просто начали гнать съ двора, говорить, что меня не удерживаютъ, что въ дорогѣ заживаться не должно: мнѣ стало досадно. Наканунѣ на балѣ одинъ горный чиновникъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ потихоньку, что Софья Карловна въ отчаяніи отъ неучтивости своего мужа, что она проситъ меня не увѣзжать не повидавшись съ нею и не принявъ отъ нея порученій къ родителямъ въ Пермь и что самъ мужъ ея приметъ меня, коль скоро я приду. Этимъ случаемъ не оставилъ я воспользоваться. Мужъ ея былъ правъ, она едва могла передвигаться, но и въ семь состояніи была мила и пріятна. Пѣвцова расхохоталась, когда я съ видомъ горести и смиренія сталъ разказывать ей о непонятной для меня внезапной переменѣ въ обхожденіи со мною моей почтенной хозяйки. По приказанію генерала, нашли мнѣ квартиру близко отъ его дома.

Одинъ знакомый офицеръ предложилъ съѣздить съ нимъ на Березовскій казенный заводъ, гдѣ добывается золото. Тамъ потрапезничавъ, спустились мы въ рудники и такимъ образомъ разъ въ жизни случилось мнѣ побывать подъ землею. Я былъ слишкомъ разсѣянъ во время сего шествія въ преисподнюю и ничего особеннаго не могу сообщить о немъ читателю: только пораженъ я былъ безстыдствомъ и развратомъ работниковъ обоего пола. Вечеръ провелъ я у Пѣвцовыхъ и на другой день увѣхалъ изъ Екатеринбурга.

По пріѣздѣ въ Пермь, остановился я у прежняго своего хозяина, часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга. Городъ сей имѣлъ видъ еще болѣе унылый чѣмъ лѣтомъ; передъ каждымъ рядомъ низкихъ домовъ стоялъ валъ изъ снѣгу, на широкихъ улицахъ метелями нанесеннаго. Не располагая тутъ долго пребыть, я въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Модераху съ письмомъ отъ Пѣвцовой. Жена его была нездорова, дочери не показывались, и я пробылъ съ нимъ наединѣ. Онъ сдѣлался разговорчивѣе; замѣтивъ какое участіе, несмотря на мою молодость, принимаю я въ заграничныхъ происшествіяхъ, началъ онъ изъясняться объ нихъ съ чувствомъ, какъ Нѣмецъ времянь Екатерины, который дорожить русскою честію. Съ прискорбіемъ говорилъ онъ о послѣдствіяхъ

Аустерлицкаго сраженія и Пресбургскаго мира; съ негодованіемъ о принятіи двумя курфирстами короны изъ рукъ не всѣми признаннаго императора и объ униженіи чрезъ то королевскаго достоинства: но онъ вѣровалъ еще въ могущество Россіи и надѣялся на сильное содѣйствіе Пруссіи. Утѣшенный имъ, преисполненный къ нему уваженія, оставилъ я его.

Отъ Перми въ Казань, дорога показалась мнѣ весьма пріятною, потому что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо теплѣе: послѣ продолжительныхъ морозовъ—въ пути оттепель покажется всегда благополучіемъ. При масленичной погодѣ, во вторникъ на масляницѣ пріѣхалъ я въ Казань.

Передъ отѣздомъ изъ сего города, лѣтомъ, далъ я сыну команданта Каstellи, Николаю Степановичу, обѣщаніе на обратномъ пути у него остановиться. Онъ былъ добрый, молодой, веселый морячокъ, недавно оставившій службу и живившійся не одной изъ дѣвицъ Юшковыхъ; сдержать данное ему слово было мнѣ легко и пріятно. Я присталъ у него и мы пустились съ нимъ по городу, который тогда исполненъ былъ веселыхъ пиршествъ.

Губернаторша почитается необходимостію въ губернскомъ управленіи; возлагая на нее заботы домоводства и общественной жизни, что входитъ въ составъ его обязанностей, губернаторъ имѣетъ болѣе свободы заниматься дѣлами по службѣ: когда сіе второе мѣсто въ губерніи остается вакантнымъ, то какъ будто чего-то не достаетъ въ губернскомъ городѣ. Добрѣйшій Борисъ Александровичъ Мансуровъ, вдали отъ дѣтей своихъ, которые воспитывались у родныхъ въ столицѣ, скучая одиночествомъ и вдовствомъ своимъ и внимая преслѣдовательнымъ убѣжденіямъ жителей, передъ самою масленицей вступилъ во второй бракъ со старшею изъ княженъ Баратаевыхъ, Елизаветой Семеновной, и Казанцы не знали какъ изъявить радость по случаю сего важнаго для нихъ событія.

Недавняя, почти вчерашняя госпожа Мансурова была годами вдвое моложе своего мужа, а степенью едва ли не старѣе его. Она помнила еще отца своего на губернаторствѣ, слѣдственно оно ей было не въ диковинку; однакоже, по природной скромности всегда приходила въ замѣшательство, когда старыя дамы уступали ей мѣсто. Самъ же Мансуровъ на радости былъ со мною, если возможно, еще добрѣе и да-

сковѣе. Мы проводили вмѣстѣ дни и вечера, на званыхъ свадебныхъ обѣдахъ, на катаньяхъ и на балахъ. Это было то же что въ Пензѣ, да не то: въ помѣщикахъ казанскихъ были радушіе и искренность, которыхъ не было въ пензенскихъ; а пензенскія дамы имѣли жеманство и претензію, которыхъ не было въ казанскихъ. . . . .

Во вторникъ на первой недѣлѣ поста, выѣхалъ я изъ Казани. Находясь такъ близко отъ Пензы, куда я долженъ былъ опять захватить, въ другое время не прожилъ бы я недѣлю въ семь городѣ, но я предпочелъ пиршества въ Казани и тишину семейной жизни въ Пензѣ. Опять проѣхалъ я черезъ Симбирскъ, не видавши его, ибо это было въ темную ночь, когда метель только что начинала разыгрываться; я выждалъ на почтовомъ дворѣ чтобъ она прошла и выѣхалъ до свѣту. Спѣшить было не къ чему; я не нашелъ въ Пензѣ ни родителей, ни родныхъ своихъ.

Въ бытность отца моего въ Петербургѣ, военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Толстой уговорилъ его, посредствомъ своихъ подчиненныхъ, принять на себя закупку муки въ Пензѣ и доставку ея Сурой и Волгой въ столицу. Онъ находилъ, что провіантскими чиновниками дѣлается сіе слишкомъ накладнымъ образомъ для казны и отецъ мой имѣлъ неосторожность согласиться. Сія опасная операція совершена съ успѣхомъ, то-есть въ половину дешевле противъ прежнихъ годовъ. Но караванъ имѣлъ остановки въ плаваніи, и поверхность муки подверглась нѣкоторой порчѣ. Это подало поводъ управляющему запасными магазинами, лишенному при семь случаевъ обыкновенныхъ своихъ ежегодныхъ барышей, забраковать всю муку. Почтеннаго графа Толстаго тогда не было въ Петербургѣ; онъ командовалъ корпусомъ, дѣлалъ съ нимъ высадку въ Померанію и ходилъ на помощь къ ГанOVERу: онъ сохранялъ свое званіе, но мѣсто его временно занималъ военный министръ Вязмитиновъ, хорошій знакомый отцу моему, добрый человекъ, но слабый, склонный къ подозрѣніямъ. Чтобы спасти себя отъ совершеннаго раззоренія, принужденъ былъ отецъ мой съ семействомъ отправиться въ Петербургъ: и сдѣлалъ хорошо, ибо въ послѣдствіи все дѣло обратилось къ стыду управляющаго запасными магазинами. Что было мнѣ дѣлать въ пустой для меня Пензѣ? Не видавъ почти никого, отдохнулъ я въ ней сутки и пустился опять въ безконечный свой обратный путь.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя веселыми и довольными. Причина ихъ радости для человѣка равнаго съ полковникомъ Алексѣевымъ чина, едва ли въ нынѣшнее время не была бы причиною печали: зятю моему, послѣ Аннинскаго креста на шеѣ, дали Владимірскій въ петлицу. Два Екатерининскихъ ордена, военного и гражданскаго достоинства, которыхъ Павелъ не раздавалъ и на раздачу которыхъ Александръ былъ очень скупъ, цѣнились тогда весьма дорого. Не нужно говорить объ удовольствіи, съ которымъ увидѣло меня почти все мое семейство, ибо и другія двѣ сестры родителями оставлены были въ Москвѣ у Алексѣевыхъ: не временемъ, а отдаленіемъ мѣряли мое отсутствіе, и мы увидѣлись какъ послѣ десятилѣтней разлуки.

Несмотря на великій постъ, въ Москвѣ казалось шумно и весело. Въ ней только тогда побѣдителей ожидали триумфы, и князь Багратионъ, почти единственный изъ военачальниковъ, поддержавшихъ честь русскаго оружія, пріѣхалъ въ нее за вѣнками, со множествомъ молодыхъ знатныхъ людей, подвизавшихся съ нимъ въ послѣднюю кампанію. Изъ нихъ, у князя Сергія Феодоровича Голицына, видѣлъ я только одного, третьяго сына его князя Сергія, который имѣлъ на головѣ рану и весьма красиво и кокетски надѣтую черную повязку. Множество праздниковъ съ похвальными куплетами и хорами даны были въ честь Багратиона и его сподвижниковъ. На одномъ изъ нихъ, въ благородномъ собраніи, самомъ блистательномъ и многочисленномъ, явилась старшая изъ трехъ дочерей князя Василя Алексѣевича Х., о которыхъ не одинъ разъ я упоминалъ: она была одѣта какою-то воинственной дѣвой, съ каской на головѣ, вмѣсто обыкновенныхъ лентъ, украшенная Георгіевскими, въ курткѣ свѣтлозеленаго цвѣта съ оранжевымъ, принадлежащими гвардейскому егерскому полку, коего Багратионъ былъ шефомъ и своимъ прекраснымъ голосомъ пропѣла стихи во славу его: все это было очень трогательно и немного смѣшно. Возвратившись, какъ мнѣ казалось, со стыдомъ, я нигуда не показывался, и пишу здѣсь только слышанное.

Мнѣ такъ надоѣла дорога всю зиму и такъ хорошо мнѣ было съ родными, что я дней десять откладывалъ все выѣздъ свой. Но послѣдній зимній путь начиналъ портиться и я долженъ былъ спѣшить чтобы воспользоваться имъ. Итакъ 12 марта покинувъ Москву, 16-го прибылъ я въ Петербургъ, послѣ десятимѣсячнаго изъ него отсутствія.

XII.

Я имѣлъ адресъ квартиры нанятой моимъ отцомъ и нашелъ въ ней особо приготовленную для меня комнату. Сестры въ Москвѣ были мнѣ безъ памяти рады; но то ли дѣло было въ Петербургѣ съ родителями; только отецъ мой нѣсколько сожалѣлъ о неудачномъ для меня окончаніи столь дальняго путешествія.

Семейство Тулиновыхъ также находилось тогда въ Петербургѣ. Запрещенія ввоза иностранныхъ издѣлій тогда еще не существовало и суконными фабриками можно было тогда только что жить, а не наживаться. Старшій сынъ, Алексѣй Ивановичъ, какъ сказала я въ одной изъ предыдущихъ главъ, несмотря на свою молодость, и при весьма похвальныхъ свойствахъ, имѣлъ чрезвычайную алчность къ богатству, а единственные почти источники его находились тогда въ питейныхъ домахъ: откупщики были настоящіе алхимики, которые нашли не камень философскій, а жидкость. Въ сенатѣ назначены были торги на новые питейные откупа, и молодой Тулиновъ уговорилъ родителей испытать счастье на семь новомъ для ихъ семейства торговомъ поприщѣ. Но толпа искателей фортуны противъ прежнихъ четырехлѣтій чрезвычайно увеличилась, и въ той же мѣрѣ и дѣны на право продавать водку, равно какъ и казенные доходы. Такимъ образомъ не слишкомъ выгодно взявъ Тулиновъ на откупъ Пензенскую губернію, что отцу моему было весьма неприятно, ибо явно помогать ему въ его кабацкихъ дѣлахъ было бы не благовидно, а отказывать въ помощи родственнику и жестоко, и несправедливо.

Такимъ случаемъ, каковымъ было пребываніе въ столицѣ двухъ столь близкихъ ему семействъ, не оставилъ братъ мой Николай воспользоваться, чтобы въ первый разъ молодой женѣ показать Петербургъ. Я до тѣхъ поръ еще не видывалъ я, и хотя грѣшно позавидовать брату, признаюсь что сдѣлалъ сіе. Она была изъ числа тѣхъ существъ, которыя посылаются минуту погостить на землѣ, чтобы показать до какой степени смертные могутъ уподобиться небожителямъ и потомъ опять улетѣть домой.

Весною въ концѣ апрѣля пріѣхалъ и старшій братъ мой,

Павель. Онъ во время похода слѣдовалъ за арміею; когда я перебирался черезъ горы вокругъ Байкала, проѣзжалъ онъ съ войсками черезъ Венгрію, и когда со столь отдаленныхъ, противоположныхъ точекъ сошлись мы вмѣстѣ, то имѣли что другъ другу поразказать. Моимъ родителямъ, на чужой сторонѣ, было усладительно видѣть себя окруженными болѣею частию своего семейства. Припомнивъ себѣ все что въ это время до него относилось, что мнѣ казалось дороже всего, скажу о томъ что могъ тогда видѣть и замѣтить въ городѣ и въ обществѣ.

Расположеніе умовъ нашель я въ Петербургѣ иное чѣмъ въ Москвѣ. Тамъ, рѣзко осуждали наши военныя дѣйствія и вмѣстѣ съ тѣмъ обременяли ругательствами побѣдителя, съ презрѣніемъ называя его Наполеонкой. Здѣсь напротивъ были воздержнѣе, всѣ чувствовали, что униженіе, понесенное арміею, неизбежно должно раздѣляться всѣмъ государствомъ. Самое негодованіе на сильнаго противника нашего было глубже и пристойнѣе: большаго унынія не показывали, всѣ храбрились, послѣднюю побѣду его усиливались приписывать болѣе счастію чѣмъ искусству, и желаніе новой съ нимъ войны было общее. Знатная молодежь, воспитанная эмигрантами и участвовавшая въ сей войнѣ, не столько ненавидѣла въ немъ врага своего отечества, какъ маленькаго поручика, дерзнувшаго возсѣсть на престолѣ великаго Лудовика; она спѣсиво и грозно толковала о будущихъ своихъ подвигахъ, надъ чѣмъ иные тайкомъ смѣялись, будто по ошибкѣ вмѣсто *геро* называя ихъ *зеро*.

Чувствами выражаемыми лучшимъ обществомъ, дворомъ и гвардіею долженъ былъ государь остаться доволенъ, хотя французскій роялизмъ, а еще болѣе раболѣпство въ семъ случаѣ принимали цвѣтъ патриотизма. Съ другой стороны приверженцы Англіи указывали на нее какъ на якорь нашего спасенія, и вліяніе ея на дѣла наши сдѣлалось еще сильнѣе прежняго. Несмотря на мое невѣдѣніе, съ этого времени началъ я ее ненавидѣть: мнѣ казалась обидна мысль, что мы въ числѣ народовъ, коихъ гордые островитяне, внѣ континентальныхъ опасностей, нанимаютъ чтобы сражаться за ихъ выгоды.

Одного изъ послѣдователей англійской системы не щадило тогда общее мнѣніе. Князь Адамъ Чарторыйскій, управлявшій иностранными дѣлами и находившійся во время путе-

шествія и Аустерлицкаго сраженія при государѣ, сдѣлался вѣсѣмъ ненавистенъ. Въ среднихъ классахъ называли его просто измѣнникомъ; а тайная радость его, при видѣ неблагопріятныхъ для насъ событій, не избѣжала также отъ глазъ высшей публики. . . . . Чарторыйскій, къ концу лѣта, долженъ былъ оставить министерство, сохранивъ только званіе попечителя Виленскаго Университета. Мнѣ сказали, что по возвращеніи изъ посольства долженъ я былъ непременно къ нему явиться, и я исполнилъ сіе какъ весьма тягостную для меня обязанность. Въ прихожей нашелъ я дежурнаго, который пошелъ обо мнѣ докладывать; онъ былъ одинъ и черезъ пять минутъ велѣлъ меня позвать къ себѣ. Пройдя длинный рядъ комнатъ, я вошелъ въ его кабинетъ; онъ не сидѣлъ, а стоялъ за высокимъ письменнымъ столомъ, оборотился ко мнѣ съ пріятною улыбкой, сказалъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ; сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ и кончилъ предложеніемъ вступить подъ его начальство: я поклоняся только что поблагодарилъ, не стараясь давать отказу своему никакого благовиднаго предлога. Послѣ не одинъ разъ жалѣлъ я о томъ, но тутъ, когда онъ былъ такъ добръ со мною, право, кажется, готовъ бы я былъ его зарѣзать. Не знаю чѣмъ заслужилъ я его милость? Наружность ли ему моя понравилась, или не русское мое прозваніе, или предполагаемое во мнѣ неудовольствіе за сдѣланную мнѣ несправедливость? Это былъ единственный разъ, что я его видѣлъ, и предубѣжденіе мое до того не простиралось, чтобы не замѣтить какъ пріятно было выраженіе лица его, несмотря на слишкомъ выдвинутую впередъ нижнюю челюсть.

Прежде того, успѣлъ уже являться къ настоящимъ моимъ начальникамъ, Кочубею и Сперанскому. Оба приняли меня холодно и сухо, ни о чемъ не спросили и сказали только, что я попрежнему могу заниматься въ канцеляріи, то-есть въ переводѣ, попрежнему могу ничего не дѣлать.

. . . . .

Невская вода имѣетъ свойство струй Леты, рѣки забвенія. Вотъ отчего, люди прибывшіе изъ провинціи, принимавшіе живѣйшее участіе въ дѣлахъ ея, съ негодованіемъ смотрѣвшіе въ ней на несправедливости, на неурюстройства, лишь только хлебнуть немного этой заколдованной воды, такъ скоро дѣлаются равнодушны къ благу провинціи, чуж-

даются воспоминаній объ ней. Не прошло недѣли послѣ того что увидѣлъ я берега сей канальской рѣки, какъ забылъ и Сибирь, и Вѣрочку, и посольство. Но о семъ послѣднемъ скоро пришлось мнѣ вспомнить.

Мнѣ вдругъ сказали, что пріѣхалъ Байковъ: я не повѣрилъ, тѣмъ болѣе что сіе случилось 1-го апрѣля. Однако я вспомнилъ пророчество В.; оно сбылось слово въ слово.

Нѣкоторое время старались держать втайнѣ причину возвращенія Байкова. Не бывъ свидѣтелемъ происходившаго въ Ургѣ, я не могу ручаться за достовѣрность сообщаемого здѣсь разказа и передаю его какъ послѣ слышалъ отъ возвратившихся моихъ сопутниковъ.

Безконечный караванъ при постоянныхъ морозахъ шагъ за шагомъ три недѣли тянулся до Урги. Тутъ посольство расположилось станомъ и примкнуло къ сему большому монгольскому стану, посреди коего находилось одно только прочное жилище двухъ мандариновъ, намѣстниковъ ханскихъ. Первые дни прошли въ посѣщеніяхъ, во взаимныхъ учтивостяхъ, то есть церемоніяхъ и въ пересылкѣ подарковъ. Посолъ болѣе чѣмъ когда старался показать европейскую ловкость и любезность. Но Китайцы (если позволено мнѣ сдѣлать весьма неблагоприятное и часто употребляемое сравненіе) въ этомъ дѣлѣ столь же плохіе судьи, какъ свиньи въ апельсинахъ. Гораздо полезнѣе было бы послать къ нимъ какого нибудь увальня; его истуканству они охотнѣе стали бы поклоняться. На Головкина и Байкова смотрѣли мандарины какъ на фигляровъ, имъ на смѣхъ присланныхъ, и съ каждымъ днемъ начали умножать свои требованія: терпѣніе бѣднаго посла подвергнуто было жесточайшимъ испытаніямъ. Въ одинъ день, по полученнымъ изъ Пекина наставленіямъ, приглашенъ былъ онъ къ Вану на какое-то празднество; тутъ предложена ему была репетиція того церемоніала, который долженъ былъ онъ соблюсти при представленіи императору. Въ комнату, въ которой поставлено было изображеніе сего послѣдняго (полно, вѣрить ли тому?) долженъ былъ онъ войти на четверенькахъ, имѣя на спинѣ шитую подушку, на которую положится кредитная его грамота. Онъ отвѣчалъ, что согласится на такое униженіе тогда только, какъ получитъ на то дозволеніе отъ своего двора; можетъ-быть надѣялся онъ испугать Китайцевъ твердымъ намѣреніемъ долго жить на ихъ счетъ. На другой

день, всё подарки имъ сдѣланные, въ сундукахъ и ящикахъ, были не выставлены, а брошены передъ его посольскою палаткой; послѣ того ему ничего не оставалось болѣе какъ ѣхать въ Сибирь дожидаться приказаній двора своего. Обратный путь былъ ужасенъ; къ холоду скоро присоединился голодъ; по цѣлымъ суткамъ тщетно ожидая съѣстныхъ припасовъ, посольство вмѣсто мяса получало иногда живыхъ барановъ въ небольшомъ количествѣ, и не имѣя съ собою мясниковъ, должно было еще платить за ихъ рѣзаніе. Не было неприятностей, коихъ бы оно не претерпѣло отъ сихъ варваровъ. Какъ было въ глубинѣ сердца не возблагодарить мнѣ Бога, пославшаго злодѣю моему Байкову мысль спасти меня отъ всѣхъ этихъ напрасныхъ мученій! Послѣ пятидесятишестидневнаго странствованія въ пустынь, Головкинъ, подобно Моисею, не узрѣвъ обѣтованной земли, возвратился въ Кяхту.

Надобно было въ неудачѣ своей оправдаться. По прибытіи въ Иркутскъ, Байковъ предложилъ свои услуги, которыя посолье принялъ съ благодарностію; онъ былъ мастеръ пускать въ глаза пыль, и можно было надѣяться, что онъ дѣло будетъ умѣть представить въ красивѣйшемъ видѣ чѣмъ оно было. Итакъ Байковъ поскакалъ, а Головкинъ остался въ Иркутскѣ ожидать рѣшенія судьбы своей.

Но лишь только предатель успѣлъ пріѣхать въ столицу, какъ пустился оправдывать одного себя, выставя въ великія свои заслуги, взваливая всю вину на вѣрителя своего. Бѣдный Головкинъ понесъ опалу. Но друзья его, возмущенные дѣйствіями Байкова, съ своей стороны и этого молодца отработали: черезъ недѣлю былъ онъ отправленъ обратно въ Иркутскъ съ приказаніемъ ему и Головкину оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ оттуда не вызовутъ. Всѣмъ же другимъ чиновникамъ посольства позволено возвратиться, какъ и когда они того пожелаютъ.

Оставаться въ видѣ изгнанника тамъ гдѣ такъ недавно онъ господствовалъ, и можно сказать съ глазу на глазъ съ отъявленнымъ уже врагомъ своимъ,—наказаніе, по мнѣнію моему, слишкомъ жестокое за вину неумышленную. Что за бѣда для Россіи, если Головкинъ не попалъ въ Пекинъ? Вѣдь тамъ онъ тоже ровно ничего не могъ бы сдѣлать; а о брошенномъ понапрасну миліонѣ надобно было подумать прежде.

Чтобы не смѣшивать другихъ воспоминаній съ тѣми, кои относятся къ сему посольству, имѣвшему столь смѣшной и жалкій конецъ, хотѣлъ я окончательно о немъ повѣствованію почти исключительно посвятить сію главу.

Молодые наши люди, въ продолженіи всего лѣта, одинъ за другимъ, по одиночкѣ возвращались въ Петербургъ. Одни только неодушевленные предметы, зеркала и другія дорогія вещи, остались на вѣки въ Иркутскѣ, чтобы въ немъ украшать собою, въ послѣдствіи построенные дома генералъ-губернатора и губернатора. Когда послѣдній изъ чиновниковъ прибылъ обратно, что было въ началѣ сентября, тогда только бывшему послу и его секретарю посольства дано позволеніе оставить Сибирь. А какъ они не могли получить его ранѣ половины октября, то не совсѣмъ покойнымъ образомъ, и разумѣется не вмѣстѣ, совершили они сей обратный путь; и переворачивая стихи Расина въ Ифигеніи, могъ Головкинъ сказать:

Et moi, qui arrivais, triomphant, entouré,
Je m'en retournerais, seul et désespéré.

Въ обществѣ, коего былъ онъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ, явился онъ спокойно и безбоязненно; но при дворѣ долго не показывался. Въ продолженіи всего царствованія Александра, не могъ онъ заставить забыть свою первую неудачу; иногда приподнимался, но никогда совершенно не могъ стать на ноги. Найдя меня довольно короткимъ въ своемъ семействѣ, онъ смотрѣлъ на то одобрительно, и воспоминаніе недоброжелательства Байкова чрезвычайно умножало его ко мнѣ благосклонность.

XIII.

Въ началѣ іюня 1806 года, успѣшнымъ образомъ окончивъ дѣла свои, отецъ мой отправился въ Пензу. Вскорѣ послѣ него братъ мой беременную жену повезъ въ Воронежъ.

Я опять остался одинъ и принялся за прежнюю праздную петербургскую жизнь. Нѣкоторое время имѣлъ я средства проводить ее довольно пріятно; во время пребыванія родителей моихъ въ столицѣ, содержаніе мнѣ почти ничего не стоило; береженные какъ отъ того, такъ и отъ продолжи-

тельного и дешеваго путешествія деньги въ семь случаевъ были мнѣ очень полезны.

Давно уже не упоминалъ я о домѣ Француза Шевалье Лабата де Виванса, русскаго превосходительства и кастеляна Михайловскаго замка. Онъ пересталъ быть шумень и весель, ибо физическія и финансовыя силы старика хозяина примѣтно истожились; но въ это лѣто посіялъ онъ еще послѣднимъ блескомъ. Число роялистовъ умножилось въ Петербургѣ; не знаю откуда они понаѣхали. Аустерлицкое наше пораженіе воскресило ихъ надежды: первый неудачный опытъ, по мнѣнію ихъ, ничего не значилъ; но они съ радостію замѣтили, что Русскіе на національной чести видятъ пятно, которое горятъ желаніемъ изгладить. Тогда начали они смотрѣть на нихъ не столько какъ на покровителей, какъ на союзниковъ, и стали выше подымать головы. Каждую недѣлю раза два или три собирались они во множествѣ у престарѣлаго Лабата для совѣщаній, и тамъ, со знаками всеижайшаго уваженія, окружали графа Блакаса, тайнаго повѣреннаго въ дѣлахъ французскаго претендента, жившаго тогда въ Митавѣ. А онъ держалъ себя такъ высоко, какъ бы только прилично было послу Лудовика XIV, въ самую блестящую эпоху его царствованія. Сіе зрѣлище было смѣшно и трогательно въ одно время.

Года за два передъ этимъ, открытъ былъ источникъ Липецкихъ минеральныхъ водъ. Недужные и друзья ихъ тому обрадовались. Наполеонъ, все болѣе и болѣе отхватывая, закрывалъ отъ насъ Европу, Кавказъ казался ужасенъ, путешествіе къ его цѣлебнымъ ключамъ сопряжено было съ великими издержками, трудностями и даже опасностію, и Липецкъ внутри Россіи отъ стеченія больныхъ и ихъ семействъ быстро началъ выростать. Блаженное время нашего невѣжества, когда думали что всякій минеральный колодезь можетъ лѣчить отъ всякаго рода болѣзней, когда по утру, дѣлая движеніе, пили на здравіе зельтерскую воду, какъ бы нынѣ карлсбадскую или пирмонтскую. Желѣзными частицами исполненная липецкая вода, возвращая силы, исцѣляя изнуренныя тѣла, убивала людей одержимыхъ обструкціями и другими болѣзнями и скоро потеряла свою репутацію. Предшествующимъ лѣтомъ семейство Лабатовыхъ возило въ Липецкъ разбитаго параличомъ отца; тамъ познакомился онъ съ другимъ старцемъ, тайнымъ совѣтникомъ Тургеневымъ и

я съ великимъ удовольствіемъ въ гостиной г. Лабата встрѣтилъ сына сего Тургенева, бывшаго товарища моего въ Московскомъ архивѣ.

Описывая вступленіе мое въ службу въ помянутый архивъ, говорилъ я объ Андрѣѣ Тургеневѣ, о рановременной его кончинѣ, о великой потерѣ, которую понесли въ немъ отечество, дружба и словесность. Тамъ же слегка упомянулъ я о меньшомъ братѣ его Александрѣ, застѣнчивомъ, ото всего краснѣющемъ мальчикѣ; тутъ показался онъ мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Настоящей дружбы между нами никогда не было, никакого вліянія на судьбу мою онъ не имѣлъ, но въ частыхъ сношеніяхъ, въ частыхъ свиданіяхъ прошли наша молодость, зрѣлыя наши лѣта и встрѣтила насъ старость. И поэтому мнѣ кажется, что на мнѣ лежитъ трудная обязанность, забывъ и старинное мое къ нему пріязненное расположеніе и настоящее негодованіе, изобразить его съ безпристрастіемъ. А какъ вообще все это семейство (не родъ я говорю) Тургеневыхъ, котораго у насъ на Руси скоро и слѣдовъ не останется, было въ ней очень примѣчательно, какъ правила и поступки сего самаго Александра Тургенева, по большей части, были слѣдствіемъ какого-то общаго направленія взятаго симъ семействомъ, то отъ него отдѣлять его почти невозможно, и можетъ-быть въ мзду многихъ пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною съ членами его, суждено мнѣ, если самъ только спасусь, спасти и его отъ забвенія.

Отца Тургенева, Ивана Петровича, я никогда не знавалъ: онъ умеръ вскорѣ послѣ липецкаго лѣченія. Онъ слылъ умнымъ, добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Къ счастью, или на бѣду его, въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины показалась въ Москвѣ секта мартистовъ. Что это такое, право сказать не умѣю и долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ. Но полно, стыдиться ли мнѣ того. Чтобъ объяснить духъ каждой изъ религіозно-философическихъ сектъ, возникшихъ въ Германіи, надобно изучить ихъ исторію и посвятить на то цѣлую жизнь, а стоить ли того? Давно уже испытующій духъ народовъ германскихъ ищетъ проникнуть въ таинства Христовой вѣры. Отъ юга и востока церковь разсѣлась на двое; но трещину задѣлать остается возможность, ибо основаніе не пошатнулось: мрачному и дѣятельному уму потомковъ сѣверныхъ варваровъ ниспровергнувшихъ Римскую имперію дано было

устремитъся къ его разрушенію. Во Франціи, шуты, вооруженные эпиграммами, сарказмами, блестящими софизмами, конечно нанесли нѣкоторый легкій, наружный вредъ вѣчному зданію, но посмѣявшись съ ними, надъ ними же стали смѣяться. То ли дѣло въ Германіи? Тамъ работа продолжительная, постоянная, истинно нѣмецкая, методическая, систематическая, ведущая свое начало отъ Цвингли и Лютера. И Германія, въ надменности своей, полагаетъ, что она не только сравнялась съ древнею Греціей, но и превзошла ее, и когда ей называютъ Пифагора, Сократа, Платона Эпиктета, она съ гордостью и презрѣніемъ отвѣчаетъ Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель: и что всего досаднѣе, всѣ эти истолкователи и ученики ихъ, какъ переодѣтые лазутчики, прикрываются именемъ христіанъ. Безумцы, хотѣлось бы мнѣ имъ сказать, да вѣдь греческіе философы существовали до святаго откровенія; поиски ихъ къ открытію истины почетны и самыя заблужденія ихъ отзываются всею прелестью поэзіи: и тогда какъ алмазу подобныя капли росы, ихъ системы исчезли при появленіи вѣчнаго свѣтила, неужели вашимъ туманомъ вы думаете навсегда заслонить его!

Мартинизмъ, какъ кажется, исключительно филантропическая секта, ибо послѣдователи его все толкуютъ о святомъ чловѣколюбіи и вѣроятно полагаютъ что можно исполнять его обязанности безъ помощи христіанской вѣры. Нѣмецкое злое сѣмя на русской почвѣ не могло или не успѣло развиться. Человѣкъ просвѣщенный, Николай Новиковъ, духовный отецъ всѣхъ въ Россіи мартинистовъ, завербовавъ нѣсколько знатныхъ и богатыхъ лядей, съ помощію ихъ и на ихъ счетъ, завелъ лучшую и обширнѣйшую типографію въ Москвѣ, дорого платилъ авторамъ за право печатать ихъ сочиненія, дешево уступалъ ихъ книгопродавцамъ, поощрялъ всѣ молодые таланты, отправлялъ за границу отличнѣйшихъ между воспитанниками университета; никогда частное лицо не способствовало такъ у насъ распространенію просвѣщенія. Но успѣхи французской революціи сдѣлали наше правительство и самое Екатерину подозрительными и осторожными: посреди ихъ благотворныхъ дѣйствій, открыли (съ позволенія сказать) заднюю мысль, *aggrège pensèe* мартинистовъ, и разослали ихъ по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ государства, Трубецкихъ, Ивана Владиміровича Лопухина и многихъ другихъ: пощадилъ только фельдмаршала князя Репни-

на. Отецъ Тургеневыхъ сосланъ былъ въ Симбирскъ, гдѣ и оставался до царствованія Павла. . . . .

Такъ о мартинистахъ гласятъ преданія, и если въ мой разказъ вкралась какая-нибудь невѣрность, то это ихъ вина, а можетъ-быть и моя, ибо я слушалъ ихъ безъ большаго вниманія. Итакъ возможно ли, чтобы сыновья мученика, воспитанные имъ въ заточеніи, не приняли его вѣры? Сдѣлавшись при Павлѣ директоромъ Московскаго университета, г. Тургеневъ имѣлъ всѣ средства дать самое лучшее образованіе сыновьямъ своимъ, и они тѣмъ воспользовались; заблужденія ума не всегда мѣшаютъ добротѣ сердца и добрымъ нравамъ, и семейство Тургеневыхъ было вообще любимо и уважаемо.

Вмѣсто того чтобы подобно намъ, молодымъ неучамъ, искать въ канцеляріяхъ занятій и чиновъ, Александръ Тургеневъ, о которомъ идетъ рѣчь, получивъ отпускъ и отправившись доучиваться въ Геттингенскій университетъ. По окончаніи курса, путешествовалъ онъ по всей Нѣмеціи, стоялъ лицомъ къ лицу съ Виданомъ, съ Шиллеромъ и даже съ Гёте, и напитанный ученымъ и расчетливымъ духомъ Германіи, за неизбѣжными успѣхами явился наконецъ въ Петербургъ. Онъ все имѣлъ, что можетъ ихъ дать; отъ него такъ и несло ученостію, до того онъ былъ весь ею вымазанъ, и этотъ духъ въ то время притягивалъ мѣста и отличія; умѣренное вольнодумство также было тогда въ модѣ. Его легкомысліе, обдуманная его разсѣянность и нескромность приняты за откровенность благородной души; филантропическія изреченія съ малолѣтства имъ вытверженные названы выраженіями высокой добродѣтели; самые тѣлесные его недостатки пошли за цѣломудріе, и каплуновый жиръ его за дѣвственную свѣжесть. Ну, просто совершенство человѣческое, да и только! Объ его смѣлости, настойчивости у начальства вырывать потомъ награды, скажу я только, что она была въ самой крайней противоположности съ его прежнею, дѣтскою стыдливостію.

Какимъ почиталъ его свѣтъ, такимъ онъ и мнѣ казался. Только иногда начиналъ онъ педантствовать и тогда становился мнѣ тяжелъ; вдругъ потомъ приходила ему охота дурачиться, бѣситься, и онъ дѣлался смѣшонъ. Обыкновенно же притворство его со всѣми было такъ велико и всегда

такъ весело, что мнѣ никогда не приходило въ голову его подозрѣвать.

Онъ скоро увидѣлъ, что прослыть необыкновеннымъ человекомъ въ одномъ городѣ еще недостаточно для быстрыхъ успѣховъ по службѣ, и что труднѣе ослабить ученый мѣръ чѣмъ большой свѣтъ. Попасть въ него было ему не трудно, но ему хотѣлось въ немъ блеснуть, чтобъ ускорить ходъ своей фортуны. Онъ немного зналъ по-латыни, и, еслибы нужда потребовала, могъ бы сказать наизусть первые стихи изъ нѣкоторыхъ пѣсней Энеиды, изъ одъ и посланій Горация, изъ элегій Тибулла; могъ назвать всѣ нѣмецкія книги и ихъ сочинителей, но на нѣмецкихъ авторахъ въ салонахъ не далеко можно было ухвать: тамъ подавай французскую литературу, которою онъ дотолѣ совсѣмъ почти не занимался. Теперь я вижу ясно, что тѣсная дружба его съ Блудовымъ сначала имѣла цѣль и только послѣ на нѣкоторое время превратилась въ привычку. Никто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей, не исключая даже Уварова, такъ основательно не зналъ этой литературы какъ Блудовъ, такъ хорошо не умѣлъ судить о ней, а какъ Тургеневъ рѣдко заглядывалъ въ книги, и знанія свои почерпалъ болѣе изъ разговоровъ свѣдущихъ людей, то и отъ связи сей ожидалъ себѣ пользу. Блудовъ же, легковѣрный какъ всѣ люди, коимъ съ высотъ ума трудно сойти до мелкихъ расчетовъ посредственности, предавался всѣмъ сладостямъ этой мнимой дружбы. Черезъ него, что-то на то похожее составилось и у меня съ Тургеневымъ.

Онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Будучи отъ природы довольно остроуменъ (не обмолвился ли я, не сказалъ ли уменъ?), свѣтская болтовня скоро сдѣлалась для него природнымъ языкомъ, который иногда удачно приправлялъ онъ техническими терминами изъ законовѣдѣнія, богословія и другихъ наукъ. Тѣмъ немного пугалъ онъ непривычный къ тому слухъ знатныхъ людей и дамъ, за то поселялъ въ нихъ высокую о себѣ мысль. Сначала опредѣлился онъ въ канцелярію любимца государева, Новосильцова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ комиссію составленія законовъ. Послѣ того всегда умѣлъ онъ занимать три или четыре мѣста въ одно время, кюмпировать ихъ, какъ говорятъ Французы, по всѣмъ получая жалованье, и трудными занятіями одного извиняясь въ неисполненіи обязанностей другаго. Дѣятельный и лѣзливый вмѣстѣ, первая забава его была хлопотать, суетиться, находиться въ

движеніи, главное искусство, какъ можно менѣе принимаясь за настоящее дѣло, казаться вѣчно озабоченнымъ. Весь вѣкъ, можно сказать, прожилъ онъ заимообразно, чужимъ умомъ, чужими знаніями, чужими трудами, чужою славой. Въ друзьяхъ, въ знакомыхъ, а кольми паче въ подчиненныхъ видѣлъ онъ всегда кошекъ, которыя изъ огня должны таскать ему каштаны, чтобъ ему не обжечь обезьянной своей лапки. Болѣе восемнадцати лѣтъ сія фальшивая монета находилась въ обращеніи и принималась въ той цѣнѣ, которую ей самой хотѣлось себѣ дать. Для живописца характеровъ, такой странный, удивительный человѣкъ сущая находка: не знаю искусно ли, но по крайней мѣрѣ очень вѣрно его изобразилъ я здѣсь.

Въ гостиной тѣхъ же Лабатовыхъ и въ то же время по-казался другой юноша, еще юнѣе Тургенева и меня, и также на Липецкихъ водахъ съ ними познакомившійся. Тогда я рѣдко видѣлся съ Жихаревымъ; лѣтъ восемь спустя начались дружественныя мои связи съ нимъ, и онъ имѣлъ случай сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Какъ я всегда любилъ слѣдовать хронологическому порядку, то постараюсь описать его тогда только, когда допишусь до эпохи моей съ нимъ короткости.

Все лѣто 1806 года прошло для правительства въ приготовленіяхъ къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Великая тяжесть, которую съ такимъ трудомъ выносить Россія, многочисленная, можно сказать, безчисленная ея армія, въ этомъ году начала увеличиваться; дотолѣ не было и третьей доли ея противъ нынѣшней. Никто не смѣлъ роптать; всѣ видѣли, что честь политическая, независимость и безопасность государства того требовали. На первый случай сформированы одна пѣхотная дивизія и три конные полка, одинъ гусарскій и два драгунскіе. Шефомъ одного изъ сихъ двухъ полковъ, названнаго Митавскимъ, назначенъ зять мой Алексѣевъ, московскій полицеймейстеръ; для подковника отличіе большое, когда званіе шефа почти исключительно принадлежало генеральскому чину. Онъ имѣлъ неосторожность князю Багратиону и любимцу Александра, генераль-адъютанту князю Долгорукову, показывать ученіе своихъ полицейскихъ драгунъ, которые дѣйствительно находились въ такомъ устройствѣ, что хоть бы тотъ же часъ въ сраженіе. Эти господа расхвалили царю алексѣевскихъ драгунъ и къ его двумъ эскад-

ронамъ велѣно прикомандировать третій изъ какого-то коннаго полка, стоящаго на квартирахъ въ Псковской губерніи: для составленія же цѣлаго полка велѣно ему набирать охотниковъ изъ московской вольницы, изъ буйныхъ молодцовъ, шатающихся по трактирамъ. Пробывъ шесть лѣтъ полицей-мейстеромъ, онъ очень хорошо зналъ простой народъ и былъ имъ любимъ, и потому ему было удобнѣе чѣмъ кому-либо исполнить сіе удачно. Въ концѣ іюня назначенъ онъ шефомъ, а въ началѣ сентября съ готовымъ почти полкомъ выступилъ онъ изъ Москвы въ городъ Порховъ, гдѣ ожидалъ его поступившій подъ его начальство старшій эскадронъ.

Спокойная, тихая жизнь кончилась тогда для бѣдной сестры моей. Для богатыхъ людей странствованіе болѣе забава чѣмъ тягость; для женъ не больно страстно любящихъ мужей своихъ, разлука съ ними есть несчастіе, которое они довольно великодушно переносятъ, но съ малымъ состояніемъ моей сестры и съ великою привязанностію ея къ мужу, она не могла имѣть другаго жительства какъ въ городишкѣ или селеніи, гдѣ находилась полковая его квартира. А въ бурныя времена Наполеоновы, гдѣ можно было долго оставаться на мѣстѣ? Гдѣ можно было чѣмъ-нибудь завестись? Малыхъ дѣтей, коимъ она хотѣла дать приличное воспитаніе и коихъ надѣялась сама быть наставницею, должна была или таскать съ собою по походамъ, или бросить на руки наемниковъ.

Въ началѣ этого года благодѣтель ея мужа, графъ Салтыковъ, скончался, и связи его съ семействомъ покойнаго фельдмаршала съ тѣхъ поръ почти были разорваны. Въ этомъ же году, другой начальникъ, также отечески къ нему расположенный, Беклешовъ, оставилъ службу. Никто его къ тому не неволилъ, старая столица любила его, государь его уважалъ; но чудно устроенная голова этого старика сама умѣла судить о своихъ силахъ и замѣтила ихъ ослабленіе. Никогда пары тщеславія не могли затмить его яснаго разсудка, и слѣдуя правилу имъ часто повторяемому, „что надобно служить да не переслуживаться,“ онъ настойчиво выпросилъ себѣ увольненіе. На его мѣсто опредѣленъ былъ Тимофеевъ Ивановичъ Тутолминъ, ровестникъ его, имѣвшій почти столько же ума, но не одного съ нимъ покроя. При Екатеринѣ, послѣднее время былъ онъ намѣстникомъ четырехъ западныхъ губерній, только что отъ Польши присоединенныхъ. Онъ не смѣлъ и подумать противиться намѣреніямъ

этой великой женщины ввѣренный ему край сдѣлать совершенно русскимъ. Но онъ любилъ жить по-царски, и самыя щедроты императрицы были недостаточны для поддержанія его пышности, а Поляки на колѣняхъ подносили ему золотъ и тѣмъ нѣсколько препятствовали быстротѣ переменъ ихъ происходящихъ. Десять лѣтъ пробылъ онъ потомъ в отставкѣ. . . . .

Послѣ берлинскаго посвѣщенія, болѣе чѣмъ политическіи союзъ, тѣснѣйшая дружба связывала императора Александръ съ королемъ прусскимъ. По обыкновенію своему, Наполеонъ уступилъ послѣднему не принадлежащій ему, чужой Ганноверъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ основалъ Германскій Союзъ подъ именемъ Рейнскаго, и объявивъ себя его главою, совершенно отдѣлилъ, выгородилъ Пруссію отъ Германіи. Послѣ того съ одной стороны подавала ей Франція всевозможныя поводы къ неудовольствіямъ, а съ другой Россія всячески возбуждала ее къ войнѣ. Имѣя двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ прекраснѣйшей арміи и позади себя сильную вооружающуюся Россію, она не замедлила объявить ее. Съ восторгомъ получили сіе извѣстіе въ Петербургѣ.

Матеріальныя силы Пруссіи были огромныя; великій порядокъ въ финансахъ, войско свѣжее, славно выученное нравственныхъ же силъ, кромѣ памяти о побѣдахъ великаго Фридриха и энтузіазма къ смѣлой, доброй, прекрасной королевѣ, въ семь составномъ государствѣ никакихъ не было. Основатель его великаго значенія въ Европѣ былъ и первымъ его развратителемъ: сражаясь съ Французами, побѣждая ихъ и ругаясь надъ ними, онъ у нихъ же перенималъ все то что ихъ древнюю монархію вело къ разрушенію. Въ всю мирную половину своего царствованія старался онъ офранцузить подданныхъ своихъ полуварваровъ и трудился надъ истребленіемъ между ими религіи, слѣдственно и нравственности. Преемникъ его, съ фанфаронскимъ манифестомъ пославъ стараго полководца, герцога Брауншвейгскаго, самъ гордо ополчился было противъ революціи, но отъ Вердена скрѣпѣй давай Богъ ноги. Тотчасъ потомъ призналъ онъ республику, сталъ жить въ добромъ согласіи съ террористами и растрю Сіеса имѣлъ при себѣ отъ нихъ посланникомъ. При обихѣ Вильгельмахъ, старомъ и молодомъ, Пруссія, забывшия въ сѣверный уголъ, всегда смѣялась тщетнымъ и благороднымъ

усиліямъ соперницы, нѣкогда госпожи своей, Австріи и никогда не хотѣла подать ей руку помощи. Невѣріе и несчастье между тѣмъ свободно распространялись по землѣ, устроенной и возвеличенной безбожнымъ царемъ: червь безнравственности все точилъ молодое, быстро растущее дерево; чтò удивительнаго если одинъ громовый ударъ сломилъ его! У насъ забыли про постыдный походъ Вильгельма II и ожидали Росбаха. Въ началѣ октября, вмѣсто Росбаха, была Іена.

Нѣтъ, столь счастливаго, столь блестящаго похода никогда еще Наполеонъ не дѣлалъ: лишь коснется крѣпости, она падаетъ передъ нимъ безъ защиты; лишь достигнетъ обступціи корпусъ, хватаетъ его руками. Отъ стыда Пруссіи покраснѣли наши щеки, каждое ея пораженіе какъ кинжаломъ ударяло насъ въ сердце: они не знаютъ того, неблагодарные, нынѣшніе наши ненавистники, какъ всѣ Русскіе въ душѣ своей тогда побратались съ ними. Уже не за Аустерлицъ, а за чуждую нашей чести Іену, кричали всѣ отмщеніе.

Въ ночи съ 3-го на 4-е ноября, разбудилъ меня пушечный громъ; я сосчиталъ болѣе ста выстрѣловъ и въ радости своей скоро не могъ потомъ опять заснуть. По утру узнали всѣ, что наследникъ, какъ говорили придворные, изъ учтивости пустилъ впередъ сестру свою, что опять не Росбахъ, а Іену, не сына Богъ далъ намъ, а дочь, и что зная сильное желаніе жителей столицы, не хотѣли вдругъ опечалить ихъ малымъ числомъ выстрѣловъ. Бѣдное дитя, названное по матѣри Елизаветою, было принято народомъ съ досадою какъ неудача: тѣмъ болѣе привязалась къ ней мать, которая однакоже, какъ и первую дочерью Маріею, была ею счастлива только полтора года.

Между тѣмъ дѣло шло не на шутку; въ первый разъ еще Французы начали близиться къ нашимъ границамъ; они были уже въ Мазовіи, то-есть въ бывшей Польшѣ, и ненавистью къ намъ ея жителей усиливались. Всѣ полагали что Пруссія по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ постоитъ за себя, а мы въ это время успѣемъ собрать всѣ силы, чтобы съ нею довершить пораженіе злодѣевъ, или въ случаѣ дурнаго успѣха, придти къ ней на помощь. Но Наполеонъ такъ скоро съ нею раздѣлался, что можно сказать засталъ насъ въ расплохъ, до того что главнаго не успѣли мы сдѣлать,—выбора надежнаго предводителя арміи. О ста-

риктъ Кутузовъ слышать не хотѣли; онъ провинился тѣмъ что молодые генераль-адъютанты на зло ему проиграли Аустерлицкое сраженіе. Итакъ въ оставленномъ Екатериною богатомъ славою магазинѣ надобно было отыскать другое орудіе для защиты отечества: послали на скоро въ Орловскую деревню за старымъ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Въ первый и въ послѣдній разъ является онъ въ моихъ запискахъ. Къ женѣ его, графинѣ Аннѣ Павловнѣ, когда-то коротко знакомой моей матери, раза два въ Москвѣ возила меня сестра, когда я учился еще въ пансіонѣ. Тутъ видѣлъ я графа Михаила Федотовича, и въ старости остроумнаго живчика, невысокаго роста. Послѣ того какой-то карточный долгъ, денежный расчетъ у брата моего Николая съ однимъ изъ его сыновей, прогнѣвалъ его на моихъ родителей, и всякое знакомство съ его семействомъ у насъ за тѣмъ прекратилось. Изъ Русскихъ былъ онъ почти одинъ, который въ первой молодости находился въ иностранной службѣ, для пріобрѣтенія опытности въ военномъ искусствѣ. Онъ прославился при Екатеринѣ въ обѣихъ войнахъ съ Турками, но она никогда его не любила за крутой и вмѣстѣ вспыльчивый его нравъ и за его жестокость. Она употребляла его и по гражданской службѣ. Разказываютъ, что когда онъ былъ генераль-губернаторомъ въ Рязани, однажды впустили къ нему съ просьбою какую-то барыню, въ ту минуту какъ онъ хлопоталъ около любимой суки и щенковъ ея клалъ въ полу своего сюртука, и будто взбѣшенный за нарушение такого занятія, въ бѣдную просительницу сталъ онъ кидать щенятъ. Увѣряли, что совершеннолѣтнихъ сыновей, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, приказывалъ онъ иногда тѣлесно при себѣ наказывать. За это, разумѣется, не хвалили его, но все признавали въ немъ ученаго тактика, неустранимаго въ бояхъ. Тогда, подражая Суворову, многіе изъ генераловъ гнались за оригинальнію; въ томъ числѣ и графъ Каменской, и этою юродивостію онъ еще болѣе раждалъ къ себѣ вѣру.

Какъ спасителя приняли его въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ его въ армію, пожелала его видѣть лежащая въ родахъ императрица: подходя къ постели, онъ согнулъ передъ ней колѣно и поцѣловалъ руку, которую она ему протянула. Обыкновенно скромная и воздержная въ рѣчахъ, она тутъ

съ жаромъ и чувствомъ говорила ему о защитѣ и спасеніи любезной ей Россіи, и ему казалось, какъ онъ сказывалъ, что онъ слышитъ небесный голосъ.

Около половины ноября чуть ли не первый разъ въ жизни сестра моя Алексѣева пріѣхала въ Петербургъ. Во всю осень съ малыми дѣтьми слѣдовала она за мужемъ и его полкомъ. Не доходя ста верстъ до Порхова, гдѣ она надѣялась отдохнуть, зять мой получилъ повелѣніе, не останавливаясь, идти далѣе въ Литву, на дорогѣ продолжать формированіе полка и прибывъ въ назначенное мѣсто, поступить въ одинъ изъ корпусовъ дѣйствующей арміи. Куда ей было дѣваться? Желая какъ можно ближе находиться отъ мужа и чаще имѣть объ немъ извѣстія, она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ. Можно себѣ представить въ какомъ расположеніи духа пріѣхала она въ него, послѣ первой разлуки съ мужемъ, которая могла сдѣлаться вѣчною, ибо хотя дѣйствія еще не начались, она знала что онъ шелъ на войну.

Я отыскалъ ей квартиру въ верхнемъ этажѣ одного изъ вновь построенныхъ высокихъ домовъ на концѣ Невскаго Проспекта, пройдя Литейную и не доходя Знаменія, и тамъ помѣстился съ нею вмѣстѣ. Знакомствъ имѣла она мало и ихъ не искала. Болѣе мѣсяца стояла погода петербургская, осенне-зимняя, когда о солнцѣ и слуха не бываетъ, когда морозъ спорить съ морскими, сырими, пронзительными вѣтрами, и мостовая покрывается навозомъ попеременно тающимъ и замерзающимъ. Въ это время года смертность обыкновенно умножается и для препровожденія времени могли мы нерѣдко любоваться похоронными процессіями, которыя мимо насъ тянулись въ Невскую Лавру. Все было грустно, все было мрачно.

Простое горе одно никогда не приходитъ; оно всегда влечетъ за собою великія печали. Скоро пришло къ намъ извѣстіе о первомъ семейномъ несчастіи, случившемся на моей памяти. Когда женщины или дѣвицы гибнутъ въ самой первой молодости, обыкновенно уподобляютъ ихъ цвѣткамъ, скошеннымъ неумолимою смертію, и какъ сравненіе сіе сдѣлалось ни пошло, я лучшаго здѣсь не нахожу. Въ нашемъ семействѣ зацвѣла недавно, не роскошная роза, не пышная лилея, а скромная фіалка, которая благоуханіе разливала только въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ. Невѣстка моя Варвара Ивановна наполняла тихую радостію весь домъ

моихъ родителей, въ немъ всѣ отъ души ее любили; но никто такъ утѣшенъ, такъ очарованъ ею не былъ какъ престарѣлый нашъ отецъ; двѣтокъ этотъ точно былъ приколотъ къ его сердцу. Она съ мужемъ выпросилась у него въ Воронежъ, чтобы время беременности и родовъ провести у родителей своихъ Тулиновыхъ. Тамъ дала она жизнь дочери Елизаветѣ, а сама лишилась ея на двадцатомъ году отъ роду.

Мы съ сестрой мало ее знали, но уже много любили. Еслибъ и этого не было, то глубокая скорбь, въ которую ввергнута была старость отца нашего, отчаяніе несчастнаго нашего брата должны уже были чувствительно насъ тронуть. Горесть вдовца описать не возможно; она равнялась счастью, коимъ онъ наслаждался. Всѣ ищутъ его, кто въ богатствѣ, кто во власти, кто въ житейскихъ удовольствіяхъ, а найдти его можно только въ одномъ, въ законной, постоянной, непорочной, взаимной любви. Кто можетъ такимъ образомъ обрѣсти его, тотъ, не покидая земли, стоитъ уже въ преддверіи рая. Двое сиротъ не могли даже утѣшить бѣднаго моего брата; оставаясь вѣренъ памяти жены, онъ до конца жизни своей все нылъ, все чахъ, все тосковалъ объ ней.

Въ этомъ печальномъ ноябрѣ, несмотря на многочисленную армію, которая прикрывала наши границы, увидѣли необходимость подумать, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, и о защитѣ внутреннихъ областей нашихъ. И для того 30 числа изданъ указъ, коимъ сзываются къ оружію отставные воинскіе чины и разныхъ сословіи люди, и изъ нихъ, въ видѣ резервной арміи, учреждается милиція или земское войско раздѣленное на семь округовъ. Зная какое сильное дѣйствіе производило имя Екатерины, какъ имъ одушевлялись еще всѣ Русскіе, въ окружные начальники избраны все люди, при ней извѣстные, ею уважаемые или употребляемые, и имъ подчинены генералы, военные губернскіе начальники. Въ Петербургъ назначенъ окружнымъ начальникомъ графъ Татищевъ, командовавшій некогда гвардіей, въ Москву военный губернаторъ Туголминъ, въ Курскъ графъ Орловъ-Чесменскій, въ Ригу Беклешовъ, которому не дали успокоиться и который при столь важныхъ обстоятельствахъ не отказался сослужить послѣднюю службу, въ Казань князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, въ Смоленскъ князь Сергій Феодоровичъ Голицынъ, въ Кіевъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій. Нѣкоторыя изъ отдаленныхъ губерній, въ томъ числѣ и Пен-

зенская, не должны были участвовать въ семь общемъ вооруженіи, за то обязаны были ставить болѣе рекрутъ. Чтобы завлечь молодыхъ людей гражданскаго вѣдомства въ милицію, данъ ей былъ красивый, щеголеватый мундиръ, и этотъ способъ былъ отменно удаченъ, особливо въ Москвѣ, гдѣ всѣ были увѣрены что неприятелю никогда до нея не добратся. Въ одно утро, къ удивленію моему, прислалъ за мною Сперанскій, котораго я уже давно не видалъ: съ каждымъ годомъ доступъ дѣлался къ нему затруднительнѣе, но меня тотчасъ пустили. Онъ съ злою улыбкой предложилъ мнѣ вступить въ милицію, изъ чего заключилъ я, что онъ смѣется надъ нею и надъ мною: мнѣ было досадно, и я отвѣчалъ ему, „что еслибъ чувствовалъ собственное побужденіе къ тому, то сталъ бы его о томъ просить, не дожидаясь его предложенія.“ Можеть-быть это было причиною что я не надѣлъ тогда полувоеннаго мундира.

Между тѣмъ Наполеонъ все подвигался; Данцигъ и крѣпость Грауденцъ не сдались ему, но не могли остановить его на Вислѣ: жалкіе остатки Прусской арміи примкнули къ русскому корпусу Беннигсена. Всѣ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали извѣстій изъ арміи.

Наканунѣ Рождества ихъ получили: они были тревожны и утѣшительны вмѣстѣ. Графъ Каменскій, послѣдній мечъ Екатерины, видно слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того позаржавѣлъ. Гемороидальные ли припадки, старость ли, или, слѣдствіе обѣихъ, страхъ подѣйствовалъ на него, только онъ вдругъ лишился разсудка. Едва успѣлъ принять онъ начальство надъ арміей, какъ внезапно отказался отъ него, наканунѣ перваго сраженія съ Наполеономъ, и написалъ неблагопристойное, сумасбродное письмо къ государю *. Старшій по немъ, Беннигсенъ, самъ собою принужденъ былъ вступить въ званіе главнокомандующаго, и 14 декабря (памятное число) при Пултускѣ одержалъ побѣду надъ Французами: такъ по крайней мѣрѣ доносилъ онъ о томъ и такъ всѣ въ Петербургѣ тогда, о томъ подумали. Нѣтъ нужды говорить, что послѣ того онъ утвержденъ главнокомандующимъ арміей.

Этотъ человекъ былъ не любимъ дворомъ и не смѣлъ по-

---

* Три года потомъ прожилъ онъ безвыѣздно въ Орловской деревнѣ. Правъ его тамъ не смягчился, онъ мучилъ крестьянъ, и одинъ изъ нихъ убилъ его топоромъ.

казываться въ Петербургѣ, какъ вдругъ не государь, а сама судьба вручила ему спасеніе государства. Но въ надежныхъ ли оно было рукахъ? Извѣстны были его искусство и храбрость, равно какъ и кротость, за которую любили его офицеры и солдаты; но она же могла произвести ослабленіе въ дисциплинѣ, что пагубно для арміи въ военное время.

Загадочная пултуская побѣда, повидимому, оставалась безъ результата; дѣйствія однакоже продолжались, но они скорѣе похожи были на маневры чѣмъ на битвы. Тѣснымъ Наполеономъ, Беннигсенъ пятился бокомъ вправо и вступилъ наконецъ въ настоящую Пруссію. Сія приморская земля, подобно нашимъ Курляндіи и Лифляндіи, отхвачена Нѣмцами у Славянъ и обитаема племенами, обоимъ народамъ чуждыми. Сдѣлавшись добычею тевтоническихъ рыцарей, жители какъ Пруссія такъ и Ливоніи приняли отъ нихъ кровавое крещеніе, и города ихъ названы нѣмецкими именами: какъ въ той такъ и въ другой магистры ордена сдѣлались независимыми владѣтельными герцогами. Но княжество Лифляндское вошло въ безчисленные титулы царя русскаго; Пруссія же ближе къ родимому краю дала свое имя всему изъ доскутъевъ сшитому государству. Хорошо, что мы плохо тогда знали исторію и географію, и читая въ реляціяхъ названія Морунгена, Ландсберга и другія, думали что Беннигсенъ Бонапарта погналъ назадъ въ Германію. Это насъ очень успокоивало.

Новыя поколѣнія находятъ непонятною, можетъ-быть смѣшною, живость участія, принимаемаго тогда нами, мирными гражданами, въ происшествіяхъ войны. Нынѣ едва изъ любопытства хотимъ мы узнать, сколь блестящи успѣхи нашего оружія или сколь великъ уронъ нами претерпѣнный въ отдаленной части Имперіи нашей или вдали отъ ея границъ. Тогда дѣло было другое: всѣ наши войны до Наполеона и послѣ него, даже при немъ, но не съ нимъ, возбуждали въ насъ мало опасеній; этому же искусному счастливцу удалось войну изъ коммерческой игры превратить въ азартную, и въ каждомъ съ нимъ сраженіи государство ставилось на карту.

Сестра моя довольно исправно получала извѣстія отъ мужа своего: онъ былъ, какъ говорится, лишь взять, то и повѣшенъ, aussitôt pris, aussitôt pendu; съ полкомъ своимъ еще некомплектнымъ, полувыученнымъ, полдустроеннымъ успѣлъ

онъ уже раза два побывать въ боевомъ огнѣ. При всеобщемъ тревожномъ состояніи и особенно среди печальнаго положенія сестры моей, нашли мы съ нею нѣкоторую отраду въ одномъ весьма пріятномъ сосѣдствѣ. Подъ нами жила одна дама, знакомствомъ съ которой семейство мое во время моего малолѣтства также обязано было Кіеву: это была Александра Петровна Х—ва, надъ изображеніемъ которой пріятно мнѣ будетъ потрудиться.

Никакого женскаго воображенія сильныя страсти такъ еще не восплаляли, никакого женскаго сердца такъ не волновали онѣ. Въ первой молодости выдали ее за человѣка глупаго, грубаго и порочнаго. Она родилась, выросла и провела первые годы замужства въ аристократическомъ мірѣ.

Она приняла всѣ его формы: ей мало того, она умѣла отличиться и отъ знатной толпы и стать выше ея. По французски писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыканткой и пѣвицей. Собою была не хороша, смолода круглый носъ ея начиналъ уже синѣть, но дурною быть, какъ кто-то сказалъ про Деліля, никогда не имѣла времени: до того всѣ черты лица ея отъ живости чувствъ были всегда подвижны и выразительны. И придворные, и дипломаты, и писатели, и Русскіе, и иностранцы, всѣ были у ногъ ея; она была молода въ царствованіе Екатерины, когда съ прекрасными манерами легкое поведеніе извинялось въ женщинахъ, и имѣла мужа, котораго не дѣлать рогоносцемъ право было бы грѣшно. Однакоже, такъ какъ ей надобно было въ жизни все перелюбить, то годъ, другой послѣ замужства страстно была она привязана къ его молодости и своему долгу. Онъ же первый началъ показывать ей презрѣніе, явно и подло сталъ измѣнять ей, искалъ въ низшихъ классахъ наемной любви и обрадовался, когда замѣтилъ что она отдалилась отъ него сердцемъ. Приговоры свѣта бываютъ обыкновенно столь же несправедливы, столь же слѣпо жестоки, какъ и законы всѣхъ уголовныхъ кодексовъ въ мірѣ; онъ требовалъ чтобы женщина исполненная огня, ума и талантовъ, на вѣки прикованная къ отвратительному истукану, умѣла казаться счастливою и быть вѣрною супругой. Что въ немъ ужаснѣе, онъ почти всегда щадитъ тѣхъ, кои находятся подъ защитою молодости своей, ея прелестей и выгодъ фортуны; но

состарься, обвѣдѣннѣй слабая женщина, тогда только беззащитную примется онъ терзать.

Мужъ X—ой прожилъ сначала ея приданое; потомъ проматывалъ второе или третье наслѣдство. Онъ самъ имѣлъ часто недостатокъ въ деньгахъ, жилъ однакоже съ женою подъ одною кровлей, никогда ея не видѣлъ, и готовъ былъ отказать ей въ малѣйшей помощи. Спасли ее отъ совершенной нищеты ея великодушiе и геройство; на улицѣ пала она къ стопамъ императора Павла и вымолила помилованiе преступному старцу, отцу невѣрнаго своего мужа. Тронутый симъ поступкомъ, свекоръ умирая завѣщалъ ей порядочное содержанiе и обязалъ сына выплачивать ей оное. Сiе дѣлалъ онъ не слiшкомъ исправно, и въ образѣ жизни ея часто проглядывала бѣдность; ей было тогда за сорокъ лѣтъ: гордая нечувствительность показывала видъ добродѣтельнаго негодованiя, посредственность всегда ей завидовала и стала клеветать на нее, и весь свѣтъ противъ нея вооружился.

Шокинутая имъ, она не унывала: въ уединенiи ей оставалось еще довольно занятiй и утѣшенiй. Ея гостиная и кабинетъ, не богато, но щегольски и со вкусомъ убранные, наполнены были художественными предметами, прекрасными рисунками лучшихъ артистовъ, поднесенными ими какъ дань удивленiя къ ней, разными рѣдкостями и древностями, путешестввенниками по Востоку и Европѣ ей на память оставленными. Почти каждый вечеръ въ сихъ комнатахъ собиралось прелюбезное общество, составленное по большей части изъ отборныхъ иностранцевъ, изъ малаго числа молодыхъ женщинъ, строгихъ къ себѣ и свисходительныхъ къ другимъ и изъ немногихъ Русскихъ, довольно образованныхъ, чтобы знать цѣну прiятностей такого дома. Между частыми посѣтителями его всѣхъ примѣчательнѣе были два брата, графы Местры, болѣе Французы чѣмъ Италiянцы. Старшiй, Иосифъ, находился у насъ посланникомъ жившаго въ заточенiи сардинскаго короля, былъ чрезвычайно умный человекъ, краснорѣчивый легитимистъ и бѣшеннѣйшiй католикъ, и написалъ, въ послѣдствiи, двѣ книги исполненныя изувѣрства, *Le Pape* и *Soirées de Pétersbourg*: довольно явно показывалъ онъ не любовь къ Россiи, и единственно только за ея схизму. Другой, Ксаверiй, въ русской службѣ полковникъ, былъ менѣе пылокъ, и хотя столь же серiозенъ и разсвѣянъ, но болѣе прiятель въ обществѣ; онъ авторъ разныхъ мел-

кихъ твореній въ стихахъ и прозѣ, между коими болѣе всего извѣстны: *Путешествіе вокругъ моей комоды* и *Прокаженный въ долину Аосты*. Навѣщалъ также Александру Петровну одинъ знатный баринъ, чудакъ князь Бѣлосельскій, и читалъ ей и обществу ея свои уродливо смѣшныя произведенія на русскомъ и французскомъ языкахъ. На этихъ вечерахъ никто не гонялся за умомъ, никто ни у кого его не требовалъ, почти у каждого было его про себя вдоволь, и непринужденно являлся онъ самъ собою въ разговорахъ: порывы веселости останавливались на самой границѣ благопристойности. Во всемъ этомъ было нѣчто единственное, безъ примѣровъ у насъ и безъ подражанія; только напоминало собою ученопріятныя собранія, бывшія до революціи у госпожъ Дюдефанъ и Жофренъ. Плохое освѣщеніе и скверный ужинъ довершали сходство съ вечерами этихъ парижскихъ дамъ.

Болѣе всего нравилась мнѣ въ этой милой X—ой ея непритворная и въ свѣтской женщинѣ тогда непонятная любовь къ своему отечеству. Кто изъ дамъ не пренебрегалъ тогда русскимъ языкомъ? Которая изъ нихъ читала на немъ что-нибудь? X—ва, по чувствамъ точно выше своего вѣка, рѣшилась сдѣлать первый опытъ и принялась на немъ писать. Я не назову примѣромъ для нея писанныя слогомъ семинариста оды княжны Екатерины Сергѣевны Урусовой. Въ двухъ цвѣткахъ, въ двухъ незабудкахъ, сю произведенныхъ, *Калина* и *Ручейки*, скорѣе Карамзинъ могъ служить ей образцомъ и одобреніемъ; однакоже и то должно, что онъ помогалъ ей въ ихъ сочиненіи; новыя, живыя идеи, небрежность съ коею они изложены и самыя ошибки противъ грамматики составляютъ всю ихъ прелесть.

Такого гибкаго ума, какъ въ ней, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ. Она ничѣмъ не гнушалась; съ такимъ же участіемъ, съ такимъ же вниманіемъ входила она въ сужденія съ попомъ, съ деревенскою барыней или съ степнымъ дворяниномъ, какъ и съ первымъ государственнымъ человекомъ; съ одними также готова была она толковать о соленихъ огурцовъ и грибовъ, какъ съ послѣднимъ о преніяхъ парламента; разговорный языкъ лучшаго свѣта былъ ей также знакомъ какъ и всѣ наши простонародныя поговорки. Обо всемъ умѣла она судить, правда довольно поверхностно, но всегда умно и пріятно.

И этой женщи́нѣ не знали у насъ цѣны. За клевету, за гоненія, за обиды она платила иногда веселыми эпиграммами, ей хотѣлось бы все любить и она сердилась какъ ребенокъ, когда ей мѣшали въ семь привычномъ занятіи, сама же до вражды никогда не умѣла дойти. Сострадательность была главною чертою ея характера; денегъ у нея не было и несчастнымъ помогала она не одними слезами, а неумолимою дѣятельностію; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ и съ мастерствомъ своимъ довольно часто являлась къ сестрѣ моей, которая посѣщала ее только по утрамъ. Я же ходилъ къ ней на вечера, за тѣмъ чтобы послушаться тамъ болѣе чѣмъ наговориться.

Наконецъ въ началѣ февраля 1807 года узнали мы о рѣшительной побѣдѣ надъ Французами при Прейсшъ-Эйлау 27 января. Казалось, что только этого извѣстія и ожидали; оно подало знакъ зимнимъ увеселеніямъ. Что ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служить четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ. Напротивъ того, Нѣмецъ Беннигсенъ, отколотивъ исполна, самъ изумленный чудомъ совершеннымъ не столько имъ какъ русскими солдатами, увѣренный въ невозможности новаго нападенія со стороны непріятели, захотѣлъ вкусить сладостное успокоеніе. По заочности судить трудно, особливо человѣку не принадлежащему къ военному ремеслу; однако же всѣ меня послѣ увѣряли, что Суворовъ и Кутузовъ такъ бы не поступили; не довольствуясь симъ пораженіемъ, они бы заставили Наполеона не по сю сторону Вислы, а за Олеромъ и можетъ быть за Эльбой расположиться на зимнихъ квартирахъ. . . . .

Не долго послѣ сего радостнаго извѣстія, оставались мы въ Петербургѣ. Убитый горестію братъ нашъ Николай находился тогда у родителей, и отецъ мой, приглашая къ себѣ почти столь же печальную дочь, приказывалъ мнѣ проводить ее въ Пензу: онъ надѣялся, что цѣлымъ семействомъ раздѣленное горе скорѣе облегчится. Между тѣмъ и не слишкомъ тяжеловѣсный кошелекъ сестры моей въ столицѣ довольно оскудѣлъ; мои финансы тоже были не въ самомъ луч-

шемъ состояніи. И такъ, полонъ надеждъ произведенныхъ во мнѣ успѣхами нашего оружія, и еще умноженныхъ выступленіемъ въ то время гвардіи, выѣхалъ я съ сестрой въ половинѣ февраля.

По прибытіи въ Москву, сестру мою взяло раздумье: ее ужасало пространство все болѣе и болѣе ее отъ мужа отдѣляющее. Она нашла добрую родственницу его, Дарью Ивановну Королькову, которую можетъ-быть читатель припомнить въ малолѣтствѣ моемъ и которая домъ свой за Сухаревою башней и самое себя отдала въ ея распоряженіе; подмосковная деревенька была близка и также могла прокормить ее. Недѣли двѣ колебалась она, какъ наступила ранняя весенняя погода; опасности пути послужили ей предлогомъ отложить свой выѣздъ. Тогда я долженъ былъ отправиться одинъ и сей послѣдній зимній путь совершилъ не весьма покойнымъ и пріятнымъ образомъ: подъ Муромомъ, на Окѣ, ледъ трещалъ подо мной и проливной дождь обливалъ меня сверху.

XIV.

Великимъ постомъ пріѣхалъ я въ Пензу, и великопостныя лица встрѣтилъ я въ моемъ семействѣ: при свиданіи со мной на минуту озарились они слабою улыбкой. Въ это самое время отецъ мой чуть было не сдѣлался жертвой самой подлой злобы людей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ отъ него собственноручное письмо, въ коемъ, съ тономъ оскорбленнаго самолюбія, жалуется онъ на претерпѣваемыя имъ несправедливости и проситъ исходатайствовать ему увольненіе отъ службы. Графъ Кочубей отвѣчалъ ему, что онъ не замедлилъ бы его просьбу представить на высочайшее усмотрѣніе, но что государь отправился къ арміи; а онъ, между тѣмъ, надѣясь, что отецъ мой переменитъ мысли, будетъ ожидать повторенія его требованія, чгобы препроводить его въ главную квартиру. Дѣло состояло въ томъ, что отецъ мой къ Кочубею совсѣмъ не писалъ и не думалъ еще тогда выходить въ отставку.

Въ канцеляріи его служилъ одинъ молодой человекъ не безъ способностей, проворный и дѣятельный, но самой дурной нравственности: особенно извѣстенъ онъ былъ искусствомъ подражать всякому почерку. Секретарь, надѣясь на его исправленіе, не выгонялъ его, а подвергалъ частымъ наказаніямъ. Губернскій прокуроръ перемазилъ его къ себѣ, сталъ ласкать его, пить и самъ иногда пить съ нимъ. Подъ пьяную руку, чтобы сказать въ рѣчу, видно, затѣяли они съ нимъ эту штуку. Полученный прокуроромъ отпускъ, поѣздка его въ Петербургъ, пріѣздъ его туда въ одно время съ полученіемъ мнимой просьбы отца моего не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ участія его въ семъ подлогѣ. Какова Пенза?

Послѣ письменнаго объясненія губернатора съ министромъ, дѣло завязалось довольно важное. Отецъ мой не могъ скрывать подозрѣній своихъ на прокурора, и кромѣ какъ по дѣламъ, никакого сношенія съ нимъ имѣть не хотѣлъ. Слѣдствіе продолжалось болѣе полутора года, благодаря искусству слѣдователей; наконецъ уличенный канцеляристъ сознался и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Я не могу однакоже не похвалить твердости, съ которою спасалъ онъ честь своего соблазнителя, котораго почиталъ онъ благодѣтелемъ своимъ.

Мнѣ было тогда не до Пензы и до ея жителей: я жаждалъ только побѣдъ, а все молчало изъ Петербурга и изъ арміи. Вотъ уже настала и весна, а государь все жилъ покойно съ королемъ прусскимъ въ какомъ-то Бартештейнѣ: королева же въ Кенигсбергѣ, какъ будто по доброй волѣ, во второй своей столицѣ. Да будетъ ли конецъ? думалъ я, а онъ, къ несчастію, былъ довольно близокъ.

По великой отдаленности отъ театра войны, не могли мы имѣть никакихъ частныхъ обстоятельныхъ объ ней свѣдѣній: изъ однѣхъ вѣдомостей дозволено намъ было узнавать одни оффиціальныя извѣстія. Публичности у насъ никакой не было, газетъ и журналовъ менѣе чѣмъ нынѣ, и они не слѣдили подобно европейскимъ, шагъ за шагомъ за политическими происшествіями. Вотъ почему, внутри Россіи, мы настоящимъ образомъ не знали объ опасности ей угрожающей. Только замѣтно было, что съ обѣихъ сторонъ приготавливаются, съ одной къ сильному нападенію, съ другой къ такому же отпору. Въ нѣсколько недѣль Наполеонъ успѣлъ

приобрѣсть неизчислимыя передъ нами преимущества: къ Франціи, Италіи и Голландіи, которыя у него давно уже были въ рукахъ, присоединилъ онъ почти всю Германію и часть Польши и все это вооружалъ противъ насъ: можно сказать что въ двѣнадцатомъ году Россія не въ первый разъ сражалась съ цѣлою Европой.

Одинъ разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, приходила къ намъ почта. Въ одинъ изъ сихъ понедѣльниковъ, въ самый Ивановъ день, когда начиналась Петровская ярмарка и собрались на нее дворянство и купечество, прочитали мы въ московскихъ газетахъ о сраженіяхъ происходившихъ 24 мая при Гутштатѣ и 29-го при Гейльсбергѣ. Ихъ выдавали за побѣды, и всѣ тому повѣрили. Я уже извѣрился, онъ мнѣ показались что-то сомнительны, однакоже я увидѣлъ въ нихъ по крайней мѣрѣ благопріятное начало военныхъ дѣйствій.

Самая медленность въ сообщеніи пріятныхъ извѣстій меня беспокоила; съ нетерпѣніемъ ожидалъ я 1-го іюля слѣдующей почты: ничего. Для развлеченія скорбнаго отца моего, уговорили его поѣхать на другую ярмарку, которая бываетъ вслѣдъ за Пензенской въ Нижнемъ-Ломовѣ и оканчивается 8-го іюля, въ день Казанской Богородицы. Онъ взялъ меня съ собою, и я опять увидѣлъ тутъ почтенное пензенское дворянство въ полномъ собраніи. Городокъ Ломовъ менѣе Саранска, домъ въ немъ плохи, но ярмарка была въ немъ значительнѣе и веселѣе, отъ того, если можно сказать, что была лагернѣе.

Тамъ за одинъ разъ узнали мы обо всемъ, и о Фридландѣ, и о свиданіи въ Тильзитѣ: письма и извѣстія вѣроятно до толѣ удерживаемыя такъ ко всѣмъ и посыпались. Насъ съ отцомъ поразило какъ громомъ, и развѣ только насъ однихъ; все прочее веселилось, шумѣло какъ бы ни въ чемъ не бывало. Что за толки услышалъ я, Боже мой! вотъ ихъ сущность: „Ну что жь, была война, мы побили непріятелей, потому они насъ побили, а тамъ обыкновенно, какъ водится, миръ; и слава Богу, не будетъ новаго рекрутскаго набора.“ Что такимъ людямъ до народной чести, до государственной независимости? Были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаешники, плясуны, цыганскія пѣсни, вотъ все ихъ блаженство. Лѣтъ пять спустя заговорили они другамъ языкомъ, но тогда дѣло дошло до ихъ личности, тогда схватило ихъ за живое.

Изъ Ломова поѣхали мы въ селеніе Лашму, къ одному весьма богатому помѣщику и славному гастроному, который приглашалъ насъ на именины супруги своей. Ихъ отпраздновали очень великолѣпно: хозяйка, барыня необъятной толщины, почиталась въ губерніи отменно тонкою въ политикѣ и любила о ней говорить. Съ веселымъ видомъ объявила намъ она, будто кто-то къ ней пишетъ, что Наполеонъ, *какъ любезный и учтивый Французъ*, за обѣдомъ въ Тильзитѣ налилъ бокаль шампанскаго и выпилъ за здоровье прусской императрицы. Мнѣ что-то и смѣяться не захотѣлось.

На Петербургъ, даже на Москву и на всѣ тѣ мѣста въ Россіи, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, тильзитскій миръ произвелъ грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное можетъ быть какъ порабощеніе ему, какъ признаніе его надъ собою власти. . . . .

Срокъ отпуска для меня давно уже прошелъ, но по роду службы моей на мнѣ бы не взыскали, еслибъ и годъ я просрочилъ. Отцу моему всегда неприятно было продолжительное пребываніе мое въ Пензѣ, онъ все надѣялся, что въ Петербургѣ мнѣ праздность скорѣе надоѣстъ; мнѣ самому любопытно было видѣть, что тамъ дѣлается послѣ столь важнаго происшествія, слышать, что говорятъ о немъ, и при первомъ словѣ о томъ, изъявилъ онъ согласіе на мой отъѣздъ. Супруги, находившіяся проездомъ изъ Саратова въ Москву, предложили мнѣ ѣхать съ ними въ четверомѣстной каретѣ, и мы отправились въ концѣ іюля.

Здѣсь нашель я сестру; она все сбиралась ѣхать въ Пензу, но возобновеніе войны и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій миръ ее остановили. Мужъ ея чрезвычайно отличился въ эту войну, находился во всѣхъ дѣлахъ, дрался храбро, и былъ столько счастливъ, что ни разу не раненъ, если не считать легкой контузіи, полученной въ послѣднемъ дѣлѣ. За то награжденъ онъ былъ Аннинскимъ брилліантовымъ крестомъ на шею, владимірскимъ третьей степени, чиномъ генераль-майора и золотою шпагой съ брилліантами и съ надписью за храбрость. Онъ увѣдомлялъ жену, что армія, перешедшая подъ начальство графа Буксгевдена, идетъ въ Витебскъ, чтобы тамъ расположиться лагеремъ и оттуда разойтись по другимъ мѣстамъ государства, и звалъ ее туда къ себѣ. Привыкнувъ

жить на одномъ мѣстѣ, она не приобрѣла еще того мужества, съ коимъ послѣ такъ легко было ей странствовать одной, и просила меня быть ея проводникомъ. Несмотря на довольно большой, предстоящій мнѣ крюкъ, мнѣ пріятно было сдѣлать ей угодное и желательно увидѣть обломки той храброй арміи, которую почти безъ предводителя, въ продолженіе одной недѣли, въ трехъ большихъ сраженіяхъ, громилъ Наполеонъ и едва могъ принудить къ отступленію.

Только одинъ разъ въ жизни проѣхалъ я по этой дорогѣ. Я любовался на ней тучными пажитями, тѣнистыми лѣсами, цвѣтущимъ состояніемъ селеній, устройствомъ и видомъ изобилія нѣкоторыхъ городовъ, и въ голову не приходило мнѣ думать, что не далеко время, въ которое чрезъ сіи мѣста война промчится взадъ и впередъ со всѣми ужасами опустошенія. Я жалѣю теперь, что не посмотрѣлъ внимательнѣе на Можайскъ и на его окрестности. Въ Гжатскѣ остановилъ сестру мою, чѣмъ-то обязанный ея мужу, богатый купецъ Григорій Петровичъ Чороковъ и въ бѣлокаменномъ домѣ своемъ, внутри чрезмѣрно испещренномъ, роскошно насъ угостилъ: въ Вязьмѣ надѣялся я полакомиться пряниками и не успѣлъ ихъ найти; Дорогобужа что-то совсѣмъ почти не помню.

Въ Смоленскѣ пріѣхали мы ночью и остановились въ плохомъ домикѣ какого-то бѣднаго предмѣстія. Я уговаривалъ сестру пробыть въ немъ по крайней мѣрѣ сутки, чтобъ успѣть мнѣ осмотрѣть сей достопримѣчательный и старинный городъ: есть ли какая-нибудь человѣческая сила, которая бы могла удержать жену, вѣдущую на свиданіе съ мужемъ послѣ войны? По утру, пока закладывали лошадей, сбѣгалъ я на гору, чтобы составить себѣ какое-нибудь понятіе о Смоленскѣ. За Порѣчьемъ начинается Бѣлоруссія: при видѣ сей тощей земли и ея тощихъ жителей, грязныхъ корчмъ и содержателей ихъ, засаленныхъ Жидовъ, я началъ торопиться болѣе сестры, но палящій зной, измученныя лошади и сыпучіе пески чувство нетерпѣнія моего превратили въ сущую пытку. Подъ Велижемъ болѣе четырехъ верстъ не могли мы сдѣлать въ часъ.

На послѣдней станціи къ Витебску, куда пріѣхали мы 14 августа, приготовился я къ восхитительному зрѣлищу радостнаго свиданія двухъ супруговъ. И что же! одинъ мучительно болѣзною прикованъ былъ къ постелѣ; другая, не

предупрежденная о томъ, предалась страху и отчаянію. Какъ всѣ сѣверные жители, подверженъ былъ онъ гемороидальнымъ припадкамъ, которые при дѣятельной жизни такъ легко переносятся; во время зимней кампаніи долженъ былъ онъ часто дни проводить на лошади, ночью валяться на снѣгу среди бивуаковъ, и отъ замерзанія спастись ромомъ; это воспалило кровь его, полученная имъ контузія пуце раздражила болѣзнь, все бросилось въ одно мѣсто и произвело фистулу. Страданія его были жестоки; корпусные и дивизіонные доктора старались облегчить ихъ, не умѣя сладить съ столь серьезною болѣзнію. Стеченіе военныхъ чиновниковъ было ужасное, и зятю моему могли отвести только маленькую, тѣсную квартиру, и то какъ генералу, трудно больному. Ничто не предвѣщало мнѣ пріятнаго пребыванія въ Витебскѣ.

Вдругъ бросить сестру было мнѣ невозможно, разсвѣяностей искать трудно, ибо изъ военныхъ, всѣ знакомства мои были въ гвардіи, а тутъ надобно было дѣлать новыя. Оставалось мнѣ только посѣщать публичныя мѣста: и тѣ въ коихъ веселятся, и тѣ въ коихъ молятся.

Сперва пошелъ я вечеромъ въ небольшой садъ, посреди города, для ежедневныхъ прогулокъ его жителей на высокой горѣ, надъ Двиною, устроенный. Было людно и тѣсно, а для меня довольно весело: играла военная музыка и надъ толпами возвышалась роща изъ султановъ. Никого не зная и никѣмъ не знаемый, ходилъ я какъ въ маскарадѣ и видѣлъ прекрасненькія маски. Я прислушивался къ разговорамъ панночекъ, и съ удовольствіемъ внималъ польскому языку, который я всегда такъ любилъ въ женскихъ устахъ и который мнѣ напоминалъ мое ребячество.

На другой день почти то же общество увидѣлъ я въ дворянскомъ клубѣ или благородномъ собраніи, не знаю какъ называли эту обыкновенную принадлежность всѣхъ губернскихъ городовъ. Зала публичныхъ увеселеній была не великолѣпная, просто выбѣленная, длинная и широкая, но низкая и съ двухъ сторонъ вся въ окошкахъ, какъ оранжерея. Мнѣ показалось, что я обращаю на себя вниманіе какъ одѣтый во фракъ, ибо подобныхъ мнѣ можно было пересчитать; все было генеральство да офицерство. Дамъ было также довольно, но господа помѣщики этого края, который болѣе другихъ однакоже обрусѣлъ, видно и тогда не очень полюбивали Русскихъ и не охотно дѣлили съ ними время. Графъ

Буксгевденъ своимъ присутствіемъ не удостоилъ сего бала, а только семейство свое прислалъ на него.

Въ семь окатоличенномъ городѣ божественная литургія на русскомъ языкѣ производилась въ единомъ храмѣ и только однажды въ недѣлю, по воскреснымъ днямъ. Прекрасный и просторный соборъ выстроенъ былъ нашимъ правительствомъ не на концѣ Витебска, а вѣвъ его; при Екатеринѣ и при Потемкинѣ все думали объ увеличеніи городовъ и полагали, что ихъ края со временемъ непременно должны сдѣлаться серединой, а Полякамъ пріятно было видѣть что изгнанное православіе едва осмѣливается показывать себя у вратъ городскихъ. Въ первое воскресенье пошелъ я помолиться и посмотрѣть на народъ православный; его было много; христіюбивое воинство наполняло всѣ окрестныя мѣста. Когда обѣдня кончилась и стали расходиться, одинъ молодой воинъ увидѣлъ меня въ толпѣ и бросился обнимать. Я обрадовался бы тутъ всякому хорошему знакомому, еслибъ онъ былъ и не графъ Александръ Кутайсовъ.

Какъ объ немъ еще не сказалъ я ни слова, право не понимаю. Гдѣ-то, помнится въ домѣ Демидовыхъ, встрѣтился я съ нимъ и познакомился; послѣ того видѣлъ его часто; но это продолжалось не долго, изъ гвардейской артиллеріи перевели его въ армейскую. Все то что можетъ льстить только тщеславію, все то что можетъ жестоко оскорбить самолюбіе, все то испыталъ онъ почти въ ребячествѣ. Сынъ любимца Павла Перваго, который и на все семейство сыпалъ свои милости, въ шестнадцать лѣтъ сдѣланъ былъ онъ полковникомъ. Послѣ перемѣны царствованія, всякій почиталъ обязанностію лягнуть въ падшаго фаворита; онъ спѣшилъ удалиться за границу, а жену и дѣтей оставилъ въ Петербургѣ на жертву ненависти и презрѣнія. Однакоже на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшаго сына его ни одинъ дерзкій, гордый взглядъ не смѣлъ подняться. Какъ этотъ мальчикъ не давалъ счастья баловать себя, такъ и передъ несчастіемъ не повикнулъ онъ головой; какъ бы не замѣчая никакой перемѣны, онъ столь же ясно и привѣтливо смотрѣлъ на людей, когда они оказывали ему холодность, какъ и тогда какъ они ласкались къ нему; безъ всякихъ усилий, обнажая только душу свою, онъ кончилъ

тѣмъ что всѣхъ обворожилъ. Онъ славно зналъ артиллерійскую науку и прилежно ею занимался; въ музыкѣ же и въ поэзи видѣлъ только для себя забаву, но и онѣ ему дались: какъ чудесно онъ выражался! у него былъ какой-то особенный, свой собственный языкъ, простой, для всѣхъ понятный, а неподражаемый. Что удивительнаго, если всѣ женщины были отъ него безъ ума, когда мужчины имъ плѣнялись! Не знаю кого бы онъ не любилъ, но нѣкоторыхъ любилъ болѣе прочихъ, и мнѣ кажется, что я былъ въ числѣ ихъ.

На войнѣ прославился онъ мужествомъ и талантами: подъ Прейсишъ-Эйлау, въ генеральскомъ чинѣ, командовалъ онъ почти всею артиллеріей и батареями своими болѣе всѣхъ наносилъ вредъ французской арміи. Какъ пріятно было мнѣ увидѣть сего милаго мнѣ юношу, годомъ или двумя меня постарѣе, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ посадилъ меня въ коляску, повезъ къ себѣ въ лагерь и почти насильно оставилъ у себя обѣдать.

Въ большой ставкѣ гдѣ мы усѣлись и въ которой накрытъ былъ длинный столъ, черезъ нѣсколько времени, начали собираться подчиненные Кутайсова, артиллерійскіе штабъ- и оберъ-офицеры. Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его чрезвычайно искуснымъ, еслибы не зналъ что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное. Въ лагерь, въ фамиліарствѣ его съ людьми, изъ коихъ половина была старѣе его, чувствительно было начальство; они же откровенно свободно съ нимъ разговаривая, ни на минуту не забывались передъ нимъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его: въ немъ была какая-то магія.

Я пробылъ еще нѣсколько времени въ Витебскѣ и почти каждый день, иногда и пѣшкомъ, посѣщалъ этотъ лагерь, который былъ въ двухъ верстахъ отъ города. Вокругъ Кутайсова было все такъ живо, такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пристойно, какъ онъ самъ; молодыя дамы могли бы не краснѣя находиться въ его военномъ обществѣ. Прибавить ли къ тому еще одно, чему нынѣ съ трудомъ повѣрять: всѣ эти воины, окуренные пороховымъ дымомъ, не знали табачнаго; у Кутайсова не было ни одной трубки. Я болѣе его не видѣлъ: вскорѣ потомъ умеръ онъ героемъ, какъ умереть

ему надлежало. Спасибо Жуковскому что онъ въ прекрасныхъ стихахъ сохранилъ память о столь прекрасномъ существованіи; безъ него простылъ бы и слѣдъ такого диковиннаго человѣка.

Приближеніе осени заставляло меня торопиться, я согласился остаться съ сестрою только день ея именинъ 26-е августа, а 28-го, по бѣлорусскому тракту, отправился въ Петербургъ.

Симъ обратнымъ путешествіемъ хочу я заключить вторую часть моихъ записокъ. Наступилъ второй періодъ царствованія императора Александра. . . . .

Въ этомъ же году вступилъ я въ законное совершеннолѣтіе, кончилась первая моя юность, а ее только одну признавалъ я всегда за настоящую. Уже румянецъ началъ спадать съ моихъ щекъ, и густой, черный волосъ заступилъ мѣсто нѣжнаго пуха на подбородкѣ моемъ; вошедъ въ лѣтніе годы моей жизни, сталъ я сильнѣе любить, за то глубже и постояннѣе ненавидѣть, чаще сердиться, рѣже смѣяться, рѣже и плакать: все миновалось. Прости же, моя молодость, время дорогое, золотое, невозвратное, вѣчно памятное! Кто не жалѣлъ о тебѣ, но признаюсь, увя, кто болѣе меня? Всѣ истинныя, сердечныя радости зналъ я только съ тобою. Благодарю тебя, молодость, за неоцѣненные дары твои, за друзей, коихъ дала ты мнѣ и коихъ большая часть вмѣстѣ съ тобою отъ меня удалились, за нѣжные взоры, за безкорыстную, непритворную ко мнѣ любовь, за которую тебѣ же я обязанъ, и которая вслѣдъ за тобою отъ меня скрылась. Благодарю за все, за все, даже за горести, тобою мнѣ посланныя и тобою же услажденные.

Вотъ этимъ, кажется, бредилъ я дорогой. Въ день выѣзда моего изъ Витебска, къ вечеру, погода перемѣнилась, пошелъ дождь, и за одну ночь лѣто превратилось въ холодную осень. Я былъ, какъ говорится, на лѣтнемъ ходу, ничего мною не было теплаго и въ Великихъ Лукахъ почувствовалъ я первый легкій ознобъ; меня напоили чаемъ съ виномъ, мнѣ показалось что я согрѣлся, но это былъ лихорадочный жаръ. Пароксизмы возобновлялись и проходили; я все упрямяствовалъ вхать. А что за погода! что за дорога! На деревянной мостовой бревешки прыгали подо мной какъ клавиши. Когда приходило на меня безпамятство, слуга при

мнѣ находившійся бралъ на себя останавливать меня. Въ Лукѣ сдѣлалось мнѣ такъ дурно, что я самъ рѣшился остановиться. Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ и не жалѣлъ о жизни; молодость моя прошла, а безъ нея, казалось мнѣ, на что мнѣ жизнь. Однакоже мнѣ отлегло и рано по утру 2 сентября пріѣхалъ я въ Петербургъ.
